

Илья Голенищев-Кутузов

ДАНТЕ

Серия: Жизнь замечательных людей
Издательство: Молодая гвардия
1967 г.

Книга посвящена Данте Алигиери (Dante Alighieri), знаменитому итальянскому поэту XIII в.

- Глава 1. Город на берегу Арно
- Глава 2. Потомки рыцаря Каччагвиды
- Глава 3. Ученая Болонья
- Глава 4. Сицилийцы и сладостный новый стиль
- Глава 5. Новая жизнь
- Глава 6. Смерть Беатриче
- Глава 7. Судьбы Флоренции во второй половине XIII века
- Глава 8. Святые и грешники
- Глава 9. Черные и белые
- Глава 10. Гражданская война
- Глава 11. По стопам изгнанника
- Глава 12. Пир
- Глава 13. О народном красноречии
- Глава 14. В замках Маласпина
- Глава 15. Генрих VII в Италии
- Глава 16. Мечта о всемирном государстве
- Глава 17. Последние странствования
- Глава 18. Неумолимая справедливость
- Глава 19. У Кан Гранде
- Глава 20. Восхождение
- Глава 21. Равенна
- Глава 22. Музыка космоса
- Основные даты жизни и творчества Данте
- Примечания

Глава 1. Город на берегу Арно

В дни Юлия Цезаря римляне, разрушив этрусское Фьезоле, на берегу Арно построили военный лагерь и назвали его Флоренция. Новое поселение, как всякий римский город-крепость, имело форму четырехугольника. Древние стены, сложенные из небольших кирпичей, двенадцать веков защищали жителей Флоренции, ставшей в средние века людным торговым городом. После крестовых походов, когда оживились торговые связи Запада и Востока, флорентийские купцы и ремесленники сумели использовать преимущества своего выгодного географического положения. Арно была тогда полноводной и глубокой, и корабли флорентийцев могли спускаться по реке к самому морю.

На единственном мосту через Арно, широком и крепком, предназначенном для тяжелой поступи легионов, в незапамятные времена появилась грубо высеченная конная статуя с мечом в руках. Средневековые горожане называли ее Марсом, по имени языческого бога войны и планеты, под знаком которой возник город. В эпоху варварских нашествий отряды Тотилы разрушили Флоренцию и всадника сбросили в реку. При Карле Великом, когда город начал заново отстраиваться, каменного стража Старого моста вытащили из воды. Не только суеверные простолюдины, но и образованные флорентийцы, как Данте и его наставник Брунетто Латини, верили в дурное влияние первого языческого патрона города. Братоубийственные побоища в стенах Флоренции объясняли влиянием Марса. Это она, красная планета, возбуждала гражданские распри и войны, вызывала бури и мятежи. Ее кровавым цветом окрасился даже герб республики: белая лилия стала алой.

В середине XIII века центр города еще окружали античные стены с четырьмя воротами, глядящими на четыре стороны света. Северные находились неподалеку от епископского дворца и потому назывались вратами епископов. Южные ворота, как и небольшая церковка перед ними, носили имя святой Марии, покровительницы этого входа. Кроме главных входов, были еще малые ворота, которые вели в монастыри и к владениям крупных собственников.

Характернейшей особенностью пейзажа средневековой Флоренции было великое множество башен разной вышины и размеров, обрамленных зубцами, с узкими щелями бойниц. Их островерхие макушки видны были путникам задолго до того, как они приближались к городским стенам. Если в античные времена над укреплениями высились всего четыре сторожевые башни, по одной в каждой четверти города, то в годы жизни Данте число их превышало полторы сотни. Башни росли над домами и кварталами, где жили феодалы, добровольно обосновавшиеся в городе или же переселенные в него силой. Воздвигались башни и объединениями горожан-пополанов для защиты от внутренних врагов. Когда в XIII веке горожане вошли в силу, они разрушили надменно устремившиеся в небо высотные постройки феодалов. Снесенные верхушки у башен грандов знаменовали победу коммуны внутри города, так же как скрытые замки во флорентийской округе свидетельствовали о торжестве города-государства Флоренции над феодалами своего контадо.

В XII и XIII веках флорентийцы приступили к строительству мостов, чтобы соединить старый город с противоположным южным берегом реки, где возникли новые поселения, главным образом бедного люда. Самое восточное предместье за Арно долгое время оставалось поселком лачуг и трущоб. В XIII веке там выстроили свои монастыри недавно учрежденные ордена нищенствующих монахов: францисканцев и доминиканцев.

Бурно развивавшиеся ремесла и торговля привлекали во Флоренцию все большее количество пришельцев. Город стремительно рос и не уместился в старой ограде. В 1172 году пришлось обнести его второй стеной, которая поглотила пригороды, разросшиеся на западе и на востоке. Теперь, в новых своих границах, город был защищен водой: вверх по течению от Понте Веккио (Старого моста) в Арно вливалась небольшая речка Муньоне, один из рукавов которой подходил к старой стене, а с остальных сторон подступы к стенам оберегали глубокие рвы. Но и в этих пределах городу скоро снова стало тесно, и коммуна приступила к постройке третьего по счету пояса стен. Когда знаменитый проповедник доминиканского ордена Джованни из Виченцы, слывший чудотворцем, явился во Флоренцию, то народ, как рассказывается в хронике брата Салимбене, закричал: «Ради бога, зажмите ему рот! Он воскрешает мертвых, а у нас и для живых не хватает места». Город на Арно, имевший в начале XIII века десять тысяч жителей, к концу жизни Данте увеличил свое население до девяноста тысяч. Только три города в Европе превосходили его: Кордова, Палермо и Париж.

События времен Римской империи и варварских завоеваний мало интересовали современников Данте. Для флорентийца XIII века история начиналась с эпохи восстановления Западноримской империи, то есть с конца VIII столетия, когда франки Карла Великого, выгнав завладевших Италией лангобардов, поделили Тоскану на феодальные владения. На холмах и скалах предгорий Апеннин выросли мощные замки феодальных сеньоров.

Как повсюду в Европе, крепнущие тосканские города медленно и упорно отвоевывали у епископов права на самоуправление. Они привлекали к себе поселенцев тем, что давали свободу от феодального угнетения крестьянам, бродягам, странствующим купцам и прочему неприкаянному люду.

В XII веке не Флоренция, а Лукка была столицей обширного Тосканского графства. Его владелица, бездетная маркграфиня Матильда, завещала свой феодал папе. Но римские первосвященники оказались не в состоянии реализовать права, полученные по завещанию, и одолеть нараставшие центробежные силы богатевших городов и вассальных феодалов. Образовавшиеся на территории Тосканы города-государства, республики и тирании, медленно поглощали окружающие их феодальные владения и создавали собственные правительства. Лукка, Сьена, Пиза уже в XII веке имели вполне выраженное самоуправление, Флоренция — только в XIII.

Недолго продолжалась во Флоренции власть всенародного вече, которое созывалось звуками колокола на площадь и решало важнейшие дела города. Выделившаяся из самых богатых горожан верхушка — патрициат — постепенно забрала бразды правления в свои руки. Власть перешла к консулам и к Совету ста, составленному из «лучших людей» города. В это время бывшие вассалы маркграфини Матильды, почувствовав независимость и безнаказанность, разбойничали на больших дорогах и нападали на торговые караваны. Среди них были семьи, которые в недалеком будущем сыграют очень большую роль в истории города, как, например, графы Гвиди, графы Альберти, Буондельмонти, Уберти, Фрескобальди, Донати, делла Белла. Флоренция, воюя с ними, смирила гордых феодалов и заставила их переехать в город, где они должны были жить по крайней мере четыре месяца в году. Те же, кто не подчинился коммуне, жестоко расплачивались за свою строптивость: Флоренция разрушала их замки, а земли конфисковывала и присоединяла к своим владениям. Не удалось справиться только с мощными феодалами, гнездившимися в горных долинах Апеннин.

Таким образом, в течение нескольких десятилетий город завладел всем Флорентийским графством, которое стало территорией Флорентийской республики. Флоренция подчинила своей власти или своему влиянию также небольшие соседние городки Фьезоле и Сан Джеминьяно, и даже Пистойю, сохранившую, впрочем, некоторую независимость.

Желая ослабить феодалов своего контадо, а также обеспечить потребности растущей промышленности в дешевой рабочей силе, а население города в продовольствии, коммуна приступила к освобождению крестьян на территории республики. В постоянном притоке рабочих нуждалось прежде всего флорентийское сукноделие. Берега Арно и ее притоков покрылись мастерскими по переработке шерсти. Флорентийские сукна, сперва неокрашенные, затем окрашенные, самой тонкой выделки, наводнили рынки Италии и Европы. Ловкие купцы немало наживались и на торговле изделиями искусных флорентийских ювелиров, оружейников, ткачей. Но не только своей торговлей и ремеслами богатела Флоренция.

Флорентийцы прославились по всей Европе как банкиры, заимодавцы, ростовщики. Их можно было встретить у подножия трона святого отца, папы, во Фландрии, в Испании и на Британских островах. Папа Бонифаций VIII как-то весьма ядовито заметил о вездесущих флорентийцах, всюду проникающих и всюду торгующих, оказывающих влияние на королей и сильных мира сего, что не четыре, а пять элементов существует на свете: вода, земля, воздух, огонь и флорентийцы.

Первоначальный капитал составлялся безжалостным ростовщичеством. Все кто мог давали деньги в рост; давали охотно полуразорившимся феодалам под залог земель и даже епископам, которым принадлежали небольшие города и другие владения. Предположим, что епископу нужен был золотой кубок для подарка кардиналу в Риме или феодалу — константинопольские ткани, драгоценности, пряности, духи, — все это можно было найти во Флоренции у оборотливых купцов. Заимодавец никогда не делал кислого лица, когда должник приходил без денег в срок уплаты векселя. Долговое обязательство можно было продлить у нотариуса еще на полгода или на год, но за это приписывались к сумме долга огромные проценты. Если должнику снова были нужны деньги, ему снова их охотно ссужали. Когда же и самому должнику становилось ясно, что заплатить он не в состоянии, ему приходилось уступать заимодавцу часть своих владений. Таким образом немало феодальных и церковных земель перешло в руки флорентийских ростовщиков. Так обогатились Кавальканти, которые были, по-видимому, сами феодального происхождения, так разбогател Джанфилиацци, ссужавший деньги королям под залог драгоценностей и слывший первым ростовщиком Европы.

Ростовщичество — излюбленный его соотечественниками способ умножения богатств — Данте ненавидел от всей души и считал нечестным. В своей поэме он сделал его одним из самых гнусных и наиболее строго караемых пороков. А могущественных флорентийских финансовых воротил поэт представил в семнадцатой песне «Ада» в образе шелудивых, покрытых грязной коростой тварей, уподобив их скребущимся собакам. И точно обозначил каждого фамильным гербом, вышитым на мошне, свисавшей на грудь: лазоревый лев на желтом поле говорил о принадлежности к флорентийским Джанфилиацци, а белый гусь на красном поле — к семье банкиров Убриакки.

В XIII веке Италия раздиралась борьбой гвельфов и гибеллинов. Существует много преданий и анекдотов о происхождении этих политических группировок и начале их распри, ставшей основным

содержанием итальянской истории в продолжение нескольких столетий. Борьба гвельфов и гибеллинов, в сущности, сводилась к тому, что окрепшие итальянские города-коммуны не желали быть подвластными императорам священной Римской империи, в состав которой входила Италия, предпочитая протекторат папы. Они нередко признавали верховными резидентами своих городов королей и принцев французской крови, которых им рекомендовал папа, стремясь, впрочем, обрести автономию под эгидой святого отца. За этой политикой — не всегда дальновидной, исходившей нередко из узкоместных потребностей и менявшейся в зависимости от обстоятельств — стояли экономические и торговые интересы городов и городского патрициата. Так, например, Флоренция была связана с рынками и кредитами во Франции, поэтому интердикт (отлучение от церкви, которое папа мог наложить на город) нанес бы страшный удар торговым путям республики на западе Европы и подорвал ее финансы и промышленность.

Купечество многих городов, и в первую очередь Флоренции, причисляло себя к гвельфам и держало сторону римского первосвященника. Гвельфским стал также юг Италии, подпавший под власть династии Анжу после победы над последними Гогенштауфенами в середине XIII века. Не следует думать, что гибеллинами были только феодалы и городские патриции, — гибеллинскими были целые города, которым покровительство папы было не нужно, как, например, Пиза, ведущая свою торговлю с Востоком и конкурировавшая с Флоренцией. Гибеллинами была также часть интеллигенции: юристы и правители городов, образованные нобили и просвещенные купцы. Исповедовали гибеллинизм и приверженцы различных еретических движений, также видевшие в императорской власти единственную силу, способную противостоять ненавистной власти римских первосвященников.

Пути флорентийской истории времен Данте определили в значительной степени две битвы: при Монтаперти и Вене-венте. Первая, при Монтаперти, произошла еще до рождения поэта, 4 сентября 1260 года. В этот день гибеллины во главе с королем Манфредом, сыном императора Фридриха II, наголову разбили вооруженные силы республики. Как рассказывают авторы хроник, замешательство среди флорентийских гвельфов было вызвано изменой Бокка дельи Абати, который отрубил руку знаменосца коммуны Якопо де Пацци. Увидя, что знамя города упало, флорентийцы дрогнули и обратились в бегство.

Образы страшной битвы при реке Арбии («истребленья, окрасившего Арбию в багрец»), память о которой была свежа во Флоренции в годы детства и отрочества Данте, населили воображение великого поэта и первую кантику его «Комедии». В самых глубоких безднах ада, где казнятся предатели родины и своей партии, медленно продвигаясь по вечному льду, Данте нечаянно задевает ногой какую-то вмерзшую по шею человечью голову. «Ты что дерешься? — вскрикнул дух, стеная. — Ведь не пришел же ты меня толкнуть, за Монтаперти лишний раз отмщая». На вечные муки в ледяной могиле поэт осудил изменника своего родного города — дельи Абати.

Упоенные победой на Монтаперти гибеллинские вожди, чтоб ее закрепить, решили снести с лица земли неприятельскую Флоренцию и изгнать ее жителей. Намерению разрушить родной город воспротивился флорентиец Фарината дельи Уберти. Личность этого предводителя гибеллинов производила сильное впечатление на современников. По описанию хроники Филиппо Виллани, Фарината был высокого роста, лицо его было мужественно, руки и ноги сильны, облик величествен. Он обладал ловкостью военного, речи его звучали складно, советы удивляли быстротой и проницательностью. Он был смел, решителен и опытен в делах войны. Как писал позднее Бенвенуто д'Имола, один из первых комментаторов «Божественной Комедии», Фарината был последователем Эпикура и не верил в загробную жизнь. Он считал, что вся деятельность человека должна быть направлена на усовершенствование земной жизни. Церковь боялась этих идей: в 1283 году инквизиция посмертно осудила Фаринату и его жену, как еретиков, но Данте обессмертил его в стихах десятой песни «Ада».

После Монтаперти флорентийские гибеллины вернулись домой, но владычество их было непродолжительно. Оно окончилось оказавшимся для них роковым сражением на беневентском поле 1266 года, в котором погиб король Манфред. Данте в это время был один год. Распорядителями в Тоскане стали папские сторонники, возглавляемые принцем Карлом Анжуйским. Многие тосканские города признали верховную власть Карла, занявшего с помощью папы престол Неаполитанского королевства.

Когда выгнанные из Флоренции гвельфские вожаки вернулись, они начали мстить гибеллинам. После поражения сторонников Фаринаты при Беневенте власть во Флоренции больше не возвращалась к гибеллинам. Их партия была сломлена навсегда, но тем сильнее вспыхнули в городе «кровавой лилии» распри между самими гвельфами. Из живших в стенах города нобилей — бывших феодалов — далеко не все были гибеллинами, но многие, кто в силу семейных традиций, кто из соображений выгоды, принадлежали к главенствующей партии гвельфов. Понятие «магнат» или «нобиль»

постепенно приобретало новый смысл. Сильно обогатившиеся купцы и промышленники также стремились иметь рыцарей в своей среде. Это достигалось разными путями. Можно было получить рыцарское звание от какого-нибудь из гвельфских королей или владетельных князей. Посвящение в рыцари могло произойти по постановлению высшего городского управления (синьории). В этом случае обряд посвящения совершал подеста, номинальный глава правительства, обычно нобиль из знатной семьи другого города.

Во времена Данте флорентийцы прекрасно помнили, что семья Черки, например, совсем недавно пришла откуда-то из села. За несколько десятков лет оборотливые мужики стали одними из самых богатых людей во Флоренции. И хотя сам глава семьи и огромного банкирского предприятия Вьери, а также его сыновья получили рыцарское достоинство, в городе их по-прежнему продолжали называть деревенщинами и «лесными людьми». Вошли в обычай смешанные браки между непомерно разбогатевшими и претендующими на рыцарское звание пополами и старинной аристократией, постоянно нуждавшейся в деньгах. Во Флоренции различали нобилей по крови и нобилей по случаю. Впрочем, некоторые нобили-аристократы, как, например, Кавальканти, вовлекались в предпринимательство и ростовщические операции и золотили свой потемневший герб. В городе-республике твердо укоренилась гвельфская партия, но в самой ее среде происходило сословное расслоение.

Глава 2. Потомки рыцаря Каччагвиды

Если смотреть на современную Флоренцию с окружающих ее холмов и пригорков, трудно представить, как выглядел город в XIII веке. В кольцах стен теснились узкие улочки, иногда заканчивавшиеся просветом площадей. Колокольни многочисленных церквей не отличались высотой. В это время еще не было ослепляющего мрамора городского собора Санта Мария дель Фиори, достроенного уже после смерти Данте.

Группы домов образовывали кварталы с неясными очертаниями; между домами были небольшие дворики, где росли апельсиновые и лимонные деревья и смоковницы. В этих не огороженных заборами двориках отдыхали летом, занимались ремеслами и домашними делами. Часто двор переходил в другой двор или ограничивался садом какой-нибудь церкви или монастыря. Кое-где высились башни богатых и знатных.

В самом городе было мало растительности, но, как и в наши дни, за пределами городских стен радовала глаз темная зелень олив и можно было любоваться на прекрасные виды Фьезоле и отроги Апеннинских гор, зимой и ранней весной покрытые снегом. Богатые флорентийцы имели под самым городом значительные участки земли, часто с домом и башней, окруженные виноградниками.

В юго-восточной части города — Сан Пьер Маджоре, в приходе Сан Мартино дель Весково находился отчий дом Данте, который по похвальному флорентийскому обычаю был разрушен после его изгнания^[1]. Здания, которые показывают ныне любопытным туристам как «дом Данте», не что иное, как реконструкция XIX века. Это небольшая башня в четыре этажа и несколько двухэтажных домов, связанных между собой навесами и балконами. Невдалеке сохранилась подлинная современница дома семьи Алигьери — высокая и некогда грозная башня Кастанья, в которой первоначально собирались приоры цехов

За десять лет до рождения Данте неподалеку от его жилища была закончена постройка одного из самых мощных зданий Флоренции — дворца Капитана народа, называемого Барджело. В эпоху Возрождения палаццо украсили скульптурой знаменитых мастеров. Во времена Данте на внешних стенах Барджело вешали бунтовщиков, а если они были в бегах, искусные художники изображали их на стенах с веревкой на шее. Таким ремеслом занимался позже и знаменитый флорентийский живописец Андреа дель Кастаньо.

Во второй половине мая 1265 года, когда родился Данте Алигьери, величайший поэт Италии, Флоренция находилась под папским интердиктом, и в городе не звонил ни один колокол. Близ дома Данте слышался стук копыт тяжело вооруженных немецких рейтаров, которых привел с собой гибеллинский подеста граф Гвидо Новелла. Но вскоре рейтары и незадачливый градоправитель должны были спешно покинуть Флоренцию и уйти в горы во владения графов Гвиди. В городе распространились слухи о смерти короля Манфреда и страшном поражении, которое потерпели гибеллины близ Беневента. Эмигрировавшие гвельфы стали возвращаться во Флоренцию.

Данте с детства запомнил предание о том, что семья его происходит от римского рода Элизеев, участвовавших в основании Флоренции. Он слышал рассказы о прапрадеде Каччагвиде,

сопровождаяшем в походах на сарацин императора Конрада III (1138—1152). Император посвятил Каччагвиду в рыцари. Доблестный паладин пал в бою с мусульманами. Данте назовет в шестнадцатой песне «Рая» Каччагвиду «отцом», ни разу не упомянув имени своего отца Алигьери д'Алигьери. Каччагвида был женат на некоей даме из ломбардской семьи Альдигьери да Фонтана. Во Флоренции «Альдигьери» прозвучало как «Аллигьери» (с двумя «л»), а затем «Алигьери» (по-латыни — Алагьери). Этим именем, ставшим фамильным, назван был один из сыновей Каччагвиды, потомками которого были дед Данте Беллинчоне и отец — Алигьери (2-й). Воинственность и непримиримость в борьбе Данте унаследовал от Каччагвиды, политическую страстность от деда Беллинчоне, фанатичного гвельфа, не раз изгоняемого из Флоренции. Дед вернулся на родину в 1266 году после поражения императорской партии. Он изучил «трудное искусство возвращаться во Флоренцию», которое его великий потомок так и не постиг. Беллинчоне увидел годовалого внука и с удовольствием наблюдал, как его сторонники разрушают дома гибеллинов, которые были осуждены на изгнание; с этих пор власть во Флоренции окончательно перешла в руки гвельфов. Алигьери 2-й, отец Данте, по-видимому, оставался во Флоренции и в период владычества гибеллинов, — он, вероятно, не был замешан в политическую борьбу. Поэтому Данте родился во Флоренции, а не в чужом городе, как в начале XIV века сын флорентийца-изгнанника Франческо Петрарка.

В детстве Данте узнал не только легенды о древней Флоренции, которая еще не знала раздоров и наслаждалась патриархальными нравами, но также предания о Фьезоле, о битвах греков с троянцами, почитавшимися предками римлян и, следовательно, итальянцев. Различные сокращенные латинские версии гомеровой «Илиады» были излюбленным чтением средневековых флорентийцев. Жадно внимал Данте и повестям о кровавых преступлениях недавнего прошлого, о страшной мести, изгнаниях, тиранах, клятвопреступниках. Образы, поразившие воображение юного Данте, запечатлелись в его поэме.

Семья Алигьери в XIII веке была гвельфской. Во Флоренции каждый младенец рождением своим был как бы предопределен стать членом одной из двух враждующих партий. Приверженность к гвельфам наиболее влиятельных граждан Флоренции — крупных купцов, промышленников, банкиров, юристов — объясняется прежде всего их стремлением отстоять свою экономическую, а следовательно, и политическую независимость от одной из наиболее могущественных сил тогдашнего мира — империи. Гвельфы Флоренции искали опоры в папском Риме, а с 1266 года и в Неаполе, где воцарилась династия Анжу, враждебная империи. Флорентийская синьория стремилась также сохранять самые лучшие отношения с французскими королями, так как была связана тысячами уз и финансовыми интересами с Францией. На ее территории скрещивались к тому же торговые пути во Фландрию, Бургундию и Англию, которые поставляли сырье и являлись рынками сбыта для флорентийских торгово-промышленных компаний.

Из сохранившихся в архивах скудных документов о семье Данте нам известно, что Алигьери владели домами и участками земли во Флоренции и ее окрестностях. Отец Данте — вероятно, юрист, — как многие флорентийцы, давал деньги в рост, что не было зазорно в те времена. Об имени матери Данте и размерах ее личного состояния мы знаем из обширного, занимающего более десяти страниц печатного текста, документа, датированного 16 мая 1332 года. Этот акт, подписанный мировым судьей флорентийской коммуны Лоренцо ди Альберто ди Вилламанья, проливает свет на довольно сложные отношения ближайших родственников поэта. Приданое госпожи Белы, матери Данте, по этому акту наследуют сыновья поэта Пьетро и Якопо. Данте лишился матери в младенческие годы. Вскоре после ее смерти отец женился вторично на некоей госпоже Лапе Чалуффи. От этого брака родилось трое детей. Со своим единственным братом Франческо Данте был очень дружен и всегда жил в любви и согласии. Старый Алигьери умер до 1283 года.

Восемнадцать лет от роду Данте стал старшим в семье. На него легла забота о двух сестрах. Одну из них звали Тана (Гаэтана), другая, чье имя нам не известно, вышла замуж за Леоне ди Поджо, герольда флорентийской коммуны. Племянник Данте, Андреа ди Поджо, очень походил внешним обликом (но не одаренностью и умом) на своего знаменитого дядю. С Андреа был знаком Боккаччо, получивший от него, как можно предполагать, сведения о семье Алигьери. В декабре 1297 года младший брат Данте считался юридически совершеннолетним, то есть ему было не менее 18 лет. Этим числом помечена подписанная им долговая расписка Якопо деи Корбицци, у которого братья взяли займы порядочную по тем временам сумму денег — 480 золотых флоринов.

Можно предположить, что прежде чем отправиться в Болонью для изучения высших наук, Данте окончил в родном городе те школы, которые обычно посещали дети из состоятельных семейств. Из хроники Джованни Виллани мы знаем, что уже в начале XIII века во Флоренции было много учителей; преподавали ли они только в школах при церквях, или же существовали большие школы при монастырях или отдельно, не известно. При жизни Данте чтению и письму во Флоренции обучалось около десяти тысяч детей. Меньше было изучающих потом счет на арабский манер, то есть с

арабскими цифрами (абака). Группа математических наук преподавалась в школах, посещаемых примерно тысячей учеников; это были преимущественно мальчики, которых предназначали для купеческой деятельности. Всего пятьсот или шестьсот учеников училось в школе высшей ступени, где изучали латынь или «грамматику», основу всякой образованности, а также начала риторики и диалектики. Девушки обыкновенно кончали свое образование первой ступенью и одолевали лишь чтение; письму обучали только девиц благородного происхождения или из очень богатых купеческих домов, либо тех, которые собирались поступить в монастырь. Данте, несомненно, прошел через все ступени средневековой городской школы, хотя латинский язык его и после занятий у флорентийских грамотеев был далек от совершенства.

В соборе Санта Мария Новелла внимание юного Данте привлекали аллегорические изображения наук Андреа ди Буонайуто. Художник изобразил на фреске прекрасную даму Грамматику, приглашающую мальчиков и девочек пройти сквозь узкие ворота, ведущие к знанию. У ног аллегорического существа знаменитый грамматик Присциан записывал правила своей науки. Наверху белел диск Луны — символа грамматических познаний. Над одетой в алое платье Риторикой и поклоняющимся ей Цицероном парила Венера. Риторика включала в себя в это время также поэтику, и Цицерон, как ритор, почитался учителем всех, кто слагал стихи. Науки красноречия и поэтики зависели от Венеры, излучающей свет в сердца поэтов и ораторов. Третья наука, Диалектика, строгого вида женщина в белоснежных одеяниях, находилась под покровительством Меркурия и величайшего из философов Аристотеля. Данте с раннего детства сохранил в своем сердце глубокое преклонение перед этими величественными загадочными дамами. Аллегорические образы флорентийского живописца привели Данте к параллелям между небесными светилами и науками, которые он потом так подробно развернул в «Пире».

Данте мог продолжить свое образование во Флоренции лишь частным образом. В это время многие одаренные юноши обращались за советами и наставлениями к писателю и юристу Брунетто Латини. По всей вероятности, старый сэр Брунетто не преподавал регулярно, но вокруг него собрался кружок молодежи, жаждущей познания, в том числе Гвидо Кавальканти и Данте. Джованни Виллани в своей «Хронике» называл Брунетто Латини великим философом и магистром риторики, смягчившим грубые нравы Флоренции. Про самого себя Латини говорил, что он «человек светский». Так отзывается о нем и Виллани.

Латини родился около 1220 года. Тридцати четырех лет он стал городским нотариусом. Летом 1260 года флорентийская коммуна, в это время гвельфская, послала его в Испанию к королю Альфонсу Мудрому с просьбой о помощи против короля Манфреда, сына Фридриха II. После битвы при Монтаперти гвельфскому послу пути во Флоренцию были закрыты. Латини остается во Франции, проживает в Аррасе и в Париже, где становится юридическим представителем итальянских купцов и банкиров. Вернувшись в родной город после изменения политических обстоятельств, Латини начиная с 1266 года занимает разные административные должности.

Сэр Брунетто стяжал славу не только опытного политика и государственного деятеля, но и отличного писателя. Его энциклопедическое сочинение «Сокровище» читалось еще не менее двух веков после смерти автора.

Первостепенно важно его влияние на Данте, который, вероятно, при его посредстве ознакомился в юности с этикой Аристотеля, с риторикой Цицерона и поэтикой Горация — еще до своих поездок в Болонью и Париж.

В энциклопедии Брунетто Латини, несмотря на то, что в ней много заимствовано из других средневековых сочинений этого же типа, чувствуется большая любовь к знанию и интерес к наукам его времени, стремление расширить представление о мире. Сэр Брунетто хотел просветить людей, не знающих латинского языка, всеохватывающим сочинением, где даются сведения о всех науках. Его примеру последует его ученик Данте, который напишет уже в изгнании трактат «Пир». Знанием французской литературы Данте также в значительной степени обязан своему наставнику; главный труд всей своей жизни Латини написал по-французски. В пору юности Данте французский язык и французские романы были широко распространены по всей Италии, особенно во Флоренции.

В сочинениях Брунетто Латини все время подчеркивается, что все науки зависят от политики. Наиболее высокое и благородное знание, по его мнению, искусство управлять государством. В книгах Брунетто много рассуждений о политике. Мироощущение его прежде всего юридическое. Он говорит о государстве, построенном на нерушимых законах, обязательных для всех. Вероятно, Брунетто познакомил Данте с Никомахейской этикой Аристотеля и привил ему глубокую любовь к этому сочинению.

Латини любил цитировать античных писателей, особенно Цицерона, Аристотеля и Вергилия. В окружении Латини начал составляться круг чтения Данте, определивший во многом его будущие идеи и пристрастия. В культурную жизнь Италии Брунетто внес новые начала. Суждения магистра о земной

славе, благодаря которой писатель живет как бы вторично, напоминают высказывания гуманистов XIV—XV веков. «Слава не что иное, как добрая репутация, высокое мнение, которое создается о человеке и распространяется на многие страны... — писал он во второй книге „Сокровища“. — Каждый человек желает, чтобы о нем говорили хорошо, ибо без доброго мнения мы не были бы известны... Слава дарует мудрому человеку вторую жизнь». Эта ренессансная жажда славы, знамение новой культурной эпохи, станет свойственна Данте и следующим поколениям деятелей Возрождения.

Двор Данте находился по соседству с большим домом семейства Донати. Это была древняя, феодальная по происхождению семья. В историю Флоренции второй половины XIII и XIV веков глубоко врезалось имя Корсо Донати по прозвищу «Большой барон», который стал впоследствии одним из злейших врагов поэта. Рыцарь, похожий на Катилину, но более жестокий, чем он; благородной крови, прекрасный телом, оратор, имеющий успех, хорошо воспитанный, с душой, всегда готовой на злодеяние, — таков был Корсо Донати в описании флорентийского купца Дино Компаньи, сторонника демократических реформ.

Корсо приходился троюродным братом Джемме Донати, которую старый Алигьери и Мането Донати обручили с Данте по тогдашнему обычаю еще детьми: невесте было лет шесть, а Данте не исполнилось двенадцати. Обручение во Флоренции этого времени считалось обрядом серьезным, порвать его было очень трудно, так как за нарушение матримониальных обязательств платилась крупная сумма, и нередко при расторжении помолвки одной из сторон дело доходило до кровавой мести.

Такие обручения детей, весьма распространенные в Европе в XIII—XIV веках, совершались по соображениям экономического порядка или в угоду политическим интересам родителей. Жених и невеста продолжали жить в доме своих родителей до того дня, пока жениху не исполнилось двадцать или несколько больше лет, а невесте семнадцать-восемнадцать. Бывали иногда случаи, когда из-за отсутствия жениха, болезни, войны или необходимости устройства дел эти сроки переносились. Наконец, когда назначался день свадьбы, свадебная процессия из дома невесты отправлялась в церковь, где совершался обряд венчания. Затем в доме жениха устраивался родственникам и гостям традиционный пир, и молодая оставалась в доме своего мужа.

О Джемме Алигьери до нас дошел один важный документ, из которого мы узнаем, что после смерти Данте его вдова просила у городского управления, ведавшего имуществом изгнанных из Флоренции, из своего приданого, состоявшего из двухсот малых золотых, помощи в зерне, которую и получила. Из этого документа следует, что Джемма, дочь Мането Донати, обручилась с Данте Алигьери 9 февраля 1277 года. Нам известно также, что она умерла в 1342 году, и если предположить, что при обручении ей было шесть лет (что вполне вероятно), то Джемма умерла в возрасте семидесяти одного года, прожив нелегкую жизнь. Год свадьбы остался нам не известен. По свидетельству Боккаччо, Данте женился вскоре после смерти Беатриче, то есть после 1290 года. Затем в рассказе автора «Декамерона» следуют обычные для него нападки на женщин, мешающих своим мужьям заниматься наукой и литературой. К весьма скудным данным, которыми мы располагаем о жене Данте, можно отнести и завещание матери Джеммы, составленное во Флоренции между 17 и 24 мая 1315 года, по которому Мария, вдова господина Мането деи Донати, отказывала своей дочери, жене Данте Алигьери, триста золотых флоринов. Из длинного завещания госпожи Донати видно, что родители Джеммы были людьми весьма состоятельными.

Приходит мысль, что семья Алигьери, с которой захотели породниться богатые и родовитые Донати, не была столь малоимущей, как обычно представляют дантологи. Очевидно, Донати, а следовательно, и другие нобили Флоренции, несмотря на то, что Алигьери не принадлежали к числу известных семейств, все же не считали неравным брак девушки из знатной и влиятельной семьи с молодым Данте.

Глава 3. Ученая Болонья

Данте стоял перед башней Гаризендой недалеко от Порто Равеньяно в Болонье. По узкому переходу в Апеннингах, соединяющему Флоренцию с северной Италией, он добрался до столицы Романьи всего несколько дней тому назад. Данте сравнивал мысленно эту башню, сильно покосившуюся, с другой, высившейся рядом с городскими воротами, высокой и стройной, которую по имени ее строителя называли Азинелла.

Странное дело — если закрыть глаза и перестать смотреть на Гаризенду и скользящие над ее вершиной в пасмурный день облака, а затем открыть их, то кажется, что башня сейчас рухнет на тебя.

Как все впервые посетившие Болонью, Данте заинтересовался этим феноменом. Ему представилось, что башня превращается в огромного гиганта, гигант наклоняется, хватает его и уносит за пределы города. Кто-то схватил Данте за рукав и спросил: «Данте, что ты видишь?» Образ гиганта исчез — рядом стоял и теребил его румяный мальчик, которому казалось никак не более пятнадцати лет. Это был один из студентов, с которым Данте познакомился. Он уже второй год учился в Болонье и потому смотрел на старшего годами Данте покровительственно. «Великана», — отвечал Данте. «Ты увидел великана, но посмотри, что ты проморгал». Юноша указал на прекрасную даму в богатых одеждах, которая удалялась от них. «Ты знаешь, — заметил он поучительно, — она из семьи Гаризенда. Вот Гаризенда, поистине достойная созерцания!» Данте усмехнулся, и у него в голове пронеслись две-три строчки для будущего сонета. «Слушай, Чино, ты прав, — сказал Данте, — ты прав, но я всегда вижу только то совершенно ясно, что далеко от меня». И они, смеясь, пошли по улицам Болоньи.

Данте очень полюбил общество веселого студента. Звали его Чино деи Сигибульди, был он родом из Пистойи, сравнительно небольшого городка, на который Флоренция постепенно накладывала свои руки. Чино, так же как и Данте, гордился тем, что отдаленные предки его были римляне. Семья Чино, довольно состоятельная, принадлежала по давней традиции к гвельфам. В аудитории, где студенты сидели на скамьях, а не на соломе, как в Париже, нельзя было найти более прилежного студента, чем Чино. Он все записывал, подчеркивал, сверял. Однажды после лекции знаменитого Аккурсио-младшего Данте спросил своего друга, кем он собирается быть — судьей или нотариусом. «Судьей, может быть, — ответил Чино, — но я учусь не для этого. Я хочу быть профессором права и читать лекции, как наш славный учитель». — «Но это трудно, — заметил Данте, — и для этого потребуется много-много времени». — «А зачем же я записался в университет?» — отвечал Чино.

В тетрадах с конспектами лекций, которые Данте брал у своего старательного друга, он как-то обнаружил множество стихов, большинство их было написано Гвидо Гвиницелли, славным болонским поэтом, но попадались и собственные стихи Чино. «Разве можно писать на полях важных юридических документов любовные сонеты?» — спросил с улыбкой Данте. «Это прекрасный обычай Болоньи, — не смутившись, отвечал Чино. — Здесь все судьи и нотариусы любят поэзию и записывают стихи, особенно на полях завещаний, чтобы какой-нибудь урод не приписал что-либо сбоку, что нарушило бы права наследников».

Вскоре на деловых бумагах болонцев появились и стихи Данте Алигьери. Когда в XIX веке Кардуччи и другие ученые основательно исследовали архивы Болоньи, они на завещании, составленном в 1287 году нотариусом Энрикетто делле Кверче, открыли неизвестный, полный молодого озорства сонет Данте Алигьери о Гаризенде:

Вовек не искупить своей вины
Моим глазам: настолько низко пали
Они, что Гаризендой пленены,
Откуда взор охватывает дали,
Проспали (мне такие не нужны!)
Ту самую, которая едва ли
Не краше всех, и знать они должны,
Что сами путь погибельный избрали.
А подвело мои глаза чутье,
Которое настолько притупилось,
Что не сказало им, куда глядеть.
И принято решение мое:
Коль скоро не сменю я гнев на милость,
Я их убью, чтоб не глумили впредь.¹²¹

В регистре дел нотариуса Пьетро ди Аллегранца найдены отрывки из канцони Данте «Владеющие разумом любви», которая, очевидно, была написана в 1289 году. Как явствует из этих фактов, стихи Данте пользовались популярностью среди болонских любителей поэзии.

С уст Чино и других студентов-правоведов не сходило имя Гвидо Гвиницелли. Все усердно переписывали его стихи, но, когда Данте спросил у одного местного студента, как найти Гвиницелли и как с ним встретиться, болонец умолк и перевел разговор на другое. Чино объяснил Данте, в чем дело. Известный поэт Гвидо Гвиницелли ди Маньяно, которого флорентийцы считали зачинателем сладостного нового стиля, исполнял обязанности судьи и был юридическим советником болонской коммуны. Так как он был гибеллин, то при окончательном торжестве гвельфов в 1270 году поэт был выслан вместе с другими гибеллинами из Болоньи. Он умер в изгнании через шесть лет после того, как вынужден был покинуть родной город. Данте помнил, что стихи Гвиницелли произвели большое впечатление на его флорентийского друга Гвидо Кавальканти, хотя по существу были ему чужды. От этого замечательного художника слова Кавальканти воспринял только изысканность и чистоту

поэтического стиля, стремление к краткости и выразительности стиха. Не так было с Данте. Он изучал Гвинецелли так, как он изучал Вергилия. В «Божественной Комедии» Данте назовет никогда им не виданного Гвинецелли «мой отец» и скажет тени болонского поэта: «И самый след чернил ваших сладостных стихов будет нам дорог, пока длится нынешний язык».

Гвидо Гвинецелли был первым, кто восстал против абстрактности и расплывчатости старой тосканской школы^[31], поэтике гвигтонианцев он противопоставил точность и ясность выражений. Метафоры болонца возникали чаще всего из сопоставлений с огнем, небесными светилами, лучами солнца. «Любовь так возвышается над благородным сердцем, его питающим, — говорит он, — как пламя над светильником. Такова природа огня — стремиться ввысь». Гвидо отверг пространственные причитания своих предшественников на любовные темы. Его сравнения удивляют и остаются в памяти. Итальянский стих в поэзии Гвинецелли впервые приобрел ту гибкость и звучность, благодаря которым через столетие прославился Петрарка.

В канцонах поздних трубадуров и некоторых продолжателей провансальской поэзии в Италии, как, например, Ланфранко Сигала, возлюбленная претворяется в небесное видение; от нее исходит свет, нестерпимый для смертного взора. Оживленная и воплощенная в образ прекрасной дамы идея средневековых неоплатоников лишь в стихах Гвидо Гвинецелли превратилась в поэтическое видение, воспламеняющее фантазию. Сопутствуемая звездой Дианы, Прекрасная дама сонетов Гвинецелли смиряет гордость тех, кто приветствует ее появление, внушает им высокие помыслы, одаряет вдохновением. Данте в «Новой Жизни» завершил начатое болонским поэтом. Беатриче воплотила все добродетели, она — чудо, колеблющее законы природы.

Последователи Гвигтоне д'Ареццо, которым не нравилась новая школа в поэзии, уверяли, что Гвинецелли слишком учен и рационален и что его стихи непонятны. Бонаджунта да Лукка, преданнейший гвигтонианец, утверждал, что болонская ученость Гвидо Гвинецелли не нужна для поэзии и что «он извлекает канцоны с помощью разных сочинений». Действительно, Гвидо был учен. Он вырос и приобрел обширные познания в окружавшей его с детства среде юристов, архитекторов, математиков, художников-миниатюристов, медиков и богословов.

В наследии Гвидо Гвинецелли можно найти стихи, в которых торжествует страстная земная любовь.

Бог любви — Амор, гордый и жестокий, опаляет пламенем. Его взор «проникает, как молния через окно башни, пронизывая и испепеляя все, что встречает на своем пути». «И вот я пребываю, — говорит поэт, — неодоушевленный и бездыханный, словно статуя из латуни». Это переживание свойственно и юному Данте. В самой известной своей канцоне, «Амор всегда возвращается к благородному сердцу», Гвидо Гвинецелли вообразил, что после смерти душа его предстанет перед престолом вседержителя и небесный владыка скажет поэту с укором: «О чем ты думал? Ты прошел через небеса, ты достиг меня, но не смог придумать ничего другого, как взять меня за образец тщетной твоей любви. Ты забыл, что хвала подобает только мне и царице небесного царства, прекращающей всяческую ложь. На эти упреки я смогу ответить ему: „Подобная ангелу, она принадлежала к твоему царству. Я не ошибся, ее любя“».

Идеализация прекрасной дамы встречалась и ранее, в поэзии провансальцев и даже у Гвигтоне д'Ареццо, но от нас не должно ускользнуть то новое, что открывается в стихах Гвинецелли — улыбка, которая слегка колеблет уста поэта перед престолом всевышнего, оправдывая земные чувства, нарушая богословские запреты.

Образ прекрасной дамы, превращающейся в ангела, восходит, по-видимому, к поэтическому тексту Бернарда Клервосского, утверждавшего, что после падения Люцифера и его сторонников праведные души людей пополняют образовавшуюся на небесах пустоту. У философа-францисканца Бонавентуры да Баньореа Гвинецелли и Данте могли прочесть: «Возносящийся человек восполняет пустоту, возникшую после того, как ангелы были низвержены». Поэты сладостного нового стиля уверяли в своих стихах, что занять пустующие на небесах места призваны не праведники, а возлюбленные поэтов — прекрасные дамы, которых они воспевают. Мнение, конечно, произвольное и едва ли не еретическое, если рассматривать его с позиций средневековых теологов. Поэты сладостного нового стиля, особенно Данте и Чино, не подчинились схоластическому мышлению, а противопоставили — сознательно или стихийно — свое мироощущение идеям богословов.

Данте любил бродить по улицам Болоньи, то сопровождаемый Чино, то в одиночестве, наблюдая за жизнью этого необыкновенного города. Он сравнивал все время Болонью с Флоренцией: те же узкие улицы, те же башни, однако без снесенных верхушек; башни такой высоты, как Азинелла во Флоренции, не было. На улицах Болоньи, пожалуй, царило еще большее оживление, чем во Флоренции. В тавернах все время сидели и шумели посетители. Слонялось много незанятого или кажущегося таким народа. Звучали разные речи, непривычные для флорентийского уха, — немецкие,

английские, французские, польские, чешские, далматинские. Данте понимал только французскую. Представители разных «наций» в университете очень часто объяснялись на средневековом текучем и гибком латинском языке, впрочем, вульгаризованном и забывшем о строгих правилах Квинтилиана и Цицерона. Сам Данте после известных усилий заговорил и на этом интернациональном наречии. На средневековой латыни звучали песни голиардов, издевающихся над Римом, папою и всем святым на свете. Веселые студенческие песни славили совсем земного Амора, вино и нестрогих красавиц. Что же касается нравов Болоньи, то они были еще более распущенными, чем в родной Флоренции. Женщины были милы и податливы, но далеко не бескорыстны. Сводники Болоньи славились по всей Италии.

Многих из известных ему болонских сводников поэт соберет впоследствии в первом рве Злых Щелей своего «Ада». Среди нещадно бичуемых бесами окажется Венедико Каччанемико, знатный болонец-гвельф, бывший подеста в разных городах Италии. Этот синьор принудил свою сестру Гизолабеллу стать любовницей феррарского маркиза Обиццо д'Эстэ. Данте обращается к нему с ироническим вопросом: «Чем он заслужил приправу столь крутую?» Приправой — «сальсе» — называли в Болонье ров, куда бросали трупы казненных преступников и самоубийц. Это проклятое место находилось за церковью Санта Мария ин Монте.

В своих произведениях Данте обнаруживает отличное знание топографии Болоньи, а также особенностей болонских диалектов. Поэт умел различать говор жителей пригорода Сан Феличе от речи горожан центра — Прадо Маджоре. По словам Каччанемико, болонцев набралось в аду такое множество, что оно превышает количество жителей этого города. Таков был горестный итог наблюдений Данте над нравами Болоньи.

Данте поместил в аду среди лицемеров и двух бывших студентов Болонского университета — Лодеринго и Каталано, принадлежавших к полусветскому монашескому ордену гаудентов.

Юридический факультет, восстановивший изучение римского права в Европе, был для болонцев не только источником доходов, но и предметом муниципальной гордости. На площади около монументальной церкви св. Франциска, воздвигнутой в память посещения города святым из Ассизи, возвышаются гробницы великих людей Болоньи. Там покоятся ученые мужи, «светочи права»: Аккурсий Старший и Одофредо, умершие в середине XIII века, и «цвет всех докторов» Ролландино де Романци, преподававший в университете в начале столетия.

Долгое время средоточием адвокатов, судей, нотариусов, которые следовали римскому праву, несмотря на варварские завоевания, была древняя Равенна. Книги, заключающие римское право, в редакции юристов императора Юстиниана были перенесены из Равенны в Болонью. Из Болоньи эти книги распространились по всей Европе, неся с собой новое для средних веков гражданское (или императорское) право, независимое от церкви. Первым учителем права в Болонье предание называет господина Пеппо; он преподавал еще частным образом. Истинным создателем болонской юридической школы следует считать Ирнерия, жившего в конце XI века. Он создал новый метод изучения римского права и воспитал своих многочисленных учеников в традициях античной юриспруденции. Ирнерий разработал форму глосс — ясных и логичных примечаний, которые объясняли смысл законов. Кроме глосс, болонская школа оставила более развернутые комментарии, «примеры», объяснения, лекции.

Изучение риторики, логики и других свободных наук стояло в Болонье также на большой высоте, но все эти подготовительные науки должны были помочь триумфу богини правосудия. С XII века, с тех пор как магистр Ирнерий открыл болонскую студию, началось обновление римского права не только в Италии, но и во всей Европе. Римское право становилось могучим стимулом общественных перемен. Болонья стала великим светочем возрождающейся науки; отсюда Данте вынес любовь к точным выражениям и юридическим формулам и ненависть к церковному праву, которую он не раз выражал в своих произведениях. Но в Болонье изучалось не только гражданское, но и церковное право. Свое основное произведение «Декрет» Грациан написал в начале XII века в болонском монастыре Сан Феличе; таким образом, один из главных ревнителей модернизированного канонического права являлся современником первых цивилистов Болоньи. Данте ненавидел специалистов, изучавших папские декреты, и часто обрушивался на «декреталистов». В своем трактате «Монархия» Данте напал на тех болонских учителей канонического права, которые защищали абсолютную власть папы, как, например, Маттео д'Акваспрата. Во всех философских произведениях Данте, недоучившегося студента Болонского университета, так и не получившего ученой степени, чувствуется мышление юриста. Данте часто цитирует дигесты в «Пире» и в «Монархии», а цитату из глосс мы находим в «Новой Жизни», написанной вскоре после возвращения из университета. Многие выражения в стихах и прозе Данте представляют собою пересказы из юридических сочинений, которые он изучал в Болонье. Так знаменитый стих «Ада» «Не госпожа народов, а кабак» является пародией на одну из попавших в глоссы поговорок. Сама его утопическая концепция империи и универсальной монархии была в значительной степени навеяна изучением римского права.

Императоры священной Римской империи, поняв важную роль гражданского права в борьбе империи с папством, с первых шагов университета поддерживали его особыми грамотами и привилегиями, обеспечивавшими университет от всякого вмешательства местных властей. В XIII веке знаменитый и старейший в Европе университет привлекал к себе студентов из разных стран и других итальянских городов.

Учебный распорядок был довольно строг. Утром профессора читали ординарные лекции, то есть обязательные, по главным предметам. Лекции продолжались три часа, и студенты внимательно следили, чтобы профессор не ушел ранее положенного времени, — в те времена профессоров выбирали и приглашали студенты, они же могли их уволить, если были ими недовольны. Лекции были длительными, так как студенты хотели получить за свои деньги как можно больше знаний. Занятия начинались рано по звону колокола на башне св. Петра.

Послеобеденные лекции, менее длительные, на второстепенные и специальные темы, посещались не столь охотно; многие профессора отказывались их читать, ибо студенты плохо и неаккуратно платили за то, без чего они могли обойтись. Учебный год был очень долгим и кончался в августе, а уже 10 октября начинался новый. Правда, в течение года было много святых дней, которые почитались бездельем. В четверг обыкновенно лекции не читались.

Студенты определяли предмет лекции, которую профессор будет читать, — это было нетрудно, так как существовала определенная и строго разработанная программа. Юристы должны были проштудировать Кодекс Юстиниана, Дигесты, декреты, а медики — Авиценну и Галена. Чтения эти иногда продолжались по нескольку лет, так как не дозволялось пропустить ни одной страницы. Профессорам надлежало также в известные дни, обычно после карнавалов, организовывать диспуты и оппонировать студентам.

Понятие «университет» в средние века не связывалось с каким-либо определенным зданием или группой зданий, как в настоящее время. Университет означал первоначально содружество студентов и профессоров. Если профессора или студенты были недовольны городским управлением, они могли перейти в другой город и там основать новый университет.

Университетские власти по договору и по согласию с городской коммуной Болоньи устанавливали цены на прокормление студентов и на квартиры, сдаваемые студентам внаем. Запрещалось их повышать или отдавать квартиру тем, кто платит больше. Увеличить квартплату можно было лишь в случае значительных перестроек, улучшающих жилище. Студенты были богатые и бедные. Богатые прибывали в Болонью со слугами и лошадьми, тратили много и приносили городу значительный доход. Бедные студенты занимались всякого рода ремеслами и даже нанимались в слуги.

Болонья росла и богатела, хотя торговый ее оборот не мог сравниться с объемом флорентийского. Размеренная монотонность университетских занятий часто нарушалась сражениями и кровопролитиями на улицах, которыми изобиловала бурная политическая жизнь города. Данте приехал в то время, когда в Болонье царил относительный мир. Верх в коммуне одержали гвельфы. Позади была страшная, продолжавшаяся сорок дней резня 1274 года, после которой из города были изгнаны 12 тысяч граждан, сторонников гибеллинов и богатого древнего рода Ламбертацци. Победителями руководил другой патриций, гвельф Джереми. Ролландино был выбран старшиною пожизненно в 1280 году, через два года составлены «святые постановления» против изгнанников и нобилей, не записанных в корпорации. Лишь дома Аккурсиев были спасены от разрушения в память великого комментатора римского права.

На юридическом факультете, главном и наиболее уважаемом, занятия продолжались от шести до семи лет. Потом проводился очень строгий экзамен; чтобы быть допущенным к нему, нужна была рекомендация по крайней мере одного профессора. Выдержавшие экзамены получали звание лиценциата. Уже через два дня лиценциат имел право приступить к сдаче экзаменов на доктора, которые происходили публично в церкви св. Петра. Все присутствующие могли вмешиваться в диспут и задавать вопросы соискателю. Докторат давался очень торжественно. Заключительную речь в конце процедуры произносил болонский архидиакон. Экзамены эти обычно обходились очень дорого, так как кончались торжественным пиром за счет нового доктора.

Чино продолжал писать стихи. Легкие, почти всегда насмешливые, столь не похожие на стихи Кавальканти, что и понятно, так как учителем его был Гвидо Гвиницелли. Не раз в течение жизни встречался Данте на своих трудных путях с веселым юристом, стихи которого особенно ценил впоследствии знавший его лично Петрарка. Прекрасный поэт Чино да Пистойя, ученик славных болонских магистров Франческо д'Аккурсио-младшего, Дино дель Муджелло и Ламбертино де Рампони, стал и прекрасным правоведом, одним из самых известных докторов юридических наук в Италии. Он преподавал в Съене, Перудже, Неаполе, и слава его как легиста распространилась по всей Европе. Многие его слушатели стали сами знаменитыми юристами, как, например, Бартоло да

Сассоферато. В родном городе Чино воздвигли памятник не как поэту, а как юристу: мраморный магистр восседает на кафедре, окруженный жадно внимающими ему учениками.

Нам не известно, почему Данте прервал свое учение в Болонье. Можно предположить, что его заставили вернуться домашние дела, которые в руках родственников не могли не прийти в упадок. После ранней смерти отца Данте был старшим в семье и должен был заботиться о брате, двух сестрах и мачехе. Может быть, он надеялся снова вернуться в ученую Болонью и закончить там свое образование, чтобы получить возможность записаться в важный цех юристов и нотариусов, состоявший почти из одних нобилей. Ученому юристу во Флоренции были обеспечены немалые заработки, а также политическая карьера. Быть может, Данте привлекал образ Беатриче, несколько забытый в эти студенческие годы. Над ним висело также обязательство женитьбы на Джемме Донати, и не исключено, что семья Донати напоминала об этом отсутствующему студенту-жениху. Мы думаем, что Данте нелегко было покинуть Болонью: бросать начатое было не в его характере. Как раз в то время, когда Данте покидал Болонью, по городу распространилась трагическая весть о том, что в ближнем Римини прекрасную Франческу, дочь сеньора Равенны, убил из ревности муж, правитель этого города, который не пощадил и своего родного брата Паоло. Данте уезжал исполненный сожаления, и, возможно, тогда сложились строки:

Я родилась над теми берегами,
Где волны, как усталого гонца,
Встречают По...

Глава 4.

Сицилийцы и сладостный новый стиль

Литературное влияние Прованса было господствующим в Италии во второй половине XII и начале XIII века, когда итальянцы еще не осмеливались писать на родном языке. Странствующих трубадуров радушно встречали в замках северной Италии; они любили посещать также богатые приморские города, особенно Венецию и Геную, где находили щедрых меценатов. Подолгу задерживались провансальцы в Сицилии, у покровительствовавших поэтам и ученым Гогенштауфенов. При дворе маркиза Бонифация II Монферратского блистал Рембаут де Вакейрас; не менее известный трубадур Пейр Видаль из Тулузы бродил по Ломбардии. Они воспевали прекрасных итальянских дам, вмешивались в раздоры и усобицы их мужей, сочиняли политические тенцоны и сирвенты, защищая обычно интересы своих покровителей. Увлечение провансальской поэзией побудило многих итальянских поэтов, презрев родной язык, еще недостаточно развитый, обратиться к провансальскому.

Среди трубадуров Италии первое место принадлежит мантуанцу Сорделло ди Гойто, умершему, когда Данте был ребенком. Из пятидесяти дошедших до нас стихотворений Сорделло одно из самых замечательных — его сир-вента на смерть сеньора Блакаса. Трубадур презрительно отзывается в ней о королях и мощных феодалах, советуя им вкусить от сердца Блакаса, чтобы стать мужественными и великодушными. Данте, любивший Сорделло как поэта и в особенности высоко ценивший его острый полемический стиль, в трактате о народном красноречии упрекал мантуанца в том, что тот, «будучи столь великим мужем в искусстве слова, не только в поэзии, но и в речах своих пренебрег отечественным народным языком».

Старейшим итальянским трубадуром считается Рамбертино Бувалелли, правовед и дипломат из Болоньи, живший в начале XIII века. Одно время Бувалелли исполнял обязанности градоправителя (подеста) Генуи, которая стала центром провансальской поэзии в Италии. Там выучился писать провансальские стихи пленный венецианец Бартоломео Дзордзи. Самым одаренным в кругу генуэзских трубадуров являлся, бесспорно, Ланфранко Сигала, автор изысканных любовных стихов. Он старался овладеть «новым мастерством», следуя примеру своего провансальского друга Гильелмо де Монтаньяголя, в лирике которого возлюбленная появлялась окруженная небесным сиянием перед смущенным поэтом, созерцающим ее неземное совершенство. Идеализированные прекрасные дамы Монтаньяголя и Ланфранко Сигала были литературными предтечами Беатриче из Дантовой «Новой Жизни». Современник Сигала, патриций Перчевалле Дориа из знаменитой генуэзской семьи хорошо овладевал техникой трубадуров, писал уже не только провансальские, но и итальянские стихи.

Генуэзские трубадуры совмещали служение музам с многообразными государственными и общественными обязанностями. В большинстве своем они прошли выучку в стенах Болонского университета и были юристами, градоправителями, послами королей и республик, а не бродячими поэтами старого времени, побиравшимися у сильных мира сего и всецело зависящими от милостей

своих знатных покровителей. Эта разница социального положения, естественно, не могла не сказаться и на содержании их поэзии.

На основании данных, которыми располагает в настоящее время наука, начало поэзии на итальянском языке можно датировать второй четвертью XIII века. Первые поэты, писавшие по-итальянски, — поэты сицилийской школы — появились в тридцатых и сороковых годах; приблизительно на десятилетие позже мы находим их последователей в городах Тосканы. Сицилийскую школу, возникшую при дворе императора Фридриха II и его сына, короля Манфреда, Данте помянет добрым словом в трактате «О народном красноречии»: «Те, чьи сердца были благородны, исполненные поэтического дара стремились приблизиться к величию этих владык, и все, что в их времена смогли с немалыми усилиями завершить лучшие умы Италии, прежде всего проявлялось при дворе столь великих государей; и так как королевский престол находился в Сицилии, случилось, что все, что наши предшественники написали на народном языке, звалось сицилианским».

Поэты при дворе Фридриха II в Палермо были родом из разных мест Италии. Нотарий Джакомо да Лентини и судья Одо делле Колонне были уроженцы Сицилии. Из южной Италии происходили канцлер и первый советник императора Пьеро делле Винье, Джакомино Апулийский и Ринальдо Аквинский. В сицилийскую школу входили тосканцы и даже генуэзцы, например Перчевалле Дория. Ко второму поколению поэтов Сицилии принадлежали король Сардинии Энцо, побочный сын Фридриха II, и Стефан Протонотарий из Мессины, упомянутый Данте в трактате «О народном красноречии». Протонотарий Стефан переводил также с греческого на латынь сочинения по астрономии.

В технике стиха (канцоны и баллаты), в лексике (кальки с провансальского или перенесение провансальских терминов в итальянский), в условностях литературных выражений поэты-сицилийцы еще обнаруживают зависимость от языка и поэтики трубадуров. Однако они творили уже в стихии родного языка и создавали на нем новые стихотворные формы, например сонет, который перешел от них к следующим поколениям итальянских поэтов, а затем проник в литературу всех европейских народов. Впервые сонет (в двух ритмических разновидностях) находим у Джакомо да Лентини, Пьера делле Винье, Аббата из Тиволи и Якопо Мостаччи.

В пятидесятых-семидесятых годах XIII века в Тоскане появляется крупный поэт Гвиттоне д'Ареццо, возводивший свою поэтическую генеалогию к Джакомо да Лентини (Нотариусу) и считавший себя прямым наследником сицилийца. В год рождения Данте Гвиттоне вступил в орден «Рыцарей блаженной девы Марии», среди кавалеров которого было, по свидетельству Данте, немало отъявленных ханжей и лицемеров, вроде болонских градоправителей Лодеринго и Каталано. «Веселящиеся братья», как их называли в народе, не произносили обетов безбрачия и брат-гаудент Гвиттоне д'Ареццо вел вполне светскую жизнь, был женат и имел детей.

Ставший вождем тосканских рифмачей Гвиттоне основательно изучил провансальскую поэзию и был умелым версификатором, любившим упражняться в игре слов. Язык его стихов груб, шероховат и в то же время аффектирован. Данте, сравнивая «скверные наречия тосканцев», упоенных собственным красноречием, с языком поэтов сицилийской школы, пальму первенства отдавал сицилийцам, стремившимся создать не местный, областной, а общеитальянский литературный язык. Влияние Гвиттоне д'Ареццо распространилось на все города Тосканы и Романьи. Повсюду его подражатели слагали монотонные канцоны и скучные сонеты.

Истоки «нового стиля», который должен был освободить поэтов Тосканы от псевдоученой поэтики Гвиттоне д'Ареццо, находятся в Болонье — так думали Данте и его друзья, молодые флорентийские поэты. Первым, кто нашел «новую выразительность» для поэзии, они называли Гвидо Гвиницелли. В восьмидесятые годы XIII века едва ли не все молодые флорентийские стихотворцы находились под сильным влиянием «сладостной» поэзии Старшего Гвидо — так называли Гвиницелли в отличие от его флорентийского тезки, младшею годами Гвидо Кавальканти. Данте, Гвидо и их друзья прежде всего осудили язык старой тосканской школы, узкоместный, необработанный, полный провинциализмов, не стремящийся стать общенародным. Спор нового и старого направлений в тосканской поэзии XIII века был, таким образом, в первой его стадии лингвистическим и стилистическим. Защита и прославление нового стиля ставились в тесную связь с проблемой единого литературного языка всей Италии, то есть с проблемой политической и национальной. Расхождения Данте и флорентийских поэтов с последователями Гвиттоне д'Ареццо обнаруживаются в основных взглядах на творческий процесс. Слагающий рифмованные строки, конечно, должен владеть техникой стиха, быть мастером, но не в этом сущность поэзии. Если следовало учиться слагать стихи на вольгаре, народном языке, то не у итальянских подражателей провансальских трубадуров, а у великих мастеров. Таково было убеждение Данте и его друзей. Спустя много лет, как бы подводя итог былым спорам, Данте в двадцать четвертой песне «Чистилища» заводит диспут о сущности поэзии с последователем старой школы Бонаджунта да Лукка. И вкладывает в уста признающего свое

поражение противника апофеозу сладостного нового стиля. По мнению Данте, главное для поэта — искренность и напряженность чувств:

...Когда любовью я дышу,
То я внимателен; ей только надо
Мне подсказать слова, и я пишу.

Легкость, свобода и естественность, с какой поэты сладостного стиля выражают свои чувства, кажутся недостижимыми старому гвигтонянцу:

И он: «Я вижу, в чем для нас преграда,
Чем я, Гвигтон, Нотарий далеки
От нового пленительного лада.
Я вижу, как послушно на листки
Наносят ваши перья смысл внушений,
Что нам, конечно, было не с руки.
Вот все, на взгляд хоть самый изощренный,
Чем разнятся и тот и этот лад...»

У Платона поэты флорентийского кружка искали подтверждения своих идей о том, что истинное красноречие неотделимо от чистосердечного выражения душевных чувств. Лишь тот может достойно говорить о любви, полагали они, кто слагает слова сообразно с тем, что диктует ему сердце. Таким образом, экспрессивная сила поэзии ставилась все более и более в зависимость от психологических факторов — реальности и глубины переживаний. Осложняясь, «новый пленительный лад» обратился к мыслям мудрецов. Однако Данте и его друзья были не философами, а поэтами, они воспринимали лишь те идеи, которые таили в себе возможность поэтического развития. Философская идея претворялась в идею литературную; она становилась поэзией, только воплотясь в законченный образ, прозвучав в гармонии стиха, скованная ритмом, расширенная фантазией.

Новое содержание требовало более гибких и емких форм. Молодое вино налили в старые мехи, но традиционные формы канцоны, сонета и баллаты под пером флорентийцев заискрились юной свежестью, обнаружив неожиданное богатство ритмических и мелодических узоров. Данте, Чино да Пистойя и Гвидо Кавальканти не только сравнялись в мастерстве со своими провансальскими и сицилийскими учителями, но значительно превзошли их.

Новое направление в итальянской литературе было связано со своими предшественниками не только преемственностью поэтической техники, оно унаследовало от сицилийцев философскую проблематику, и в первую очередь споры о природе бога Любви. С античных греко-римских времен Амор вырос и повзрослел; он уже не крылатый коварный мальчик, а великолепный сеньор, напоминающий античного Купидона лишь жестокой привычкой поражать поэта золотой стрелой прямо в сердце. Является ли Амор субстанцией, аллегорией или только условным образом? Возможно ли допустить реальное существование языческого бога, пусть облаченного в одежды христианского государя, рядом с единым божеством? Аббат из Тиволи в сонете, обращенном к Джакомо да Лентини, взывал к Амору: «О бог Любви, к тебе я обращаюсь с мольбой! Да буду я услышан, ибо требую лишь справедливости; я сотворен по твоему подобию и даже подстригаю волосы и бороду на твой манер».

Поэтический диспут сицилийской школы продолжил Данте в «Новой Жизни». В воображении Данте Амор предстает как бы сверстником его и Гвидо. Он появляется в различных обликах: то с черной шляпой на голове и в бархатных одеждах, облаченный в блестящие доспехи, то одетый в грубую тунику, как странник, идущий на богомолье, — только вдруг за плечами пилигрима вспыхивают огненные крылья. Для флорентийских поэтов владыка Амор был и психологической реальностью, и пагубным наваждением, и аллегорией, заключающей в себе глубочайшие смыслы, которые каждый толковал по-своему.

Единодушные во всем, что касалось поэзии, ее задач, средств поэтического выражения, языка и стиля, поэты сладостного стиля, оставаясь в рамках одного литературного направления, часто значительно расходились в философских взглядах. Это относится в первую очередь к Данте и к тому, кого он называл «первым своим другом» — Гвидо Кавальканти. Их сложные, сопровождавшиеся размолвками отношения мало походили на спокойную и прочную дружбу с Чино да Пистойя, устоявшую под натиском времени.

Гвидо происходил из богатой и мощной семьи, которая в середине XIII века могла выставить шестьдесят вооруженных мужчин. Палаты и башни Кавальканти — купцов, рыцарей и патрициев — были расположены в самом центре Флоренции, около Меркато Нуово (Нового рынка), в квартале Сан Пьетро, неподалеку от дома Данте. После того как Гвидо отозвался на первый сонет Данте,

посвященный Беатриче, Данте стал частым гостем в палаццо Кавальканти.

Пол и стены комнаты Гвидо украшали восточные ковры, еще редкие в то время во Флоренции. На рабочем столике стояли две небольшие статуэтки, найденные в Пизе: Аполлон, преследующий нимфу, и голова Дианы, лунной богини. В расписных сундуках хранились рукописи античных поэтов и провансальских трубадуров, латинские переводы Аристотеля с комментариями Аверроэса, медицинские трактаты Гиппократы, Галена и Авиценны, а также французские романы и руководства по риторике. Впервые переступавшего порог хором Кавальканти не могло не удивить отсутствие в них икон греко-венецианского письма, которые флорентийцы охотно покупали у заезжих купцов. Молва упорно твердила, что старый Кавальканти деи Кавальканти исповедует не господа бога, а языческого философа Эпикура. Когда же городские сплетники видели Кавальканти-младшего в раздумьях бредущего по улице, то говорили, что он занят доказательством того, что бога не существует. Женат был Гвидо на дочери известного атеиста, вождя тосканских гибеллинов Фаринаты дельи Уберти.

Знаток философии, погруженный в изучение наук, «лучший логик на свете», по характеристике Боккаччо, Гвидо любил уединение. Но склонность к музам и ученым занятиям не мешала ему отличаться в рыцарских играх. Он мастерски владел оружием, был решителен и смел, а в обращении с дамами куртуазен. Мессер Гвидо не побоялся возбудить вражду с могущественным Корсо Донати. «Большой барон» даже покушался на жизнь своего противника, когда, покинув Флоренцию, Кавальканти направлялся как пилигрим в Компостелло, где, по преданию, покоился прах апостола Иакова. Впрочем, поэт, не отличавшийся набожностью, до Испании не добрался, а побывал лишь в южной Франции, где воспел не апостола, а молодую тулузскую красавицу.

Данте приносил все свои новые стихи на суд старшему годами и более искушенному в поэтических опытах Гвидо. Кавальканти хвалил их или порицал с видом метра и со своей обычной, даже в беседах с друзьями, несколько презрительной манерой. В отличие от Данте Кавальканти был склонен рассматривать любовь как болезнь и наваждение. Подобных же взглядов придерживался один из близких его приятелей, талантливый врач Якопо да Пистойя, посвятивший Гвидо одно из своих сочинений. Вслед за таджиком Авиценной и арабом Аверроэсом Якопо пытался психические явления объяснять физиологическими изменениями организма. Как и Гвидо, он писал о разрушительном воздействии на человека чрезмерной любовной страсти. В стихах Кавальканти, отразивших философские увлечения поэта, любовь предстает как страшная сила, чья природа иррациональна, а истоки темны. В наиболее сильных и оригинальных своих стихах, в которых полным голосом говорит его индивидуальность, Гвидо преодолевает, в сущности, чуждое ему влияние Гвиницелли. В них воспевается слепая страсть и бессилие добродетели. Образ Амора в поэзии Кавальканти — иной, чем в юношеских произведениях Данте. Это безжалостный сирийский лучник, поразивший сердце поэта двумя стрелами. Третья стрела была бы спасением для его души, полумертвой от первых двух ран, но Amor держит натянутым лук, не спуская ее с тетивы. Эта третья стрела, очевидно, возвышенная, просветленная любовь, которой поэт так и не познал.

В пору дружеской близости с Гвидо и с самым светлым и радостным из поэтов сладостного стиля, Лапо Джанни Ричевути Данте написал прелестное стихотворение о совместной морской прогулке друзей. В ладье, которая несется по волнам, зачарованная волшебником Мерлином, вместе с молодыми людьми находятся их возлюбленные: монна Ванна — подруга Кавальканти, монна Ладжа — дама сердца Лапо Джанни и зашифрованная («та, чье тридцать тайное число») спутница самого Данте (но отнюдь не Беатриче):

...Любезный маг, склоняясь над волной,
Заставил говорить лишь об одной
Любви, чтоб нас течение унесло
В сиянье дня к земле обетованной.

Ответом на это осиянное солнцем и пронизанное дыханием моря стихотворение был сонет Гвидо, в котором чувствуется иной поэтический темперамент, чем у Алигьери. Перед нами поэты одного поэтического направления, но совершенно разного мироощущения:

О, если б я любви достоин был,
Во мне лишь память о любви всевластна, —
И дама не была б столь безучастна,
Такой корабль мне стал бы, Данте, мил.
А ты, из тех, которых посвятил
Амор, смотри — жду милость ежечасно,
Но дама в сердце целится бесстрастно,
Как ловкий лучник. Жду, чтоб он сразил
Меня. Amor натягивает лук

И, торжествуя, радостью сияет;
Он сладостную мне готовит мечь.
Но слушай удивительную весть —
Мой пораженный дух ему прощает
Упадок сил и силу новых мук.^[4]

Некоторые юношеские стихи Данте ближе к легким и певучим сонетам и баллатам беззаботного флорентийского нотариуса Лапо Джанни, чем к трагическим и глубоко пессимистическим созданиям его первого друга. Излюбленной формой Лапо был плэзэр — стихи о том, чего человек желает. Впечатления реальной жизни, преображенные фантазией поэта, становились сладостной мечтой, недостижимой и убедительной. Воды Арно обретали целебные свойства, отливали серебром зубцы городских стен, грязные улицы средневековой Флоренции покрыли плиты из хрусталя. Наступил всеобщий мир, спокойны и безопасны для путников стали дороги, и соседи перестали враждовать. Вокруг города зазеленели сады и прозрачной влагой наполнились водоемы. Счастливые и нарядные девушки и юноши, пылающие взаимной любовью, огласили город звуками веселых песен, виол и гитар. Люди почувствовали себя молодыми, полными здоровья и радости, ибо повсюду воцарился мир. В этой идиллической картинке несомненно одно — искренняя любовь поэта-горожанина к родной Флоренции. Такие плэзэр на провансальский лад, своеобразные маленькие утопии, писал и Данте, но в его стихах нет того легкомысленного ликования, которым дышит каждая строка Лапо Джанни.

Когда кончилась краткая пора относительного гражданского мира, многие поэты сладостного стиля оказались в разных политических лагерях. Противником белых гвельфов стал друживший одно время с Кавальканти и учившийся у него искусству слагать стихи Джанни Альфани, более других начитанный во французской куртуазной литературе. Видную роль в партии черных гвельфов играл впоследствии Дино Фрескобальди из гордой и заносчивой семьи банкиров-магнатов, в творчестве которого, как и у Гвидо, преобладали мрачные мотивы.

Эти умелые стихотворцы, овладевшие техникой сладостного стиля, способствовали повышению общего уровня итальянской поэтической культуры, хотя и не создали чего-либо значительного и оригинального. Всех их безмерно превосходил гений Данте Алигьери и трагический талант его «первого друга».

Данте и Кавальканти долго были друзьями. Влияние Гвидо явственно ощутимо в первой части «Новой Жизни». Разошлись они по многим, не только литературным, причинам. Одна из главных кроется в разнице их мировоззрений — поэт, воспевавший жестоких флорентийских красавиц, остался чужд идентификации возлюбленной с божественным, очищающим душу началом, столь свойственным Данте на протяжении всего его творческого пути. В десятой песне «Ада» Данте не без скрытого осуждения упомянет имя того, кого он некогда называл первым другом своей юности. После смерти Кавальканти Данте с подлинным величием гения поднялся над горестными личными воспоминаниями и затаенными обидами и произнес похвалу Гвидо — блестящему лирическому поэту, писавшему на прекрасном и ясном итальянском языке.

Глава 5. Новая жизнь

Вот как Данте рассказывает о первом появлении перед его глазами восьмилетней флорентийской девочки, которая поразила его сердце и ум на всю жизнь: «Девятый раз после того, как я родился, небо света приближалось к исходной точке в собственном своем круговращении, когда перед моими очами появилась впервые исполненная славы дама, царящая в моих помыслах, которую многие — не зная, как ее зовут, — именовали Беатриче.

В этой жизни она пребывала уже столько времени, что звездное небо передвинулось к восточным пределам на двенадцатую часть одного градуса. Так предстала она предо мною почти в начале своего девятого года, я же увидел ее почти в конце моего девятого. Появилась облаченная в благороднейший кроваво-красный цвет, скромный и благопристойный, украшенная и опоясанная так, как подобало юному ее возрасту.

В это мгновение — говорю по истине — дух жизни, обитающий в самой сокровенной глубине сердца, затрепетал столь сильно, что ужасающе проявлялся в малейшем биении жил. И, дрожа, он произнес следующие слова: Вот бог, сильнее меня, пришел, чтобы повелевать мною».

Этот текст (начало «Новой Жизни») следует понимать исходя из современного знания средневековой культуры. Боккаччо был прав, утверждая, что Прекрасная дама Данте звалась Беатриче Портинари и что она вышла замуж за богатого банкирского сына Симона деи Барди и умерла рано. Но

автор «Декамерона» не сумел понять, что юная флорентийская красавица стала для Данте высшей реальностью — символом вечного добра, светоносной посланницей небес. Ее появление среди людей на улицах погрязшей в грехах Флоренции воспринималось поэтом как чудо.

Данте рассказывает, что, когда ему исполнилось восемнадцать лет, он увидел на одной из улиц Флоренции даму в одеждах ослепительно белого цвета. Белый цвет означал непорочность. С тех пор во сне и наяву у Данте начались видения. Повествуя о них, Данте, несомненно, прибегает к натяжкам, стараясь, чтобы чудесные появления Беатриче неизменно сопровождались числом «девять», ибо девяти лет он увидел ее в первый раз. Дата реального события наполняется глубинным смыслом, связываясь в сознании поэта с троичной основой мироздания (поскольку «девять» таит в себе число «три»).

Данте видел в первом своем сне, что в его комнате в облаке цвета огня появился юноша, который нес в руках спящую Беатриче, едва прикрытую прозрачным плащом. Когда видение отступило, Данте написал сонет, в котором излагал это странное на первый взгляд событие, трудное для понимания.

На небе звезд не меркнуло сиянье,
И не коснулась ночь предельных мет —
Амор явился. Не забыть мне, нет,
Тот страх и трепет, то очарованье!
Мое, ликуя, сердце он держал.
В его объятьях дама почивала,
Чуть скрыта легкой тканью покрывал.
И, пробудив, Амбр ее питал
Кровавым сердцем, что в ночи пылало,
Но, уходя, мой господин рыдал.

Он послал своей сонет флорентийским поэтам. Многие ответили ему в стихах, по обычаю того времени, но плохо поняли, что хотел сказать Данте. Среди поэтических корреспондентов оказался один, чьи стихи удивили Данте, так как они намного превышали тот средний уровень слагателей рифм, которыми была полна Тоскана. Данте повстречал поэта, обладающего изысканной техникой и возвышенностью чувств. Автором ответного сонета был Гвидо Кавальканти.

Данте мысленно то удалялся, то возвращался к Беатриче. Следуя провансальской куртуазной манере, он выбирал «даму защиты», которой порою писал стихи, звучащие вполне искренне. Стих его совершенствовался от наивно гвигтонианского до утонченного стиля Гвидо Кавальканти и возвышенного Гвидо Гвиницелли. Поэтика Данте становилась поэтикой нового сладостного стиля, но он долго не мог порвать с провансальской поэзией, с темами сицилийцев, с приемами старой тосканской школы. Склонность Данте к «даме защиты», к которой иногда непритворно устремлялись вздохи поэта, оскорбила Беатриче, очевидно желавшую, чтобы стихи Данте были обращены только к ней. И она отказала Данте «в своем пресладостном приветствии», а в этом приветствии, по словам Данте, заключалось все его блаженство.

Однажды, когда огорченный Данте заснул в слезах, «как побитый ребенок», он увидел в своей комнате юношу. Присмотревшись, Данте узнал властителя сердец Амора. Молодой сеньор заговорил важно, мешая латынь с итальянским: «Сын мой, пришло время оставить притворство наше». И вдруг Данте увидел, что Амор заплакал. «Владыка, почему ты плачешь?» — в недоумении спрашивает Данте и слышит в ответ: «Я подобен центру круга, по отношению к которому равно отстоят все точки окружности, ты же — нет». Данте показалось, что юноша говорит очень непонятно. К этому образу, рожденному философскими раздумьями, Данте будет возвращаться неоднократно. В «Пире», толкуя Аристотеля, он напишет: «Каждая вещь более всего совершенна, когда она касается и достигает собственного достоинства; в таком случае она более всего отвечает своей природе, поэтому круг можно назвать совершенным тогда, когда он действительно круг. Это достигается в том случае, когда в нем есть точка, равно отстоящая от окружности». Амор «Новой Жизни» и хотел сказать: «Я центр круга, центр совершенной фигуры. А ты еще на периферии великого искусства любви». В экстатической поэзии неистового францисканца брата Якопоне да Тоди, которого в дни юности Данте знала вся Италия, мы находим тот же образ — Бога любви, пребывающего в центре круга. В последней песне «Рая», написанной великим поэтом незадолго до смерти, бог неизменной любви находится в центре мироздания, управляя Солнцем и другими светилами.

Амор объясняет, что Беатриче, не удостоила Данте приветствия, боясь, что поэт принадлежит к числу докучных, то есть недостойных, некуртуазных людей. Прекрасный юноша советует Данте написать баллату^[51] и направить ее Беатриче с заверениями в преданности, обещая, что будет на его стороне, и сам отправится сопровождать стихотворное послание. Форма бал-латы, которую выбрал Данте, уже перестала быть песней, написанной для музыки и танцев (откуда и ее название), и стала

поэтической формой с определенным чередованием рифм, обычно на любовную тему:

Баллата, ты любви отыщешь бога,
С Амором вместе к даме ты пойдешь,
Чтоб оправдание, которое поешь,
С ним обсудить — открыта вам дорога...

«Новая Жизнь» непрестанно открывает нам внутренний мир поэта, иногда в терминах несколько непривычных современному читателю. Носящиеся вокруг Данте и других поэтов сладостного нового стиля духи: зрения, слуха, сердца — не что иное, как символические изображения чувств и переживаний героя. Эта система психологических знаков была в значительной степени заимствована у арабских медиков, труды которых стали известны в средневековой Европе благодаря латинским переводам. Разлад между внутренними духами приводит к смятению чувств, способен потрясти человека и довести его до экстаза. Данте был уже тогда мастером «противоречий», именуемых у провансальцев «discors». Нам известен такой образец спора души и сердца у поэта XV века Франсуа Вийона. Современный психолог может составить себе самое точное представление о душевной жизни поэтов сладостного стиля, если он вскроет сущность языка внутренних переживаний, на котором говорили Гвидо Кавальканти и его друзья. Поэт охвачен любовью. Одна его мысль желает власти Амора, другая напоминает о муках, которые надлежит перенести влюбленному; «и каждый помысел столь мне противоречил, — рассказывает Данте, — что я пребывал в неведении, подобно тому, кто не знает, по какой дороге должен он идти; желает отправиться в путь и не знает, куда он стремится».

Лишь о любви все мысли говорят,
И столь они во мне разнообразны,
Что вот одни отвергли все соблазны,
Другие пламенем ее горят.
Окрылены надеждою, парят,
В слезах исходят, горестны и праздны;
Дрожащие, они в одном согласны —
О милости испуганно твердят.

Находясь в таком расстройстве чувств и смятении мыслей, Данте избегал людей. Однажды пришел один из его друзей и пригласил его «в некое место, где много дам являет свою красу», что, по всей вероятности, означает какой-либо большой семейный праздник, скорее всего свадьбу. Данте вместе со своим неизвестным доброжелателем и другими флорентийскими молодыми людьми остался на свадьбе. Вдруг он ощутил чудесный трепет в левой стороне груди, тотчас же распространившийся по всему телу. «Я прислонился к фреске, которая шла вокруг по стенам зала, чтобы скрыть мое волнение, — читаем в „Новой Жизни“. — Боясь, чтобы другие не заметили мое волнение, я поднял глаза на дам и увидел среди них Беатриче. Тогда столь сокрушены были мои духи силою, которую Amor возымел, увидя меня столь близко от благороднейшей госпожи, что в живых остались лишь духи зрения, но и они находились вне своего органа, ибо в нем соизволил пребывать Amor, чтобы видеть чудотворную госпожу... Многие из дам, заметив, как я изменился, начали насмехаться надо мной вместе с благороднейшей госпожой. Тогда друг мой, желавший мне добра и обманутый в своих ожиданиях, взял меня за руку, увел от взоров этих дам и спросил, что случилось со мной. Когда я пришел в себя и возродились мои поверженные духи, а изгнанные вернулись в свои владения, я сказал моему другу: „Если бы дама знала мое состояние, я не думаю, чтобы она так насмехалась надо мной, но сострадание ко мне возникло бы в ее сердце“.

Вернувшись с празднества, Данте написал сонет, в котором слышатся отзвуки поэзии Гвидо Кавальканти — неумолимая жестокость дамы, обреченность влюбленного и покорность роковой судьбе.

Все в памяти смущенной умирает —
Я вижу вас в сиянии зари,
И в этот миг мне бог любви вещает:
«Беги отсель иль в пламени стори!»
Цвет сердца на лице моем пылает.
Ищу опоры, потрясен внутри;
И опьяненье трепет порождает.
Мне камни, кажется, кричат: «Умри!»
И чья душа в бесчувствии застыла,
Тот не поймет подавленный мой крик.
Он согрешит, но пусть воспламенится

В нем состраданье, что в сердцах убила
Насмешка ваша, видя бледный лик
И этот взор, что к гибели стремится.

В коротких записях прозой Данте выразил свои горькие мысли. Их можно сравнить с размышлениями Гамлета, но еще более близки они некоторым страницам гётевского «Вертера». Это значит, что Данте был зачинателем в Европе психологического романа и что он первый выпустил на европейскую сцену колеблющегося, любящего, приходящего в отчаяние молодого человека. Чтобы защититься от терзаний своего внутреннего мира, он решил написать еще стихи — известно, что музы исцеляют страдания:

Я часто думал, скорбью утомленный,
Что мрачен я не по моей вине.
Себя жалел, пылая, как в огне;
Твердил: «Так не страдал еще влюбленный!»
О, сколько раз, нежданно осажденный
Жестоким богом, в сердца глубине
Я чувствовал, что дух один во мне
Еще живет, любовью озаренный!
Стремился вновь волнение унять,
В моем бессилье и в изнеможенье,
Чтоб исцелиться, к вам я шел, спеша.
Осмеливаясь робкий взгляд поднять,
Я чувствовал такое сотрясение,
Что мнилось мне — из жил бежит душа.

Все эти переживания, заставлявшие Данте скрываться от общества дам и кавалеров, не могли не обратить на себя внимания не только его близких друзей, но и знакомых. В прелестном прозаическом отступлении Данте рассказывает, как он однажды проходил тем садом, улицей, мимо того фонтана, которые нам ныне неведомы, и был остановлен веселыми и любезными речами некоей благородной дамы, находившейся в окружении других дам. «Я приблизился и, увидев, что моей благороднейшей госпожи не было среди них, почувствовал вновь уверенность в себе. Тогда я приветствовал их и спросил, что им угодно. В том обществе было много дам; некоторые смеялись. Другие смотрели на меня, ожидая, что я скажу. Иные разговаривали между собой. Одна из них, обратив на меня свой взор и назвав меня по имени, произнесла следующие слова: „Какова цель твоей любви, если не можешь выдержать присутствия твоей дамы? Скажи нам, так как цель такой любви должна быть необычной и небывалой“. И когда вопрошающая умолкла, не только она, но и все другие дамы ожидали моего ответа, и ожидание это отразилось на их лицах. Тогда я сказал: „О дамы, целью моей любви раньше было приветствие моей госпожи, которая, конечно, вам известна. В приветствии этом заключались все мои желания. Но так как ей угодно было отказать мне в нем, по милости моего владыки Амора, мое блаженство я сосредоточил в том, что не может быть от меня отнято“. Тогда дамы начали разговор между собой, и, подобно тому, как мы видим иногда ниспадающую с неба смешанную с прекрасным снегом воду, так, казалось мне, я слышал как исходили слова их, мешаясь с воздыханиями. И после того, как они некоторое время разговаривали между собой, та дама, что первая обратилась ко мне, произнесла: „Мы просим тебя, чтобы ты сказал нам, где пребывает твое блаженство“. Я ответил им лишь следующее: „В словах, восхваляющих мою госпожу“. Тогда обратилась ко мне та, что говорила со мной: „Если сказанное тобой правда, те стихи, которые ты посвящал ей, изъясняя твое душевное состояние, были бы сложены иначе и выражали бы иное“. Тогда, размышляя об этих словах, я удалился от них почти пристыженный и шел, говоря самому себе: „Если столь велико блаженство в словах, хвалящих мою госпожу, почему иною была моя речь?“ Тогда я решил избрать предметом моих речей лишь то, что могло послужить для восхваления благороднейшей дамы».

Так начался новый период творчества — новой жизни, период восхваления прекрасной дамы. Мучительный самоанализ сменился просветленными гимнами в честь единственной и несравненной. Данте приступил к сочинению большой канцоны о совершенной любви.

«Через некоторое время, — вспоминает Данте, — когда я проезжал по дороге, вдоль которой протекала быстрая и светлая река, меня охватило такое сильное желание слагать стихи, что я принялся думать, как мне следует поступать, и я решил, что говорить о совершенной даме надлежит, лишь обращаясь к дамам во втором лице, и не ко всем дамам, а лишь к тем из них, которые наделены благородством. И тогда мой язык заговорил, как бы движимый сам собой, и произнес: Лишь с дамами, что разумом любви владеют. Эти слова я удержал в моей памяти с большой радостью, решив воспользоваться ими для начала».

Тут нам придется сделать небольшое отступление, чтобы объяснить, каких дам в купеческой и ремесленной Флоренции Данте называет благородными. Быть может, тех, чьи отцы или мужья происходят от феодалов или от верхушек новой городской знати — новых магнатов, воспринявших обычаи и уклад жизни нобилей? В то время, когда Данте писал эту юношескую свою вещь, понятие «благородный» в его словаре не было связано с высоким происхождением. Ни кровь, ни старинное богатство не давали права, по его мнению, на благородство. Для Данте оно было понятием духовным, независимым от рода и происхождения. Благородство посылалось небесами в благоустроенное тело и было редким явлением в грешном мире.

Канцона, написанная тогда, как бы отталкивается от знаменитой канцоны Гвидо Гвиницелли о поэте, который спорит с богом, доказывая всевышнему, что он вправе сравнивать свою даму с небесными ангелами. Данте идет еще дальше — сами ангелы, торжествуя, указывают божественному разуму на совершеннейшую из смертных.

Пред разумом божественным воззвал
Нежданно ангел: «О творец вселенной,
Вот чудо на земле явилось брэнной;
Сиянием пронзает небосвод
Душа прекрасной. Чтоб не ощущал
Неполноты твой рай без совершенной,
Внемли святым — да узрят взор блаженной».
Лишь Милосердие наш защищает род.
Сказал господь: «Настанет скорбный год.
Ее душа с землею разлучится.
Там некто утратить ее страшится
Среди несовершенства и невзгод.
В аду он скажет, в царстве злорожденных —
Я видел упование блаженных».
Ее узреть чертог небесный рад.
Ее хвалой хочу я насладиться.
И та, что благородной стать стремится,
Пусть по дорогам следует за ней.
Сердца презренные сжимает хлад.
Все низменное перед ней смутится.
И узревший ее преобразится
Или погибнет для грядущих дней.
Достойный видеть — видит все ясней,
В смиренье он обиды забывает.
Ее привет все мысли очищает,
Животворит в сиянии огней.
Так милость бога праведно судила —
Спасется тот, с кем дама говорила.

«Как воссияла эта чистота И воплотилась в смертное творенье!» Сам бог любви воскликнул в изумленье: «Или творец в ней н о в о е явил»...

После этой канцоны поэзия Данте становится спокойнее и просветленнее. Он освобождается от мрачного пафоса, свойственного Гвидо Кавальканти. Один из флорентийских поэтов просил его рассказать о том, что такое Амор и каковы его проявления. Данте начинает свой сонет о природе любви перифразой Гвиницелли — «Любовь и благородные сердца — одно, сказал поэт в своей канцоне», ибо Гвидо Гвиницелли объяснил, что для того, чтобы вспыхнула в сердце высокая любовь, необходимо, чтобы сердце было уготовано для ее восприятия. Данте запомнил стихи Гвиницелли: «Всегда любовь находит убежище в благородном сердце, как птица в зелени леса. Природа не сотворила любовь прежде, чем благородное сердце, и благородное сердце прежде любви. И как свету солнца свойствен жар, так в свете благородного сердца возникает пламя Амора».

Во второй части своего сонета Данте развивает идеи бо-лонского поэта, утверждая, что красота порождает любовь. Красота есть форма, соединяющая универсальную потенцию Амора с индивидуальной потенцией человека. В этих поэтических идеях сладостного нового стиля чувствуется влияние «еретического» учения Аверроэса о вечном потенциальном универсальном Разуме и о возможностях человеческого ума и человеческих чувств. Данте пошел дальше Гвиницелли, уверяя, что благороднейшая дама вызывает любовь даже в сердцах, к любви не расположенных, то есть не обладающих благородством, ибо она имеет чудесную способность преображать даже грубые человеческие сердца. В следующем своем произведении, в «Пире», Данте писал: «Огненные языки, исходящие от ее красоты, уничтожают врожденные пороки, поэтому следует понять, что красота ее имеет власть обновлять природу тех, кто ею любит, ибо она чудодейственна». Говоря так о

Философии и любви к ней, автор «Пира» прибегает к языку Платона, а не Аристотеля. Идеи Платона питали европейские литературы XIII века, хотя не все тексты великого ученика Сократа во времена Данте были переведены на латынь.

Данте, который всегда исходит от реального, чтобы подняться затем в воображаемые «высокие реальности», обращается к событиям флорентийской жизни, связанным с Беатриче. Ее отец, богатый и уважаемый гражданин Фолько де Рикверо Портиналии скончался в феврале 1289 года. Дом Портиналии находился всего шагах в пятидесяти от дома Алигьери на виа дель Корсо в той же части города, Порта Сан Пьеро. Похороны были многолюдны, старый Фолько долгие годы занимал в коммуне важные общественные должности и трижды избирался приором. Портиналии завещал своей дочери Беатриче, супруге Симона деи Барди, 50 золотых флоринов и просил, чтоб его погребли в церкви им основанной богадельни Санта Мариа Нуова.

Данте ждал окончания заупокойной службы, не решаясь войти в церковь, где «Беатриче плакала, возбуждая сострадание». Не меньше, чем слезы скорбящей об умершем отце возлюбленной, занимают Данте его собственные переживания. Он прислушивается к тому, что говорят выходящие из церкви. «Дамы прошли мимо меня, и я пребывал погруженный в грустные размышления. Слезы порой струились по моему лицу, и я стремился их скрыть, закрывая глаза руками. Если бы я не ожидал, что услышу еще что-либо о ней, находясь в месте, мимо которого проходило большинство дам, ее покидавших, я скрылся бы, как только слезы нахлынули на мои глаза.

Так, медля в том же месте, я увидел, как другие дамы проходят мимо, и я услышал их слова: «Кто из нас может быть радостной, ведь мы слышали, как звучали слова этой дамы, исполненные дивной печали». И вот еще иные дамы появились, говоря: «Этот плачущий здесь как будто видел ее такой, какой видели ее мы». Затем другие сказали обо мне: «Посмотрите на него, он сам на себя не похож, столь изменился он». Так проходили мимо дамы, и я слышал их слова о ней и обо мне, как было сказано».

Данте в «Новой Жизни» непрестанно занимается самоанализом. Он видит себя со стороны, ловит каждое слово, сказанное о нем людьми, а затем анализирует его, иногда пишет на эту тему стихи. Сопоставим эти строки с главой двадцать пятой: «Я поднял глаза, чтобы увидеть, видят ли меня». Такие места напоминают Пруста и Поля Валери. От всех переживаний Данте заболел. «На девятый день моей болезни, — пишет он, — я ощутил почти нестерпимую боль, во мне возникла мысль о моей даме. И так, думая о ней, я вернулся к мысли о моей немощной жизни, и, видя, сколь она недолговечна даже у людей здоровых, я стал оплакивать в душе моей столь печальную участь. Затем, умножая вздохи, я произнес про себя: „Неизбежно, что когда-нибудь умрет и благороднейшая Беатриче“. И столь великое охватило меня смущение, что я закрыл глаза и начал бредить, как человек, охваченный умопомрачением, и предался всей фантазии. В начале этого заблуждения моей фантазии передо мной явились простоволосые женщины, мне говорящие: „Ты умер“. Так начала блуждать фантазия моя, и я не знал, где я находился. И мне казалось, что я вижу женщин со спутанными волосами, рыдающих на многих путях, чудесно скорбных; и мне казалось, что я вижу, как померкло солнце, так что по цвету звезд я мог предположить, что они рыдают. И мне казалось, что летящие в воздухе птицы падают мертвыми и что началось великое землетрясение. Страшась и удивляясь, во власти этой фантазии, я вообразил некоего друга, который пришел ко мне и сказал: „Разве ты не знаешь, твоя достойная удивления дама покинула этот век?“ Тогда я начал плакать, исполненный величайшей горести, и не только в моем воображении, но истинные слезы омывали мои глаза. Затем я вообразил, что следует мне посмотреть на небо, и мне показалось, что я вижу множество ангелов, которые возвращались на небо, а перед ними плыло облачко необычайной белизны. Мне казалось, что эти ангелы пели величальную песнь и что я различаю слова их песни: „Осанна в вышних“ — и ничего другого я не слышал. Тогда мне показалось, что сердце, в котором заключалась столь великая любовь, сказало мне: „Поистине мертвой покоится наша дама“. И после этого мне показалось, что я иду, чтобы увидеть тело, в котором обитала благороднейшая и блаженная душа. Столь сильна была обманчивая фантазия, что она показала мне мою даму мертвой. И мне казалось, что дамы покрывают ее голову белой вуалью; и мне казалось, что на лице ее отобразилось такое смирение, что слышалось — она говорила: „Я вижу начало умиротворения“. И в этом мечтании, когда я увидел ее, меня охватило чувство такого смирения, что я призывал смерть, говоря: „О пресладостная Смерть, приди ко мне, не поступай со мною недостойно, ты должна быть благородна, в таком месте была ты! Приди ко мне, столь жаждущему тебя. Посмотри — я уже ношу твой цвет“. Когда же я увидел завершение скорбных обрядов, которые надлежит совершать над телом умерших, мне почудилось, что я возвращаюсь в мою комнату. Там привиделось мне, будто я гляжу на небо. И столь сильно было мое воображение, что истинным своим голосом, плача, я произнес: „О прекраснейшая душа, блажен видевший тебя!“ Произнося эти слова скорбным голосом, прерываемым приступами рыданий, я призывал Смерть. Молодая и благородная дама, бывшая у моего ложа, думая, что мои рыдания и мои слова были

вызваны лишь моим недугом, также начала плакать. Другие дамы, бывшие в комнате, по ее слезам заметили, что и я плачу. Тогда они удалили молодую даму, связанную со мною ближайшим кровным родством, и подошли ко мне, чтобы меня разбудить, полагая, что я вижу сны. Они сказали мне: „не спи“ и „не отчаивайся“. От этих слов прервалось сильное мое мечтание как раз, когда я хотел воскликнуть: „О Беатриче, будь благословенна!“ И я уже сказал „О Беатриче“, когда, придя в себя, я открыл глаза и увидел, что заблуждался. И хотя я назвал это имя, мой голос был прерван приступом рыданий, так что эти дамы не смогли, как я полагаю, меня понять».

Излечившись, Данте слагает канцону, как бы перелагая в стихи этот замечательный отрывок прозы:

Когда о брэнной жизни думал я
И видел, как близка моя могила,
Сам бог любви омыл свой лик слезой.
Столь смущена была душа моя,
Что в мыслях так, вздыхая, говорила:
«Покинет дама грешный мир земной».
И, мыслию терзаемый одной,
Сомкнул глаза. В неизъяснимой дали
В отчаянье блуждали
Сознания духи. И в воображенье,
Прервав уединенье,
Обличья скорбных жен передо мной
Все истины, все знания предстали.
«И ты, и ты умрешь!» — они взывали.
И страшное увидел я вдали,
Входя все глубже в ложное мечтанье.
Был в месте, чуждом памяти моей.
С распущенными волосами шли
Там дамы, слышалось их причитанье;
Они метали пламя злых скорбей.
Мерцало солнце, мнилось, все слабей,
И звезды плакали у небосклона,
Взойдя из ночи лона.
И птиц летящих поражала смерть,
И задрожала твердь.
Вот некий муж предстал среди теней,
И хриплый голос рек, как отзвук стога:
«Сей скорбный век покинула Мадонна».
И очи, увлажненные слезой,
Возвел — казалось, ниспадает манна, —
То возвращались ангелы небес,
И облачко парило над землей,
К нам доносилось райское: «Осанна!»
И звук иной в моей душе исчез.
Сказал мне Амор: «Горестных чудес
Не скрою. Посмотри, лежит среди зала».
Мадонну показала
Фантазия мне мертвой, бездыханной.
Вот дамы лик желанный
Сокрыли мглою траурных завес.
Она, поправ смиреньем смерти жало,
Казалось, молвит: «Я покой познала».

Амор сжалился над своим верным. Был ясный майский вечер. Данте стоял на углу близ ворот Флоренции, которые вели к Арно и пригородам за рекой. Ему показалось, что сердце его исполнено радости, и он увидел красивую даму, которую некогда воспевал Гвидо Кавальканти. Она звалась Джованна (Иоанна), но знакомые называли ее Примавера, что значит «весна». Взглянув пристальней, он увидел, что за Примаверой идет чудотворная Беатриче. Амор, сопутствующий Данте, иногда был склонен к рассуждениям и даже к чистой логике, напоминая болонских толкователей законов и глоссаторов. По словам Амора, Примавера означает не только «весна», но также «идущая впереди» (Амор, как и многие его ученые собратья в средние века, пользуется неверной этимологией). Исходя из этого толкования имени красавицы Амор заключает, что вполне естественно сопоставить настоящее имя Примаверы — Джованна с именем Иоанна Крестителя — предтечи Христа! А Беатриче следовало бы называть Амором «благодаря большому сходству со мной», заключает он. Когда Амор исчез и дамы прошли мимо, Данте написал сонет о чудесном явлении монны Биче (сокращенная

форма имени Беатриче).

Данте был не меньшим теоретиком, чем владевший его сердцем Amor. Он привык к философическим беседам у флорентийского Гвидо и студенческим спорам в Болонье. Он решил, что читатель может усумниться в правдивости его слов, — ведь он говорит об Аморе так, как если бы тот был реальностью, вещью в себе, а не только разумной субстанцией. Заметим, что «с у б с т а н ц и я» в средневековой философии могла быть как телесной, так и духовной, то есть чистой формой, чистым действием, подобной природе ангелов. Человек же представлялся соединением телесного и духовного. И так как поэт утверждает, что он видит, как Amor приходит, уходит, то есть видит его действия в пространстве, он придает ему, Амору, свойства тела. Не меньшую свободу выражений позволяли себе латинские поэты и слагатели стихов на народном языке, когда они обращались к предметам неодушевленным так, словно те существовали в действительности и обладали даром речи. Так поступал и автор «Энеиды» Вергилий, Лукан, Гораций и отец поэтов Гомер. После античных примеров Данте переходит к авторам на новых языках. «И прошло немного лет с тех пор, — продолжает он, — как появились первые поэты, сочиняющие стихи на народном языке. В провансальском или в итальянском языках нельзя найти поэтических произведений, написанных ранее чем полтора-два года тому назад». Заметим, что Данте верно датирует начало итальянской литературы, но не провансальской, которая значительно старше. Рассуждение Данте содержит в себе некоторую истину об истории развития поэзии, однако совершенно не соответствует практике поэтов сладостного нового стиля, которые писали, конечно, от сердца и воображения, а не от ума, веря и не веря в субстанциональное существование Амора. Нам кажется, что в этом рассуждении заговорил ученик Болоньи, привыкший к логике наследников Ирнерия.

Как бы противореча самому себе, после рассудительной главы Данте начинает в следующих главах славословие Беатриче, которая в своем неземном совершенстве уподобляется святому Франциску. Он пишет: «Благороднейшая дама снискала такое благоволение у всех, что, когда она проходила по улицам, люди бежали отовсюду, чтобы увидеть ее; и тогда чудесная радость переполняла мою грудь. Когда же она была близ кого-либо, столь куртуазным становилось сердце его, что он не смел ни поднять глаз, ни ответить на ее приветствие; об этом многие испытавшие это могли бы свидетельствовать тем, кто не поверил бы моим словам. Увенчанная смиренiem, облаченная в ризы скромности, она проходила, не показывая ни малейших знаков гордыни. Многие говорили, когда она проходила мимо: „Она не женщина, но один из прекраснейших ангелов“. А другие говорили: „Это чудо; да будет благословен господь, творящий необычайное“.

В двух стихотворениях поэт восхваляет уже не земную женщину, а преображенную, чья красота становится небесным явлением, не подвластным земным переменам.

Постигнет совершенное спасенье
Тот, кто ее в кругу увидит дам.
Пусть воздадут творцу благодаренье
Все сопричастные ее путям.
Ты видишь добродетели явленье
В ее красе, и зависть по следам
Мадонны не идет, но восхищенье
Сопутствует ее святым вестям.
Ее смиренье мир преобразило,
И похвалу все спутницы приемлют,
Постигнув свет сердечной глубины,
И, вспомнив то, что смертных поразило
В ее делах, высоким чувствам внемлют, —
Вздыхать от сладости любви должны.

Возлюбленная поэта «ангелизирована», подобных славословий удостаивалась ранее только Мадонна. Оба сонета как бы готовят к смерти блаженной и прекрасной дамы.

Приветствие владычицы благой
Столь величаво, что никто не смеет
Поднять очей. Язык людской немеет,
Дрожа, и все покорно ей одной.
Сопровождаемая похвалой,
Она идет; смиренье ветер веет.
Узрев небесное, благоговеет,
Как перед чудом, этот мир земной.
Для всех взирающих — виденье рая
И сладости источник несравненный.
Тот не поймет, кто сам не испытал.

И с уст ее, мне виделось, слетал
Любвеобильный дух благословенный
И говорил душе: «Живи, вздыхая!»

Глава 6. Смерть Беатриче

Восхваления Беатриче неожиданно прерываются трагической цитатой из библейской книги «Плач пророка Иеремии»: «Как в одиночестве сидит град, некогда многолюдный, он стал как вдова, некогда великий между народами». Эта цитата является эпитафией к последней части «Новой Жизни», повествующей о смерти несравненной дамы. Всеми правдами и неправдами поэт стремится датировать события числом «девять». Беатриче умерла в 1290 году, 8 июня, однако Данте прибегает к счету, принятому в Сирии, по которому у него получается, что месяц ее смерти — девятый, «ибо первый месяц там Тизрин первый, называемый у нас октябрём». Нам кажется, что эти страшные натяжки и привлечение восточных экзотических календарей являются неоспоримым доказательством того, что Беатриче существовала в действительности. Если бы она была символом или аллегорией, к чему были бы все эти хитрые расчеты? Для прославления и возвышения Беатриче Данте понадобились звездные числа и космические образы, и он обратился к популярной в средневековой Европе книге узбекского астронома IX века, уроженца Самарканда, Аль Фергани. «Начала астрономии» Аль Фергани были известны благодаря латинскому переводу Герарда из Кремоны. Это сочинение Данте тщательно изучил, и оно в значительной степени определило его представления о строении вселенной. Чтобы объяснить возвышенный смысл датыuspения своей возлюбленной, Данте обращается к выкладкам среднеазиатского математика и звездочета. Число «девять» оказывается главным числом мироздания, ибо движущихся небес — девять, и девятое небо есть перводвигатель, в котором заключено мировое движение.

Воспринимая смерть Беатриче как космическую катастрофу, Данте почел необходимым сообщить о ней всему миру. Он обращается с латинским посланием к земным владыкам, начав его приведенной выше цитатой из Иеремии. Но князья Италии и градоправители республик вряд ли отозвались на письмо юного флорентийского поэта. В безумный смысл этого не дошедшего до нас послания проник спустя шесть веков Александр Блок:

В посланьях к земным владыкам
Говорил я о Вечной Надежде.
Они не поверили крикам,
И я не такой, как прежде.
Никому не открою ныне
Того, что рождается в мысли.
Пусть думают — я в пустыне
Блуждаю, томлюсь и числю.

Данте стал проводить дни и ночи в слезах. В те времена, как и в античной Греции, мужчины не стыдились слез. Затем он написал канцону. Она связана тематически с канцоною, в которой говорилось, что в небесах ожидают Беатриче.

На небе Беатриче воссияла,
Где ангелов невозмутим покой...
И, с удивленьем на нее взирая,
Ее в обитель рая
Владыка вечности к себе призвал,
Любовью совершенною пылая,
Затем, что жизнь столь недостойна эта,
Докучная, ее святого света.

Несмотря на отдельные прекрасные строки, канцона эта немного длинна, заверения о неутешности поэта, о его верности Беатриче, о его несказанном горе повторяются, может быть, слишком часто, однако нельзя ни минуты сомневаться в их искренности. Затем Данте рассказывает, что, когда канцона эта была написана, к нему пришел один из лучших его друзей, который «приходился столь близким родственником по крови той славной даме, что не было родственника, более близкого». Этот перифраз значит, что посетитель скорбящего Данте был братом Беатриче. Он попросил Данте сочинить стихи об одной юной умершей даме, не называя ее имени. Однако Данте

понял, что он ведет речь о Беатриче. И Данте сочинил сонет, начинающийся:

Пусть скорбь моя звучит в моем привет;
Так благородным надлежит сердцам.
Мой каждый вздох спешит навстречу к вам.
Как жить, не воздыхая, мне на свете!

Решив, что он недостаточно удовлетворил просьбу своего приятеля, Данте написал также небольшую канцону, которая начинается: «Который раз, увы, припоминаю, что не смогу увидеть...» В последних ее стихах чувствуется скорбное дыхание, звучит музыка будущей «Комедии», терцин «Рая»:

Ее красу не видит смертный взор.
Духовною она красою стала
И в небе воссияла,
И ангелов ее восславил хор.
Там вышних духов разум утонченный
Дивится, совершенством восхищенный.

В годовщину смерти Беатриче Данте сидел в уединенном месте и на табличке рисовал ангела, думая о несравненной даме.

«Рисуя, — вспоминает он, — я поднял глаза и увидел рядом с собой людей, которым надлежало воздать честь. Они смотрели на мою работу. И как мне было сказано потом, пребывали там уже в течение некоторого времени, прежде чем я их заметил. Когда я их увидел, я встал и, приветствуя их, сказал им: „Некое видение пребывало со мной, и я весь был погружен в мысли“. Когда ушли эти люди, я вернулся к моему занятию и снова стал рисовать ангела. И за работой мне пришлось в голову сочинить стихи как бы к годовщине, обратиться к тем, кто посетил меня. Тогда я написал сонет, начинающийся: „Явилась мне...“ Этот сонет имеет два начала, второе является как бы поэтическим переложением рассказа:

Явилась мне в часы уединенья —
Ее Амор оплакивал со мной.
Вы видели рисунок быстрый мой,
Склонились у ее изображенья.

Так прошел год. Погруженный в скорбь, одиночество, воспоминания, Данте писал сонеты, канцоны, в которых уже не дышало прежнее вдохновение, прежняя страсть. И вдруг что-то изменилось в его душевном состоянии, что-то дрогнуло, что-то снова вдохновило его. Лицо печальника было искажено скорбью, глаза покраснели от слез, но мысль о том, видят или не видят его скорбь, не покидала поэта, вечно преданного самоанализу. «Однажды, — продолжает Данте, — осознав мое мучительное состояние, я поднял глаза, чтобы увидеть, видят ли меня. Тогда я заметил некую благородную даму, юную и прекрасную собой, которая смотрела на меня из окна с таким сожалением, что казалось, что все сожаление в мире в ней нашло свое прибежище. И так как несчастные, видя сострадание других, почувствовавших их муки, легче уступают приступам слез, как бы сожалая самих себя, я ощутил в моих глазах желание пролить слезы. Но, боясь показать жалкое состояние моей жизни, я удалился от очей этой благородной дамы, говоря самому себе: „Не может быть, чтобы с этой сострадательной дамой не находился благороднейший Амор“. Это было опасное соседство. Рядом с прекрасной дамой, которую Данте не знал, или, может, быть, знал, так как она жила рядом, был роковой спутник — Амор. Данте был в смущении, в недоумении. Дама, полная сострадания, проливая слезы, и где бы ни увидела она молодого страдальца, бледность — цвет любви — являлась на ее щеках. В ее взглядах Данте начал искать утешения, наконец он написал сонет:

И цвет любви и благодать сожаленья
Ваш лик скорбящий мне не раз являл.
Он милосердием таким сиял,
Что на земле не нахожу сравненья.
Я созерцал чудесные явленья.
Ваш грустный взор мой скорбный взор встречал.
И голос трепетный во мне звучал —
Вот сердце разорвется от волненья.
Ослабленным глазам я воспретить
Не мог глядеть на вас...

Глаза Данте, по его словам, начали испытывать слишком сильное наслаждение, когда он видел сострадательную даму; напрасно он упрекал свои глаза и даже написал сам себе в укор сонет. Взоры его невольно направлялись в ту сторону, где была дама-утешительница. Данте прекрасно сознавал — с его склонностью к анализу — противоречие своих чувств. Образ сострадательной дамы, живой, улыбающейся или печальной, был слишком привлекателен и соблазнял самые глубины его сердца. Он записал в своем поэтическом дневнике: «Я видел вновь и вновь лицо сострадательной дамы в столь необычном виде, что часто думал о ней как об особе, слишком мне нравящейся. „Эта благородная дама, — размышлял я, — прекрасная, юная и мудрая, появлялась, как можно судить, по воле Амора, чтобы в жизни моей я нашел отдохновение“. И часто я думал еще более влюбленно, так что сердце мое все глубже воспринимало доводы этой мысли. И когда я уже был вполне готов с ними согласиться, я снова погружался в раздумье, как бы движимый самим разумом, и говорил самому себе: „Боже, что это за мысль, которая столь постыдно хочет меня утешить и почти не допускает иную мысль?“ Затем восставала другая мысль и говорила: „В таком мучительном состоянии ты находишься, почему не хочешь освободиться от скорбей? Ты видишь — это наваждение Амора, приводящего к нам любовные желания. Амор исходит из столь благородного места, каким являются очи дамы, показавшей столь великое ко мне сострадание“. Так я, борясь с самим собой, хотел выразить мое душевное состояние в стихах. И так как в столкновении моих мыслей побеждали те, которые говорили в ее пользу, мне показалось, что мне следует к ней обратиться. Тогда я написал сонет, который начинается: Благая мысль».

Если этот сонет был послан даме сострадания, то он прозвучал как признание в любви.

Благая мысль мне говорит пристрастно
О вас, пленившей дни мои и сны.
Слова любви столь сладости полны,
Что сердце, кажется, со всем согласно.
Душа узнать стремится ежечасно
У сердца: «Кем с тобою пленены?
Зачем лишь ей одной внимать должны?
Слова иные изгоняешь властно!»
«Душа задумчивая, — говорит
Ей сердце, — это дух любви нам новый;
Он мне, таясь, открыл свое желанье.
А добродетели его основы
В очах прекрасных той, что нам сулит
И утешение и состраданье».

Затем в «Новой Жизни», написанной (скорее составленной, так как стихи возникли ранее) через год после смерти Беатриче, описывается покаяние Данте и его возвращение к Беатриче. Он снова проливает слезы, снова мучается денно и ночью, и муки его усугублены его краткой изменой. Наконец, Данте повествует о пилигримах, направляющихся в Рим, которых он встретил на улицах Флоренции. По этому поводу он пишет сонет, в котором со свойственным ему преувеличением уверяет, что, если бы печальная весть о смерти Беатриче коснулась ушей этих странников, пришедших из неведомых и далеких стран, они наполнили бы Флоренцию рыданиями. Следует также рассказ о неких благородных дамах, которые попросили Данте написать стихи. Данте послал им один из своих сонетов, посвященных Беатриче, написанный после ее смерти, и новый сонет — апофеоз возвышенной дамы на небесах.

За сферою предельного движенья
Мой вздох летит в сияющий чертог.
И в сердце скорбь любви лелеет бог
Для нового вселенной разуменья.
И, достигая область вождельня,
Дух-пилигрим во славе видеть мог
Покинувшую плен земных тревог,
Достойную похвал и удивленья.
Не понял я, что он тогда сказал,
Столь утонченны, скрытны были речи
В печальном сердце. Помыслы благие
В моей душе скорбящей вызывал.
Но Беатриче — в небесах далече —
Я слышал имя, дамы дорогие.

После этого Данте явилось «чудесное видение». В этом видении, говорит он, «в котором я узрел

то, что заставило меня принять решение не говорить больше о благословенной, пока я не буду в силах повествовать о ней более достойно. Чтобы достигнуть этого, я прилагаю все усилия, о чем она поистине знает. Так, если соблаговолит тот, кто все животворит, чтобы жизнь моя продлилась еще несколько лет, я надеюсь *сказать о ней то, что никогда еще не было сказано ни об одной женщине*. И пусть душа моя по воле владыки куртуазии вознесется и увидит сияние моей дамы, присноблаженной Беатриче, созерцающей в славе своей лик того, кто благословен во веки веков». Таким образом, Данте на последней странице «Новой Жизни» обещает, что скажет о Беатриче «то, что никогда не было сказано ни об одной женщине». Этот заключительный аккорд «книги памяти» противостоит всему замыслу следующего произведения Данте — «Пира», написанного в первые годы изгнания. Следует предположить, что три (или, может быть, только первые две) аллегорические и морализирующие канцоны, вошедшие в «Пир», возникли еще во Флоренции. Данте утверждает, что «сострадательная дама» была «достойнейшей дочерью Повелителя вселенной, которую Пифагор именовал Философией» (I, XV, 12). Нелегко объяснить совершенно очевидное противоречие между двумя произведениями. Трудно также отрешиться от мысли, что «сострадательная дама», прежде чем превратиться в образ аллегорический, существовала в действительности на «первом плане». Можно предположить с достаточной вероятностью, вместе с многими современными дантологами, что «Новая Жизнь» имела две редакции и что до нас дошла вторая, в которой конец был переделан и дополнен самим автором в те времена, когда он оставил «Пир» и трактат «О народном красноречии» и начал писать «Монархию» и «Божественную Комедию». Отказавшись от интеллектуализма первых лет изгнания, Данте стремился связать с песнями поэмы юношеское свое произведение, прославлявшее ту, которая стала его водительницей в «Раю».

Все же определить, каков был конец первой редакции «Новой Жизни», представляет нелегкую задачу. Мы можем предположить, что заключением было торжество сострадательной дамы и сонет, ей посвященный. Может быть, были приписаны позже не только история его «чудесного видения», но также глава тридцать девятая о раскаянии Данте и одиннадцатая о пилигримах. В двадцать девятой главе, несмотря на плач, воздыхания и покаяние, чувствуются некоторая искусственность и холод — величайшие противники поэзии. Сонет о пилигримах больше говорит о внешнем образе идущих «по граду скорбей» странников, чем о чувствах самого поэта.

В начале «Пира» Данте категорически заявляет, что сострадательная дама не женщина, а Философия, дочь самого господина бога, — и пусть верит, кто может поверить! Но мы знаем, что Данте впоследствии отказался от этой натяжки и каялся в земном раю перед ликом Беатриче во всех своих увлечениях, как просто земных, так и аллегорических. Мы полагаем, что наиболее вероятна гипотеза о том, что «чудесное видение» было придано книге памяти позже, когда пророчество последнего сонета уже осуществлялось в «Божественной Комедии». Некоторые ученые прошлого столетия полагали, что благородная дама была не кем иным, как невестою, а затем женою Данте — Джеммою Донати. Это вызвало бурю негодования и возмущения у критически настроенных дантологов нашего века, которые не желают решать загадки дамы сострадания. Почему, однако, не предположить, что красавицей, пожалевшей Данте, действительно была долго ждавшая своего жениха и просватанная за него еще в детстве Джемма Донати? Данте был обязан взять ее в жены по договору, подписанному его отцом, и потому не замечал ее красоты, но после смерти Беатриче он мог вдруг заметить прелесть своей невесты, ее нежность, сострадательность и всепрощение и оценил ту долгую любовь, которую она к нему питала. Женоненавистник Боккаччо сообщает, что родственники, мол, оженили Данте после смерти Беатриче, не понимая, что поэтам супружество вредно, так как оно мешает их занятиям поэзией. Седовласый автор «Декамерона» стал в конце жизни богомольным мизантропом, однако свидетельству его нельзя не верить. Данте женился после смерти Беатриче, вероятно, через год, когда ему было двадцать шесть лет, а Джемме около двадцати. Каким образом Джемма, подарившая Данте четырех детей, могла стать символом божественной мудрости, я затрудняюсь объяснить. Данте, впрочем, любил самые неожиданные трансформации смысла, но мог впоследствии легко от них отказываться. Великому человеку была свойственна вечная игра идей, реальных и фантастических. Без этих перевоплощений, перемен, духовных восхождений и многих, увы, многих падений, в том числе в аллегорически-морализирующие времена «Пира», Данте не стал бы автором «Божественной Комедии».

Глава 7. Судьбы Флоренции во второй половине XIII века

лорентийская коммуна образовалась в середине XII века. Так же как в других итальянских

городах, первоначально во главе коммуны стоял совет консулов. Пока Флоренция приводила в покорность графство, никто из граждан не покушался на авторитет консульской верхушки, но уже в конце XII века появились расхождения и несогласия между отдельными влиятельными семьями. Новые граждане феодального происхождения, пришедшие из замков, боролись со старыми патрициями за власть в коммуне. Экономическое развитие города выдвинуло на первый план разбогатевших купцов. Росло также влияние торговых и ремесленных цехов, где постепенно выделилась группа (или группы) людей, стремившихся к управлению общественными делами.

Еще в конце XII века во Флоренции образовался цех купцов Калимала, получивший свое название от переулочка между Старым и Новым рынком, где размещались их склады и лавки. Разбогатев на торговле и ростовщичестве, купцы Калимала выдвинули из своей среды банкиров, раскинувших сеть контор от Малой Азии и северной Африки до Британских островов. В первой половине XIII столетия возникли цехи менял и банкиров, нотариусов и судей, суконщиков, торговцев шелком, затем врачей и аптекарей и меховщиков. Эти семь цехов (вместе с Калимала) именовали большими, или старшими, они объединяли самых богатых дельцов из флорентийских торгово-промышленных компаний. Наибольшим уважением пользовался цех юристов, наибольшее влияние на дела коммуны оказывал Калимала. Старшие цехи постепенно забрали в свои руки бразды правления в коммуне.

В начале XIII века исполнительная власть во Флоренции была доверена подесте, градоправителю, который в целях обеспечения беспристрастия и нелицеприятия власти приглашался из другого города. Почти всегда подесте принадлежали к сословию нобилей. Также нобилем и также, как правило, чужеземцем был Капитан народа, командовавший вооруженными силами республики.

Если мы бросим взгляд на политическую карту Италии XIII века, то она покажется нам похожей на шахматную доску, на которой гвельфские коммуны чередуются с гибеллинскими. Обычно соседние города принадлежали к различным партиям. Так, Пиза была традиционно гибеллинской благодаря старинным связям с империей и выгодам, которые она получала от этих связей, а Флоренция — традиционно гвельфской. Флоренция, в свою очередь, имела гибеллинских соседей — Арrezzo и Сьену.

Названия «гвельфы» и «гибеллины», которые, как можно судить на основании хроник, появились во Флоренции еще в конце XII века, по существу, стали обозначать не столько приверженность к папе или императору, сколь противоречия в самой Флоренции, где в конце концов гвельфы восторжествовали как партия, обеспечивающая городу процветание. Не в интересах Флоренции было ссориться с папой, который мог помешать торговле флорентийских суконщиков и операциям флорентийских банкиров во Франции и в Провансе. После победы Карла Анжуйского над королем Манфредом и изгнания гибеллинов из города флорентийцам открылись новые торговые пути на юг, в королевство Неаполитанское, где воцарилась династия Анжу. Союз с папой, неаполитанскими Анжу и с французским королем стал основой флорентийской политики, диктуемой экономическими интересами города. Напрасна была попытка нейтрального папы Николая III из семьи Орсини помирить эмигрировавших гибеллинов с твердо сидевшими во Флоренции гвельфами. Данте, которому было около пятнадцати лет, присутствовал при переговорах папского примирителя, кардинала Латини Малабранка — впоследствии поэт назовет его именем одного из дьяволов ада. Этот папский племянник собрал представителей обеих партий (среди гвельфов находился будущий тесть Данте — Мането Донати), и противники при нем облобызались и поклялись в дружбе и христианских чувствах. Но поцелуи эти были поцелуями Иуды. Цели папы-«миротворца» были далеко не бескорыстны: он хотел ослабить своего союзника Карла Анжуйского и укрепить свое положение в Тоскане. После «мира кардинала Латини» много гибеллинов вернулось во Флоренцию.

В это время Рудольф Габсбургский, выбранный в Германии императором Священной империи, отправился в Рим на коронацию и потребовал от тосканских городов присяги на верность. Флоренция отказалась начисто, так как никогда не присягала императору. Рудольф, не будучи уверен в своем военном превосходстве, проследовал в Рим и не решился войти в Тоскану, чтобы наказать непокорную коммуну.

После смерти Николая III гвельфы стали притеснять гибеллинов, вошедших в «коалиционное правительство». Двухпартийный совет четырнадцати, состоявший из восьми гвельфов и шести гибеллинов, был упразднен, и заседавшие в нем гибеллины потеряли всякое влияние. Скоро начались репрессии против них, заставившие многих вновь пойти по дорогам изгнания.

В 1282 году во главе управления коммунной стала коллегия, или совет, из шести приоров, по одному от каждой из шести частей города. Кандидат в приоры должен был принадлежать к одному из старших цехов. Нововведением явилось создание совета цехов с капитаном-хранителем мира коммуны, призванным защищать цеховой строй республики. Двенадцать цехов — семь старших и пять средних — получили разрешение иметь своего знаменосца и организовать вооруженные отряды для защиты своих прав. Старейшины цехов стали заседать в совете при подесте.

Тем самым средняя буржуазия, поддерживаемая верхушкой ремесленников, как бы взяла верх в коммуне. На самом деле места в совете цехов и органах государственного управления захватили богатейшие и влиятельнейшие представители флорентийской плутократии, и власть оказалась в руках у сравнительно немногих фамилий богачей, связанных так или иначе с аристократией. Мало было во Флоренции богатых семей, которые не были бы родственниками магнатов. Само понятие «магнат» далеко не простое. Магнатами считались нобили по крови, как, например, Донати, но также семьи, породнившиеся с аристократами, жившие, как и они, в палаццо, как, например, Черки, деды которых были пришедшими из деревни мужиками. Черки купили дворец графов Гвиди, имели множество прислуги и поражали Флоренцию своей роскошью. Правда, они принадлежали к первому десятку европейских банкиров, ссужавших деньгами государей.

Один из представителей древней феодальной фамилии Джанно делла Белла, занимавшийся торговлей и банковскими операциями, был выбран приором Флоренции 15 декабря 1292 года. Получив в руки власть, он решил расправиться с магнатами. Причину его ненависти к магнатам некоторые составители хроник усматривают в том, что однажды его грубо оскорбил, ударив по лицу, нобиль из рода Фрескобальди. Другие полагают, что и до этой пощечины делла Белла проявлял склонность к тощему народу, и именно за это с ним хотел расправиться разъяренный нобиль. При новом приором были введены так называемые «Установления Справедливости», по которым магнаты сурово карались за малейшие проступки против пополанов. Джанно делла Белла поддерживали ремесленные цехи, на его стороне, по-видимому, были также бесправные массы горожан и поденщики. При делла Белла получили права еще девять ремесленных цехов победней, но и после этого далеко не все ремесла вошли в цеховую систему, включавшую теперь двадцать один цех. В совете капитана-хранителя мира коммун поговаривали о том, чтобы дать права еще одиннадцати цехам, но этот проект встретил серьезную оппозицию и принят не был.

Текст «Установлений Справедливости» поручили составить, с согласия Джанно делла Белла, трем ученым судьям, рассказывает Дино Компаньи, современник и участник событий: Донато Ристори, Убертино деи Строцци, представителю банковской семьи, с которой Джанно имел деловые связи, и небезызвестному Бальдо Агульони, который в зависимости от обстоятельств менял партийные группы, как перчатки. Комиссия начала работать 10 января, а через пять дней закон был готов. Принимая во внимание, что «Установления» являются документом довольно сложным и пространным, приходится удивляться быстроте работы этих ученых мужей. Можно почти с уверенностью сказать, что все они были учениками Болоньи, где, как известно, во второй половине XIII века происходили жестокие схватки между различными политическими группами. Между 1280 и 1282 годами были составлены «Священнейшие установления города Болоньи». По этому закону нобили не могли участвовать в управлении городом, если не были записаны в народные корпорации, то есть в цехи. Казнились также страшными казнями нобили, обвиненные в оскорблении или ранении пополанов. Чтобы покарать строжайшим образом такого правонарушителя, достаточно было свидетельства одного пополана, данного под присягой. Сверяя текст обоих «Установлений», нельзя не прийти к заключению, что флорентийская комиссия подражала Болонье и в значительной степени переписала «Установления» болонских законодателей, над которыми болонцы трудились два года.

Впрочем, флорентийские судьи увеличили наказания с таким расчетом, чтобы сделать само существование тех, кто был объявлен «магнатами», почти нестерпимым. К магнатам причислялись, во-первых, несомненные феодалы, которые еще существовали в флорентийском графстве и только наезжали в город. Список магнатов-горожан был составлен более чем произвольно. В нем фигурируют действительно несколько представителей старой знати; к ним присоединили имена некоторых давно разбогатевших купцов, в семействах которых имелись рыцари; но в магнаты попали также некоторые мелкие торговцы, которые имели свои лавки, были записаны в цех и давно забыли о своем «благородном происхождении». Между тем многие богатые купцы и банкиры, также живущие на широкую ногу и подражавшие нобилем в домашнем быту, в списке магнатов не оказались.

За малейшее оскорбление пополана магнат казнился сторицей, и дом его мог быть разрушен в присутствии знаменосца того или иного цеха.

Говорили, что если магнат ехал на коне и его лошадь хвостом задевала пополана в узких улицах Флоренции, то магнат этот был конченным человеком. Фактически магнаты или те, кого к ним причислили, оказались вне закона. На здании Барджелло, замке подесты, висел ящик, в который опускали анонимные доносы; власти не оставляли их без внимания, и часто они служили единственным поводом для репрессий. Достаточно было подозрения или доноса, чтобы гонфалоньер правосудия созывал милицию, которая уничтожала дом и имущество «виновного». Для этих мероприятий не нужно было ни судебного следствия, ни санкции суда. «Ни один обвиненный не остался без наказания», — писал Дино Компаньи, лицо, близкое к Джанно делла Белла, в своей хронике. Напротив Варджелло учреждена была специальная тюрьма для магнатов —

«пальяццо» (соломянка), начальником ее состоял нобиль, человек жестокий и пристрастный. Заключенных кормили скверной пищей и нередко травили. Вряд ли можно усмотреть в событиях начала девяностых годов борьбу бедных с богатыми, но несомненно, что велась борьба за политическое равноправие средних цехов со старшими.

Трудно сказать, кого, как и почему уничтожал правитель города делла Белла. Мнения о нем современников противоречивы. Его сторонники называли его человеком порывистым и страстным. Любопытна характеристика Джанно, сделанная Дино Компаньи: «Мужественный человек, очень храбрый, он имел дерзость браться за дела, которые все другие оставляли. Он говорил о том, о чем другие молчали, и все это ради справедливости и против виновных». Папа Бонифаций VIII, отлучивший Джанно от церкви, называл его «камнем преткновения». По свидетельству современников, у делла Белла после периодов бурной активности случались приступы упадка сил и полнейшего безразличия ко всему. Весьма возможно, что он стремился к личной диктатуре и уничтожал прежде всего своих личных врагов, не щадя, впрочем, и тех, кто попадался под руку возмущенному народу. Тем самым в атмосфере страха и ужаса он расчищал себе дорогу к сеньории, как это случалось часто и в других городах Тосканы.

Бесспорно, что флорентийский народ возмущали нобили, укрепившиеся в своих башнях, не скрывавшие пренебрежения к плебеям и не брезгавшие рукоприкладством: нередко были случаи побоев и увечий, нанесенных магнатами пополанам. По существу, гранды были чужеродным элементом в городе, их терпели только потому, что во время войны они были необходимы коммуне как конное войско. В дни мира они представляли скорее обузу, поскольку не участвовали в торговых делах.

Поднять против магнатов, выставлявших напоказ свое богатство, пополанов среднего достатка и жестоко эксплуатируемый тощий народ было делом нетрудным. Если все же искать корни происшедших перемен, то, по-видимому, они уходят в стремление группы людей вокруг Джанно убрать с пути не только вечно угрожавших спокойствию города магнатов, происходящих от древних феодалов, но также ограничить влияние чересчур разбогатевших домов и облегчить выдвижение на первые места банкиров и торговцев более позднего происхождения, как, например, Альберти, Строцци и Медичи, которые достигнут в следующем столетии гегемонии во Флоренции. В XIV и начале XV века Медичи окажутся государями всей Тосканы, а Строцци и Альберти не только богатейшими купцами и банкирами, но и влиятельнейшими политическими деятелями.

Пришедшее к полноте власти сословие купцов и банкиров в конце XIII века захотело не только денег, оно стало подражать жизни аристократов других европейских стран, Флоренция вырабатывала постепенно буржуазное общество, не знающее жалости к конкурентам, подчиненное законам денег, прибыли. Все эти тенденции были представлены в партии черных гвельфов; она держала власть железными руками и постепенно освобождалась от всех нежелательных элементов. За борт прежде всего были выброшены те гвельфы, которые объявили себя сторонниками антипапской политики в Тоскане.

За время своего краткого правления Джанно делла Белла не смог сделать что-либо систематическое. Дело кончилось отдельными убийствами, разорением нескольких домов, изгнанием нескольких магнатов, в то время как огромный капитал магнатов и пополанов-патрициев он не затронул. Истинными хозяевами Флоренции остались плутократы, вне зависимости от их происхождения, которое уже не играло никакой роли и служило лишь для удовлетворения самолюбия. Основное были деньги, мешки с золотом, тысячи метров сукна, которое экспортировалось за границу, контроль над торговыми путями из Тосканы на Восток и на Запад.

Когда Джанно делла Белла слишком перешел границы, истинные хозяева города решили его убрать. Как рассказывают хроники, ночью по Флоренции стал бегать с фонариком небезызвестный мясник Пекора, вечно крутившийся в старших цехах. Ему покровительствовала и ввела его в высшие политические круги Флоренции семья Тозинги, издавна состоявшая при епископе и получавшая от него целый ряд привилегий. В случае смерти епископа Тозинги и Вичедомини оставались местоблюстителями епископской кафедры. Понятно, что нобильям из семейства Тозинги не очень нравились перемены во Флоренции, происшедшие при отлученном от церкви Джанно делла Белла. Говорят, что именно Пекора выдвинул в свое время кандидатуру делла Белла в приоры Флоренции. Пекора не жалел денег и обещаний, возбуждая народ против приора, и преуспел в этом. Джанно был свергнут и осужден на изгнание 5 марта 1295 года. Ему посоветовали уехать вместе с братом, обещая, что вскоре он сможет возвратиться. Джанно уехал не только из Флоренции, но и из Италии, куда больше никогда не вернулся. Этот бывший феодал, банкир по профессии, начал в Париже при дворе французского короля, вероятно не без помощи друзей, банкирские операции, в чем изрядно преуспел. Там он и умер, не успев добиться того, чтобы с него сняли интердикт (папское отлучение).

Представители младших цехов никогда не имели большинства в органах городского управления.

Не следует забывать и о том, что политически активными членами цехов были только хозяева разных предприятий, так как только они могли вносить крупные членские взносы и платить довольно высокие ставки и налоги, обеспечивавшие ценз. Средний люд цехов: приказчики, весовщики, делопроизводители, мастера — не имел фактически никакого голоса. Что же касается чернорабочих, временных рабочих и поденщиков, то они были вообще совершенно бесправны.

Если не считать некоторых постановлений против магнатов, «Установления Справедливости» мало что изменили в общественно-политическом строении города-республики. После изгнания Джанно делла Белла стало ясно, что необходимо ослабить напряжение.

Флоренция хотела выглядеть как купеческая республика, управляемая «лучшими», то есть самыми богатыми, в которой не было бы военного сословия, представляющего опасность для спокойствия коммуны во время мира. Но что было делать без рыцарской кавалерии во время войны? Вопрос в конце концов решили в XIV веке так: вербовались вооруженные конники (рейтары), которыми командовал опытный кондотьер, профессиональный военачальник. Наемные отряды состояли обыкновенно из французов, каталанцев или немцев. Они стоили очень дорого, но республика была достаточно богата, чтобы им платить.

Между тем город рос; чтобы защитить многие новые поселения за стенами Флоренции, известный архитектор Арнольфо ди Камбио начал строить третью (а по современному археологическому счету — шестую) стену вокруг Флоренции и ее пригородов протяженностью в восемь с половиной километров. Стена окружала территорию в 630 гектаров и была укреплена шестьдесятю тремя башнями. По плану мастера Арнольфо производилась перестройка главного городского собора Санта Мария дель Фиоре. В 1294 году Арнольфо приступил к строительству дворца сеньории, а через год заложил фундамент большой каменной церкви францисканцев Санта Кроче. Над Флоренцией постепенно росла огромная башня собора, возводимая по рисунку Джотто.

В мае 1289 года, когда Данте исполнилось двадцать четыре года, военные знамена взвились на Бадии и военные значки, предвещающие войну, были повернуты в сторону Ареццо, лежащего к юго-востоку от Флоренции. Флорентийские войска, вместо того чтобы двигаться по направлению к неприятельскому городу долиной Арно, предпочли более короткий, хотя и неизмеримо более трудный путь в обход горного массива, вдоль которого течет Арно, и, не боясь горных переходов, прошли через перевал, разделяющий Прато Маньо и Консума (отроги Апеннин) к истокам реки. Опираясь на замки графов Гвиди, они стали фронтом к войскам аретинцев, сгруппировавшихся около епископского замка Библиена, представлявшего собой мощное укрепление. Позиция, занятая флорентийцами, была гораздо выгоднее. Один из предводителей аретинцев, Буонконте де Монтефельтро, опытный в делах войны, посоветовал епископу, который тоже происходил из известной военной семьи Убальдини, не нападать сразу на войско флорентийцев. Однако епископ, который к тому же был близорук, обозвал его бастардом и трусом. «В таком случае следуйте за мной, — сказал Монтефельтро, — но мы оба не вернемся назад». И действительно, так и случилось, и храбрый капитан и епископ погибли в бою.

Боевой порядок флорентийцев был такой: впереди большой отряд всадников, за ними пешие, наконец, под сильной охраной повозка с городским знаменем. Сбоку в засаде под командою Корсо Донати и подеста Пистойи разместились рыцарская кавалерия. Главный начальник флорентийского войска французский рыцарь Аймерик де Нарбонн приказал Корсо Донати не двигаться до его распоряжения, пригрозив, что в случаеслушания ему не снести головы.

Аретинцы начали бой. Гибеллинская кавалерия врезалась в самый центр войска флорентийцев. Флорентийцы начали отступать, увлекая за собой вражескую конницу. Тогда Корсо Донати, не дожидаясь приказа Нарбонна, по собственной инициативе пустил своих рыцарей с фланга; неожиданно появившиеся конники смяли ряды наступающих и обратили их в бегство.

Трупы аретинцев покрыли поле Кампальдино. Благодаря непослушанию Корсо Донати флорентийцы одержали победу. Поведение в бою командира центра Виери да Черки, одного из первых богачей Флоренции, имевшего рыцарские шпоры, было менее блистательно, но победа была полной и ее последствием явилась сдача флорентийцам замка Библиены.

Ни в одной из дошедших до нас хроник не упоминается имени Данте среди участников Кампальдинского сражения, что и понятно: он был слишком молод и мало кому известен. Правда, гуманист Леонардо Бруни утверждал, что читал собственноручное письмо Данте с описанием этой битвы. Данте писал, что, хотя со дня Кампальдинского сражения, в котором он участвовал будучи уже не ребенком, а юношей, прошло десять лет, он хорошо помнит страх, который он испытал в начале боя, сменившийся потом, в конце битвы, радостью. Свидетельство биографа Данте, жившего веком позже, подкрепляется свидетельствами самого Данте, которые мы снова находим в «Божественной Комедии». В пятом рву ада предводитель чертей, желая напугать Данте, изобразил из собственного зада трубу. Звук этой бесовской трубы вызывает в Данте воспоминания о трубных звуках Кампальдино, о битвах и походах:

Я конных ратей видывал движенья,
В час грозных сеч, в походах, на смотрах,
А то и в бегстве, в поисках спасенья;
Я видывал наезды вам на страх,
О аретинцы, видел натиск бранный,
Турнирный бой на копьях и мечах, —
Под трубный звук, набатный, барабанный
Или по знаку с башен, как когда,
На итальянский лад и чужестранный.

При Кампальдино Данте получил свое боевое крещение. Война с Ареццо была одной из многих войн, которые вела Флоренция за гегемонию в Тоскане.

В том же 1289 году, когда флорентийцы одержали победу на Кампальдино, отряд флорентийцев вместе с отрядом из Лукки осадил принадлежащий Пизе замок Капроны. Флоренция хотела обеспечить себе выход к морю по Арно, чтобы помешать пизанцам вмешиваться в ее торговые дела. Осада Капроны была недолгой. Испугавшись войска союзников, насчитывавшего 400 кавалеристов и две тысячи пехотинцев, гарнизон Капроны сдался при условии, что его не разоружат и разрешат выйти из крепости.

Командующий пизанскими войсками известный полководец Гвидо де Монтефельтро, услыша о постыдной сдаче крепости, рассвирепел и не пустил солдат Капроны в Пизу. Данте присутствовал при этой сдаче, когда трясущиеся от страха воины Капроны покидали крепость. Он вспоминает об этом в двадцать первой песне «Ада»:

Так, видел я, боялся ратный взвод,
По уговору выйдя из Капроны
И недругов увидев грозный счет.

Данте возвратился во Флоренцию и снова стал из воина частным лицом. Он писал стихи, занимался больше философией, чем своими хозяйственными делами. Так проходили годы, которые не затронули своим крылом Данте.

Ранней весной 1294 года, когда «Установления Справедливости» были еще в полной силе, через Флоренцию должен был проезжать Карл Мартелл, сын Карла II Неаполитанского, который поспешил в Тоскану, чтобы встретить своего отца, возвращавшегося после заключения договора с королем Арагона Яковом II. 2 марта анжуйский принц прибыл в Съену, куда флорентийское правительство направило послов для его встречи. Среди почетной рыцарской стражи находился Данте Алигьери, а командовал почетным эскортом Джанно, сын Виери деи Черки. Напомним, что король Карл Неаполитанский был верховным покровителем гвельфской партии. Флорентийцы хотели показать свою любовь и преданность анжуйской династии. Через несколько дней Карл Мартелл вошел во Флоренцию. Он был принят самым торжественным образом.

На чепраках коней короля и его свиты сияли вышитые золотом гербы Венгерского королевства. Карл Мартелл считался номинальным королем Венгрии. Его мать Мария была сестрою последнего венгерского короля из рода Арпадов Ласло IV, умершего без наследников, поэтому Карла объявили королем, как ближайшего родственника по женской линии. Однако из-за узурпации престола Андреем, по прозвищу Венецианец, назвавшимся Андреем III, Карл в Венгрию не попал. Династию венгерских Анжу основал сын Карла Мартелла — Карл-Роберт.

Молодой король любил поэзию и искусство. Он посетил мастерскую Чимабуэ, помещавшуюся среди садов за воротами Сан Пьеро. По-видимому, Данте особенно понравился юному монарху, любителю стихов на народном языке. Образ просвещенного юного государя, друга поэтов и художников, запечатлелся в поэзии Данте. В восьмой песне «Рая» на небе Венеры Данте видит Карла Мартелла, горящего огнем небесной любви. Радуюсь встрече, они произносят слова дружбы. Карл Мартелл говорит Данте, что он его любил и хотел многое сделать для него, но ранняя смерть помешала его милостям (король умер в возрасте двадцати трех лет). Его брат, Роберт Анжуйский, король Неаполя, стал одним из главных недругов Данте. Если бы Карл Мартелл остался жить, может быть, вся судьба Данте была иной и ему не пришлось узнать тягостей изгнания.

Глава 8. Святые и грешники

Первые два года после того, как умерла Беатриче, Данте часто ходил, стараясь, чтоб его никто не

увидел, в монастыри, возникшие в XIII веке: Санта Мария Новелла доминиканцев и Санта Кроче францисканцев.

Эти ордена, сравнительно недавно появившиеся во Флоренции, предпочли обосноваться не в центре города, а на его окраинах, там, где были поселения бедных людей. У доминиканцев был небольшой виноградник, где возвышался ораторий — церковь для проповедей — «Св. Мария среди винограда». Францисканцы выбрали себе еще более скромное место среди лачуг рыбаков и бесправных рабочих-красильщиков за Порто Перуцци. Данте привлекали известные доминиканские проповедники, философы и теологи, среди которых ученик Фомы Аквинского брат Ремиджо Джиролами славился как знаток Аристотеля. Совсем иной дух царил у францисканцев, где самой выдающейся личностью был французский монах Жан Олье, чье имя итальянцы переделали на Джованни Оливи.

Оливи объяснял сочинения Бонавентуры, одного из ученейших мужей своего времени, автора книги о жизни Франциска Ассизского, но главное — француз осмеливался толковать пророчества Иоахима Фьорского, аббата из Калабрии, который предвещал скорое наступление царства божьего, падение папы и продажного церковного клира. В Санта Кроче Данте впервые познакомился с учением иоахимитов-спиритуалов, глубоко укоренившимся среди францисканцев. Даже сам генерал ордена Иоанн Пармский совратился в иоахимизм, за что по настоянию папы был отставлен от своей должности и заточен в дальний монастырь — в годы молодости Данте он был еще шив. Бонавентура, человек аскетической жизни, в своих действиях был осмотрительнее, чем в убеждениях; став генералом ордена, он предпринял гонения против спиритуалов, хотя сам, так же как Иоанн Пармский, являлся сторонником совершенной бедности. Проповеди упорного иоахимита Оливи не прошли для Данте бесследно. Многие родило автора будущих инвектив против развращенных сановников церкви и с крайним направлением в францисканстве, братьями-фратичелли, которые ходили босые и проповедовали против папы-антихриста, особенно с тех пор, как на престол св. Петра воссел Бонифаций VIII. Фратичелли и спиритуалы, так же как и Данте, ожидали прихода в Италию императора, надеясь, что он положит конец бесчинствам высшего клира церкви, который присвоил деньги нищих и сирот и нарушил все заветы основателя христианства.

Данте стал постоянным посетителем нищенствующих орденов, надеясь найти истину, которую ему не открыли строгие болонские профессора. О своих исканиях мудрости Данте спустя несколько лет расскажет в «Пире»: «Как только я потерял первую радость моей души, о которой упоминалось выше, меня охватила такая тоска, что всякое утешение было бессильно. Однако через некоторое время мой ум, искавший исцеления, решил, убедившись в бессилии уговоров как собственных, так и чужих, вернуться к тому способу, к которому прибегали для утешения многие отчаявшиеся; и я принялся за чтение книги Боэция, в которой он себя утешил, пребывая в заключении и будучи всеми отвергнут. Услышав также, что Туллий (Цицерон) написал книгу, в которой, рассуждая о дружбе, стремился утешить достойнейшего мужа Лелия по поводу смерти его друга Сципиона, я принялся читать и ее. И хотя мне поначалу трудно было проникнуть в смысл этих книг, я, наконец, проник в него настолько глубоко, насколько это позволяло мое тогдашнее мое знание грамматики^[6] и скромные мои способности; благодаря этим способностям я многое, как бы во сне, уже прозревал, — что можно заметить в «Новой Жизни». И подобно тому, как бывает, что человек в поисках серебра неожиданно находит золото, даруемое ему сокровенной причиной, быть может не без воли божьей, я, пытаясь себя утешить, нашел не только лекарство от моих слез, но также списки авторов наук и книг. Изучив их, я правильно рассудил, что философия, госпожа этих авторов, повелительница этих наук и книг — некое высшее существо. И я вообразил ее в облике благородной жены и не мог представить себе иначе, как милосердной, поэтому истинное зрение во мне любовалось ею столь охотно, что я едва мог отвести его от нее. И под действием этого воображения я стал ходить туда, где она истинно проявляла себя, а именно в монастырские школы и на диспуты философствующих. В короткий срок, примерно в течение тридцати месяцев, я стал настолько воспринимать ее сладость, что любовь к ней изгоняла и уничтожала всякую иную мысль».

За два с половиной года своих занятий Данте познакомился с сочинениями Бернарда Клервосского, писавшего замечательнейшей латинской прозой. Кто-то справедливо заметил, что если бы Бернард писал по-французски или по-провансальски, а не по-латыни, он был бы величайшим трувером Франции. Данте привлекали ученые труды Альберта Великого, одного из первых европейских Фаустов, который соединял в себе архиепископа и мага, естествоиспытателя и толкователя Аристотеля. Он читал столпа схоластики Фому Аквинского, интересуясь главным образом его комментариями к «Этике» Аристотеля; «Этика» станет одной из самых любимых книг Данте. Как бы ни увлекался Данте учением малых братьев и иоахимитов, решающую роль в формировании его мировоззрения сыграло изучение Аристотеля, которого в то время именовали

просто Философом. Отзвуки этих усиленных штудий мы найдем не только в «Пире», но и в других произведениях, написанных в изгнании, а также в «Божественной Комедии». Данте усовершенствовал свои знания латинского языка и уже свободно читал Цицерона, Боэция и античных латинских поэтов.

Мы не можем здесь останавливаться с подробностями на влиянии этого периода на Данте, но заметим, что образ Катона Утического, который в произведениях Данте займет значительное место, зародился именно в эти годы. Язычник, покончивший с собой, чтоб не подчиниться тирании Цезаря, в проповедях доминиканца Ремиджо Джиролами ставился рядом с библейскими праведниками, с Фомой Кентерберийским, злодейски убитым несправедливым королем Англии Эдуардом, и с Людовиком IX Французским, умершим в крестовом походе. Это очарование образа Катона было столь сильно, что Данте сделал его стражем Чистилища, несмотря на то, что он не был христианином. Велико было и влияние на Данте францисканцев. Данте, несомненно, знал Убертино да Казале, который в 1305 году, удалившись на гору Альверно в Апенниннах, написал по-латыни трактат «Древо жизни», произведение по своим идеям еретическое.

Весьма возможно, что Данте слышал у францисканцев легенду о Гончем Псе, который восстановит порядок в Италии и прекратит бесчинства папского престола. В воображении поэта мешались образы из пророчеств Иоахима и проповедей брата Ремиджо, древнеримские сивиллы и волшебник Мерлин из легенд о короле Артуре. Но постепенно Данте отрывался от монастырской среды, все больше уединяясь с любимыми книгами: Вергилием, «Этикой» Аристотеля, Боэцием, Цицероном. В конце этого периода Данте посещал также часто церковь августинцев, где происходили философские и богословские диспуты.

Может быть, непосредственно после этих философских увлечений Данте подружился с одним из родственников своей жены — Форезе Донати. Это был веселый человек, склонный к выпивке, обжора и гуляка, к тому же остроумный сатирический поэт. Его мало интересовали проповеди брата Джованни Оливи и споры у августинцев. Не знаю, чем он понравился Данте, который стал с ним исчезать из дому.

Улицы Флоренции конца XIII века были плохо освещены, лишь кое-где из полумрака мигали огни таверн. Ходить невооруженным было опасно: Флоренция славилась на всю Италию своими ворами, которые совершенно незаметно умели срезать с поясов кошельки с деньгами. Вечерами на двух или трех флорентийских площадях, а не только в кабаках играли в кости и в другие азартные игры, причем нередко дело доходило до поножовщины. У каждого флорентийца висел на поясе кинжал. Допущены были и публичные дома, которые строго проверялись специальной полицией здоровья. Их разрешалось устраивать только вдали от церквей, чтобы не оскорблять святые места. Все это мало походило на идеализированную Флоренцию, «с серебряными стенами, мощенную кристаллом», которую воспел друг Данте Лапо Джанни.

Форезе и Данте сидели в одной из многочисленных таверн Флоренции, пили вино и вели остроумные и не всегда пристойные беседы. Форезе знал наизусть всю ту стоящую особняком тосканскую поэзию, для которой историки литературы не находят названия, обычно именуя ее комическо-реалистической. Поэзия эта была порождена чисто городской средой, загулявшими купчиками, готовыми промотать отцовское состояние, бездельниками, одаренными острым умом, но которым не хватало характера заняться чем-либо серьезным. В этой поэзии мы видим тот мир, из которого вышли новеллы Боккаччо.

Корифеями этой школы были Рустико Филиппи по прозвищу Бородач, родом флорентиец, в годы юности Данте бывший уже в преклонном возрасте, и Чекко Анджольери. Выходцы из пополанских семей, они прославились как неумеренные поклонники богини Венеры. Рустико, убежденный гибеллин, впрочем, иногда писал стихи и на установившийся куртуазный манер. Язык Рустико выразителен, энергичен и полон иронии. Для примера приведем один его сонет:

О милый муженек Альдобрандино,
Ты б курточку Пилетту возвратил!
В то, что сказал ты, верить нет причины,
Любезен этот мальчик, очень мил.
Ты не рогат, — к чему все эти мины,
Зачем на людях голову склонил!
Чтоб с нами отдохнуть, сосед невинный
В гостеприимный дом наш приходил.
Ты курточку верни, и так смущен,
Он не придет к нам невзначай без дела.
Твои слова ведь для него закон!
Он впредь не снимет даже нитки с тела
В постели. Не кричи! Не сделал он
Мне ничего, о чем бы я жалела.

Этот монолог супруги мессера Альдобрандино столь жив, красочен и беспощадно откровенен, что напоминает страницы «Декамерона».

Уроженец города Сьены Чекко был сыном почитаемого и богатого гражданина Анджольеро. Анджольери. Можно предполагать, что Чекко познакомился с Данте, старше которого он был на несколько лет, во время аретинской войны и битвы при Кампальдино; Сьена воевала тогда на стороне Флоренции против Ареццо. Чекко обменивался с Данте стихотворными посланиями. Последний из сонетов Чекко этого цикла написан в начале XIV века, в годы изгнания Данте. Он содержит недружелюбные намеки на нищету флорентийского поэта.

Возлюбленная Чекко Беккина была дочерью сапожника. Стихи Чекко, ей посвященные, переходят иногда в диалоги — любовную, не слишком изысканную перебранку. Беккина — героиня не столько лирических стихов, сколь бытовой новеллы. Чувственное увлечение Чекко лишено какой-либо идеализации. Чекко ненавидел своих родителей, особенно отца, который дожил до преклонных лет, был скуп и не давал ему денег для той жизни, которую поэт считал единственно для себя подходящей. Вино, игральные кости, женщины составляли для сына сьенского банкира главный смысл существования. Досужие критики сравнивали Чекко — не слишком, впрочем, убедительно — то с Рютбефом, то с Франсуа Вийоном. Было бы неосторожно видеть в стихах Чекко Анджольери точное отражение его рассеянной жизни. В них много литературных мотивов, почерпнутых из французских фавлю и бродячих анекдотов. Излюбленная поэтическая фигура Чекко — гипербола. Он умелый стихотворец, знающий правила поэтики и риторики, но умственный кругозор его ограничен стенами Сьены и редко выходит за эти пределы.

В одном из наиболее известных своих сонетов, в котором грубая насмешка, злость и самодурство столь выразительны, что становятся поэзией, Чекко пишет: «Если я был бы огнем, я бы спалил весь свет. Если я был бы ветром, я бы его опустошил дыханием бури. Если я был бы водой, я бы его потопил. Если я был бы богом, я отправил бы мир в тартарары. Если бы я был папой, я бы с радостью довел всех до отчаяния. Если я стал бы императором, я поступил бы еще лучше — всем вокруг меня отрубил головы. Если бы я был смертью, я бы отправился к моему отцу. Если бы я был жизнью, я не остался бы с ним вместе; так же я поступил бы и с моей матерью. Если бы я был Чекко, а я им был и им являюсь ныне, я попридержал бы веселых и молодых женщин, а старых и хромых оставил другим». В цинизме Чекко, как это часто бывает, выражена боль и неудовлетворенность жизнью. Меланхолическая тема, прикрытая насмешкой, выявляется в нескольких его лучших сонетах, так, например, в сонете девяносто первом:

Я нищетою был усыновлен,
Ее признал я матерью своею,
И меланхолией я подъярмлен,
А скорбью зачат и взлелеян ею.
Я саван получил взамен пелен.
Что досаждают мне, я тем владею.
От головы до пят я злом пленен,
Ничем хорошим хвастаться не смею.
Меня женили. Стало мне привычно
Внимать супруги богоданной вой.
До Неба звезд восходит голос зычно,
Как тысячи гитар он надо мной
Рокочет. Тот, кто женится вторично, —
Простак, глупее каши полбяной.

К сатирикам конца XIII — начала XIV века близки были поэты-эпикурейцы, утверждавшие радости жизни в условных формах провансальского плэзэра (итал. *placere* — наслаждение, радость, удовольствие). Они создавали картины вполне возможного земного блаженства, ограниченного чувственными восприятиями.

Последователем уличных трубадуров был нобиль, представитель древней семьи Форезе Донати, также любивший весело провести время и посмеяться над всем миром. Приятели, Форезе и Данте, затеяли переписку-перебранку в стихах. Первым задрался Данте. Фамильное прозвище Форезе было Биччи (что значит «башенка» или «домишко»). Нужно сказать, что прозвища были очень распространены во Флоренции. Данте уверял, что бедный Биччи так беден, что зимою в его комнатах все замерзает от стужи. На самом же деле все происходит не в декабре, а в августе. Несчастливая жена Биччи простужена и кашляет. Одежда ее столь коротко, что она принуждена надеть чулки, чтоб не замерзнуть. Муженька, как обычно, нет дома — его место в постели пусто, он, верно, удрал куда-нибудь пьянствовать. Появляется теща и причитает: зачем она выдала свою дочь за Форезе, а не за одного из графов Гвиди (вероятно, Гвидо Новелло, умершего в 1293 году). Графы Гвиди были мощные

феодалы, у которых были замки и владения в верхней долине Арно. На самом деле, конечно, еще не старая жена Форезе вовсе не страдала так от бедности, и весьма возможно, что у Форезе в кармане водилось больше денег, чем у Данте. Но таков был стиль поэтического препирательства, допускавший всякие преувеличения в целях усиления комического.

Форезе Биччи делает вид, обращаясь к Данте в ответном сонете, что он действительно беден. Если он ни свет ни заря убежал из дому, то лишь потому, что ему было нечем укрыться. Пошел он не зря, а стремясь что-либо промыслить. Он очутился на кладбище, где думал найти клад, но вместо денег нашел покойного Алигьери, отца Данте, связанного Соломоновым узлом. Тут Форезе испугался и перекрестился, тень старичка стала молить, чтобы он развязал ее и спас от узла. Форезе не справился с этой задачей и побрел домой. Метафорически узел Соломона мог означать те обязательства по ростовщичьим делам, от которых и после смерти не мог освободиться старый Алигьери. В испуге Форезе побрел домой.

Средь ночи кашель на меня нашел,
Укрыться было нечем — вот причина,
И я не выспался, но все едино
Чуть свет уже на промысел пошел.
Понять нетрудно, до чего я зол:
Ведь вместо клада — что за чертовщина! —
Или хотя бы одного флорина
Я Алигьери средь могил нашел.
Он связан был, и узел был мудреный,
Не знаю — Соломонов иль другой,
И тут я на восток перекрестился.
«Из дружбы к Данте, — старикан взмолился, —
Освободи от пут!» Но узел оный
Не одолел я и побрел домой.^[7]

Обозленный Данте ответил своему насмешливому приятелю, что за обжорство ему придется подписывать на пергаменте векселя и что в конце концов он очутится в долговой тюрьме. Тогда Форезе предлагает Данте вернуть в Сан Галло все, что он оттуда взял, это лучше, чем глумиться над собственной бедностью. Сан Галло, известная во Флоренции больница для бедняков, и богадельня Санта Мария помещались в пригороде Сан Галло, за городскими стенами. Форезе задели нападки Данте, и он бросает гневно своему родственнику: «Мы нищие, зачем же, объясни, у нас ты деньги клянул?» Здесь неясный намек на то, что у брата и сестры Данте — Франческо и Таны (Гаэтаны) больше средств, чем у самого Данте, и что он хочет, чтоб они его содержали. Форезе предрекает Данте печальный конец в богадельне около Порте Пинти. Насмешка Форезе особенно зла и полна пренебрежения к семье Алигьери, так как этот приют для нищих был основан в XI веке семьей Донати, которая оказывала ему помощь и в XIII веке. Сонет кончается: «Я вижу в Пинти божий дом, где трое из одной тарелки жрут, а третий Данте — в одежонке драной». Тогда Данте окончательно разъярился и написал сонет, в котором подвергается сомнению даже супружеская верность матери его адресата, Монны Тессы:

О Биччи Новый, сын — не знаю чей
(Все ждем, чтоб Монна Тесса нам сказала!),
Ты, отправляя в глотку что попало,
Небось ограбил множество людей.
За кошельки хватается скорей
Народ, завидев издали нахала,
И говорит: «Теперь пиши пропало!
Уродец этот — жуткий лиходей!»
И тот, который для злодея — то же,
Что для Христа Иосиф, сна лишен,
Боясь, что влипнет сын его пригожий.
Порочны братья, Биччи развращен:
Разбойничая, лезут вон из кожи
И жен законных держат не за жен.

В ответе Форезе много неясностей, но суть выражена в стихе:

Известно мне, ты — Алигьери сын.

Затем говорится о каких-то неудачных операциях старого Алигьери Алигьери, который менял

золотой (аквилин); далее Данте упрекается в трусости и в том, что он бесчестно заигрывает со своими врагами.

Конечно, портрет, нарисованный Форезе, не соответствовал гордому характеру Данте, и в этом поэтическом диалоге была крайняя сатирическая гиперболизация, оскорбляющая и унижающая.

Но через несколько лет, в 1296 году, Форезе умер. Данте, злейший враг его брата Корсо, поместил их сестру Пикарду Донати в рай. По-видимому, Данте любил своего беспутного и острого на язык родственника и собутыльника, дружба с которым была скорее постыдной, чем почетной. В чистилище (а не в адских рвах!), где наказываются чревоугодники, Данте встречает Форезе и говорит ему:

«Если ты окинешь взглядом,
Как ты со мной и я с тобой живал,
Воспоминанье будет горьким ядом».

Форезе со слезами вспоминает свою жену Неллу, ту самую, которую Данте осмеял в первом своем сатирическом сонете. И все-таки Форезе остается тем же, кем он был на земле при жизни. Речь его в «Чистилище» Данте выдерживает в манере их былой перебранки:

Уже я вижу тот грядущий час,
Которого недолго дожидаться,
Когда с амвона огласят указ,
Чтоб воспретить бесстыжим флорентинкам
Разгуливать с сосцами напоказ.
Каким дикаркам или сарацинкам
Духовный или светский нужен бич,
Чтоб с голой грудью не ходить по рынкам?

Данте, успокоенный, идет дальше, зная, что его другу будут в конце концов прощены и обжорство и злоязычие.

В те дни, когда Данте и Форезе обменивались язвительными сонетами, Гвидо Кавальканти стоял несколько в стороне от Данте и вряд ли мог еще называться его первым другом. По-видимому, до него дошли грубоватые и даже местами непристойные сонеты, достоинства которых Гвидо оценить не мог. Он возмутился и после долгого молчания послал Данте сонет, полный укоров, горечи и разочарования, звучащий прощальным реквиемом былой дружбе:

Тебя не раз я в мыслях посещал,
И низость чувств я видел, удивленный.
Мне больно — где твой разум просвещенный,
Иль добродетели ты утерял?
Докучных лиц ты ранее встречал
Презреньем. Обо мне, к Амору склонный,
Сердечно говорил. Твой стих влюбленный
Не я ли, принимая, привечал?
Смотрю на жизнь твою, — увы не смею
Сказать, что речь твоя ласкает слух.
Мой взор тебя уже не потревожит.
Прочти сонет, и он тебе поможет,
И пусть расстанется докучный дух
С униженной тобой душой твоею.

Высокий поэт и строгий моралист был не прав. Со своих высот он не понял, что Данте может *все* и что ему нужно *все*. Он должен был соединить в себе и тонкую прелесть сладостного нового стиля и политическое негодование провансальских тенцов в боевых и политических песнях провансальских трубадуров, и шутку уличных гаеров, и логическую размеренную речь болонских юристов. И он не мог ограничить себя одним стилем, высоким, средним или низким, он научился еще неведомому искусству эти стили мешать, нарушать традиции жанров, чтобы ладья его свободно плыла, повинувшись лишь его творческому гению. Посмотрите, как в «Божественной Комедии» говорит Форезе Донати о бесстыжих флорентинках. Это голос комического поэта-горожанина. Данте может от комического перейти к трагизму, не уступающему в силе шекспировскому. И лучше всего мы можем понять Данте через творческий путь Пушкина.

Глава 9.

Черные и белые

Джанно делла Белла сошел со сцены. Злейший противник магнатов был уничтожен, но остались «Установления Справедливости». Магнаты, занимавшиеся торговыми делами, бывшие в ссоре с богатыми пополанами, по-купчески помирились. Иногда эти мирные сговоры сопровождались уплатой значительных сумм «за кровь». Однако многие из бывших «первых людей» оказались вытесненными новыми, если не в торговле и банковских делах, то в политике.

В июле 1295 года положение магнатов улучшилось, так как приоры были привлечены на их сторону. Магнаты стали снова укреплять свои башни и дома. Новый Капитан народа, присланный из Неаполя Карлом II, был скорее сторонником гвельфской лиги, чем флорентийской коммуны. Магнаты, объединенные преследованиями, получили подкрепление из Сан Миньято от графов Гвиди, от графов Альберти, а также от других феодалов. Нобили мечтали захватить власть в городе. 6 июля 1295 года сторонники магнатов стали собираться перед баптистерием Сан Джованни; конных сопровождала пехота. Развевались знамена с лилией неаполитанского короля, предводителя гвельфской лиги. Разве магнаты не были добрыми гвельфами? Другие заговорщики собрались в это время на Понте Веккио, заняв Порта Санта Мария, то есть обеспечив вход и выход из города.

Третья вооруженная группа стояла на Меркато Нуово (Новом рынке). Войсковыми частями предводительствовали Мощи и Спины, представители банковских домов, которые обосновались в Риме и вели финансовые дела папы. Во время мятежа магнатов проявила свою силу народная организация, основанная при Джанно делла Белла. Пополаны вынесли свои знамена, заперли улицы цепями и забаррикадировали значительную часть города. Они заняли дворец подеста и несли стражу около дома, где находились приоры, к которым массы не имели никакого доверия. Главная колонна вооруженного народа двинулась к площади Сан Джованни, готовая сразиться с неприятелем. Кое-где начались бои вокруг башен. Гранды убедились в том, что народ за ними не следует и что измены приоров недостаточно, чтобы обеспечить им перевес. Силы были значительны с обеих сторон. Зазвонил колокол, призывающий граждан Флоренции на сходку. Представители враждующих партий пошли на компромисс, то есть на смягчение слишком жестоких постановлений, унаследованных от делла Белла. Однако уступки магнатам были минимальные.

Неизвестно, когда Данте записался в цех медиков и аптекарей. По всей вероятности, задолго до принятия поправок к «Установлениям Справедливости» в июле 1295 года. Следует заметить, что Данте и другие представители рода Алигьери не попали ни в один из списков магнатов и, следовательно, официально не рассматривались как гранды. Алигьери были людьми среднего достатка. По роду своих занятий отец Данте и его дядя мало чем отличались от граждан-пополанов. Их благородное происхождение было как бы их частным делом. Геральдические притязания Алигьери могли быть приняты в расчет только древними семьями нобилей, например при заключении брака. Из сообщений авторов хроник не совсем ясно, получили ли магнаты, приписавшиеся к цеху после падения Джанно делла Белла и бунта грандов в июле 1295 года, политические права и была ли для них эта запись в цехи вообще возможна. Мы приходим к заключению, что Данте вступил в цех гораздо раньше и что события июля 1295 года не имели влияния на его политическую карьеру.

Все флорентийцы, обладавшие известным имущественным цензом, стремились быть приписанными к какому-либо цеху, поскольку только члены цеховых корпораций рассматривались как полноправные граждане. В цехи часто принимали родственников тех, кто действительно занимался торговыми делами или ремеслом, а также компаньонов или вложивших деньги в какое-либо производство.

В конце XIII века Данте был отцом большого семейства; у него росли трое детей: сыновья Пьетро и Якопо и дочь Антония. Для задуманной им политической карьеры ему, очевидно, недоставало доходов с его скромных владений, тем более что он должен был делиться с братом Франческо и сестрой. До нас дошли долговые расписки братьев Алигьери в получении 480 золотых флоринов под гарантию нескольких лиц, среди которых был тесть Данте Мането Донати. Деньги были взяты в займы 23 декабря 1297 года. В дальнейшем Данте берет 136 флоринов у своего тестя, а через два года брат Франческо дает ему займы 125 флоринов, а в 1300 году еще 90. Ни литература, ни политика не приносили Данте доходов.

Записавшись в цех, Данте не отправился в дальние страны за драгоценными снадобьями и ароматами и не стал торговать за прилавком. Но он вошел в среду ученых докторов и фармацевтов и чрезвычайно заинтересовался наукой Гиппократов. Боккаччо рассказывает, что как-то раз, находясь в аптеке города Сьены, Данте так погрузился в чтение медицинских книг, что не слышал музыки, доносившейся с улицы, и не заметил шумного городского праздника. В аптеках и у врачей он мог найти биологические сочинения Аристотеля, трактаты великого римского медика Галена, Канон

медицинской науки таджика Авиценны. В произведениях времен изгнания мы находим следы этих занятий.

С первого ноября 1295 года до 30 апреля 1296 года Данте участвовал в особом совещании при Капитане народа. Его избрали также одним из старейшин той части города, где он жил, для совещания по случаю предстоящих выборов приоров. От мая до сентября 1296 года он состоял членом Совета ста, ведавшего финансовыми делами республики. В следующем году имя его упоминается в актах совета подеста. Политическая деятельность Данте от 1298 до 1300 года нам не известна, так как протоколы этих лет в флорентийском архиве потеряны. От 15 июня до 15 августа 1300 года Данте был одним из семи приоров Флоренции (приоры выбирались на два месяца). Этот приорат явился «началом всех его бедствий». В это время флорентийские гвельфы окончательно разделились на две враждебные партии — белых и черных.

Проникнуть в разницу между белыми и черными не так легко, хотя весь город разделился на две части и граждане страстно поддерживали постепенно выделившихся лидеров двух партий расколовшихся гвельфов. Отметим, что оба «вождя» были магнатами, один феодального происхождения, другой — новейшего. Черными руководил Корсо Донати, который сыграл значительную роль в мятеже 1295 года. Белыми — Виери деи Черки, один из богатейших людей Флоренции. Оба участвовали в битве при Кампальдино. Враги жили недалеко друг от друга.

Корсо презирал Виери, который, по свидетельству Дино Компаньи, был очень красив, но не отличался ни умом, ни ораторскими способностями. Каждый день, выходя из дверей своего дома, Корсо Донати громко вопрошал, так, чтобы все слышали: «Что, уже заорал осел близ ворот?» — дворец Черки находился у самых городских ворот. Ослом он называл Виери. Среди злейших врагов Корсо Донати был Гвидо Кавальканти. После неудавшегося покушения Корсо на своего молодого противника Гвидо составил небольшой отряд из верных друзей и напал на Корсо, его сыновей и слуг. Отделившись от сопровождавших его всадников из семьи Черки, он бросил короткое копье в мессера Корсо, но промахнулся. Младший сын Корсо устремился в погоню. Гвидо спасся, но получил довольно сильную рану в руку от удара пращи. За эту выходку городская сеньория приговорила его к штрафу в 1200 золотых, но молодой философ не смирился.

В 1300 году Флоренция особенно торжественно отмечала праздник Сан Джованни, патрона города. Накануне вечером корпорации цехов во главе со своими консулами и знаменами направились длинной процессией в баптистерий. Все несли в руках большие зажженные свечи, дар святому. Внезапно процессия остановилась, началось смятение: на разодетых, спокойно и важно идущих консулов напали несколько магнатов с криками: «Мы те, кому вы обязаны поражением врагов при Кампальдино, а вы нас удалили от всех должностей и лишили всех почестей в нашем городе». Предполагают, что это кричал Корсо Донати. Принимавший участие в торжественном шествии кардинал Акваспрата, присланный папой в Тоскану для примирения враждующих, сделал вид, что столкновение его не касается.

Народ был возмущен поведением папского представителя, и однажды, когда кардинал появился у окна епископского палаццо, чтоб благословить толпу, какой-то разъяренный пополан выстрелил в него из арбалета, но, к счастью для Флоренции, стрела попала в поперечную балку окна. Акваспрата немедленно покинул свою резиденцию и перебрался за Арно во дворец папских банкиров Моцци, где он чувствовал себя в большей безопасности. Приоры приняли соломоново решение, отправив некоторых слишком буйных приверженцев обеих партий в изгнание. Среди изгнанных белых был друг приора Данте Алигьери — Гвидо Кавальканти, высланный без права выезда в Сарцану, нездоровую болотистую местность на краю Тосканской области.

Через несколько месяцев изгнанников вернули. Гвидо Кавальканти был безнадежно болен, видимо малярией, которую в те времена лечить не умели. Он вскоре умер. Нам осталась замечательная баллата, написанная, очевидно, в ссылке:

Больше не надеюсь, о баллата,
Возвратиться на луга Тосканы.
Легкие шаги твои желанны,
Поспеш к моей прекрасной даме...

Данте не написал ни одной строки в память того, кого он называл некогда «своим первым другом». Он упомянул его вскользь в знаменитой сцене с Фаринатой и отцом Гвидо, Кавальканти деи Кавальканти, но холодно и почти недружелюбно. Впрочем, в трактате «О народном красноречии» среди трех лучших поэтов Италии Данте называет Гвидо, Чино и — самого себя.

В чем была суть соперничества белых и черных гвельфов? Граница между ними не совпадает с границей между магнатами и пополанами, хотя некоторые историки приписывают белым большие

симпатии к народу. Если поименно рассмотреть зачинщиков свары, то окажется, что с одной стороны были банкирские дома Спины и Моцци, которым путем разных интриг удалось утвердиться в Риме и получить в свои руки ведение финансовых дел папы Бонифация VIII, а с другой — Черки, которые стремились занять то же положение при папской курии. Как известно, Виери Черки имел главное слово в партии белых. Может быть, Черки, простолюдины по происхождению, несмотря на свой аристократический образ жизни, симпатизировали пополанам, но вместе с тем сторону Черки держала некоторая часть семейств магнатов древней крови. Однако и на стороне черных было немало магнатов из бывших феодалов, и среди них «большой барон» Корсо Донати, которого белые приоры отправили в ссылку в пограничный Кагель делла Пьеве. Из ссылки он бежал, очутился в Риме и благодаря тамошним флорентийцам, близким к папскому двору, приобрел симпатии первосвященника, уверив Бонифация, что настоящие гвельфы только черные, а белые связаны с гибеллинами и готовы продать и Флоренцию и интересы святого отца. Папа назначил Корсо подеста в один из небольших городков в папских владениях, где «большой барон» выжидал момента, когда сможет снова во всем блеске появиться во Флоренции. В его словах, обращенных к папе, было, конечно, гораздо больше клеветы, чем правды. Однако нельзя не заметить, что Виери деи Черки действительно имел торговые связи с гибеллинами.

Среди белых находим немало независимых и просвещенных людей (мы бы сказали — интеллигентов), как, например, Данте и Гвидо Кавальканти, а из сторонников Джанно делла Белла — известного автора флорентийской хроники Дино Компаньи. Другая партия, то есть черные, имела в своей среде те же социальные элементы: магнатов, старых и новых, банкиров, ученых юристов. Она сумела приобрести симпатии значительной части населения Флоренции, все время поддерживая мнение о своем чистом гвельфизме, о преданности папе и... о непоколебимой верности «Установлениям Справедливости». Впрочем, один из вожаков, едва ли не главный предводитель черных, Корсо Донати, был, если помнится, организатором восстания против «Установлений» и добился некоторых прав для грандов. Но Корсо как бы претерпел метаморфозу, чему, конечно, содействовали и его ненависть к Черки и личный расчет. Конкуренция банкирских домов Черки — Спины породила во Флоренции разделение граждан по совсем новой линии, а именно на сторонников и противников власти и влияния папы и гвельфской лиги во главе с неаполитанским королем. Белые противопоставили этому направлению в гвельфской партии идею о полной независимости Флоренции и Тосканы от папы, что невольно сближало их с изгнанными гибеллинами.

Папа Бонифаций VIII был убежден в том, что белые являются его личными злейшими врагами, а он не терпел ни малейшей оппозиции. Римский первосвященник твердо решил положить конец всяческому своеволию в Тоскане, рассматривая эту провинцию вместе с Романьей как неоспоримую часть папских владений в Италии. Именно поэтому и был послан в беспокойный город кардинал Акваспрата, любивший повторять, что «ни один гибеллин не спасется».

Не на шутку испуганный покушением на его жизнь, кардинал Акваспрата приписал все случившееся проискам белой партии и твердо решил помочь укрепиться и усилиться черной партии и унижить белую. Приоры стремились загладить невольную вину и послали к кардиналу, находившемуся за Арно, во дворце Моцци, своих представителей, среди которых, по-видимому, находился и автор флорентийской хроники Дино Компаньи. От имени сеньории они произнесли речь, полную извинений, и делегаты поднесли кардиналу серебряную чашу с двумястами новых флоринов. Кардинал ответил, что ему этот подарок мил, он долго глядел на золотые, но чашу не взял.

В это время направлялся в Италию, чтобы восстановить пошатнувшуюся власть французов в Сицилии, брат французского короля, Филипп Красивого — Карл Валуа, которого Бонифаций VIII назначил губернатором владений церкви, правителем Болоньи и примирителем Флоренции. Французский принц обещал следовать гвельфской политике и быть покорным воле папы. Карлу нужны были деньги, и он не прочь был прихватить какую-нибудь землицу. С небольшим войском, состоявшим всего из пятисот рыцарей, Карл в начале июля 1301 года прибыл в Турино, затем посетил Милан, Парму, Модену и Болонью. Из Болоньи Карл направился мимо Пистойи, которую считал враждебной, и Флоренции в Съену, а из Съены проследовал в Ананьи, где находился папа.

В эти дни над Флоренцией появился огненный хвост кометы, напоминавший крест. Флорентийцы увидели в ней знамение войны, несчастий и разорения. По словам Джованни Виллани, «комета эта означает появление господина нашего Валуа». Так вместе со всеми думал и Данте. Принц Карл направился на север Тосканы. Много лет спустя на страницах своей великой поэмы Данте, вспоминая эти тревожные для флорентийцев дни, заклеит позором французскую династию. Рассказ о ее позорных деяниях он вложит в уста Гуго Капета, родоначальника французских королей. Недобрым словом помянет он Карла Анжуйского, короля Неаполя, и нового Карла, который повторит поход своего старшего родственника к вящей славе их рода:

Один, без войска, многих он поборет
Копьем Иуды; им он так разит,
Что брюхо у Флоренции распорет.

Надеясь предотвратить надвигающуюся на Флоренцию беду, обе партии флорентийских гвельфов решили направить в Рим свои делегации. Делегацию белых составили крайне неудачно, так как все три посла были известны своими антипапскими настроениями. Первого, Мазо Минарбетти, Дино Компаньи характеризует как «ложного пополана». Второй — Гвидо Убальди, по прозвищу «Кораццо», твердо верил в то, что в городе он единственный настоящий гвельф. И наконец, третий посол, Данте Алигьери, столь же мало был пригоден для этой миссии, как и его товарищи, ибо в Риме знали, что он голосовал против военной помощи святому отцу. Черные, конечно, опередили белых, чье посольство прибыло в Рим с большим опозданием.

Дело в том, что белые флорентийцы должны были дождаться союзной делегации из Болоньи, состоявшей из юристов, людей весьма достойных и знающих, но плохих политиков. Среди болонцев находился мессер Убальдино Малавольти, человек, любящий настоять на своем, а в делах предпочитавший промедление. Он затеял спор с флорентийцами о каком-то пограничном замке, который, по его мнению, принадлежал ему. Все это задерживало отъезд, и, когда Карл Валуа был уже на пути во Флоренцию, замешкавшаяся делегация белых еще только отправлялась в Рим.

Папа встретил белых флорентийцев очень холодно. Он обратился к ним с речью, в которой говорил, что все граждане Флоренции должны смириться и стать ему покорными. Вскоре папа отослал обратно во Флоренцию двух послов, задержав только Данте, однако вряд ли принял его вторично.

Бонифаций VIII, в миру Бенедетто Каэтани из Ананьи, был личностью далеко не заурядной. Он происходил из богатой и знатной римской семьи. Говорят, что, будучи кардиналом, он принудил советами, а может быть, и угрозами отречься от престола смиреннейшего папу Целестина V, детски-наивного отшельника, тяготившегося своей властью и совершенно неспособного к управлению. Бонифация выбрали папой в 1294 году. Человек большого ума, остроумный, получивший солидное теологическое образование, необычайно волевой, он по своей природе был не священнослужителем, а скорее светским государем. Бонифаций поставил целью подчинить себе не только Италию, но заставить, как в былые времена, склониться перед папским престолом императоров и королей. Он любил деньги, которые были нужны ему для осуществления его необъятных замыслов. Он не терпел никаких противоречий и объявил гибеллинов своими врагами. Данте, ненавидевший Бонифация, назвал его в своей поэме «князем новых фарисеев» и бросил в нижние бездны ада. Во время юбилейного 1300 года папа Бонифаций шел в процессии, возложив на себя знаки мирового господства. Перед ним несли два меча, символизирующие власть светскую и духовную, скипетр и державу, и он принимал императорских послов, одетый сам, как цезарь. В присутствии иностранных гостей папа торжественно провозгласил: «Я цезарь, я император!» По-видимому, Данте, впервые посетивший Рим в 1300 году, видел папу Бонифация во всем блеске его безмерного честолюбия.

Бонифаций вел непрерывные войны с непокорными феодалами в самом Риме, которые не принесли ему славы, и, наконец, решил при помощи своих вассалов, неаполитанского короля Карла Анжуйского и вновь прибывшего Карла Валуа, подчинить своей власти Тоскану и Романью.

Принц Карл вошел во Флоренцию 1 ноября. Он рассчитывал изрядно потрясти флорентийских толстосумов и заставить их наполнить золотом его пустые мешки. Дело белых было безвозвратно проиграно. Черные сначала притаились, как звери, а затем бросились на ослабевшего противника. Народ растерялся и заперся по домам. Через четыре дня, на рассвете, Корсо Донати с несколькими десятками вооруженных всадников неожиданно появился у стен Флоренции и почти без сопротивления проник в город через Порто Сан Пьер Маджоре. Он занял дома богачей Корбицци и там укрепился, потом проник в темницу и выпустил оттуда своих сторонников. Усилившись, он поспешил к дворцу подеста и заставил синьорию (приоров) отказаться от своих должностей и разойтись по домам. Корсо любил такие неожиданные стремительные операции, заставлявшие противника врасплох. В них он проявлял свою дерзость, находчивость и военный талант. Напрасно звонил колокол, призывая народ к восстанию, все были словно зачарованы именем французского принца. Флорентийские купцы чувствовали себя польщенными посещением и искательством брата могущественного Филиппа Красивого. Представители жирного народа готовы были идти в торжественной процессии навстречу тому, кто пришел их грабить.

Начались грабежи и поджоги домов белых. Окрестности города пылали. Из окон замка, предоставленного ему за Арно, Карл с равнодушным любопытством наблюдал за пожарами и иногда со скучающим видом спрашивал: «А это что горит?» 7 ноября белая синьория подала в отставку, и черные гвельфы образовали свое правительство. Подеста города был назначен мессер Канте Габриэль ди Губбио, человек необычайной жестокости. Когда он взял в свои руки власть, он прекратил

неорганизованные грабежи и убийства. Наказания стали приобретать юридический характер: сперва собирались материалы, затем следовали кары. 19 января 1302 года молнии правосудия поразили трех приоров, которые состояли в этом звании от декабря 1298 года до февраля 1299-го. Данте был упомянут в следующем списке политических преступников — 27 января 1302 года. Вместе с несколькими представителями белой партии Данте обвинялся в хищении, незаконных доходах, а также в том, что он утаивал деньги, принадлежавшие коммуне, и употреблял их для организации сопротивления папе и господину Карлу. Приор Алигьери стремился помешать приезду принца, нарушить мирное состояние города Флоренции и внести разлад в гвельфскую партию. Последняя часть обвинительного акта была наиболее близкой к истине. Мы не можем себе представить, чтобы Данте занимался хищением доверенных ему денег и имущества в свою пользу, но он был открытым противником вмешательства святого отца в дела города и, конечно, противился прибытию во Флоренцию французского принца, папского наместника.

Городской герольд Кьяро ди Кьярессимо провозгласил перед домом Данте, что он, Данте Алигьери из квартала Сан Пьер Маджоре, обвиненный в том... (следовало перечисление упомянутой клеветы), приговаривается к изгнанию и к уничтожению и конфискации его имущества. Чтение приговора сопровождалось звуком серебряных труб.

Весьма вероятно, что предупрежденная событиями Джемма Алигьери вместе с маленькими детьми успела скрыться, забрав из дома все лучшее, у своей матери или у родственников во владениях рода Донати. Там она была уверена, что ее оставят в покое и не будут дальше преследовать. Мать Джеммы была особой довольно состоятельной и влиятельной, и можно было надеяться, что ее родственник Корсо, один из главных вожаков черных, окажет Джемме и ее детям защиту в случае необходимости, несмотря на его ненависть к самому Данте.

Был ли Данте в это время во Флоренции? Боккаччо сообщает, что после переворота и окончания своего посольства (то есть когда папа соблаговолил выпустить его из Рима) Данте поскакал во Флоренцию, торопясь сколько мог. И, простившись с семьей еще до объявления приговора, быстро покинул город. По-видимому, он успел устроить еще кое-какие свои дела, получить немного денег и поручить Джемму и детей заботам своих родственников. Впрочем, положение его единокровного брата Франческо не внушало большой уверенности, поскольку и он мог каждую минуту подвергнуться преследованиям.

Данте больше никогда не вернулся во Флоренцию. Джемма осталась как бы вдовой с тремя детьми на руках, без всякого будущего, ожидая, что по достижении пятнадцатилетнего возраста ее подросших сыновей отправят в изгнание вслед за отцом. Ее отношения с Данте так и остались неразгаданной загадкой. Эта красивая и стойкая женщина, переносившая все тяготы семьи и воспитавшая достойных отца сыновей, заслуживает не только уважения, но и глубокого сочувствия.

Данте покинул Флоренцию под вечер, когда городские ворота были еще открыты. Всадник поспешно удалялся от стен и башен родного города, ни разу не оглянувшись. Путь его лежал к замкам графов Гвиди. Он ехал по болонской дороге вдоль Сьерры, к истокам этой реки, и, затем свернув, миновал гору Консума и высоты Монте Фальтероне. Убедившись, что за ним нет погони, он переночевал в горной деревушке, находившейся уже во владениях графов Гвиди, как он выяснил из разговора с местным жителем. Крестьянин предложил путнику кружку молодого вина, кусок грубого ячменного хлеба и козий сыр. Он поставил в стойло коня и бросил для Данте в углу просторного дома, сложенного из грубых каменных глыб, охапку свежей соломы. В горах было холодно. Началась первая ночь в изгнании. Данте лежал на соломе и думал. О том, что он во всем потерпел неудачу. Кто он? Недоучившийся болонский юрист, неудавшийся политик, который, как неумелый игрок в кости, проиграл все, что имел. Он потерял друзей, родных, семью, жену. И он лишился того, что любил больше всего на свете, — Флоренции, злой и неблагодарной родины. Что ждало его впереди? Скитания, может быть, кровавая месть, скорее всего гибель. Следовало ли бороться вместе с такими же несчастными, как он, объединившись с кем угодно, с гибеллинами прежде всего? Порой грудь его разрывалась от ненависти к папе Бонифацию, которого он считал главной причиной своих несчастий. Иногда проблескивала мысль: может быть, следует оставить все, уйти в уединение, найти себе где-нибудь прибежище и покровительство, чтобы стать великим писателем и поэтом, не певцом любви, но поучающим Италию мудрецом? Ему снился монастырь и что он пишет — пишет в какой-то келье среди гор. Потом появились две женщины на прекрасной зеленой лужайке. Одна из них, в венке из цветов, плясала. Танец ее был легок, музыкален и, казалось, вмещал в себе всю гармонию мира. Другая сидела перед огромным серебряным зеркалом и любовалась своей красотой, не замечая ничего вокруг. Первые лучи утреннего солнца проникли через полуоткрытую дверь вместе с горным холодом. Данте проснулся и подумал: «Я видел Лию и видел Рахиль, жизнь деятельную и жизнь созерцательную». На душе у него стало легко, словно в этом сне таилось какое-то обещание. Он вскочил на коня, пустил его вскачь и скоро достиг верховьев Арно, которые лишь небольшая гряда

отделяет от истоков Сьерры. На перевале он увидел твердыни местных сеньоров, и среди них замок Поппи, бывший некогда опорой флорентийцев в борьбе с Ареццо. Данте направил коня к воротам замка.

Глава 10. Гражданская война

В одном из замков графов Гвиди собрались вожаки белых. Они пытались убедить не покорившихся Флоренции феодалов, что пришла пора восстать против угнетения флорентийской коммуной, особенно против «Установлений Справедливости», которые унижают грандов. Графы Гвиди, бежавшие из Флоренции в горы, не имели все же достаточно силы, боялись разрушения своих укреплений и потому вечно колебались между гвельфами и гибеллинами. В одном из сохранившихся писем, автором которых ошибочно считают Данте, говорится, что предводительство над белыми гвельфами взял на себя граф Алессандро да Ромена. Однако документы называют руководителем белых (правда, несколько позже, в 1304 году) не Алессандро, а Агинульфо да Ромена.

По-видимому, значительная часть белых устремилась сначала в Сьену и Ареццо. В Ареццо правил местный вождь гибеллинов Угуччоне делла Фаджуола; он заставил выбрать себя подеста в шестой раз, что было явным беззаконием. По своим убеждениям он принадлежал к «зеленым», то есть умеренным гибеллинам, которые более охотно шли на соглашения с гвельфами. Как раз в 1302 году этот достойный муж, отличающийся огромной физической силой, направился в качестве бессменного подеста Ареццо к папе Бонифацию VIII. Он стремился заключить мир между гвельфами и гибеллинами, а также помириться с папой. В папской курии кондотьера соблазняли обещаниями сделать его сына кардиналом. В то же время, ища связей, он сватал свою дочь за Корсо Донати, который овдовел во второй раз. Конечно, при таких обстоятельствах Угуччоне делла Фаджуола не мог терпеть флорентийских белых в стенах управляемого им города, и большинство их было выжито из Ареццо. Впрочем, после изгнания Угуччоне в Ареццо снова нашли прибежище и покровительство немало белых флорентийцев, и среди них отец Франческо Петрарки. В начале своего изгнания Данте находился в горных замках в окружении Черки. Он присутствовал вместе с шестнадцатью представителями флорентийцев в церкви Сан Годенцо при заключении договора между флорентийскими белыми гвельфами и Уголино, старшим в роде Убальдини. Для феодалов, новых союзников белых, подпись Виери Черки была, конечно, важнее остальных, ибо она гарантировала им возмещение военных убытков. Подпись Данте Алигьери, бывшего приора Флоренции, имела только морально-политическое значение.

Горная церковка, представляющая собой гладкую трехнефную старую базилику, прилепилась к самому подножью огромной стены Апеннин. Чтобы подняться из Сан Годенцо наверх, к монастырю Сан Бенедетто, требуется огромное напряжение. Сан Годенцо разделяет горное плато Муджело и верхнюю долину Арно. Муджело, преграждающее путь на восток, к Фаенце, Форли, Болонье, находилось в руках семьи Убальдини.

Арно вытекает малым ручейком из скал Апеннин, затем, набирая силы и становясь все полноводней, минует замки Ромена, Порчано, Кампальдинское поле, замок Биббиена — все знакомые места, где Данте мог вспоминать о войне с Ареццо, в которой он участвовал. Оставив в стороне Ареццо, река делает петлю с другой стороны горного массива Прато Маньо, высота которого превышает полторы тысячи метров. Около городка Понте Сьеве Арно принимает приток Сьеве, затем сворачивает резко на запад и вскоре достигает Флоренции. Наконец неподалеку от Пизы, вечной соперницы Флоренции, Арно вливается в Средиземное море.

В годы изгнания долина Арно казалась Данте то райской и благословенной, то проклятой землей. В «Аду» он говорит: «Я родился и возрос в великом городе на ясном Арно». В «Чистилище» поэт дает как бы топографический набросок пути, который проходит река. Вот какой представляется ему здесь долина «ясного Арно»:

Но жалкая долина привела
Людей к такой утрате их природы,
Как если бы Цирцея их пасла.
Сперва среди дрянной свиной породы,
Что только желудей не жрет пока,
Она струит свои скупые воды;
Затем к дворняжкам держит путь река,
Задорным без какого-либо права,
И нос от них воротит свысока.

Спадая вниз и ширясь величаво,
Уже не псов находит, а волков
Проклятая несчастная канава.
И наконец, меж темных омутов,
Она к таким лисицам попадает,
Что и хитрец пред ними бестолков.

Иносказания этого отрывка истолковать нетрудно. Видя жителей долины Арно, можно подумать, что их пасла Цирцея, превратившая спутников Одиссея в свиней. Говоря о «свиной породе», поэт имеет в виду прежде всего графов Порчано (по-русски — Свиньины), чьи владения находились в верховьях реки. Задорные дворяжки, от которых река воротит нос, конечно, аретинцы, ибо, обходя гору Прато Маньо, Арно делает петлю, как мы уже сказали, и течет на север по направлению к Флоренции. Волки, которых находит на своем пути «проклятая несчастная канава» (так Данте в пылу гнева называет светлые воды Арно), — дорогие соотечественники Данте, при одном упоминании которых его охватывает ярость. И наконец, хитрейшие лисицы — жители приморской Пизы.

Живя в горах, Данте услышал от новых беглецов из Флоренции, что, поскольку он не явился на суд, его имущество конфисковано коммуной. 10 марта 1302 года последовало новое решение суда черных: если Данте Алигьери вернется во Флоренцию, «то пусть его жгут огнем, пока не умрет».

Главная надежда белых гвельфов возлагалась на Убальдини, так как вскоре все убедились в полнейшей неспособности Виери Черки быть военачальником. Банкир-рыцарь мог лишь финансировать военные предприятия. В начале лета 1302 года Танно деи Убальдини вторгся в соседнее с Флоренцией владение, принадлежавшее городу, и учинили там насилия и грабежи. Рыцари и наемники Убальдини поджигали дома, в которых заживо сгорали беззащитные жители.

Войска Убальдини спустились в долину Флоренции с гор, следуя по течению реки Сьева, притоку Арно. Что же касается белых гвельфов, то они напали на замки Флорентийской республики на юго-востоке, со стороны Ареццо. Но черные не растерялись, их вооруженные отряды сами вклинились во владения горных сеньоров, жгли деревни, разрушали замки. Флорентийскому правительству удалось за большие деньги подкупить нобилия Карлино деи Пацци, и он сдал черным замок Пьянтравинье вместе со всем гарнизоном, состоявшим в значительной части из изгнанных белых. Расправа с защитниками крепости была жестокой. За эту подлую измену Данте осудил Карлино еще до его смерти на вечные муки на самом дне ада, во льдах Коцита, как предателя своей партии.

В самой Флоренции попопан по происхождению, брат Ре-миджо Джиролами, известный проповедник в церкви доминиканцев Санта Мария Новелла, оплакивал судьбу своих родственников, подвергшихся несправедливым преследованиям и частичной конфискации имущества. Монах не вмешивался в политические дела. По просьбе новых правителей Флоренции он произнес приветственную речь Карлу Валуа. Но, уединяясь в своей келье, брат Ремиджо сочинял трактат под заглавием «О всеобщем добре», каждое слово которого дышит болью и возмущением. «Какую радость, — писал он, — может испытывать флорентийский гражданин, когда он видит печальные события в своем городе? Площади, дома опустели, целые семейства удручены, нигде не встретишь радостного лица. Вокруг Флоренции деревья вырваны из земли и торчат корнями вверх, виноградники опустошены, дворцы разрушены. Цветок Флоренции увял, его благоухание превратилось в смрад... Какую пользу при всех этих обстоятельствах может иметь гражданин Флоренции? Торговые предприятия закрыты, склады товаров стоят пустыми, утих шум ремесел. Верность и вера исчезли».

Плакал над судьбою Флоренции и оставшийся в городе сторонник белых Дино Компаньи, знаменитый автор Хроники, в частной жизни — торговец шелком. Был он как бы «внутренним эмигрантом» и всю жизнь оставался в оппозиции.

Весною 1302 года флорентийские черные начали войну с Пистойей. Операциями руководил подеста Канте де Габриэли. Историк Флоренции Давидзон утверждал, что «по природе он был скорее палач, чем судья». Однако Габриэли обладал немалыми военными способностями. Пистойя долго и упорно сопротивлялась флорентийцам, у нее также был опытный военачальник — Лудзатто дельи Уберти, приходившийся двоюродным племянником знаменитому Фаринате. Уберти пришлось оборонять крепость пизанцев Серравале, находившуюся в семи километрах от Пистойи. Командовал осаждавшими Серравале союзными войсками Лукки и Флоренции маркграф Мороэлло Маласпина, которому в конце концов удалось взять крепость и разбить наголову пизанцев. Об этой победе «пророчит» пистойец Ванни Фуччи в двадцать четвертой песне «Ада»:

Марс от долины Магры пар надвинет,
Повитый мглою облачных пелен,
И на поля Пиценские^[8] низринет,
И будет бой жесток и разъярен;

Но он туман разметет своевольно,
И каждый белый будет сокрушен.

Разразившаяся война между гибеллинами и белыми гвельфами, с одной стороны, и черными — с другой, так называемая Муджеланская война, продолжалась все лето 1302 года. Вступившие в долину Муджело флорентийцы разорили эту горную область, которую называли «сад Убальдини», и разрушили несколько маленьких городов. Так дошли они до замка Монтеччанико, где им 17 августа того же года было нанесено чувствительное поражение. Замок защищал отряд из Пистойи, многочисленные белые флорентийцы и рыцари Убальдини. Осажденные кричали на смеси итальянского и латинского языков: «Пусть погибнет, пусть погибнет коммуна и народ Флоренции и да здравствуют гибеллины!» Белым удалось удержать не только Монтеччанико, но и еще один небольшой замок, принадлежавший Убальдини. Этим и закончилась война 1302 года. На стенах Монтеччанико боролись с ожесточением бывшие флорентийские банкиры, судьи, торговцы, магнаты и пополаны, изгнанные из Флоренции и, может быть, впервые взявшие в руки оружие. Весьма возможно, что и Данте участвовал в этих сражениях с мечом в руках.

Однако когда борьба стихла без больших результатов, Данте ясно понял, что белые победить не могут. Тогда произошел в его душе тот сдвиг, который он затем формулировал в словах Каччагвиды, своего предка, в шестнадцатой песне «Рая»: «Ты станешь сам себе партией». Он внутренне отказался от дальнейшей борьбы.

Но худшим гнетом для тебя отныне
Общенье будет глупых и дурных,
Поверженных с тобою в той долине.
Безумство, злость, неблагодарность их
Ты сам познаешь; но виски при этом
Не у тебя зардеют, а у них.¹⁹¹

Вождем изгнанных флорентийских белых стал в 1303 году Скарпетта дельи Орделаффи, фактический сеньор города Форли. Он был, по-видимому, не слишком древнего происхождения, но гордо носил герб: зеленого льва на золотом поле. Этот тиран прославился как один из самых храбрых военачальников в Романье. Он вел политику, которую можно назвать не только ловкой, но и двуличной. По своим убеждениям Скарпетта был гибеллин, но ему удалось добиться покровительства папы Бонифация VIII, который к тому же назначил его викарием святой церкви. Папа стремился найти силы, на которые он мог бы опереться для проникновения в Болонью и остальную Романью. В окружении Орделаффи решили развить дипломатическую деятельность, чтобы подготовиться к походу против Флоренции в следующем году. Флавио Биондо, гуманист, родом из Форли, живший в XV веке, сообщает, что Данте писал письма сеньорам Италии, прося помощи для второй Муджеланской войны. К этому времени в среде белых возникло недовольство Данте, даже враждебное к нему отношение. Поэта обвиняли едва ли не в предательстве, а его предложение не лезть в военные авантюры, по крайней мере следующим летом, не подготовившись основательно, сочли чуть ли не изменой. В «Божественной Комедии» остались следы этих отношений. Брунетто Латини говорит, что Данте найдет врагов в обоих лагерях, то есть во Флоренции, и в партии белых, однако «клювы этих хищных птиц его не тронут». За все добро, сделанное своим союзникам, его сочтут врагом.

Весьма возможно, что Данте выражался слишком откровенно о военном положении белых, а белые не терпели в своей среде колебаний. Устав от жестокостей и неудач, Данте посоветовал более осторожному Орделаффи отправиться за помощью к мощным гибеллинским правителям — веронским делла Скала. Мы полагаем, что Данте уехал в Верону весной 1303 года и больше не вернулся в Тоскану.

Когда Данте приехал в Верону, был еще жив Бартоломео делла Скала. Данте очутился в самом центре гибеллинского движения в Италии. Из древнего ломбардского города на зеленой реке Адидже Данте следил за дальнейшим развитием событий вокруг Флоренции и, вероятно еще колеблясь в начале своего пребывания в Вероне, вел переговоры о помощи с сеньором Вероны Бартоломео делла Скала. Новости были печальны, несмотря на то, что Болонья приняла сторону белых.

Приблизительно в восьми километрах севернее городка Борго Сан Лоренцо на Муджеланском плоскогорье находится замок Пуличчано, принадлежавший роду Убальдини. Когда замок попал в руки Флорентийской республики, его превратили в мощное укрепление для защиты дороги в Болонью и для того, чтобы угрожать непокорным феодалам. Не дождавшись лета, в начале марта 1303 года белые вместе с отрядом из Болоньи под началом Скарпетты дельи Орделаффи заняли местность и городок около замка, что было нетрудно. Неожиданно появились флорентийские войска черных под командой Фульчери да Кальболи, личного врага Скарпетты. Белые не смогли реализовать своего преимущества.

Напуганные большим войском черных болонцы отступили. Поражение белых было неизбежно. Черные захватили большое количество оружия, провианта и палаток и около пятисот пленных. Оставшиеся в живых белые разбежались, и даже раненые старались уползти из этого проклятого места. На них нападали муджеланские крестьяне, грабили и часто убивали в надежде получить за их головы премии во Флоренции. С некоторыми своими личными врагами черные расправились тут же, на месте, остальных отвели во Флоренцию.

В руки черных попался судья мессер Донато ди Ристори, один из трех составителей «Установлений Справедливости». На него надели крестьянские лохмотья и провезли на осле по всему городу. Фульчери приказал поднять его на дыбу по системе Джанно делла Белла. Затем его спускали из окна на веревке, чтобы бывший судья лучше был виден толпе. Мессера Донато приговорили к смерти на основании законов, им же составленных. Потерявшего чувство судью сняли с дыбы и 11 апреля 1303 года на небольшом островке, который образует Арно около самого города, ему и еще несколькими молодым флорентийцам из именитых семей отрубили головы.

Некий художник Гриффо по приказу подеста изобразил на фреске на стенах Барджелло неудачную попытку белых взять Пуличчано. Мы знаем об этом из письменного документа, свидетельствующего о том, что за эту «живопись» Гриффо получил деньги сполна 30 сентября 1303 года.

Успех стал явно склоняться на сторону черных, им удалось довольно удачно закончить войну с Ареццо, в которой особенно отличился Корсо Донати, однако его услуги не признавались, и он стоял в стороне, вечно подозреваемый купеческой верхушкой Флоренции как магнат.

В том же 1303 году случилось событие, потрясшее весь католический мир. Папа Бонифаций VIII уже давно поссорился с бывшим своим союзником — французским королем. Папа настаивал на своей светской власти не только в Италии, но и на всем Западе. Среди священников, епископов и аббатов Франции появилось течение, которое живо и до наших дней, — так называемый галликанизм, который можно свести к следующей формуле: папе честь, а нам власть. Это течение, конечно, поддерживал всячески Филипп Красивый. Парижские юристы доказывали в своих трактатах, что власть папы распространяется только на церковные дела и, следовательно, французский король от нее вполне независим. Среди этих ученых особенно прославился магистр де ла Перш, который одно время был учителем Чино да Пистойя, поехавшего в Париж усовершенствовать свои знания. Сочинения де ла Перша и его группы, несомненно, повлияли не только на Чино, но и на Данте.

Филипп Красивый был таким же самодержцем, не терпящим возражений, как и сам папа Бонифаций. Все попытки Бонифация вмешаться во французские дела были пресечены французскими властями. Папа и верные ему епископы стали выступать с речами, в которых резко осуждался Филипп. Папа продолжал жить в городе, где он родился, в Ананье, находившемся тогда в папской области, на юго-востоке от Рима.

Преданнейший французскому королю человек и участник всех его злодеяний Гийом Ногаре, который примет позднее участие и в уничтожении тамплиеров, направился в Италию с сравнительно небольшим отрядом солдат и рыцарей. К ним присоединился могущественный римский феодал Якопо Колонна и преданный королевский слуга Жан Муше. При помощи гибеллинских кардиналов им удалось взбунтовать народ в папской области, и 7 сентября 1303 года они напали на дворец папы. Не сумев справиться с запертыми деревянными воротами папской резиденции, французы их подожгли. Тогда папа Бонифаций VIII, почти без сопровождения, всеми оставленный кроме двух кардиналов, прошествовал в зал для приемов и воссел на папский трон в полном облачении первосвященника, с тройной короной на голове; в руках он держал ключи святого Петра. Таким, величавым и спокойным, предстал он перед ворвавшимися в замок заговорщиками. Исполненный достоинства, он сказал: «Если я сейчас погибну как жертва заговора, так, как это случилось с нашим господом Христом, который был предан в руки врагов его, я встречаю мою смерть — в этом моя воля и мое пожелание, чтобы умер я как первосвященник христианского мира».

Ногаре рукой в тяжелой перчатке ударил папу по лицу и сорвал с него корону. Бонифаций промолвил: «В твоих руках моя голова. Ты распоряжаешься моим лицом». Вскоре прибыла помощь из Рима, заговорщики рассеялись, но гордый Бонифаций не снес поругания и от всего перенесенного скончался 11 сентября того же года. Его смерть произвела сильнейшее впечатление. Несомненно, что папа одержал моральную победу над своими врагами, и даже Данте, который его ненавидел, в двадцатой песне «Чистилища» так говорит об этом событии:

Но я страшнее вижу злодеянье:
Христос в своем наместнике пленен,
И торжествуют лилии в Аланье^[10].
Я вижу — вновь людьми поруган он,

И желчь и уксус пьет, как древле было,
И средь живых разбойников казнен.

На опустевший престол св. Петра был выбран единогласно 22 октября 1303 года Бенедикт XI, которого хвалили и гвельфы и гибеллины. По происхождению своему он был попопан. Папа Бенедикт, исполненный лучших намерений, решил прекратить вражду менаду озлобленными партиями. Он не хотел быть ни гвельфом, ни гибеллином. Вскоре он назначил двух кардиналов, одним из них был Никколо да Прато, из гибеллинской семьи, чрезвычайно склонный к сторонникам императора. Кардинала Никколо да Прато папа направил снова умиротворять Тоскану. В делах флорентийских разобраться было нелегко, особенно было трудно уследить за всеми изменениями, происшедшими в гвельфской партии. Белые гвельфы сражались вместе с гибеллинами против черных. В самой Флоренции уже образовалась трещина между сторонниками мессера Корсо Донати и сторонниками мессера Россо делла Тоза.

Для примирения белых и черных кардинал Остии — таков был официальный титул Никколо да Прато — приступил к предварительным переговорам в самой Флоренции. Она открыла свои ворота, и в родной город вошли 14 представителей белых и гибеллинов. Правящие черные приступили к беседам двучленно и лицемерно. Разговоры кончились ничем. Делегаты белых должны были оставить Флоренцию. Кардинал подвергся инсценированным нападениям и поспешил уехать из Флоренции в Перуджу, где находился папа. Но Бенедикт вскоре умер, похоронив с собой все свои стремления к миру. Некоторые говорили, что его отравил Ногаре, клевет Филиппа Красивого.

В Тоскане возобновилась война между белыми и черными, но успех чаще склонялся на сторону черных. В жаркий июльский день 1304 года войско белых и гибеллинов, сломав сопротивление окрестных замков, приблизилось к стенам Флоренции. Главари черных и Корсо Донати отправились с посольством в Рим к папе, и флорентийцы остались без опытных военных руководителей. Когда в городе стало известно, что ранним утром белые захватили ближний замок Ластру, многие гвельфы во Флоренции поспешили укрыться в монастырях в ожидании торжественного входа белых, стоявших у самых ворот города. Белые и гибеллины несли в руках пальмовые ветви и кричали: «Мир!» В одном месте они даже вошли через плохо охраняемые ворота в город, но были отбиты. Из-за промедления и ошибок предводителей наступавших Флоренцию взять не удалось, несмотря на то, что на этот раз были большие шансы на победу. С походом на Ластру окончился большой период борьбы флорентийских белых и гибеллинов с черными. Однако стычки и небольшие бои происходили еще долго.

Данте был прав, вовремя покинув лагерь белых. Можно предположить, что именно в 1304 году Данте, надеясь на мир, на милость нового папы, а также на посредничество кардинала Никколо да Прато, написал канцону: «Мое три дамы сердце окружили». В канцоне горькие мысли об изгнании мешаются с мыслями о возвращении на родину. Данте представляет себе трех аллегорических дам, пребывающих под властью высокой любви. Это три добродетели: Справедливость, Правда и Законность. Всеми отвергнутые, они бродят, как нищенки, и нигде не находят прибежища на земле, захваченной тиранами и насильниками. Они пришли с верховий Нила: в средневековом представлении Нил — одна из четырех рек Земного рая. Три дамы связаны кровным родством. Божественная и заложная в природе Справедливость родила человеческую Правду, а человеческая Правда родила Законность. Затем мы узнаем, что не только эти три дамы, но также Умеренность и Щедрость отвергнуты порочным миром. В заключении Данте говорит, что он гордится своим изгнанием:

Пусть белыми по воле провиденья
Цветам не суждено
Пребыть, но заодно,
Кто пал с достойными, того признаньем
Не обойдут.

Данте идет на компромисс со своей совестью, он согласен даже покаяться в несуществующих преступлениях, которые он будто бы совершил.

У сердца смерть стоит — уж подступила.
Будь я виновен даже,
Недолго прожила моя вина,
Раскаяньем давно погребена.

Он ждет разумного примирения и мудро советует своим политическим противникам проявить великодушные.

Канцона, птицей белой мчись на лов,
Канцона, черными лети борзыми,
Что путь под отчий кров
Отрезали, меня лишив покоя.
Ни от кого скрывать не вздумай, кто я;
Разумные уметь прощать должны:
Прощенье — наилучший лавр войны.^[11]

Но черные никому ничего не прощали. Надежды Данте вернуться домой были тщетны.

Глава 11. По стопам изгнанника

На небе Марса в семнадцатой песне «Рая» Каччагвида «предрекает» своему потомку:

Твой первый дом в скитальческой судьбе
Тебе создаст Ломбардец знаменитый
С орлом святым над лестницей в гербе.

У Большого Ломбардца — Бартоломео делла Скала Данте оставался с весны 1303 года до смерти властителя Вероны — 7 марта 1304-го. С наследником Бартоломео, Альбоином, Данте не поладил. В четвертом трактате «Пира» Данте отзовется о новом веронском правителе весьма пренебрежительно. Младший из братьев делла Скала — Кан Гранде в годы первого пребывания Данте в Вероне был еще мальчиком — ему шел пятнадцатый год, и он не мог, по-видимому, ничем помочь Данте.

Устами Каччагвиды Данте хвалит доблесть, великодушие и щедрость младшего Скалигера, который впоследствии, уже после смерти императора Генриха VII, станет его другом и покровителем.

Данте поссорился не только с Альбоином, но и с его братом Джузеппе. Комментаторы «Божественной Комедии» XIV века, особенно сын Данте Пьетро и Бенвенуто д'Имола, рассказывают о порочной жизни Джузеппе, побочного сына Альберто, сеньора Вероны. В 1292 году отец сделал его аббатом Сан Дзено, самого известного в городе монастыря, который находился под его управлением более двадцати лет. Джузеппе был хром и неказист. В ранней молодости аббат жил тихо и скромно, но затем стал предаваться разным излишествам и порокам. Возглавляя банду гуляк, он бродил ночью по Вероне, наводя ужас на мирное население. Настоятель Сан Дзено и его оголтелые спутники нападали на женщин и не брезговали грабежами. Данте строго осудит в «Чистилище» Альберто делла Скала за то, что он ослабил божий дом, назначив своего недостойного, «с душой еще уродливей, чем тело», погрязшего в разврате сына настоятелем монастыря. Весьма возможно, что Данте жил не во дворце семьи делла Скала, а в аббатстве и был свидетелем бесчинств хромого аббата. Можно предположить, что Данте недолго оставался в Вероне после смерти Бартоломео делла Скала и уже в конце 1304 года покинул — на долгие годы — свое первое убежище в изгнании. Известнейшие терцины из «Рая» мы невольно относим к этому последнему году пребывания Данте в гибеллинской столице северной Италии:

Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.

Приблизительно два года, которые Данте провел в Вероне, не были для него бесплодными. В библиотеке Скалигеров, а также в монастыре Сан Дзено он ознакомился с «Декадами» Тита Ливия, с письмами Плиния Младшего, с поэмой Стация «Фиваида» и постепенно составил себе тот «канон» великих поэтов, которых мы встретим в благородном замке Лимба четвертой песни «Ада»: Гомер, Вергилий, Гораций, Овидий, Лукан. Позже он причислит к ним также Стация.

Пейзаж Вероны напоминал Данте Флоренцию. Посредине более полноводная, чем Арно, Адидже, один из главных притоков По. Город весь словно пронизан светом, то ярким, то мерцающим. Вода в Адидже кажется зеленой. Порой налетали холодные северные ветры с озера Гарда. Данте любил бродить по улицам Вероны. Он подолгу останавливался перед остатками римской старины: великолепными мраморными арками, огромной ареной Колизея. Верона в древности была одним из самых значительных городов Италии. Плиний Младший хвалил в своих письмах театральные представления и цирковые игры в ее колизее (театр в эпоху Данте еще не раскопали). В городе, который некогда был столицей Теодориха и короля Италии Пипина, сына Карла Великого, казалось,

говорили камни. Века мешались: грубые каролингские статуи сменили изящную скульптуру Эллады и Рима.

Кафедральный собор, куда Данте часто заходил послушать праздничную мессу, представлял собой причудливое смешение романского и готического стилей. Массивный портал и маленькие оконца над ним обрамлялись по сторонам легкими, устремленными вверх линиями готических окон. Внутри собора преобладала поздняя готика, столь характерная для северной Италии, Венеции и Далмации.

Аббатство Сан Дзено выдержано в романском стиле. Тяжелую арку портала старой базилики поддерживают легкие колонны, опирающиеся на двух архаических львов. Колокол на башне был отлит, по преданию, еще при императоре Конраде и приходился современником прадеду Данте Каччагвиде. Над романскими арками главного нефа базилики высятся гладкие стены, прорезанные наверху небольшими окнами. Эта примитивная постройка отличается своеобразной красотой. Главный вход стерегут изображения двух паладинов Карла Великого — Роланда и Оливье — с обнаженными мечами.

В 1245 году в сопровождении князей и епископов Фридрих II Гогенштауфен и его сын Манфред совершили торжественный въезд в Верону. Император и король Сицилии любил пышность — следом за ним ловчие вели леопардов, верблюда и даже слона из императорского зверинца. Камни Сан Дзено наглядно рассказывают об этом событии. В аббатстве сильны были также воспоминания о Фридрихе Барбароссе, некогда наводившем ужас на Милан и Ломбардию.

Данте жил в центре гибеллинов Италии, где все говорило о связях Скалигеров с династией Гогенштауфенов. Орел на лестнице появился в гербе Скалигеров, вероятно, после того, как Бартоломео делла Скала женился вторым браком на дочери Конрада Антиохийского Констанце, внучке императора Фридриха II.

В первое воскресенье поста Данте мог наблюдать со стен города за состязанием бегунов, которые устраивались ежегодно. Победителю торжественно вручался приз — шесть локтей зеленого сукна. Не был обделен и прибежавший последним — он получал живого петуха, которого должен был пронести по улицам под улюлюканье праздничной толпы. Память поэта удержит впечатления шумного спортивного праздника веронцев и воссоздаст их, преобразив, в пятнадцатой песне «Ада».

Во время первого своего пребывания в Вероне Данте написал не только упомянутую нами в конце предыдущей главы канцону о трех дамах, но также латинское письмо, начинающееся: «Народ мой, что я тебе сделал». Автограф его, ныне утерянный, в XV веке видел Леонардо Бруни, известный гуманист и биограф Данте. По словам Бруни, почерк у Данте был очень ясный, буквы тонки, длинные и ровны, «как я видел и во многих письмах, написанных его рукой».^[12]

Мы не имеем достаточно сведений о странствованиях Данте после того, как он покинул Верону, и до того, как он очутился в замках Маласпина в Луниджане. то есть от конца 1304 года до лета 1306-го. В это время он странствовал по северной Италии. Несомненно, что он побывал в Венеции, хотя прямых указаний об этом нет.

О его пребывании в Тренто, на севере от Венеции, мы осведомлены несколько лучше, так как там поэт был гостем Герардо да Каммино, упомянутого в «Пире» в подтверждение того, что благородный человек может иметь подлых предков. Данте упоминает реки Силу и Каманьо, протекающие в области Тренто. Он запомнил, что воды этих рек — чистая и мутная — долго текут рядом, не смешиваясь. Можно предположить, что Герардо дал Данте приют в своем замке. У Данте был обычай хвалить людей, оказавших ему гостеприимство и ничем не оскорбивших его гордости. Сеньор Тревизо умер в марте 1306 года. Эта дата помогает определить время пребывания Данте в Тревизо и время создания его первого большого произведения, написанного в изгнании.

Похвалу Данте заслужил также Гвидо да Кастелло из Реджо. В шестнадцатой песне «Чистилища» Данте упоминает трех своих покровителей:

Герардо славный; Гвидо да Кастель,
«Простой ломбардец», милый и француз,
Куррадо да Палаццо...

Граф Куррадо да Палаццо являлся в 1276 году викарием Карла I Анжуйского во Флоренции, а в 1288-м — подеста Пьяченцы. Отпрыск одной из ветвей рода ди Роберти из Реджо, Гвидо да Кастелло был гибеллином (в то время как Герардо да Каммино и Куррадо да Палаццо принадлежали к партии гвельфов). Впоследствии и его изгнали из родного города, где он был фактически сеньором; тогда он и появился, около 1318 года, в Вероне. В Реджо Гвидо да Кастелло любил оказывать помощь странствующим бедным рыцарям, среди которых было много французов; он не только давал им временное пристанище, но одарял конями и оружием. Французы прозвали его «простым ломбардцем»,

что значило: добрый, скромный, гостеприимный, прямодушный. В шестнадцатой песне «Чистилища» Данте упомянет также дочь доброго Герарда Гайю, славившуюся своей красотой и добродетелями.

О благородстве Гвидо да Кастелло, истинном, личном, а не наследственном, Данте говорит в четвертом трактате «Пира». Можно предположить, что великий изгнанник посетил также Виченцу и Падую, где в это время работал его друг, знаменитый флорентийский художник Джотто, расписывавший капеллу деи Скровеньи. Напомним, что Реджинальдо Скровеньи был злостным ростовщиком, одним из самых богатых людей Италии. Данте поместил его среди теней седьмого круга ада в печальной компании лихоимцев.

В «Пире» Данте с насмешкой пишет также о некоем сапожнике из Пармы по имени Азденте, что значит «беззубый». Настоящее его имя было Бенвенуто. Салимбене в своей Хронике сообщает, что он на самом деле имел много зубов; очевидно, прозвище было шуточным. Бенвенуто, чрезвычайно богобоязненный бедняк, по мнению Салимбене, был, несмотря на свое невежество, как бы «просвещен божественным светом». Он пророчествовал и предсказывал будущее, подобно Иоахиму Фьорскому, Мерлину, сивиллам, астрологу Михаилу Скотту и библейским пророкам. К нему со всех сторон стекался народ, чтобы послушать его прорицания. Данте, по-видимому, относился к нему насмешливо, как к лжепророку.

Таким образом, основываясь главным образом на текстах Данте, мы можем реконструировать с достаточной степенью вероятности и маршруты его странствий в 1305 — начале 1306 года. Он побывал на севере Италии, в Тревизо, Венеции, Падуе, Парме, Виченце и в Реджо (провинция Эмилия). В «Народном красноречии» Данте вспоминает о встрече с поэтом на народном языке Готто Мантуано, который «изустно познакомил нас со своими многими и отличными канцонами». Кроме этого краткого упоминания в трактате Данте, больше ничего об этом поэте до сих пор не известно. Но из него следует, что Данте был в Мантуе и, верно, посетил места Мантуанской области, связанные с именем Вергилия и трубадура Сорделло ди Гойто. Мы предполагаем, что знакомство Данте с поэтами из Фаэнцы (в области Романьи) — Томмазо и Уголино Буччо-ла, упомянутых также не без похвал в «Народном красноречии», состоялось ранее, когда флорентийский изгнанник жил в Форли или когда он останавливался в Фаэнце, направляясь в Верону к Скалигерам.

Данте написал «Новую Жизнь», когда ему было двадцать шесть лет и он только что вышел из периода юности. Ему исполнилось 35 лет в 1300 году. Этот возраст, по расчету Данте, вершина жизни. Приближалась старость, начинавшаяся, как он думал, в сорок пять лет, а он был все еще безвестен. Юношеские его стихи остались в стенах Флоренции и, может быть, прозвучали еще только в Болонье. Данте должен был создать произведение, которое прославило бы его на всю Италию. Это облегчило бы ему — как ему казалось — возвращение во Флоренцию. Он забывал, что удивить и поразить сограждан, равнодушных к поэзии и философии, было не так легко. И вот чтобы достигнуть славы, которая подняла бы высоко на щит имя бедного изгнанника, он решил написать трактат на философские и научные темы, приобщая родной итальянский язык к проблемам культуры, которые, по мнению современников поэта, могли быть выражены лишь на латинском языке. Данте больше не хотел быть поэтом любви и готов был отказаться от сладостного нового стиля, чтобы превратиться в учителя мудрости, бичующего нравы. В Вероне он приступил к трактатам «Пира».

В начале этого произведения можно найти немало биографических подробностей, драгоценных для реконструкции биографии Данте и его взглядов на общество в первые годы изгнания. Данте говорит о скитаниях и бедности, о горестном опыте изгнанника, который все еще надеется на возвращение домой: «После того как гражданам Флоренции, прекраснейшей и славнейшей дочери Рима, угодно было извергнуть меня из своего сладостного лона, в котором я был рожден и вскормлен вплоть до вершины моего жизненного пути и в котором я от всего сердца мечтаю, по-хорошему с ней примирившись, успокоить усталый дух и завершить дарованный мне срок, — я, как чужестранец, почти что нищий, исходил все пределы, куда только проникает родная речь, показывая против воли рану, которую нанесла мне судьба и которую столь часто несправедливо вменяют самому раненому. Поистине я был ладьей без руля и без ветрил, которую сухой ветер, вздымаемый горькой нуждой, заносил в разные гавани, устья и прибрежные края; и я представал перед взорами многих людей, которые, прислушавшись, быть может, к той или иной обо мне молве, воображали меня в ином обликах и в глазах которых не только унизилась моя особа, но и обесценивалось каждое мое творение, как уже созданное, так и будущее».^[13]

Данте говорит о том, что личное присутствие часто умаляет действительную ценность человека. Большинство людей живет, подобно детям, — следуя чувству, а не разуму. Многие склонны к зависти и становятся завистниками, видя человека прославленного. Данте пришлось «лично предстать почти перед всеми итальянцами... Я унизил себя этим, — продолжает он, — быть может, более, чем необходимо, следуя истине, и не только в глазах тех, до которых молва обо мне уже докатилась, был я

унижен, но также и многими другими, так что из-за этого произведения мои обесценились. Мне надлежит поэтому придать настоящему моему сочинению большую строгость и писать возвышенным стилем, чтобы сообщить ему большой авторитет».

В стихах и прозе Данте появляется мотив о щедрости как свободном даре. Дарить нужно не бесполезное, поучает он, а то, что действительно необходимо, причем дарить так, чтобы получающий не унижался, взывая к щедрости мецената. Автор «Пира» ссылается на слова, приписывавшиеся Сенеке: «Ничто так дорого не покупается, как то, на что тратятся просьбы». Поэтому, заключает свою мысль Данте, выпрошенный дар подобен торгу и не украшает добродетелями дающего. В этих печальных строках чувствуется горечь поэта, зависевшего от случайных благодетелей и покровителей, с которыми гордому и нищему изгнаннику ужиться было нелегко. По-видимому, Данте секретарствовал (как, например, у Орделаффи в Форли), преподавал (как в Вероне), составлял латинские письма своим покровителям (как для графини Баттифолле), наконец, был придворным поэтом и доверенным лицом (в замках Маласпина). На опыте своем Данте познал, что сеньоры бывают разные: умные и просвещенные, но также заносчивые и невежественные. Существуют «господа природы настолько ослиной, что приказывают как раз обратное тому, чего они хотят; другие, которые хотят быть понятыми, ничего не говоря, и, наконец, такие, которые не хотят, чтобы слуга двигался с места для выполнения необходимого, если они этого не приказали. А так как эти свойства присущи некоторым людям, я не намереваюсь в настоящее время их разъяснять, ибо это слишком затянуло бы настоящее отступление; скажу лишь, что такие люди вроде скотов, которым разум мало чем служит на пользу».

Истинная щедрость, полагал он, может быть только у тех сеньоров, которые не стяжали богатства угнетением бедных или грабежом. Данте восстает против «благодетельности» тиранов: «О вы, злодеи, рожденные во зле, обижающие вдов и сирот, грабящие неимущих, похищающие и присваивающие себе чужие права; из всего вами награбленного вы задаете пиры, дарите коней и оружие, имущество и деньги, носите дивные наряды, воздвигаете дивные постройки и воображаете себя щедрыми! И разве это не то же, что совлечь с алтаря пелену и постелить ее на стол грабителю? Разве, тираны, ваши подачки не столь же смехотворны, как поступок грабителя, который привел бы к себе в дом гостей и постелил бы на стол украденную им с алтаря скатерть с еще сохранившимися на ней церковными знаками и воображал бы, что другие этого не замечают?»

Данте особенно ополчается против дурных правителей Италии, которые следуют не учению мудрецов, а внушениям злых и глупых советников. «Подумайте об этом, враги божьи, — восклицает он, — вы, которые — сначала один, потом другой — захватили бразды правления над всей Италией, — я обращаюсь к вам, Карл и Фридрих, и к вам, другие властители и тираны; и поглядите, какие рядом с вами сидят советники, и подсчитайте, сколько раз на день ваши советники указывают вам цель человеческой жизни! Лучше бы вам, как ласточкам, низко летать над землей, чем, как ястребу, кружить в недоступной вышине, взирая оттуда на величайшие подлости». Инвективы Данте обращены к королю Карлу Неаполитанскому (умер в 1309 году) и к Фридриху Арагонскому, королю Сицилии (умер в 1307 году). Даты их смерти подтверждают, что четыре трактата «Пира» были написаны не позднее 1307 года.

Поэт, изучивший придворные нравы, с горестью говорит о вырождении рыцарских и куртуазных начал в высшем обществе. Происходит это оттого, что знатные сеньоры забыли, что такое добродетель, и предаются порокам и разврату. «Куртуазность, — пишет он, — и порядочность — одно; а так как в старые времена добродетели и добрые нравы были приняты при дворе, а в настоящее время там царят противоположные обычаи, слово это было заимствовано от придворных, и сказать „куртуазность“ было все равно, что сказать „придворный обычай“. Если бы это слово позаимствовали от дворов правителей, в особенности в Италии, оно ничего другого не означало бы, как гнусность». Развращенности нравов не избежали также образованные люди Италии, особенно юристы и медики. Законники и врачи занимаются наукой не для познания, а для приобретения денег или должностей. Данте уверяет, что, если бы они имели все то, чего они добиваются, то есть достигли высокого положения и стяжали большие деньги, они перестали бы заниматься наукой.

Эти инвективы, направленные против высших классов итальянского общества, готовят яростные выпады против сильных мира сего в «Божественной Комедии». Данте не мог и не хотел молчать. В гневе он восклицал: «Хочется ответить не словами, а ударом кинжала на такую гнусность!» Данте расширяет свой флорентийский патриотизм: он уже не флорентиец, а итальянец, когда говорит: «О бедная моя родина, какая жалость к тебе сжимает мне сердце всякий раз, как я читаю, всякий раз, как я пишу что-либо относящееся к государственному управлению!»

Понадобилось изгнание, чтобы расширить горизонты Данте. Он готов был сделать еще один шаг — объявить во всеуслышание, что он не только гражданин Флоренции и патриот Италии, но что для него родина — весь земной шар. Так он говорит в сочинении «О народном красноречии»: «Но мы,

кому отечество — мир, как рыбам море, хотя мы еще и беззубыми пили из Арно и так любим Флоренцию, что ради этой любви сносим несправедливое изгнание, мы опираем устои нашего суждения больше на разум, чем на чувство. И хотя для нашей услады и душевного покоя нашего не существует на земле места прелестнее Флоренции, мы, перечитывая сочинения и поэтов и других писателей, которые описывают мир и в целом и по частям, и размышляя о различных местностях мира и о расположении их относительно обоих полюсов и экватора, определяем и твердо решаем, что есть много как областей, так и городов более замечательных и более очаровательных, чем Тоскана и Флоренция, которой суждено мне быть и сыном и гражданином, и множество племен и народов, говорящих на более сладостном и выразительном языке, чем итальянцы».

Если Данте заслужил данное ему в XIX веке почетное прозвище «отца отечества», то не следует забывать и о том, что великий флорентинец был первым, провозгласившим на грани средних веков и Возрождения, что он гражданин мира.

Глава 12. Пир

В «Пире» Данте начал защиту народного (итальянского) языка, которую он продолжил в трактате «О народном красноречии». Впервые в литературе Италии прозвучал голос, предвещавший итальянскому языку блестящее будущее. Данте не ставил еще «вульгарный» язык наравне с латинским. Он признавал особую экспрессивную силу латыни, но тем не менее считал, что народный язык способен выразить научные и философские идеи. И если латинский язык еще главенствует благодаря своей красоте, будущее принадлежит не ему, а языку народному, итальянскому. Он отмечает, что латинский язык стал непонятен не только широким массам народа, но также большинству сеньоров, изъясняющихся только на своем родном итальянском языке. Данте восстал против тех, кто во что бы то ни стало стремился превознести латынь и унижить родную речь и обрек на вечный позор и унижение тех злонамеренных людей Италии, которые восхваляют чужой народный язык и презирают свой собственный. Иногда, забыв о латыни, они превозносят провансальский и объявляют «итальянское наречие пошлым, а провансальское — изысканным».

Не только разум заставлял Данте утверждать необходимость заниматься народной словесностью, но и совершеннейшая любовь к родной речи. Он говорил образами: «Если бы на глазах у всех из окон дома вырвались языки пламени и если бы кто-нибудь спросил, не горит ли дом внутри, а другой ему ответил, что горит, я так и не мог бы решить, кто из них достоин большего порицания. Не иначе выглядел бы и я, если бы на вопрос, живет ли во мне любовь к моему родному языку, я, после всех приведенных выше соображений, ответил просто — „да“. Это значит: не стой в бездействии, поспеши тушить пожар. Не довольствуйся пассивной любовью к родной речи, не созерцай ее равнодушно, а действуй, очищай и развивай родную речь, чтоб она стала общенародным итальянским языком.

Данте обнаружил необыкновенную проницательность ученого-лингвиста, намного опережая науку своего времени. Столь не свойственный средневековой историзм отличает все высказывания Данте об изменениях, которые претерпевает язык. Данте заметил, что за последние пятьдесят лет из итальянского языка одни слова исчезли, а другие появились или продолжают жить в измененном виде. Это наблюдение заставляет его предположить, что за более длинный период язык может измениться до неузнаваемости. Если бы те, пишет он, кто покинул эту жизнь тысячу лет тому назад, вернулись в свои города, они подумали бы, из-за различия в языке, что их город занят чужеземцами. Эту тему Данте более подробно обещает развить в небольшой книге о народном языке, которую он собирается написать. Как видим, замысел второго теоретического произведения великого поэта возник одновременно с «Пиrom».

По первоначальному плану «Пир» должен был состоять из четырнадцати больших трактатов. Из задуманного Данте осуществил только четыре; о содержании ненаписанных десяти трактатов мы можем лишь догадываться. Начиная со второго трактата сочинение Данте построено как комментарий к большим доктринальным канцонам. Следовательно, «Пир» по своей структуре несколько напоминает «Новую Жизнь».

Первые две канцоны «Пира», несомненно, написаны еще во Флоренции в девяностых годах XIII века. Последняя, как можно предположить, возникла уже в изгнании. Как мы уже сказали, Данте не хотел больше быть поэтом-лириком, он пожелал стать учителем истины, проповедующим новые правила морали. Но поэт оказался в нем сильнее учителя жизни — оба доктринальных произведения, то есть «Пир» и «О народном красноречии», Данте оставил незаконченными. Многими мотивами, образами, а также размышлениями об итальянском стихе из этих сочинений Данте воспользуется в

своей гениальной поэме.

Первый трактат «Пира» кончается поэтическим пророчеством о народном языке, которое, как далеко не все пророчества, осуществился в жизни: «Итак это будет тот ячменный хлеб, которым насыщаются тысячи, для меня же останутся полные коробы. Он будет новым светом, новым солнцем, которое взойдет там, где зайдет привычное, и дарует свет всем, кто пребывает во мраке, так как привычное солнце им больше не светит». Данте называет итальянский язык «ячменным хлебом», подразумевая под пшеничным хлебом латынь. Ячменным хлебом насыщаются сотни тысяч, а пшеничный доступен лишь немногим. В «Народном красноречии» Данте даст более точное определение народного языка.

Судя по вступительному трактату, написанному как предисловие, можно было бы ждать, что для просвещения не знающих латинского языка людей разных сословий Данте напишет по-итальянски что-либо напоминающее энциклопедию своего учителя Брунетто Латини. Однако Данте пошел иными путями. Он стал комментировать свои далеко не легкие и не общедоступные канцоны. Таким образом, во втором, третьем и четвертом трактатах появились темы: Мадонна Философия, строение космоса, благородство, всемирная монархия и единое государство. Намечена также тема «Поэтика и риторика», столь важная для понимания творческих путей великого поэта.

Мы уже говорили в конце шестой главы о противоречиях в «Новой Жизни» между образом Беатриче и образом «сострадательной Дамы». В «Пире» Данте стремится доказать, что именно сострадательная Дама и была истинным проявлением Мадонны Философии и «достоинейшей дочерью повелителя вселенной». Это навело многих современных дантологов на мысль о том, что триумф Беатриче в конце «Новой Жизни» был написан и присоединен к основному тексту тогда, когда Данте оставил свои трактаты и вернулся к Беатриче в «Божественной Комедии».

Второй трактат начинается первой канцоной:

Вы, движущие третьи небеса,
Их разумея...

Эти строки произносит в восьмой песне «Рая» король Венгрии Карл Мартелл, с которым Данте познакомился во Флоренции. Поскольку неаполитанский принц умер в 1295 году, мы с уверенностью можем сказать, что Данте написал канцону до изгнания. Она, несомненно, посвящена сострадательной Даме, ставшей благодаря неожиданной для нас метаморфозе Мадонной Философией. Равным образом еще к флорентийскому периоду следует отнести и вторую канцону «Пира». Нам известно (снова из «Божественной Комедии»), что музыкальное сопровождение к ней сочинил друг Данте, композитор и певец Казелла, умерший так же рано, как и Карл Мартелл. Подтверждает нашу датировку и то, что в обеих канцонах, особенно же во второй, чувствуется влияние сладостного нового стиля и выражения удивительно схожи с фразеологией «Новой Жизни».

Торжественно звучит начальная строфа первой канцоны:

Вы, движущие третьи небеса,
Их разумея, мне внимлите тайно.
Я слышу — в сердце голос прозвучал,
Столь новый для других, необычайно.
Покорна вам небесная краса.
Я вашу власть и волю ощущал;
Ваш свет мне в сердце силу излучал.
Не скрою горести и упования.
Высокий слух прошу я приклонить.
Чтоб мог испытанное вам открыть.
Души услышите скорбные рыдания.
Вот в спор вступает дух астральный с ней
В сияньи ваших радостных огней.

В заключительном обращении к самой канцоне, написанном в духе провансальских трубадуров, Данте говорит о сложности своей философской поэтики:

Канцона, будут редки, мнится мне,
Те, кто твоим ученьем наслаются,—
Столь труден, столь возвышен твой язык.
Но коль тебе придется повстречаться
С тем, кто твоим стремленьям чужд вполне,
Утешься, — пусть он в тайну не проник.
Скажи ему. являя новый лик,

Покорный гармоническому строю:
«О, полюбуйся хоть моей красою!»

Последний стих призывает читателя, если он не уразумеет глубокого содержания канцоны, воспринять ее интуитивно, оценить ее мастерство и силу ее экспрессии.

Данте говорит о том, что поэзия его охватывает несколько планов. Нужно принять во внимание, что на исходе средних веков писатели думали сложно и многосмысленно и прибегали к многопланному толкованию своих и чужих текстов. По-своему они были реалисты, так как прежде всего требовали, чтобы событие, о котором повествовалось, происходило в действительности; затем уже оно могло толковаться как содержащее некую моральную истину и в аллегорическом смысле; наконец, следовало «анагогическое» понимание, по которому данное событие было не только тем, чем оно казалось сначала, но говорило об истине, скрытой под покровом обычных слов. Это высшее символическое толкование связывалось с восхождением души и тайнами небес. В средние века оно предназначалось первоначально только для объяснения текстов священного писания; его применение к светской поэзии и светской литературе было дерзким новшеством. Только у Данте такое символическое понимание поэзии становится обычным. Не следует, конечно думать, что к каждому событию реальной жизни применялось многосмысленное толкование; к нему прибегали, если речь шла о явлениях важных и торжественных. Предоставим слово Данте-теоретику, разъясняющему своим читателям принятую и разработанную им систему многосмыслия: «Надо знать, что писания могут быть поняты и должны толковаться с величайшим напряжением в четырех смыслах. Первый называется буквальным (и это тот смысл, который не простирается дальше буквального значения вымышленных слов); таковы басни поэтов. Второй называется аллегорическим; он таится под покровом этих басен и является истиной, скрытой под прекрасной ложью; так, когда Овидий говорит, что Орфей своей кифарой укрощал зверей и заставлял деревья и камни к нему приближаться, это означает, что мудрый человек мог бы орудием своего голоса укрощать и усмирять жестокие сердца и мог бы подчинять своей воле тех, кто не участвует в жизни науки и искусства; те же, кто не обладает разумной жизнью, подобны камням».

Когда Данте утверждает, что писания должны толковаться по четырем смыслам, он подразумевает прежде всего священное писание, то есть Библию. В средневековых школах риторики ученики заучивали латинские стихи, которые помогали запоминать толкование по четырем смыслам:

*Littera gesta docet, quid credes allegoria
Moralis, quid agas; quo tendas, fmgogia.*

(Буквальный смысл учит о происшедшем; о том, во что ты веруешь, учит аллегория; мораль наставляет, как следует поступать, а твои стремления открывает аналогия.) Но мы увидим, что Данте постепенно распространяет многосмысленное толкование и на светскую поэзию: «А иной раз я при случае коснусь и других смыслов, в зависимости от требования времени и места». Данте непоследователен: он не говорит определенно, что оставляет риторическую аллегорию и переходит к толкованию своих собственных (а не священных библейских текстов) до четырех смыслам. Он даже настаивает на том, что прежде всего будет говорить о буквальном смысле, а затем об аллегорическом, иногда же прибегать и к другим, то есть к моральному и анагогическому. Он несколько раз подчеркивает важность первого реального (буквального) смысла, от которого и следует исходить. Нельзя не видеть, что этот метод противоречит обычаям средневековых философов и богословов-схоластиков и нарушает запрет Фомы Аквинского. Однако на страницах «Пира» еще чувствуется некоторая неуверенность автора, особенно по сравнению с более определенным высказыванием в письме к Кан Гранде.

В этом письме сначала разъясняются два главных смысла: буквальный (реальный, события на первом, историческом плане) и второй, аллегорический или моральный, иллюстрируемые примером из Библии:

«Когда вышел Израиль из Египта, дом Иакова — из народа иноплеменного, Иуда сделался святынею Его, Израиль владением Его». Таким образом, если мы посмотрим лишь в букву, мы увидим, что речь идет об исходе сынов Израилевых из Египта во времена Моисея; тогда как, обратив внимание на аллегорию, мы увидим, что речь идет о спасении, дарованном нам Христом; моральный смысл откроет нам переход души от плача и от тягости греха к блаженному состоянию; анагогический — переход святой души от рабства нынешнего разврата к свободе вечной славы. И хотя эти таинственные смыслы называются по-разному, обо всех в целом о них можно говорить как об аллегорических, ибо они не имеют ничего общего со смыслом буквальным или историческим. Действительно, слово «аллегория» происходит от греческого «allogos» по-латыни означает «другой»,

или «отличный».

Из этого Данте делает следующее заключение: сначала следует рассмотреть предмет данного произведения, а потом уже его аллегорическое значение. Данте особенно настаивает на том, что буквальный смысл всегда должен предшествовать остальным, так как «в нем заключены и все другие и без него было бы невозможно и неразумно добиваться понимания иных смыслов, в особенности аллегорического». Отталкиваясь от требования Аристотеля (в первой книге «Физики»), «чтобы познание наше выдвигалось по порядку, от того, что мы знаем лучше, к тому, что мы знаем менее хорошо», Данте приходит к выводу, что следует идти постепенно, то есть от буквального смысла к менее понятным смыслам аллегорическим. Тем самым автор «Пира» заставляет нас с оправданным недоверием относиться к его же утверждениям о том, что Мадонна Философия в своих трансформациях вполне отрешилась от образа сострадательной Дамы. Как же быть тогда с первым, буквальным смыслом?

Будучи искренним по своей природе, несмотря на склонность к рискованным построениям, Данте признается в том, что чувство к сострадательной Даме (она же Мадонна Философия) затем рационализировалось. Он пишет: «Но так как любовь не сразу рождается, растет и достигает своего совершенства, а требует некоторого времени и пищи для раздумий, в особенности в тех случаях, когда ей мешают враждебные мысли, то прежде, чем созрела во мне эта любовь, потребовалось великое борение между мыслью, ее питавшей, и мыслью, ей противоборствующей, которая в образе прославленной Беатриче еще удерживала за собой твердыню моих помыслов. Ибо одну мысль во внешнем и в настоящем непрестанно поддерживало зрение, а другую мысль во внутреннем и в прошлом — память. И поддержка во внешнем увеличивалась с каждым днем, а во внутреннем ослабевала, одолеваемая той, которая всячески препятствовала мне оглянуться назад; это состояние показалось мне настолько удивительным и нестерпимым, что вынести его я не смог. И вот, как бы восклицая и желая оправдаться в непостоянстве, изблещавшем во мне недостаточную стойкость, я направил свой возглас в ту сторону, откуда победоносно наступала новая мысль, всесильная, как сила небесная, и я начал свою речь со слов: „Вы, движущие третьи небеса“.

Не только «риторический прием» заставляет Данте решиться больше не говорить о Беатриче и все свое внимание посвятить заменившей ее Мадонне Философии, просто старая любовь постепенно исчезала, а новая крепла. Эта борьба прежних помыслов со старыми и заставила его, вероятно где-то около 1294 года, написать канцону, которую через десять лет он включил в «Пир», подвергнув обстоятельному толкованию и переосмыслению.

Вторая любовь Данте к сострадательной Даме, которая, оторвавшись от буквального смысла, стала Мадонной Философией, крепла постепенно — так «малая искра разрастается в большое пламя». Заметим, что эта последняя метафора снова появляется в «Раю»: «За искрой пламя ширится вослед» (I, 34) и «...Искра здесь живая, Чье пламя разрослось, пылань-ем став» (XXIV, 145—146).

С темой Мадонны Философии связана также вторая канцона «Пира» (третий трактат). Любовь к Мадонне Философии выражена в ней в терминах сладостного нового стиля, вызывая в памяти похвалы Беатриче в «Новой Жизни»:

Шлют вестников возвышенных желанья,
Что превращают воздух в воздыханья.

Или:

Кто этому поверить не дерзает,
Пусть с ней идет и зрит ее дела.

Особенно в этом месте:

... Ты даму назови
Лишь ту благой, в которой отразила
Она свой лик, и лишь ее краса
Земную красоту преобразила.
Она нам чудо новое явила,
Что ниспослали смертным небеса.

Мадонна Философия названа, как Беатриче, «смиренья образцом». Некогда Данте сочинил баллату, посвященную, очевидно, не Беатриче, а сострадательной Даме. В канцоне «Пира» Данте опровергает то, что он сказал в ранее написанной баллате:

Ты говоришь, канцона, мнится мне,
Как бы вступая в спор с твоей сестрою.
Она назвала гордою и злою
Ту даму, чье смиренье славишь ты.
Вселенная сияет в вышине;
Небес вовек не затемниться строю,
Но наши очи, омрачась порою,
Звезду зовут туманной. Красоты
Жестокими казались нам черты,
Но истину не видела баллата,
Она страшась судила и спеша.

Баллата начинается:

Познавшие Амора, к вам одним
С баллатой обращаюсь безотрадной,
Где речь идет о даме беспощадной,
Сумевшей сердцем завладеть моим.^[14]

И заканчивается:

Ты, зная, что прекрасна и юна,
И видя, что пленила душ немало,
Жестокосердой и надменной стала.
Меня терзаешь, волю дав гордыне,—
Должно быть, ищешь на вопрос ответ:
Ведет ли к неминуемой кончине
Могущество Амора или нет.
И я твоей жестокостью задет.
О, если бы ты на себе сначала
Могущество Амора испытала!

Поэтическое «оправдание» баллаты звучит скорей на первом реальном плане, чем на плане аллегорическом. Однако в «Пире» стихи, посвященные сострадательной Даме, приобретают исключительно аллегорический характер. Автор старается отмежеваться от буквального смысла. Сострадательная красавица «Новой Жизни» превращена в Мадонну Философию. Быть может, наиболее интересным в этом процессе является дальнейшая трансформация образа, превращающегося в Премудрость небесную.

Возведение философии на высшую ступень небесной мудрости побудило Данте размышлять о проблемах мироздания, о строении вселенной. Рассматривая мнения мудрецов древности, Данте дерзает вступать в спор с самим Аристотелем, полагавшим, что существует только восемь небес, и неправильно располагавшим планеты по степени их близости к земле. Данте принимает систему мира Птолемея, согласно которому космос состоит из девяти неподвижных небес; девятое кристалльное небо насквозь прозрачно и является Перводвигателем. Однако, по представлению средневековых ученых-христиан, за пределами девятого неба простиралось еще одно, десятое небо — Эмпирей. О неподвижном десятом небе говорил в VIII веке англосаксонский монах Беда Досточтимый, а Валафрид Страбо из Рейхенау (IX век) называл Эмпиреем огненное верхнее небо света. По-видимому термин этот средневековые авторы заимствовали из «Брака Филологии с Меркурием» Марциана Капеллы, языческого автора-неоплатоника V века нашей эры.

Данте, расходясь с мнением современных ему схоластиков, высказывал воззрения, близкие к астрологу Михаилу Скотту, переводчику арабских ученых на латинский язык. Авиценна, например, утверждал, что небо в своей субстанции есть совершенное целое и, будучи таковым, стремится к покою более, чем к движению. Таким образом, предельная скорость Перводвигателя, равная скорости света, привлекает к себе абсолютную неподвижность Эмпирея. Предельная неподвижность и предельная скорость разделены навеки и вечно стремятся друг к другу. Данте не разделяет учения пифагорейцев, считавших наш мир одной из многочисленных звезд и говоривших, что земле противостоит другая, такая же, называемая Антихтоной (противоземлей или антимиром). Кажется ему ошибочным и представление Платона, полагавшего, что земля находится в центре вселенной и что она вращается вокруг своего собственного центра. Данте остается верен в основном системе мироздания Птолемея: земля находится в центре вселенной, и она неподвижна. Планеты, к которым причислена и Луна, располагаются в следующем порядке от земли, как и соответствующие им небеса: первое — это небо Луны, второе — Меркурия, третье — Венеры, четвертое — Солнца, пятое — Марса, шестое —

Юпитера, седьмое — Сатурна, восьмое — небо Звезд, девятое — Перводвигателя и десятое — Эмпирей. Это же распределение находим в «Божественной Комедии» («Рай»). Бросается в глаза, что число небес соответствует совершенному числу «десять», причем движущихся небес — девять. Эта система мира движется и управляется некими высшими существами, стоящими посередине между Абсолютом и человеком. Это ангелы христианской мифологии, которых Данте сравнивает с «идеями» Платона. Ангелы также подчинены закону девяти. Первый — это чин ангелов, второй — архангелов, третий — престолов. Вторую иерархию образуют господства, силы и начала. Третья иерархия — могущества, херувимы и над всеми серафимы. Эти силы управляют планетами и звездами, вызывая движение одним своим духовным взглядом. Данте был знаком с системой мироздания, созданной философом-неоплатоником V века Псевдо-Дионисием Ареопагитом. Тем не менее в «Пире» он принял иерархическое деление не Дионисия Ареопагита, а Григория Великого. В «Божественной Комедии» Данте изменяет порядок первой триады, то есть принимает иерархию Дионисия Ареопагита. Таким образом, двигателями Венеры оказываются не престолы, а начала.

Как объяснить падение некоторых ангелов, под предводительством сатаны, который стоял выше всех, так как был серафимом? Данте отвечает: за грех непослушания и своеволия была низвергнута одна десятая часть высших существ — для восполнения их и был создан потом род человеческий. Этот миф получил особое развитие в произведениях Бернарда Клервосского (XII век) и Бонавентуры (XIII век). Бернард писал о том, что места в раю, которые образовались после падения Люцифера и его сторонников, пополняются душами праведников. Поэты сладостного стиля, по-своему истолковывая церковную легенду, слагали стихи о том, что прекрасные дамы займут места падших ангелов! Неоплатонизм арабской и некоторой части средневековой западной философии создавал в эпоху средневековья новые мифы, которые послужили основанием для литературных идей поэтов сладостного стиля.

Гораздо труднее воспринимается современным читателем параллель, проводимая Данте между науками и небесами. Эту идею, которую современники Данте воспринимали еще в школе, Данте усложнил и углубил. В его системе мира семи первым небесам соответствуют семь наук тривиума и квадривиума — основы средневекового образования. Напомним, что квадривиум («встреча четырех дорог») охватывал науки математические: арифметику, музыку, геометрию и астрономию. Тривиум являлся подготовкой к высшим штудиям и заключал: грамматику (латинскую), диалектику, риторику, то есть науки гуманитарные.

Отсюда соответствия: лунное небо похоже на грамматику; небо Меркурия можно сравнить с диалектикой; небо Венеры Данте сравнивает с риторикой, исходя из двух свойств этой планеты — ясности ее облика, приятного для зрения, превышающего ясность любой другой звезды, и ее появления на небе земли утром и вечером. Эти сопоставления мы находим и в «Сокровище» Брунетто Латини. В период высокого средневековья, с конца XI до середины XIII века, так же как у теоретиков литературы конца античности, риторика идентифицировалась с поэзией. Между искусством оратора Цицерона и искусством поэта Вергилия не было пропасти.

Так как все науки освещаются светом Арифметики, то она сравнивается с небом Солнца. Данте напоминает высказывание Пифагора о Числе, лежащем в основе мироздания. Небо Марса сравнивается с музыкой, поскольку Марс занимает среднее положение среди небесных тел, а гармония зависит от положения и соотношения звуков. Но Марс вызывает также войны и пожары, сжигает и губит все живое.

Небо звезд Данте сравнивает с Физикой и Метафизикой. Метафизика уподобляется той части звездного неба, которая с земли невидима или видима плохо. Выше Метафизики утверждает Данте, явно противореча учению теологов, находится нравственная философия, которую он отождествляет с Первым двигателем. В астрономической системе Данте Перводвигатель или Кристальное небо упорядочивает суточное обращение всех остальных небесных светил. Если бы Перводвигатель стал неподвижен, то наступила бы полная неразбериха в движении планет, «и поистине не было бы на земле ни размножения, ни животной или растительной жизни; не было бы ни ночи, ни дня, не было бы ни недели, ни месяца, ни года, но вся вселенная лишилась бы порядка, и движение других небес совершалось бы понапрасну».

Таким образом. Этику Данте ставит выше Метафизики. Под Этикой он понимает науку о совершенном поведении, о морали, об идеальном устройстве государства, о законности и праве. Этика управляет движением и определяет бытие всего мира, без нее нарушились бы не только законы земли, но и законы небес. Без Этики не было бы «ни деторождения, ни счастливой жизни, а науки были бы написаны втуне и напрасно найдены в древнейшие времена».

Систему мира Данте можно назвать космическим панэтизмом. Он требует совершенства законов и правосудия на земле, поскольку они совершенны на небесах. Ибо только исходя из этического начала можно добиться счастливой жизни на земле, необходимой для совершенствования человека.

Эта система мысли приводит Данте к идее о необходимости создания на земле единого государства, где злая воля преступных людей будет скована праведными законами; в нем исчезнет стяжательство, прекратятся грабительские войны и беззакония тиранов.

В третьем трактате «Пира» Данте стремится объяснить строение Земли. Земля представляет собою шар с двумя полюсами, из которых наш, северный, видим, в то время как южный невидим. Он предлагает читателю вообразить, что на полюсах находятся два города, на северном — Мария, а на южном — Лучия, расстояние между которыми 10 тысяч миль. Данте-геометр мерит расстояние между этими городами и экватором. Страницы, посвященные Марии и Лучии, представляют первый образчик научной прозы на итальянском языке.

Четвертый трактат «Пира» содержит две основные темы: о благородстве и совершенной мировой монархии. К теме благородства непосредственно примыкает рассуждение об идеальном человеке, поднимающемся и спускающемся по арке жизни. Данте вступает в спор с императором Фридрихом II, который вслед за Аристотелем определял благородство как древнее богатство и добрые нравы. Эти мысли Данте первоначально выразил в третьей канцоне:

Так ложных мыслей стая
Летит. Себя отменнейшим считая,
Вот некто говорит: «Мой дед был славен.
Кто знатностью мне равен?»
А поглядишь — так нет его подлей.
Для истины давно он глух и слеп;
Как мертвеца, его поглотит склеп.

Благородство не зависит от богатства, низменного по своей природе. Данте прибегает к метафорам, чтобы выразить индивидуальный характер истинного благородства, которое даруется небесами и представляет собой индивидуальное, а не родовое свойство.

То примет полотно,
Во что себя художник превращает.
И башню не сгибает
Река, что из далека протекает.

Праведного и благородного человека, каково бы ни было его происхождение, не согнут приливы и отливы реки богатства. Изменить человека истинно благородного не смогут никакие перемены фортуны, говорит гордый изгнанник, испытавший влияние стоиков:

Дух истиннолюбивый и прямой
Все тот же и с мошною и с сумой.

В третьей канцоне Данте удалось создать при помощи ярких и убедительных метафор поэтическое произведение на темы морали. Этика органически слита у него с поэтикой. Он увидел все же, что претворение любовных канцон в моральные поучения таит в себе натяжку, которую трудно скрыть. Для нового вина необходимы и новые мехи, чтобы форма не расходилась с содержанием. В третьей канцоне, написанной в изгнании, Данте говорит о перемене своей системы поэтического выражения. Для этого ему пришлось отказаться от поэтики сладостного нового стиля и избрать иной стих, резкий, отточенный, суровый, который затем прозвучит в «Божественной Комедии».

Стихов любви во мне слабеет сила.
Их звуки забываю
Не потому, что вновь не уповаю
Найти певучий строй,
Но я затем в молчанье пребываю,
Что дама преградила
Мою стезю и строгостью смутила
Язык привычный мой.
Настало время путь избрать иной.
Оставляю стиль и сладостный и новый,
Которым о любви я говорил.
Чтоб я не утаил,
В чем благородства вечные основы,
Пусть будут рифм оковы
Изысканны, отточенны, суровы.

Тот же строй суровых и жестких рифм, тот же стих Данте употребит в скором времени и в любовных канцонах Каменной Даме. Эта реформа была необходима Данте для раскрепощения поэтического языка и для создания нового, который вобрал бы в себя все оттенки итальянской речи.

Данте говорит, что проблема благородства — великое, высокое дело, мало исследованное другими авторами. Однако проблема эта ставилась еще в античности; о преимуществе духовного благородства над происхождением и богатством говорили стоики, Цицерон, Ювенал, позже Боэций. О проблеме духовного благородства в средние века писали трубадуры. Тема о душевном благородстве людей низкого происхождения часто появляется во французской литературе XII—XIII веков. В Италии Сорделло отдает предпочтение буржуа перед рыцарями, которые менее ценят честь, чем люди низкого происхождения. Пьер делле Винье, канцлер императора Фридриха II, перефразируя в одном из своих писем Боэция, также ставит на первое место благородство духовное. Пустынник Эгидий Роман написал интереснейшие страницы о сущности духовного благородства. Наконец, учитель Данте Брунетто Латини в своем «Тезоретто» объявляет благородными людей воспитанных и мудрых, вне зависимости от их происхождения. В XIII веке появилась мысль о том, что благородство есть не что иное, как стремление к добродетели, утонченность манер и высокий склад души. Гражданин Болоньи Гвидо Гвиницелли уверял, что благородство души делает человека способным к возвышенной любви. Данте лишь продолжил то, что было сказано до него, но придал своим словам ту силу, которой не хватало его предшественникам.

Данте отрицает благородство наследственное, родовое, независимое от качеств самого человека, тем самым он отрицает основы феодального строя. Это протест новой возрожденческой мысли против иерархии средневековья. Вот что Данте говорит о человеке истинно благородном в его, Дантовом, понимании. Он выражается образно, обращаясь к примеру. «По некоей долине проходят несколько тропинок: это поле с кустами, рвами, камнями, буреломом, почти что вовсе непроходимое, за исключением проложенных по нему узких тропинок. Выпал снег и все покрыл, и, куда ни помотришь, не видно и следа какой бы то ни было тропинки. Некто появляется с одной стороны этой прямой равнины и хочет дойти до дома, находящегося на другой ее стороне; благодаря собственным своим стараниям, то есть благодаря наблюдательности и должной сообразительности, он, сам по себе и никем не руководимый, по верному пути доходит туда, куда хотел, оставляя за собой в снегу следы своих шагов. За ним приходит другой и хочет дойти до того же дома; для этого ему ничего другого не нужно, как только придерживаться оставленных следов; и вот ту же самую дорогу, которой первый сумел придерживаться без всякой указки, второй, имея указку, теряет и плутает среди колючек и навалов и так и не доходит, куда ему надлежало дойти. Которого же из них следует назвать стоящим? Отвечаю: того, кто прошел первым. Как же назвать второго? Отвечаю: ничтожнейшим».

Для того чтобы низвергнуть золотого тельца, Данте приступает к рассмотрению источников богатства. Он говорит о том, что в мире нет справедливости в распределении земных благ, но царят произвол и случайность. Случайными являются те богатства, которые наследованы по завещанию или когда «фортуна помогает закону». Приобретение может быть дозволенное или недозволенное. Дозволенным является вознаграждение за искусство, за товар или за услугу. Недозволенным следует считать богатство, «когда оно достигается путем воровства или грабежа». Случайное обогащение, например, благодаря находке клада, потому несовершенно, что богатство обычно попадает в руки людей грубых и недостойных. Дозволенные богатства (то есть главным образом те, которые приобретаются торговлей) также редко достаются добрым людям. Эти последние заняты более важными делами, то есть наукой, искусством, законодательством. Поэтому Данте приходит к общему заключению, что богатство приобретается несправедливостью. В конце концов богатства приносят несчастья и самим богачам, которые становятся робкими и злобными, трепеща над своими сокровищами, так как боятся потерять не только свое имущество, но и свою жизнь. «Это хорошо знают несчастные торговцы, которые странствуют по свету и которых, когда они возят при себе богатства, даже листья, шелестящие на ветру, вгоняют в дрожь; когда же у путешественников ничего нет, они без тревог коротают свой путь песнями и всякими утехами». Данте приводит из «Фарсалии» Лукана следующие строки: «О ты, надежная сила бедной жизни! О вы, тесные хижины и скромный скарб! О вы, еще не познанные богатства богов! В каких храмах и в каких чертогах можно было не убояться никакой резни, когда десница Цезаря постучится в дверь?»

Истинное благородство, не зависящее ни от происхождения, ни от богатства, является началом всех добродетелей. В своих стихах Данте говорит, что благородство есть «семя блаженства, которое небеса бросают только в гармоническое существо»; тем самым Данте возвращается к платонизированным идеям Гвидо Гвиницелли, которого он упоминает в главе двадцатой третьего трактата. В конце последней канцоны «Пира» Данте рассматривает эволюцию совершенного человека, истинно благородного и добродетельного, в зависимости от возраста. Возрастов человеческой жизни четыре: юность, продолжающаяся (вместе с детством) 25 лет, зрелость — от 25 до 45 лет, старость —

от 45 до 70; при этом распределении вершиной жизни следует считать 35 лет. Напомним, что условно Данте начал «Божественную Комедию» в 1300 году, когда он достиг этого возраста. Таким образом, если вообразить жизнь как восходящую и нисходящую дугу, то 35 лет придется посередине. Однако Данте не выдержал до конца этой системы, предположив, что возможен еще четвертый период жизни — дряхлость, которая продолжается до 80—81 года. Платон, по преданию, жил 81 год и умер, когда совершенное число девять умножилось 9 раз!

Конечно, бывают случаи, когда ранняя смерть прерывает жизнь человека, однако Данте интересуется совершенное долголетие человеческого рода. Итак, каждому возрасту даруются специфические добродетели, все одинаково проистекающие из истинного благородства. Для юности необходимы послушание, ласковость, стыдливость, телесная красота. Данте настаивает на важности этого последнего качества: «При этом надо иметь в виду, что и это проявление природы необходимо для нашей доброй жизни; большую часть действий положено нашей душе производить при помощи телесных органов, а это легче, когда тело должным образом сложено и соразмерно во всех своих частях. Когда же оно хорошо сложено, тогда оно красиво в целом и в частях и доставляет наслаждение своей удивительной гармонией, а хорошее здоровье набрасывает на него покров сладостного для взоров цвета. Поэтому говорить, что благородная натура украшает свое тело и делает его пригожим и складным, все равно как сказать, что она доводит его до совершенной упорядоченности, и это, равно как и другие разобранные нами свойства, по-видимому, необходимо для юности». Эта гармония души и тела — идеал гуманистов Возрождения, противоречащий средневековой аскезе. В заключительной строфе третьей канцоны Данте говорит о четырех возрастах:

Душа, украшенная даром бога,
До смертного предела,
С тех пор как узы ощутила тела
Таится не вольна.
Она нежна, стыдлива и несмела
У юности порога;
Прекрасная, она взирает строго,
Гармонии полна.
Созрев, она умеренна, сильна,
Полна любви и в нравах куртуазна,
А в старости щедра,
Предвиденьем и мудростию властна
И, радуясь, согласна
О благе общем рассуждать бесстрашно.
Достигнув дряхлости, она стремится
С всевышним примириться,
Как надлежит близ смертного одра,
Благословив былые времена.

Для Данте величайшим образцом зрелого человека является основатель римского государства Эней. Он был вежлив, честен перед законом, любвеобилен, стоек и умерен. В старости надо быть справедливым, благожелательным и разумно щедрым, интересоваться не личными делами, а общественными, памятуя слова Аристотеля «человек — животное общественное». Приобретая к старости большой опыт и осторожность, человек оказывается способен давать верные и мудрые советы. В пример бескорыстной, доблестной и достойной жизни Данте приводит другого римлянина — Катона Утического, «который был рожден не для себя, а для отечества и всего мира». Уже в «Пире» Катон, покончивший с собою, чтобы не подчиниться тирании Цезаря, является скорее символом, чем историческим воспоминанием о некогда жившем человеке. Этим объясняется и его появление в «Божественной Комедии» как стража чистилища. Именем Катона Данте завершает свои рассуждения о признаках благородства, «ибо Катон благороден на протяжении всех возрастов».

В четвертом трактате «Пира» намечены идеи следующего произведения Данте — «Монархии». Здесь мы не будем рассматривать подробно эти идеи, считая, что целесообразнее анализировать их вместе с мыслями о природе мирового государства в главе о сочинении, целиком посвященном этой проблеме. Отметим лишь два мотива, которые разрабатываются в «Пире»: «конь без всадника» и «философ».

Император является для Данте олицетворением единого мирового государства; он прекратит все споры о границах и территориях, объединит Италию как центр всего мира. Только в едином государстве, учит Данте, может быть осуществлено истинное благородство, законность и справедливость и три аллегорические дамы — Справедливость, Правда и Законность — найдут себе достойное убежище. В настоящее же время «конь носится по полю без всадника... Это видно на

примере несчастной Италии, предоставленной собственному управлению и лишенной всякой помощи». Этот мотив появится снова в шестой песне «Чистилища», в знаменитой инвективе, обращенной к Италии:

Тебе, несчастной, стоит оглянуться
На берега твои и города:
Где мирные обитатели найдутся?
К чему тебе подправил повода
Юстиниан, когда седло пустует?
Безуздой меньше было бы стыда.

Конь Италии сбросил с себя узду законности и мчится по стране как начало уже не государственное, а анархическое, столь противное уму Данте, воспитанному правоведом Болоньи на Кодексе Юстиниана — римском праве. За удила Юстинианова коня хватаются тираны и республиканские правители Италии, но не могут с ним справиться.

Вы видите, как эта лошадь зла,
Уже не укрощаемая шпорой
С тех пор, как вы взяли за удила?

Для того чтобы конь подчинился шпорам и узде и прекратилась анархия, необходим не только единый руководитель мирового государства, но рядом с ним должен встать философ, как советник, необходимый для справедливого управления, ибо мудрость, то есть начало разумное, не зависит ни от авторитета церкви, ни от власти земного правителя. Данте защищает самостоятельность и свободу философской мысли. Таким образом, получается триада: папа, ведающий делами духовными, император, носитель всей полноты земной власти, и философ, хранитель мудрости на земле. И папа и император могут ошибаться в делах мудрости, и философ в своей области им не подвластен. Следует признать, что на закате средневековья идея эта была необычайно смела. Несмотря на все свое уважение к Фридриху II, Данте вступил с ним в спор по вопросу о благородстве, ибо авторитет императора и его компетенция имеют свои границы. Данте утверждает автономию от государственной власти вопросов мудрости и искусства: «Рассуждая об искусстве мы императору не подчинены». Авторитет философа не противоречит, по мнению Данте, авторитету императорскому, «однако последний без первого — опасен, первый же без последнего вроде как слаб, но не сам по себе, а вследствие неустройства людей; так что оба они в сочетании друг с другом весьма полезны и исполнены всяческой силы. Недаром в книге „Премудрости“ написано: „Итак властители народов, если вы услаждаетесь престолами и скипетрами, то почтите премудрость, чтобы вам царствовать вовеки“. А это значит: пусть философский авторитет объединяется с императорским для доброго и совершенного правления.

«О вы, несчастные, — обращается он к тиранам Италии, — ныне правящие! И о вы, несчастнейшие, которыми управляют! Ибо нет философского авторитета, который сочетался бы с вашим правлением и который возник бы либо из ваших собственных изысканий, либо из мудрого совета, так что был бы не нужен», недаром в Старых Дигестах значится: «Писанный Закон есть искусство добра и справедливости».

Не приходится сомневаться в том, что то важное положение, которое Данте стремился создать для философа, исправляющего и направляющего действия правителя, является идеей Возрождения. Светская мысль, а не церковная догма должна занять место у кормила власти для создания справедливого государства. В «Пире» Данте предстает перед нами как наследник стоиков, переносящий все тяготы изгнания во имя великих идей, которые ему открываются. Идеи эти вспыхнут ярким светом в «Монархии» и в «Божественной Комедии».

Глава 13. О народном красноречии

Данте начал писать трактат «О народном красноречии» почти в то же время, что и «Пир», но по-латыни, очевидно предназначая второе свое теоретическое сочинение людям ученым. И это второе произведение флорентийского изгнанника осталось также неоконченным. Оно посвящено народному итальянскому языку: «О народном красноречии» является первым смелым опытом теории итальянской поэзии, резко отличаясь от всех наставлений в грамоте и стиле, которые сочиняли в XIII веке болонские и флорентийские магистры. Первая часть была написана отчасти в Вероне, отчасти на путях

изгнания. Что же касается второй книги, то она сочинялась в Луниджане.

В начале трактата Данте рассматривает происхождение языков и снова подчеркивает первенство языка народного, но уже без тех колебаний, которые заметны в первом трактате «Пира». Затем он приступает к анализу романских языков, особенно итальянского, вместе с его диалектами, в поисках истинной, всеобщей для Италии народной речи, то есть литературного итальянского языка.

Вторая книга представляет собой опыт поэтики народного итальянского языка. Данте приходит к заключению, что этот язык следует искать прежде всего в поэзии, хотя бы потому, что итальянская проза еще не выработана, в то время как уже сто лет звучат итальянские канцоны и сонеты — в Сицилии, в Болонье, во Флоренции. Данте стоял у истоков итальянского литературного языка и предвидел его развитие в грядущих веках, может быть, лучше и глубже, чем Бембо и другие теоретики XVI века, слишком настаивавшие на первенстве флорентийского диалекта.

Самой совершенной поэтической формой своего времени Данте считает канцону. Поэт прекрасно знал античную теорию о трех стилях; канцона требует стиля трагического или высокого, в то время как для сонета пригодны и средний и низкий стили. Данте успел написать только о канцоне Исследование итальянских рифм и «низших» форм — сонета и элегии — должно было содержаться в следующих частях трактата, оставшихся ненаписанными.

Народной речью, по определению Данте, является речь младенцев, то есть язык, воспринятый от матери или кормилицы, в то время как вторичной речью является та, которую римляне называют «грамотной», то есть зависящей от грамматики. Естественна первая, вторая же искусственна. Дар природной речи свойствен только человеку: ангелы и демоны не нуждаются в словах, животным они недоступны. Восходя к истокам человеческой речи, Данте думал, что древнееврейский язык был «первым в мире, а первым словом, произнесенным первым человеком, было „эль“; то есть бог. После вавилонского столпотворения произошло разделение человечества по ремеслам; каждое ремесло заговорило на своем языке. „Род человеческий сошелся на нечестивое дело: одни отдавали приказания, другие делали чертежи, третьи возводили стены, иные выравнивали их по линейкам, те выглаживали штукатурку, те ломали камни, кто по морю, кто по земле с трудом их волочили, а остальные занимались всяческими другими работами, когда были приведены ударом с неба в такое смешение, что все говорившие при работе на одном и том же языке заговорили на множестве разнородных языков, работу прекратили и больше уже не могли столкнуться. Ведь только у занятых одним каким-нибудь делом удержался один и тот же язык, например один у всех зодчих, один у всех перевозчиков камня, один у всех каменотесов“.^[15]

Итак, новые языки родились из трудового процесса, на них заговорили ремесленники. Такое «цеховое разделение», примененное в лингвистической сфере, чрезвычайно характерно для мышления флорентийца. Но что же случилось с первоязыком, древнееврейским? У Данте заметно некоторое колебание — эволюционировал ли он дальше или же остался в том виде, в каком был в эдеме. Данте оговаривается: на священном языке потомки Сима говорили лишь до своего рассеяния. Так и латинский язык, хоть «и не подвержен порче», все же и он эволюционировал, поскольку не застыл в латинской грамматике. Позже, в «Раю», Данте скажет, что язык является следствием самой природы человеческой и что он изобретен Адамом. Впрочем, в «Раю» Адам уверяет, что первое слово было «и», которое лишь впоследствии стало звучать «эль». Следственно, все языки подвержены эволюции. После рассеяния народов по всему миру те племена, которые населили Европу, объяснялись в основном на трех языках: в южной Европе говорили на романских наречиях; север и восток заняли многочисленные племена, говорящие утвердительно «jo» (Данте, по-видимому, не различал славян от германцев, вернее, считал их народами родственными). Третьей группой языков был греческий, распространенный и в Европе и в Азии. Южные (романские) наречия делятся на три основных языка. Одни из жителей юга Европы при утвердительном ответе говорят «ос», другие «oil», третьи «si», а именно испанцы («ок»), французы («оиль») и итальянцы («си»). Ясно, что Данте объединял провансальцев, каталанцев и испанцев в одну группу, причем видно, что языки провансальцев и каталанцев были ему лучше известны.

Данте совершенно справедливо заметил, что наречия романских народов происходят от одного языка и содержат значительное количество слов от общего латинского корня. Он также высказывал мнение о том, что все романские языки были первоначально одним языком. Он ставит перед собой вопрос — почему происходит деление языка? «Почему, собственно, язык разделился на три и почему любое из этих разделений делится снова и в самом себе, например, речь правой части Италии отличается от речи левой, ибо по-иному говорят падуанцы и по-иному пизанцы; и почему даже близкие соседи различаются по речи, например миланцы и веронцы, римляне и флорентийцы, да и сходные по роду и племени, как, например, неаполитанцы и гаэтанцы, равенцы и фаэнтинцы; и что еще удивительнее — граждане одного и того же города, как болонцы предместья Сан Феличе и

болонцы с Большой улицы?» Так как человек существо неустойчивое и переменчивое, то и язык, по мнению Данте, не может быть ни долговечным, ни постоянным, но, подобно одежде, обычаям и нравам, изменяется в связи с местным развитием и течением времени. Автор «Народного красноречия» приходит к заключению о неизбежной эволюции языков. Нельзя не отметить замечательное проникновение Данте в общие законы изменения человеческого языка и человеческого общества. Он пишет: «Мы гораздо больше отличаемся от древнейших наших сограждан, чем от отдаленнейших современников, поэтому мы смело свидетельствуем, что, если бы теперь воскресли древнейшие жители Павии, они говорили бы с нынешними ее жителями на языке особом и отличном». Но эволюция совершается постепенно, а постепенного движения люди не замечают. Этой эволюцией языка «были обеспокоены изобретатели грамматической науки, поскольку грамматика есть не что иное, как учение о неизменном тождестве, не зависимом от разного времени и местности». Разве не следует из этого заключения, что латинский язык грамматиков — язык мертвый, так как живо лишь то, что изменяется?

Следует ли отдать предпочтение одному из трех языков романского юга? Данте не хочет решать этого вопроса и приступает к изучению народной италийской речи, показывая необычайные для своего времени осведомленность и наблюдательность. Он положил основу итальянской диалектологии и лингвистике новых языков.

Италия, замечает Данте, разделяется на две части грядой Апеннин: реки западной, правой стороны впадают в Тирренское море, левая, восточная обращена к Адриатике. Данте перечисляет итальянские провинции и государства, каждое из которых имеет свой диалект, сильно отличающийся от других. Но и внутри этих диалектов (а их в Италии не менее четырнадцати) есть различия, как, например, в Тоскане — между сьенским и аретинским, в Ломбардии — между феррарским и пьяченцим. Если бы захотели подсчитать основные, второстепенные и третьестепенные различия между наречиями Италии, то и «в этом крошечном закоулке мира, — полагает автор трактата, — пришлось бы дойти не то что до тысячи, но и до еще большего количества различий».

Затем Данте говорит с насмешкой о неправильности и грубости различных диалектов, приводя сатирические песенки, осмеивающие говоры Италии. Аквилейцы и истрийцы «изрыгают резким голосом свои фразы»; сардинцы, которые не являются италийцами, но к ним причислены, подражают латыни, «точно обезьяны людям». (Данте недостаточно ясно судил об изменении латинских форм в сардинских диалектах, которые казались ему нелепыми.) Апулийцы лопочут по-варварски и говорят «вообще непристойно». Данте осуждает и римлян и венецианцев.

Сицилийская народная речь претендует на преимущество перед другими, так как в Сицилии началась итальянская поэзия и многие ее мастера пели на языке придворном и возвышенном. Там, при дворе Фридриха II и Манфреда, которые презирали невежество и проявляли величие и прямодушие, начал было развиваться возвышенный литературный язык и все лучшее, написанное на народной речи, стало называться сицилийским. Однако эти похвалы нельзя распространить на все сицилийское наречие. Вспомнив о раздробленности Италии, заблудившейся «в лесе диалектов», Данте восклицает со свойственной ему страстностью:

«Рака, рака! О чем звенит теперь труба последнего Фредерика? О чем колокол второго Карла? О чем рога могущественных маркизов Иоанна и Аццо? О чем флейты других владык, кроме как „Сюда, палачи! сюда, лицемеры! сюда, корыстолюбцы!“?» Данте употребляет запрещенное евангелием от Матфея слово «рака», что значит — дурак, жалкий человек, чтобы показать крайнее свое негодование. «Последний Фредерик» — король Сицилии, а «второй Карл» — король Неаполя, маркизы Иоанн и Аццо — Джованни Монферратский и Аццо VIII д'Эсте, умерший в 1308 году. Так как маркиз Джованни Монферратский, скончавшийся в феврале 1305 года, здесь упомянут как живой, следует заключить, что первая книга «О народном красноречии» была написана до этой даты, по всей вероятности, еще в Вероне.

Переходя к тосканским диалектам, Данте осуждает Гвиттоне из Ареццо, развенчивая также и других местных поэтов, не исключая флорентийцев, впрочем, он добавляет: «Хотя все почти тосканцы и коснеют в своем гнусноязычии, мы знаем, что некоторые из них постигли высоту народной речи, а именно флорентийцы Гвидо, Лапо и еще один, да и Чино из Пистойи, которого мы не по недостойной причине вынуждены недостойно поставить сейчас за ними». Таким образом, Данте делает исключение для поэтов сладостного нового стиля во Флоренции. Заметим, что «еще один» — это сам Данте Алигьери! Если он ставит Чино после флорентийцев, то только потому, что Чино происходил из города Пистойи. Походя Данте отмечает некоторых поэтов, которые, принадлежа по рождению к несовершенной диалектальной среде, над нею возвысились и пишут на языке, близком к лучшим образцам сицилийского, а также к литературному наречию Болоньи и Флоренции, как, например, Альдебрандино из Падуи (бывший подеста Флоренции).

Где же скрывается совершенная итальянская речь? Чтобы найти ее, Данте прибегает к метафоре

«пантера». В «Истории животных» Аристотеля, а также у Плиния Старшего в «Естественной истории» и, наконец, у Исидора Севильского и Брунетто Латини можно прочесть, что от пантеры исходит сильное благоухание, привлекающее охотников; охотники чувствуют близость пантеры, ее запах, разлитый кругом, но изловить ее не могут. Подобно пантере, совершенная итальянская речь находится как бы всюду и нигде. Данте приводит мнение Аристотеля о том, что сущее определяется при помощи простейших категорий или предикатов, то есть первичных элементов, которые определяют реальность сущего, наблюдаемого в различных возможных его проявлениях. В эти определения, по учению средневековых аристотеликов, входят качество, количество, соотношение, действие, влияние, место, время, положение. В данном случае следует найти общие признаки (качества), по которым оцениваются достоинства людей. Присущий всем итальянцам народный итальянский язык, как некая простейшая субстанция, существует всюду в Италии; это его качество проявляется во всех диалектах, но нигде полностью. Применение философского принципа «единого простейшего» к лингвистике принадлежит всецело Данте. Данте считает, что поскольку итальянцы поступают, как граждане, у них имеются законы, определяющие хорошего и дурного гражданина, имеются простейшие признаки обычаев, одежды, речи, по которым определяется, что они являются итальянцами. Подобно этому, итальянский народный язык существует как некая простейшая народная субстанция всюду в Италии, но нигде полностью. Эта мысль Данте находится в прямой зависимости от «простейшего» аристотелевской философии. Данте ставит явления языка на один уровень с гражданскими законами и юридическими нормами (римского права) для утверждения внутреннего единства Италии. Он приходит к заключению, «что в Италии есть блистательная, осевая, придворная и правильная народная речь, составляющая собственность каждого и ни одного в отдельности итальянского города, которой все городские речи итальянцев измеряются, оцениваются и по которой равняются».

Данте рассматривает в последующих главах эпитеты, которые он применил для определения народной речи, то есть: блистательная, осевая, придворная и правильная. Он говорит: «Возвышенна она, несомненно, потому, что из стольких грубых итальянских слов, из стольких запутанных оборотов речи, из стольких уродливых говоров, из стольких мужиковатых ударений она вышла, мы видим, такой отличной, такой распутанной, такой совершенной и такой изысканно-светской, какой являют ее Чино да Пистойя и его друг в своих канцонах». Из этой цитаты явствует, что Данте не отличался ложной скромностью и что в стихах поэтов сладостного нового стиля как раз и скрывалась «благоухающая пантера» древней легенды, то есть блистательный литературный итальянский язык. Эта речь является осевой, так как скопище городских говоров «поворачивается туда и сюда, следуя движению и остановке той, которая поистине является главой семьи. Разве не искореняет она день за днем „тернистые заросли итальянского леса“? И если в Италии нет двора, как в Германии или во Франции, продолжает Данте, то потенциально существует императорская курия, несмотря на то, что тело Италии расчленено. Та речь, которая принадлежит всей Италии, и есть народная итальянская речь. Ею пользовались в Италии мастера поэтических творений на народном языке на севере и на юге, на западе и на востоке Апеннинского полуострова.

«Благодатный светоч разума» проистекает, по мнению Данте, из римского права, единого в разобщенных провинциях и городах Италии, а также из внутреннего единства итальянского литературного языка, связанного с диалектами и стоящего над ними.

В начале второй книги Данте подчеркивает, что стихи являются образцом для прозаиков, а не наоборот. Наилучший язык присущ людям знающим и одаренным. Слова не должны расходиться с мыслью стихотворца. Три темы преобладают, по мнению Данте, в поэзии: воинская доблесть, любовный пыл и справедливость. Так, в провансальской поэзии Бертран де Борн воспел битвы и отвагу воинов, Арнальдо Даниэль — любовь, а Гераут де Борнейль — прямоту и справедливость. Если мы обратимся к поэзии итальянской, то приходим к выводу, продолжает автор трактата, что Чино да Пистойя воспевал любовь, а его друг (то есть Данте!) — справедливость. Что же касается ратных подвигов, то доселе их не прославил в стихах еще ни один итальянец. Все эти темы требуют для своего выражения возвышенной народной речи.

Затем Данте рассматривает различные формы итальянского стиха. В его время одни поэты писали канцоны, другие — баллаты или сонеты, а третьи вовсе не следовали правилам стихосложения. Из всех перечисленных размеров Данте признает лучшим канцону. Канцона не нуждается в музыкальном сопровождении и танце, как баллата, по своему стилю она выше сонета. Все лучшее, что было создано в итальянской поэзии, написано размером канцоны.

Данте требует от поэтов, пишущих на вольгаре, чтобы они следовали законам ученой поэтики и поняли, что слогом трагедии является высокий слог, в то время как комедии свойствен более низкий. Данте не успел написать книги, посвященной сонету, но, по-видимому, сонет следовало сочинять низким или средним стилем, так же как и комедию. Известно, что к среднему или низкому стилю относилась также легкая лирика и сатира.

Данте полагал, что величавость стиха зависит от размера, размер — от количества слогов в стихе. Из опыта поэтов сладостного нового стиля Данте выработал взгляд о преимуществе того или иного силлабического размера. Он не останавливается на вопросе тонического начала в итальянском стихе. Самая длинная строка должна иметь одиннадцать слогов. Стих должен быть не равносложным; трехсложный стих Данте не очень одобряет, устанавливая, в сущности, три размера: пятисложный, семисложный и одиннадцатисложный. «Из всех этих стихов, — пишет он, — более величавым является одиннадцатисложный, как по продолжительности, так и по простору для мысли, для строя речи и для слов». У самого Данте нередко канцоны, написанные только одиннадцатисложным стихом. Он не хвалит поэтов, которые начинают канцону пятисложным или трехсложным стихом, хотя так писал иногда Гвидо Кавальканти. Одиннадцатисложный стих может вступать в сочетание с семисложным.

Данте изучает строй прозаической латинской речи, являющейся образцом для итальянской. Поэт был хорошо знаком с латинским курсусом — ритмическим окончанием последних слов во фразе. Он приводит примеры речевого строя, сначала свойственного людям образованным, затем — знатокам риторике. Однако автор трактата одобряет далеко не все риторические приемы и не отказывает себе в удовольствии посмеяться над писателями, лишь «поверхностно вкусившими риторике». Для иллюстрации своей мысли Данте приводит оборот, характерный для речи придворных льстецов: «Похвальная осмотрительность маркиза д'Эсте и его благорасположенное величие делает его всем любезным». Ирония подчеркивается самим именем маркиза д'Эсте, которого Данте ослабил как тирана. По-латыни эта фраза ритмична, она разделена на три части с различными комбинациями курсуса. Но автор «Народного красноречия» ищет фраз, отличающихся краткостью и элегантностью. Этот латинский строй должен служить примером поэтам, которые пишут на народных языках.

Затем Данте приводит несколько примеров изящных словосочетаний из провансальских и итальянских поэтов. У сицилийцев и французов Данте берет лишь по одному примеру — у короля Наваррского и у судьи из Мессины (Гвидо делле Колонне). Итальянские примеры выбраны только из поэтов сладостного нового стиля — от Гвидо Гвиницелли до самого Данте. Для того чтобы достигнуть совершенства в этом стиле, необходимо следовать образцовым поэтам, поучает Данте, то есть Овидию, Стацию и Лукану. Среди прозаиков учителями стиля являются Тит Ливий, Плиний (повидимому, Младший), Орозий и Фронтин. Павла Орозия, автора «Истории против язычников», и Сикста Юлия Фронтиня, написавшего «Книгу военного лукавства» (I в. н. э.), мы не считаем «классиками», но наши воззрения во многом отличаются от вкусов и пристрастий XIV века. Данте с большой резкостью обрушивается на Гвиттоне д'Ареццо и его последователей, которые не желают учиться на лучших образцах древности и язык которых невежествен и груб.

Автор «Народного красноречия» понял, что стилистика поэзии и прозы на новых европейских языках не в меньшей степени, чем на древних, связана с отбором слов. Он пишет: «Иные слова бывают детскими, иные женственными, иные мужественными; а из них одни дикие, другие светские; из тех же, какие мы называем светскими, одни мы ощущаем как расчесанные и напوماженные, другие как волосатые и взъерошенные. И вот среди расчесанных и волосатых находятся те, какие мы называем величавыми, а напوماженными и взъерошенными мы называем те, которые чересчур звучны». Данте полагает, что слова должны быть просеяны сквозь сито. Он запрещает для высокого стиля канцоны выбор слов «детских, из-за их простоватости, вроде маменька и папенька, ни женственных из-за их изнеженности, как душенька и милашка, ни диких, из-за их терпкости, вроде отара и цитра, ни напوماженных и взъерошенных светских, вроде женщина и тело».

Для пишущих канцоны остаются «расчесанные и волосатые светские слова, весьма благородные, и члены блистательной народной речи». Данте объясняет, что «расчесанными» следует считать прежде всего слова трехсложные (но также и двусложные), в которых не встречается соединение плохо звучащих согласных, как, например, *amore* (любовь), *donna* (госпожа), *virtute* (добродетель). «Волосатыми» словами Данте называет те, которые необходимы для связи, а также междометия. Украшающими, по его мнению, следует признать слова многосложные, которые в смешении с необходимыми связками «дают прекрасную слаженность сочетанию». Данте рассчитывает также длину слов, стремясь определить, какие слова могут войти в самый длинный итальянский размер, то есть в одиннадцатисложный стих. Он находит одиннадцатисложное слово, которое является теоретически пределом, и цитирует также слова более длинные, которые образуют в народной итальянской речи двенадцать слогов, а в некоторых косвенных падежах по-латыни могут иметь тринадцать. Но такие «монстры» для стихосложения непригодны.

Первоначально канцона была связана с музыкой, однако слова ее всегда образовывали нечто самостоятельное и отличное от музыкального сопровождения. Несмотря на то, что некоторые музыканты, как, например, друг Данте Казелла, сочиняли музыку к стихам, все же канцона была прежде всего стихотворением, «написанным на листочке». Всякая канцона делится на станцы. Станцы

являются основной единицей этого вида поэзии. В каждой строке вполне допустимо обновлять рифмы или повторять одни и те же, однако, по мнению Данте, рифмы не относятся к искусству канцонны. К сожалению, поэт-теоретик не написал о рифмах, так же как о сонете и баллате.

Данте всегда думал о мастерстве, заметил известный современный дантолог Джанфранко Контини. Теоретические размышления привели поэта к созданию новых форм. Великий мастер прекрасно понимал, что форма тесно связана с содержанием и что выбор той или иной комбинации рифм и ритмических фигур не может быть произвольным, а находится в прямой зависимости от сюжета. «Ведь все, о чем мы говорим, мы воспеваем, либо одобряя, либо порицая, так что иногда нам приходится петь, убеждая, иногда разубеждая; иногда радостно, иногда насмешливо; иногда с похвалой, иногда с порицанием; слова отрицательные всегда торопятся, а другие идут к концу всюду с подобающей продолжительностью...»

В те годы, когда создавались трактаты «Пир» и «О народном красноречии», Данте считал канцону самым совершенным видом высокой «трагической» поэзии. Канцона требовала не только большого мастерства, но также сознательного отбора слов. Тем самым она была ограничена в словесном материале, что не могло не привести к ограниченности ее тем и сюжетов. Когда Данте изобрел терцины, перед ним открылся безграничный горизонт творческих возможностей. Творец «Божественной Комедии» нарушил собственные запреты прежде всего в стилистике. Его дьяволы в аду говорят таким языком, который возможен был только в сонете, да и то у поэтов «простонародных», как Рустико Филиппи или Чекко Анджелиери.

Терцина вместила все стилевые возможности итальянского языка. Преодолев ограничения «жанров» и освободясь от стилистических систем античных и средневековых теоретиков, Данте открыл новые пути мировой литературе.

Глава 14. В замках Маласпина

В долине земных властителей Предчистилица ожидают часа восхождения те, кто покался в своих грехах и надеется на очищение. Пейзаж долины грустен и прекрасен. Слышится пение гимна «Тебя у предела света...». Замечательно начало восьмой песни:

В тот самый час, когда томят печали
Отпльвших вдаль и нежит мысль о том,
Как милые их утром провожали,
А новый странник на пути своем
Пронзен любовью, дальний звон внимая,
Подобный плачу над умершим днем.

Музыка, звучащая вокруг душ, ожидающих восхождения, превращается в образы зрительные, в торжество переливающихся красок, в игру изменчивых обликов. Ангелы, охраняющие долину земных властителей, напоминают образы Симона Мартини и фра Беато Анджелико. Среди теней Данте замечает Нино Висконти, правителя Галлуры в Сардинии, внука графа Уголино. Нино Висконти перешел на сторону Флоренции и мог познакомиться и подружиться с Данте либо в его родном городе, либо в период военных действий против Капроны и Пизы. Висконти полон печальных воспоминаний о земном, от которых не может освободиться. Другая тень приближается к ним и долго безмолвно следит за Данте. Это Коррадо Маласпина, один из маркизов Луниджаны, области на границе Флоренции и Генуи. Ему хотелось бы услышать о своих близких из уст чужестранца. Данте отвечает словами, исполненными похвал роду Коррадо. Быть может, только Кан Гранде делла Скала удостоивался таких хвалений от Данте, более склонного к сатирическим выпадам и проклятиям, направленным против владетельных сеньоров Италии, чем к куртуазным комплиментам. Он говорит маркизу:

«О, — я сказал, — мне только по беседам
Знаком ваш край; но разве угол есть
Во всей Европе, где б он не был ведом?
Ваш дом стяжал заслуженную честь,
Почет владыкам и почет державе,
И даже кто там не был, слышал весть.
И как стремлюсь к вершине, так я вправе
Сказать: ваш род, за что ему хвала,
Кошель и меч в старинной держит славе.

Маркиз Коррадо предсказывает Данте, что не пройдет и семи лет с 1300 года, как он в своих скитаниях найдет приют в его доме.

Маласпина, древний феодальный род Италии, в середине XIII века, после смерти маркиза Коррадо Старшего, разделился на несколько ветвей и стал называться по своим владениям Маласпина из Мулаццо, из Виллафранка, из Валь ди Треббиа, из Джовагалло. Коррадо Младший, о котором Данте говорит в «Чистилище», был сыном Федерико ди Виллафранка и внуком старого Коррадо. Он умер без наследников, и его владения достались по завещанию многодетному младшему брату Обиццо. По-видимому, Данте особенно был обязан гостеприимством двоюродным братьям Коррадо Младшего — Франческино из Мулаццо и знаменитому полководцу Морозелло из Джовагалло.

В начале XIII века две основные ветви рода Маласпина получили разные гербы. По левой стороне реки Магры, впадающей в Тирренское море, простиралась владения «цветущего терновника» (*spino fiorito*), а на правом берегу находились владения «сухого или злого терновника» (*mala spina*). Наследники Коррадо Старшего принадлежали к ветви Маласпина. Правобережные представители этого древнего рода имели в гербе цветущий терн на золотом поле, а левобережные — сухой терн на черном поле. Первоначально все представители рода были на стороне гибеллинов. Маласпина оставались за редкими исключениями верными имперской идее, в то время как маркизы «цветущего терновника» перешли на сторону гвельфов. Однако Морозелло Маласпина из Джовагалло прославился как полководец гвельфской лиги в Тоскане. Он покорил и разрушил Пистойю. Ванни Фуччи из Пистойи, который казнится за кражу в седьмом рве восьмого круга ада, сравнивает маркиза Морозелло с самим богом войны Марсом, предсказывая окончательное поражение той партии, к которой принадлежал Данте.

Марс от долины Магры пар надвинет,
Повитый мглою облачных пелен,
И на поля Пиценские низринет.
И будет бой жесток и разъярен;
Но он туман разметет своевольно,
И каждый белый будет сокрушен.

Пиценские поля здесь означают область Пистойи. В долине Магры находились владения маркиза Морозелло. Однако вскоре после взятия Пистойи маркиз Морозелло возвратился в Лунид-жану, в свой замок. Он отошел от гвельфской партии и, когда император Генрих VII появился в Италии, встал на сторону гибеллинов, тем самым возродив старую традицию рода. Маркиз Морозелло был назначен Генрихом викарием Брешии. К нему обратился Данте в письме, в котором он рассказал о своем новом увлечении, — в терминах самой изысканной провансальской куртуазии. Данте было оказано гостеприимство в разных замках, принадлежавших роду Маласпина. Кроме Морозелло, по-видимому, его особым покровителем был старший в роде маркиз Франческино из Мулаццо.

В замки феодалов Луниджаны еще в первой половине XIII века часто заходили провансальские трубадуры. Одни из них ругали, другие прославляли местных сеньоров. Бранчливый Рамбальдо ди Вакейрас издевался над маркизом Альберто Маласпина, который признался в том, что иногда грабил на большой дороге купцов, чтобы иметь достаточно денег для одаривания своих приближенных. Гираут ди Борнель и Аймерик ди Пегульян прославляли доброту и щедрость маркиза Коррадо Старшего и его родственников. Заметим, что Гираут ди Борнель был одним из самых любимых трубадуров Данте, он часто упоминает его имя во второй книге трактата «О народном красноречии».

Нам осталось мало документов о Данте из периода его изгнания. До нас все же дошел текст мирного договора между маркизами Франческино де Мулаццо и его двоюродными братьями Морозелло и Ксррадино (вероятно, старшим сыном Обиццо из Виллафранка) о прекращении вражды с Антониом Камулла, епископом и графом Луни, заключенный при посредстве уполномоченного маркизов Данте Алигьери из Флоренции. Договор был составлен на площади Калькандола в городе Сарцано, где некогда находился в изгнании Гвидо Кавальканти, нотариусом сэром Джованни ди Ступио.

Второй документ, датированный тем же числом, свидетельствует о том, что в местечке Кастельнуово близ Сарцаны, куда Данте отправился в сопровождении нотариуса и свидетелей — францисканских монахов фра Гильельмо Маласпина и фра Гульельмо да Годано, состоялось во дворце епископа окончательное примирение, и Данте обменялся с воинственным прелатом — по обычаю — поцелуем. Тем самым прекратились многолетняя распря между епископом и маркизами, нападения на пограничные замки и деревни и убийства ни в чем не повинных крестьян.

Можно предположить, что Данте и у других сеньоров, гостеприимством которых он пользовался, исполнял различные дипломатические поручения.

Поселение, где находился бывший епископский дворец, расположено недалеко от моря, на вершине холма. За замком гряда возвышенностей, покрытых каштанами и оливами, постепенно переходит в Аппуанские горы, белеющие снежными вершинами. Замки Кастельнуово и Фосдинов.0, входящие уже во владения Маласпина, расположены по соседству, но скалистые холмы скрывают их один от другого. Внизу простирается белая лента реки Магры, постепенно расширяющаяся, при устье своем синяя, как море, в которое она вливается.

На последней скале над рекой около моря возвышается монастырь Корво. В письме аббата монастыря фра Иларио, известном уже Боккаччо (некоторые скептические дантологи приписывают это письмо самому автору «Декамерона»!), рассказывается о том, как неизвестный путник постучался в ворота обители. «Он пришел сюда, привлеченный, может быть, святынями места, а может быть, и чем-нибудь другим. Так как он еще не был знаком ни мне, ни кому-либо другому из нашей братии, то я спросил его, чего он хочет и чего он ищет. Он не шевельнулся, но стоял неподвижно, устремив глаза на колонны и арки нашего монастыря. Тогда я повторил вопрос, и он, тихо повернувши голову и посмотрев на меня и на братию, ответил: „Мира!“ Тогда, интересуясь все более и более узнать, кто он, я отвел его в сторону и перекинулся с ним еще несколькими словами. Тут я узнал, кто он, ибо хотя я его никогда не видал, но его слава уже долетела до нас».

В настоящее время и от епископского замка и от монастыря Корво остались лишь развалины. Сохранилась одна из мощных восьмиугольных башен замка в Мулаццо. Народ называет ее до сих пор «башнею Данте», у ее подножия еще в XIX веке находился домик, в котором будто бы жил великий поэт. Так в народном воображении легенда одолевает историю и тень Данте бродит в поисках мира между башнею маркиза Франческино и монастырем брата Иларио.

Из замков Маласпина в Луниджане Данте, по-видимому, совершил поездку в горные долины верхнего течения реки Арно. Может быть, из Казентино Данте написал маркизу Морозелло, своему другу и покровителю, о беспощадной любви, настигшей его:

«Итак, после того как я покинул ваш дом, по которому так тоскую и где (как вы неоднократно с радостью говорили) мне было позволено делать, что я хотел, едва я ступил совершенно уверенно и не соблюдая осторожности на берег Арно, тотчас же, увы! словно упавшая с неба молния, предо мною возникла, не ведаю каким образом, — некая дама, и своим обхождением и внешностью близкая моим чаяниям. О, как поразило меня ее появление! Но грянул гром, и изумление кончилось. Ибо, подобно тому, как блеск молнии среди ясного неба непременно сопровождается громом, страшная и властная сила Амора овладела мною, едва я увидел блеск ее красоты. И этот жестокосердый, словно изгнанный из отечества господин, который после долгого изгнания возвращается в свои владения, все то, что было во мне противно ему, обрек либо смерти, либо изгнанию, либо цепям. Он положил конец похвальным моим намерениям, ради которых я чуждался и дам и песен о них; он безжалостно лишил меня, как чуждых ему, тех постоянных раздумий, которые помогали мне исследовать и небесные и земные предметы; и наконец, дабы душа моя не восстала против него, сковал мою волю и принуждает меня делать не то, что угодно мне, а то, что ему угодно. И во мне царит Amor, и никакие силы не осмеливаются противиться ему; и о том, как он правит мною, вы сможете прочесть ниже, за пределами данного письма».^[16]

Вслед за этим посланием или вместе с ним — как можно предполагать — Данте отправил маркизу канцону, названную «горная» (la montanina), в которой говорится о встрече на берегу Арно с неумолимым Амором.

Вот так, Amor, столкнулись мы в горах,
Над речкой, над которой
Всегда со мной выигрывал ты спор.
Живой и мертвый, я — в твоих руках,
И, вестник смерти скорой,
Сверкает предо мной жестокий взор.

Встреча с богом любви произошла в горах над Арно, на берегах которого бог любви всегда побеждал Данте. «Латы гордыни» охраняют грудь красавицы от стрел Амора. Эта канцона является как бы введением в цикл о Каменной Даме. Нам не известно, кто была Мадонна Пьетра. Как можно предположить, это была некая юная красавица с белокуроыми волосами из семьи маркизов Маласпина, или из окружения графов Гви-ди, чьи владения находились в Казентино у истоков Арно.

Цикл стихов о Каменной Даме состоит из двух канцон и двух секстин (простой и двойной). Эти сложные формы Данте воспринял от трубадуров Прованса. Он особенно ценил поэтическое мастерство Арнаута Даниэля. В то время как в поэзии трубадуров и флорентийского нового стиля преобладал весенний запев, который находим и у поэтов поздней античности, Данте в первой канцоне

о Мадонне Пьетре говорит о пламени любви, которое пылает среди льдов и снега. Сама возлюбленная — Мадонна Пьетра — подобна оледеневшему камню. Каждая станца (строфа) кончается словами-рифмами: камень — камень, мрамор — мрамор.

К той ныне точке я пришел вращения,
Когда, склоняясь, солнце опочило,
Где горизонт рождает Близнецов.
Звезда любви свой свет из отдаленья
Не шлет нам; воспаленное светило
Над ней сплетает огненный покров.
Там, где Великой Арки мощный кров,
Где скудную бросают тень планеты,
Луна лучами стужу возбуждает.
Любви не покидает.
Все ж мысль моя у этой льдистой меты.
И в памяти моей, что тверже камня,
Храню упорно образ Пьетры-камня.

Данте снова стал поэтом любви, но стиль его новых произведений ближе к так называемым моральным канцонам, чем к поэзии сладостного нового стиля. В это же время Данте писал в сонете, посланном к его другу Чино да Пистойя, что с девяти лет ему известна «природа Амора», который заставляет человека плакать и смеяться.

Напрасно разум пленник призывает, —
Так простодушный в колокол звонит,
Когда трепещут молнии, и мнит,
Что облаков раздор он усмиряет.
Очерчен круг любви, недвижна мета,
Там воли ограничен кругозор.
Туда не долетит стрела совета.
И шпору новую вонзят Amor,
Коль прежнюю красою не согрета
Твоя душа. Таков твой приговор.

Цикл в честь Мадонны Пьетры возник в то время, когда Данте оставил недописанным «Пир», переживая новый душевный кризис.

Данте, изменявший многому в течение своей бурной жизни всегда оставался верен одному — своему поэтическому опыту. Он ни от чего не отказывался окончательно в своем «поэтическом хозяйстве», но совершенствовал систему выражений на каждом этапе творчества. В первых канцонах «Пира» использован строй сладостного нового стиля. В третьей канцоне и в некоторых других, которые, вероятно, должны были войти в ненаписанные трактаты этого произведения, Данте искал резко звучащие, богатые рифмы, избегая всего, что можно было бы назвать лирическим бельканто. Когда аллегории и нравоучения наскучили поэту, он написал цикл о Каменной Даме, но не забыл художественные достижения дидактического периода своего творчества.

Новые приемы поэтической техники проявились с большой силой не только в «каменных» канцонах, но также в «Божественной Комедии».

В первой канцоне о Мадонне Пьетре замечателен зимний пейзаж, редкий в лирике трубадуров, неизвестный итальянской поэзии XIII века. Венера затемнена на небе, любовь замерла на земле; все оледенело. Amor «оттянул свои сети» в высоту и не улавливает обитателей земли — до весны, когда под знаком Овна пробудятся жизненные силы. Лишь жестокий терн (игра слов, *crudele spina* — указывающая на происхождение жестокой дамы) остается в сердце поэта.

Цветы под инеем на склонах гор
И в долах никнут, холод их терзает.
Окованы бессильные потоки,
Но этот терн жестокий
Амор извлечь из сердца не желает.

И если земля окаменела в долгом сне и вода превратилась в кристалл, любовь поэта все та же:

Но я в моем сраженье
Не отступаю ни на шаг единый.

В этот период своего творчества Данте был под влиянием Арнаута Даниэля, известного провансальского трубадура. Несомненно, что Данте, Гвидо и другие флорентийские поэты конца XIII века были хорошо знакомы с провансальской поэзией, однако не сделали выбора среди трубадуров, лучших по мастерству, у которых следовало бы учиться. В первые годы изгнания Данте снова обратился к провансальской поэзии и объявил в трактате «О народном красноречии», который был начат одновременно с «Пиром» и продолжен (книга вторая) в Луниджане, что совершеннейшие среди поэтов, писавших на новых языках, — Арнаут Даниэль (в песнях о любви), Гираут де Борнель (в песнях о справедливости) и Бертран де Борн (в песнях о военной доблести).

Арнаут Даниэль назван в «Чистилище» «лучшим кузнецом родного слова». Он считается изобретателем секстины. От него сохранилась секстина «Lo ferm voler qu'el cor m'entra» (Упорное стремление, овладевшее моим сердцем). По образцу провансальской секстины Данте создал итальянскую, не уступая Арнауту в мастерстве, превосходя его напряженностью чувств и игрой воображения.

В первой секстине Данте «На склоне дня в великом круге тени» слово-рифма повторяется в известной последовательности в каждой строфе, сковывая конец стиха и требуя от поэта большой силы комбинаторики, чтобы выразить свои мысли, не нарушая единства формы и содержания. Секстина Данте состоит из шести нерифмующихся внутри строф (в провансальской терминологии *cobla dissoluta*), написанных одиннадцатисложными стихами. Слова-рифмы гармонизированы и являются в сущности ассонансами. У Арнаута Даниэля: *òngla, óncle, árma, sámbrá*. У Данте: *pètra, èrba vèrde, òmbra* (в переводе — камень, травы, зелень, тени). Приведем первые две строфы первой итальянской секстины, которой подражал Петрарка:

На склоне дня в великом круге тени
Я очутился; побелели холмы,
Поникли и поблекли всюду травы.
Мое желанье не вернуло зелень,
Застыло в Пьетре, холодной словно камень,
Что говорит и чувствует, как дама.
Мне явленная леденеет дама,
Как снег, лежащий под покровом тени.
Весна не приведет в движенье камень,
И разве что согреет солнце холмы,
Чтоб белизна преобразилась в зелень
И снова ожили цветы и травы.

Пейзаж секстины зимний, так же как в первой канцоне. Страстная напряженность не исчезает в секстине, несмотря на осложненность формы. Безжалостная красавица с золотыми кудрями мучит воображение поэта:

О, если б на лугу, где мягки травы,
Предстала мне влюбленной эта дама,
О, если б нас, замкнув, сокрыли холмы!
Скорее реки потекут на холмы,
Чем загорится, вспыхнет свежесть, зелень
Ее древес: любви не знает дама.
Мне будет вечно ложем жесткий камень,
Мне будут вечно пищей злые травы;
Ее одежд я не покину тени.

Завершающая секстину строфа из трех стихов содержит в себе все шесть слов-рифм:

Когда сгущают холмы мрак и тени,
Одежды зелень простирая, дама
Сокроет их, так камень скроют травы.

Стремясь превзойти Арнаута Даниэля в искусстве слагать стихи, Данте осложнил секстину и создал ее разновидность, названную «двойной секстиной». Строфа двойной секстины содержит пять слов-рифм. Они чередуются по-разному в определенном порядке. Каждая строфа (станца) требует все новых и новых вариаций смысла. В пяти станцах исчерпываются все комбинации. Повторы превращаются в лейтмотивы. Музыка Данте всегда рассчитана. Поэт недаром сравнивает себя с геометром (в последней песне «Рая»).

Существует мнение, что изощренность поэтической техники — артизм в слишком осложненной

форме двойной канцоны поглотил непосредственное вдохновение и что в этом жанре Данте является скорее искусственным мастером, чем поэтом. Это распространенное в итальянском литературоведении мнение представляется нам неверным. Данте всегда остается лириком, даже когда говорит о «лунных пятнах». Вчитайтесь во вторую и третью строфы двойной канцоны и оцените повторы рифм-слов, которые усиливают впечатление обреченности любви к Каменной Даме — «la belle dame sans merci»:

Я верен, постоянен, словно камень,—
Прекрасная меня пленила дама;
Ты ударял о камень жесткий камень.
Удары я сокрыл, — безмолвен камень.
Я досаждал тебе давно, но время
На сердце давит тяжелей, чем камень.
И в этом мире не известен камень,
Пленяющий таким обильем света,
Великой славой солнечного света,
Который победил бы Пьетру-камень,
Чтоб не притягивала в царство хлада,
Туда, где гибну я в объятьях хлада.
Владыка, знаешь ли, что силой хлада
Вода в кристальный превратилась камень
Под ветром северным в сияньи хлада,
Где самый воздух в элементы хлада
Преображен, водою стала дама
Кристалльною по изволению хлада.
И от лица ее во власти хлада
Застынет кровь моя в любое время.
Я чувствую, как убывает время,
И жизнь стесняется в пределах хлада.
От губительного рокового света
Померк мой взор, почти лишенный света.

Нельзя не заметить, что Амор в цикле о Мадонне Пьетре близок не только Амору Гвидо Кавальканти, но также Овидия, — это страсть, присущая всем обитателям земли. В человеке она лишь длительнее и поэтому часто влечет его к гибели. Несколько неожиданными являются строки второй секстины, которые с богословской точки зрения можно было бы назвать легкомысленными. Воскрешение мертвых и страшный суд — только куртуазная иллюстрация, подчеркивающая жестокость красавицы:

Коль будет так, увидит Пьетра-камень,
Как скроет жизнь мою надгробный камень,
Но страшного суда настанет время,
Восстав, увижу — есть ли в мире дама,
Столь беспощадная, как эта дама.

Уже в «горной канцоне» безжалостная красавица появляется, облаченная в латы, недоступная стрелам бога любви. Во второй канцоне фантазия поэта привела в движение Каменную Даму, как бы застывшую в секстинах. Она преследует влюбленного, как прекрасные воительницы в поэме Ариосто.

Пусть так моя сурова будет речь,
Как той поступки, что в броню одета.
Не жду ее привета,
Окаменит она, оледенит.
Как мантия, спадает яшма с плеч
Мадонны Каменной в сиянье света.
Стрела из арбалета
Нагую грудь ее не поразит.
Ее удары сокрушают щит,
И ломки беглецов смятенных латы.
Ее мечи — крылаты;
Нас настигая, рушат все препоны —
Я от нее не знаю обороны.

На помощь жестокой даме спешит Амор. Образ бога любви — победителя, не знающего милости, — так ярок, что персонификация становится психологической реальностью. Такое преобразование — одна из особенностей гениальной поэзии Данте. В наши дни все аллегории некогда

знаменитого старофранцузского «Романа о розе» возбуждают лишь антикварный интерес. Аллегорические образы Данте, таящие в себе глубоко пережитые чувства, по сей день пленяют воображение.

Амор заносит меч, им поразил
Он некогда несчастную Дидону,
Ступил, не внемля стону,
На грудь мою; напрасно я взываю
О милости, я милости не чаю.
Занес десницу надо мной злодей
И, ослабевшему от поражения,
На землю без движенья
Поверженному, дерзостно грозит.
Напрасен крик, неслышный для людей.
Вот кровь моя, отхлынув от волненья,
Амора вняв веленья,
Стремится к сердцу, и лицо горит,
И вновь бледнеет. Под руку разит,
И слева чувствую живую муку.
Коль вновь подымет руку,
Меня постигнет тягостная кара
И встречу смерть до смертного удара.

Переходя от аллегорического изображения Пьетры-воительницы, поражающей влюбленных, к прямому языку необузданной страсти, Данте восклицает:

Зачем она не воеет,
Как я из-за нее в моем аду?

Снижая стиль канцоны, Данте прибегает и к такому сравнению:

Нет, я не милосерден, не учтив,—
Играть я буду, как медведь, ликуя...

Стили смешиваются: Данте позволяет себе все, что считает необходимым для поэтической выразительности. Вскоре он преодолет любовь к Мадонне Пьетре, но не забудет новые возможности поэтического языка, им открытые, и использует их в «Божественной Комедии».

В итальянской поэзии прозвучал в строфах второй «каменной канцоны» голос страсти, неидеализированной и неприкрытой. Песнь торжествующей любви может показаться неожиданной читателю, привыкшему к суровому и торжественному стиху Данте (и не замечающему «вольностей» его стиля в его поэме). Автор «Божественной Комедии» вмещал в себе все чувства человеческой души, подобно Гомеру и Шекспиру. Данте так завершает последнюю канцону о Мадонне Пьетре:

На кудри золотые,
Амором завитые
Мне на погибель, наложил бы руку
И стал бы мил, мою смиряя муку.
О, если б, косы пышные схватив,
Те, что меня измучили, бичуя,
Услышать, скорбь врачуя,
И утренней и поздней мессы звон!
Нет, я не милосерден, не учтив,—
Играть я буду, как медведь, ликуя.
Стократно отомщу я
Амору за бессильный муки стон.
Пусть взор мой будет долго погружен
В ее глаза, где искры возникают,
Что сердце мне сжигают.
Тогда, за равнодушие отмщенный,
Я все прощу, любовью примиренный.
Прямым путем иди, канцона, к даме.
Таит она, не зная, как я стражду,
Все, что так страстно жажду.
Пронзи ей грудь певучею стрелою —
Всегда прославлен мститель похвалою.

«Каменные канцоны» объясняют нам, почему Данте, увидя муки Франчески да Римини во втором круге ада, со слезами сострадания внимал повести возлюбленной Паоло, и упал без сознания — «как падает мертвец». Если бы не покровительство Беатриче, он был бы осужден на те же муки.

В апреле 1306 года после долгой осады маркиз Мороэлло Маласпина взял Пистойю. Черные гвельфы смогли вернуться на родину, среди них был Чино да Пистойя. Нам не известно, где между 1304 и 1306 годами Данте мог встретиться с другом своих студенческих лет. Быть может, они не виделись, но лишь возобновили переписку в стихах и прозе. Маркиз Мороэлло был покровителем поэта и правоведа из Пистойи. Очевидно, Чино не ужился у себя на родине и направился в Луниджану, так же как и Данте. Не исключено, что именно он рекомендовал маркизу Мороэлло своего друга Данте. Поэты встретились в замке Мороэлло или же Франческино. Что же касается политических убеждений Чино, то они эволюционировали, так же как и убеждения его покровителя, и в 1310—1311 годах вместе с маркизом Мороэлло Чино приветствовал императора Генриха VII. Таким образом, Данте, Чино и Мороэлло Маласпина были не только литературными друзьями, но стали политическими единомышленниками. Чино обратился к маркизу Мороэлло с сонетом, который начинается:

Я минерал мечтал найти златой,
Ценимый добродетелью высоко,
Но умираю, мучаясь жестоко,
Затем, что в сердце шип вонзился злой.

Заметим, что злой *шип* (*спина* — *Мала* — *спина*) — игра слов, такая же как у Данте в стихах о Каменной Даме. Чино просит маркиза переплавить в золото жестокий камень, ибо он может заставить и мрамор лить слезы. Заметим опять те же метафоры, что и у Данте: скалы, камни. Данте ответил своему другу от имени Мороэлло Маласпина:

Достойны вы сокровища любого —
Столь чисто голос ваш всегда звучал,
Но кто в проводники неверность взял,
Сокровища не сыщет никакого.

Мороэлло так же изранен шипом, но нашел, наконец, волшебный минерал, который помог ему излечить его рану. Обращаясь к неверному Чино, часто менявшему своих возлюбленных, Данте от имени маркиза говорит, что он перестал бы сомневаться в искренности Чино, если бы увидел на его глазах правдивые слезы. Чино в сонете признается Данте, что в своем изгнании он действительно всюду искал утешения у прекрасных дам:

Одной любимой предан я всецело,
Но в красоте других — и многих — дам
Приходится искать мне утешенья.

Данте отвечал одним из лучших своих сонетов:

Я полагал, что мы навек отдали
Любовной теме дань, что минул срок —
И на приколе судну быть не впрок,
Когда зовут его морские дали.
Но, Чино, мне не раз передавали,
Что ловитесь вы на любой крючок,
И я соблазна избежать не смог,
И вновь перо персты устало сжали...^[17]

В душе у автора любовных сонетов и стихов о прекрасной Даме, у поэта, отвергнувшего поучения моралистов, ставшего снова куртуазным лириком, наступил перелом. В последнем ответном сонете Чино Данте говорит, что следовало бы оставить лирические излияния: «Я полагал, что мы навек отдали любовной теме дань...» Быть может, в конце своего пребывания в замках гостеприимных маркизов Данте написал покаянные стихи, отрицая морализующую и аллегорическую поэзию первого периода изгнания. Он стал искать путей назад, к тому образу, который сиял в его юношеских снах. Тогда он написал сонет, открывающий новый период в его творчестве:

Звучат по свету ваши голоса,

Стихи мои, с тех пор, как я о даме
Стал, заблуждаясь, петь, начав словами:
«Вы, движущие третьи небеса».
Преодолев пустыни и леса,
Идите к ней, скажите со слезами
Известной вам: «Мы ваши, мы лишь с вами,
Иных не узрит госпожи краса».
С ней не останьтесь, там Амора нет.
Идите дальше в скорбном одеянье,
Как ваши сестры — после стольких лет.
Достойной дамы вы найдите след.
Скажите ей в смущенном покаянье:
«Мы служим вам, у сих склоняясь мет».

Отказавшись и от морально-аллегорического строя стихов и от куртуазной лирики, лучшим образцом которой в этот период времени являются стихи к Мадонне Пьетре, Данте стал искать иного способа выражения, который был бы синтезом всего его поэтического опыта. Видения «Божественной Комедии» не родились в определенный год, или месяц, или день, — они появлялись, исчезали и снова всплывали еще в ранней молодости Данте.

Легенды древности, трагические истории его дней, которые Данте слышал в течение многих лет, получили воплощение тогда, когда после долгих раздумий над природой итальянского языка и проблемами художественного мастерства он нашел новый, необычно звучащий и вместе с тем глубоко связанный с традицией итало-провансальской поэзии троезвучный стих — терцину, навсегда связанную с его именем. «Божественная Комедия» началась тогда, когда Данте прошептал про себя, потом произнес громко для самого себя и слил с двумя последующими стихами:

Земную жизнь пройдя до половины...

Данте увидел трех зверей, преграждающих ему путь, услышал голос Вергилия, обещающий ему заступничество небесных дам. Для того чтобы эти образы возникли, необходима была встреча Данте с Вергилием на высях античной и средневековой поэзии, необходимо было также, чтобы образ Беатриче снова засиял все тот же, и преображенный, в сердце того, кто от нее отрекся. Мы не уверены в том, что Данте начал с мудрствования: волчица значит это, лев — то, пантера — и это и то, а Вергилий символизирует разум и мировую монархию. Сперва были образ, метафора, звучание терцин, поэтическое видение необычайной силы, вызвавшее в душе поэта удивление, восхищение, ужас, а затем уже сам Данте разгадывал те загадки, которые он загадал.

Данте понял, что перед этими наступающими образами бессильны его рассуждения в «Пире», что уже не нужны домыслы трактата «О народном красноречии». По всей вероятности, в это время Данте изменил конец «Новой Жизни» и добавил «чудесное видение». Так началось восхождение Данте к земному раю, где он снова увидел прославленную Беатриче, прежнюю и преображенную, воссиявшую на всех планах бытия.

Среди белого мрамора луниджанских гор, близ Каррары, находится пещера, в которой по античному преданию жил этрусский прорицатель, чародей и звездочет, гаруспик Арун.

Он жил в пещере мраморной и взоры
Свободно и в ночные небеса
И на морские устремлял просторы.

Данте бродил по Аппуанским Альпам, по мраморным уступам Каррары и, как этрусский гаруспик, глядел на бесконечное море. Порою горы превращались в видения адских террас, уступов и пропастей. Он проникал в будущее своих героев и сам слышал предсказания о том, что с ним случится, из уст им же созданных теней.

Все творчество Данте прежних лет было лишь подготовкой к делу его жизни, к поэме, в которой отразились и небо и земля.

Глава 15. Генрих VII в Италии

23 октября 1310 года вновь избранный король священной Римской империи Генрих VII перевалил через Альпы и вышел в Италию у города Суза. Он должен был короноваться в Милане

королевской короной Италии, а в Риме — императорской короной. Генриха VII сопровождала его жена — Маргарита Брабантская и много владетельных князей, прелатов и рыцарей из германского государства, особенно из рейнской земли и северо-западной части империи. Генрих и его жена говорили между собой и со своим ближайшим окружением по-французски, так как получили французское воспитание. Конечно, император владел так же свободно и немецким языком. После долгих колебаний и ухищрений папа Климент V дал Генриху благословение на императорскую корону и обещал короновать его в Риме, если не лично, то при посредстве своего легата.

В начале своего появления в «саду империи», как именовали в то время Италию, Генрих не обнажал меча. Он протягивал лилию мира, обещал праведный суд и милосердие и объявил, что не делает различий между гвельфами и гибеллинами. Казалось, вот пришел, наконец, тот идеальный государь, которого создал в своем воображении Данте. Узнав о прибытии Генриха VII, десятки тысяч людей, скитавшихся по стране и лишенных крова, воспылали надеждой. С мольбой простирали они руки к императору, ожидая, что он вернет их в родные города, откуда они были изгнаны. Генрих с радостью пошел навстречу уповавшим на его помощь, но можно с уверенностью сказать, что бывший люксембургский граф не отдавал себе вполне отчета в тех трудностях, которые ожидали его в Италии. Одна возможность возвращения изгнанников по воле императора создавала Генриху VII врагов среди правителей городов-республик, которые вовсе не желали принять в стены своих городов ими изгнанных и вернуть им расхищенное добро. Несостоятельность политики всеобщего примирения и объединения враждующих партий стала ясной уже в Милане, куда в начале следующего года прибыл новый монарх.

В Милане Генрих оставался четыре месяца. В это время капитаном города был Гвидо делла Торре, один из типичнейших тиранов XIV века. Приезд короля его совершенно не устраивал, к тому же он был по убеждениям гвельф. Какое ему было дело до этого короля, полунемца, полуфранцуза, и зачем он пришел вмешиваться в итальянские дела? Делла Торре был слишком умен, чтобы сразу открыто восстать против Генриха, обладавшего хотя и небольшой, но прекрасно вооруженной и испытанной в боях армией. С Генрихом прибыл заклятый враг капитана, гибеллин Маттео Висконти, претендент на миланскую сеньорию. Делла Торре с распростертыми объятиями принял Висконти, но за спиной Генриха начал типичную итальянскую интригу.

Незадолго до дня торжества вдруг оказалось, что железная корона лангобардов, украшенная золотом и драгоценными камнями, исчезла из собора соседнего городка Монци, где она по традиции хранилась. Были срочно заказаны новые короны для Генриха и его супруги искусному сьенскому ювелиру Ландо.

Впоследствии выяснилось, что пропавшая корона находится у ростовщика-еврея, которому ее заложил, нуждаясь в деньгах один из правителей Милана, вероятно Гвидо делла Торре. Жители Монци с тех пор получили насмешливое прозвище «соломенная корона».

На коронацию нового короля Италии прибыли делегации из многих итальянских городов с дарами и поздравлениями, прислала своих представителей даже Венеция, наиболее могущественная и независимая из всех итальянских городов-республик, но блистательно отсутствовали неаполитанцы и черные флорентийцы.

С конца 1308 года до середины 1310-го Данте, по-видимому, находился в Париже. Он вернулся в Италию, узнав о намерении императора направиться в Рим. Мы предполагаем, что в Милан Данте прибыл из Луниджаны вместе с одним из маркизов Маласпина.

Во Франции Данте усовершенствовал свои знания в теологии и философии, необходимые ему для тех произведений, которые он намеревался написать. Можно думать, что, как многие итальянцы его времени, он решил покинуть родину, забыть ее вечные распри и военные столкновения, удалиться во Францию и надолго, быть может навсегда, поселиться там, добывая себе средства к жизни преподаванием. Боккаччо рассказывает, что, находясь в Париже, Данте вызвал удивление своими необычайными способностями. Он участвовал однажды в весьма трудном и сложном диспуте. По тогдашнему обычаю теологических школ опытные и знающие мужи ставили сорок вопросов о различных предметах, они же приготавливали аргументы «за» и «против». «Данте наизусть по порядку ответил на все сорок вопросов и аргументов к ним, высказав свое мнение и победив мнения противников, так что все присутствующие сочли это за чудо». Переводчик «Божественной Комедии» на латинский язык, живший во второй половине XIV века, Серравалле сообщает, что Данте был бакалавром Парижского университета, а также читал и защищал сентенции, необходимые для звания магистра. Если он не смог получить степени магистра, то лишь потому, что не имел денег, чтобы заплатить за диплом, за экзамен и за традиционный пир, которым непременно сопровождалось возведение в степень.

В «Божественной Комедии» Данте вспоминает Соломенную улицу в Латинском квартале, где студенты слушали лекции:

То вечный свет Сигера, что читал
В Соломенном проулке в оны лета
И неугодным правдам поучал.

Данте мог слышать учеников Сигерия Брабантского, знаменитого профессора философии Парижского университета, которого преследовали как еретика за пристрастие к учению Аверроэса. Идеи Сигерия, несомненно, повлияли на произведения Данте.

Где жил Данте в Париже? Парижские предания связывают его имя с общежитием и церковью Юлиана Милостивого, одной из самых древних на левом берегу Сены. Он мог также найти приют у кордельеров (францисканцев), с которыми у него были давние связи. В Париж до Данте доходили вести о том, что правитель небольшого Люксембургского графства 27 ноября 1308 года был избран немецкими князьями-выборщиками королем Германии и королем Рима (титул, который давался императору до коронации в Риме) и что в январе 1309 года он короновался в Аахене.

Вместе со своими друзьями, покровителями и единомышленниками Данте присутствовал на торжественной коронации Генриха VII в Миланском соборе и по обычаю того времени преклонил колено перед королем Италии и императором мира. Данте казалось, что приблизилось осуществление его чаяний и надежд.

В дни пребывания Генриха в Милане поэт обратился с письмом к правителям и народам Италии. Данте предвещает появление совершенного государя, который примирит всех враждующих. «Все страждущие от голода и жажды насытятся в свете его лучей; а те, кому любя несправедливость, придут в замешательство перед его сияющим ликом». Этому совершенному кесарю противна мысль о жестокости, и, даже карая, он придерживается справедливых мер. Данте призывает всех итальянцев обратиться к императору и подчиниться ему: «Я призываю вас не только подняться ему навстречу, но и высказать восхищение перед его лицом. О вы, что пьете из его рек и плаваете по его морям; вы, что ступаете по песку побережий и вершинам Альп, принадлежащих ему; вы, что пользуетесь всеобщими благами, каковы бы они ни были, и имеете ваше собственное достояние лишь благодаря его закону; не пытайтесь, словно невежды, обманывать самих себя, теша свое сердце словами: „Над нами нет хозяина!“»

В этом письме Данте еще наивно верит, что двуличный папа Климент V окажет действительную помощь новому императору. Перед выборами папа втайне предпочитал Генриха Люксембургского французскому кандидату, Карлу Валуа, так как боялся распространения французской мощи на всю Италию и Адриатическое море. Но при первом изменении конъюнктуры папа готов был предать Генриха в угоду Филиппу Красивому. Только в 1313 году Данте стала ясна коварная политика Климента V.

Несмотря на коронационные празднества и всеобщее преклонение перед новоявленным кесарем, миланские главари втайне сговорились, и по городу стали ходить слухи, что делла Торре действует заодно со своим бывшим врагом и соперником Висконти. Когда вспыхнуло восстание, дисциплинированные рыцари и конники императора без особого труда справились с толпой. В назначенный для мятежа день Висконти сказался тяжело заболевшим, и за все в ответе оказался делла Торре. Старой лисе Висконти удалось доказать императору, что он ни при чем и что всему виной его противники. Генрих ему поверил и назначил его правителем Милана. В то время еще не родился Макиавелли и еще не был написан его «Государь», и бесхитростный люксембургский рыцарь не мог проникнуть во все тонкости итальянской политики и распутать паутину итальянских заговоров и интриг.

Из Милана и Павии в апреле месяце Генрих VII направился на юг, но далеко не все города открыли ему ворота. Он осадил Кремону, которая сдалась после недолгого сопротивления. Император был сильно раздражен этим препятствием на его пути в Рим. Главари города должны были выйти в одних рубахах, с веревками на шее и просить милости императора. Он посадил в тюрьму главных зачинщиков сопротивления и приказал срыть стены и башни Кремоны. Граждане Кремоны лишились всех прав, которыми обладала самостоятельная коммуна.

Таким образом, лилия мира была отброшена и император появился с мечом в руках. В одном из немногих датированных писем: «В Тоскане близ истоков Арно апреля 1 восемнадцатого дня счастливейшего прихода божественного Генриха в Италию» (то есть 1311 года) Данте заклинал императора оставить ломбардские дела и направиться в Тоскану. Но Ломбардия была усмирена лишь отчасти, не только Кремона, но Лоди, Брешиа, Бергамо, Мантуя, Падуя отказались принять императорских наместников. Если бы Генрих обратил внимание на письмо Данте и воспользовался его советами, весьма возможно, что путь в Рим открылся бы ему гораздо ранее. Несомненно, что если бы Флоренция пала, то испуганные этим поражением города гвельфской лиги северной и центральной Италии открыли бы ворота императорским викариям. Как и первое письмо, это второе послание

написано с большой страстностью. У истоков Арно среди своих старых друзей Данте ожидал исхода грозных событий. Как библейский пророк, он не только хвалил, но и в гневе наставлял государя. Император, которому принадлежит весь мир, увяз в ничтожнейшей части мира, и пока он медлит, крепнет тосканская тирания и набирается сил. Только поразив центр сопротивления, можно справиться со всеми мятежниками, Данте поучал Генриха, порицал его медлительность и призывал действовать:

«И весной и зимой ты сидишь в Милане, и ты думаешь так умертвить злую гидру, отрубив ей головы? Но если бы ты призвал на память высокие подвиги славного Алкида, ты понял бы ныне, что обманываешься, подобно этому герою; ведь страшное чудовище, роня одну за другой свои многочисленные головы, черпало силы в собственном уроне, пока, наконец, благородный герой не поразил его в самые корни жизни. Ибо, чтобы уничтожить дерево, недостаточно обрубить одни только ветви, на месте которых будут появляться новые, более густые и прочные, до тех пор, пока остаются здоровыми и нетронутыми питающие дерево корни. Как ты думаешь, о единственный владыка мира, чего ты добьешься, заставив мятежную Кремону склонить перед тобой голову? Может быть, вслед за этим не вздуется нарыв безрассудства в Брешии или в Павии? И хотя твоя победа сгладила его, новый нарыв появится тотчас в Верчелли, или в Бергамо, или в другом месте, пока не уничтожена коренная причина болезни и пока не вырван корень зла и не зачали вместе со стволом колючие ветки».

Но император, чтобы устроить другие коммуны, решил наказать Брешию. Возвышавшаяся на отрогах гор Брешиа была сильно укреплена и располагала большими запасами пищи и оружия, к тому же имела в своих стенах ключевую воду. Со всех сторон от гвельфских городов, особенно от Флоренции, стекалась помощь, и Брешиа твердо решила не сдаваться. В течение нескольких месяцев город мужественно выдерживал осаду. Командовал осажденными подеста, флорентийский рыцарь Пино делла Тоза. Одним из главных руководителей сопротивления был Тебальдео деи Брузатти, пользовавшийся ранее доверием и покровительством Генриха. Одержимый идеей величия своей императорской особы, которой выпала высокая миссия возрождения могущества Римской империи, Генрих был раздражен сопротивлением граждан Брешии, которое он расценил не только как неповиновение авторитету своей власти, но и как оскорбление величества. Крови с обеих сторон было пролито много. Поймав перебежчика Тебальдео, Генрих четвертовал его перед стенами города. В отместку защитники Брешии вешали захваченных пленных на зубцах стен, на виду у осаждавших. В жаркие летние месяцы при плохих гигиенических условиях того времени началась эпидемия чумы (впрочем, «чумой» называли тогда едва ли не все тяжелые заразные болезни). Люди мерли как мухи и в лагере Генриха и в осажденном городе.

Некоторые союзники начали покидать императора; так, уехал на родину со своим отрядом австрийский герцог Леопольд. Среди всех этих неудач и потерь утешительным для Генриха было лишь то, что в лагерь прибыло папское посольство, которое должно было короновать его в Риме. Возглавлял посольство кардинал, епископ Остии Никколо да Прато, старый друг гибеллинов.

После генерального штурма 20 августа защитники Брешии, видя, что дальнейшее сопротивление невозможно, сдались на милость и немилость императора. Под стенами Брешии Генрих VII потерял более половины своей армии, там был убит его брат Вальрам, но императрица Маргарита, как рассказывают авторы хроник, умоляла своего мужа не быть слишком жестоким.

Генрих VII получил воспитание в Париже и по своему духу скорее мог считаться французом, чем немцем. Он был ласков и обходителен с людьми, прямодушен и нелукав, верен данному слову. Но император не отличался особым умом и, преисполненный сознанием собственного достоинства, приходил в ярость от неповиновения, измены или «оскорбления величества». Люксем-буржец был красивый блондин высокого роста, с правильными чертами лица и величественными манерами. Люксембургскую династию связывали с Францией давние связи, не прервавшиеся и после смерти Генриха VII. Его единственный сын Иоанн, избранный еще при жизни отца королем Богемии, пришел на помощь Франции в Столетней войне и совсем слепой участвовал в битве при Кресси (1346 г.), закончившейся разгромом французов. В этой битве он погиб. При внуке Генриха VII, короле Чехии и императоре священной Римской империи Карле IV, основателе Пражского университета и любителе славянской культуры, начался чешский гуманизм.

От стен Брешии Генрих поспешил в Павию, где он созвал парламент Ломбардии, желая выслушать мнение городов о политическом состоянии страны. В октябре Генрих послал своих послов в Геную, которые были приняты с большими почестями. В Венеции дож богато одарил посланцев императора, однако политические их требования венецианцы умело обошли. Генрих на этот раз поступил достаточно мудро, оставив Венецию в покое.

Начав разбираться в итальянских делах, император решил изменить свой путь и свои планы и направиться морским путем в верную ему гибеллинскую Пизу. Генуэзцы, оказавшие некоторую военную помощь Генриху при осаде Брешии, устроили императору 14 ноября торжественный въезд в

Геную. Король удовольствовался этими знаками внимания, возможно, потому, что рядом с ним находился мудрый и политически опытный советник кардинал Никколо да Прато.

Император вечно нуждался в деньгах — содержание двора и армии стоило дорого, поэтому и те города, которые принимали его с радостью и те, которые ему приходилось осаждать и силой приводить к покорности, он облагал огромной данью. Немецкие рыцари выколачивали ее нередко самыми варварскими способами, что, естественно, вызывало возмущение итальянских коммун. В то время как приморские города приветствовали Генриха, за его спиной в Ломбардии началось отпадение гвельфских городов и гвельфских феодалов, с которыми императорские викарии не могли справиться, несмотря на старания графа Вернера фон Хомбурга, капитана «лиги ломбардцев, верных империи». Из этого названия мы видим, что Генрих избегал деления на гибеллинов и гвельфов, но с течением времени становилось все более и более ясным, что он мог опереться только на гибеллинов и гибеллинские города. Цель его — примирить враждующие итальянские партии — оказалась неосуществимой. После смерти Генриха VII Италия еще резче разделилась на два непримиримых лагеря — гвельфов и гибеллинов.

Несмотря на благодатный воздух генуэзского приморья, занемогшая под стенами Брешии императрица Маргарита, постоянный спутник трудов и походов своего мужа, умерла 14 декабря 1311 года и была погребена в церкви францисканцев в Генуе. Дипломаты вскоре завели с неутешным вдовцом разговоры о втором браке с арагонской принцессой, но Генрих об этом и слышать не хотел и отправился один по тернистому пути в Рим.

Нам не известно, из Милана или из Генуи отправила императрица Маргарита Данте с письмом к графине Баттифолле, которое до нас не дошло, а также с письмами к другим представителям могущественного рода Гвиди, чтобы склонить их на сторону императора. Данте, которому не раз приходилось быть секретарем тех особ, у которых он жил, направил три письма императрице от имени графини Баттифолле; одно из них датировано восемнадцатым мая 1311 года. Эти письма сохранились. Данте писал на латинском языке. Графиня Баттифолле была дочерью графа Уголино делла Герардеска, заживо замурованного вместе с сыновьями и внуками в Пизанской башне своим врагом архиепископом Руджери. Нужно сказать, что многие графы из семьи Гвиди, в том числе и Баттифолле, колебались между гвельфами и гибеллинами, и небольшая дипломатическая миссия, порученная Данте, была вполне своевременна. В письмах особого содержания найти нельзя; они состоят главным образом из комплиментов, любезностей и изъявлений преданности.

Узнав о том, что Флоренция, Сьена, Перуджа, Болонья и Лукка заключили союз с королем Робертом Неаполитанским против Генриха VII, Данте 31 марта 1311 года обратился к своим соотечественникам с гневным посланием. Данте уже не предвещает мир, но предрекает страшные кары непокорным. Он убеждает флорентийцев, что Римская империя необходима гражданам всех итальянских городов, только при ней смогут они пользоваться гражданскими правами и пребывать в мире, «ибо, если пустует императорский престол, весь мир выходит из равновесия, дремлют в ладье Петра кормчий и гребцы, и жалкую Италию, брошенную на произвол судьбы, подвластную мелким сеньорам, лишённую какой бы то ни было единой власти, сотрясают столь буйные и яростные ветры и волны, что ее состояние не передать словами, и несчастные итальянцы могут с трудом соразмерить его со своими слезами». Граждане Флоренции поднялись против правителя всего мира и вместо покорности предпочли путь мятежа. Неслыханные бедствия постигнут безумную Флоренцию, ее не защитят высокие стены и мощные башни. Город падет и будет уничтожен, а жителей его гнев императора рассеет по всей земле. И Данте кончает свое обличение обращением к флорентийцам: «О тщеславнейшие из тосканцев, безумцы от природы и от дурных привычек! В отличие от людей зрелых вы не видите, глупцы, как неверны во мраке ночи шаги вашего больного сознания. И люди зрелые и незапятнанные, следуя своим путем, взирают на вас, что стоите чуть ли не на пороге темницы и все-таки отталкиваете того, кому случается пожалеть вас, чтобы он ненароком не избавил вас от тюрьмы и от тяжести наручников и колодок. И, будучи слепыми, вы не замечаете, что именно владеющая вами жадность обольщает вас ядовитыми речами и помыкает вами при помощи безумных угроз и насильно втягивает вас в грех и мешают вам руководствоваться священными, основанными на природной справедливости законами, соблюдение которых, когда оно в радость и по доброй воле, не только не имеет ничего общего с рабством, но по здравом рассуждении является проявлением самой совершенной свободы. А что такое свобода, если не свободный переход (который законы облегчают каждому, кто их уважает) от желания к действию? Следовательно, если свободны только те, что охотно подчиняются законам, то какими считаете себя вы, которые, притворяясь, будто любите свободу, противитесь всем законам и составляете заговор против главного законодателя?»

Весьма возможно, что Данте выжидал исхода военных экспедиций Генриха VII у истоков Арно, близ Флоренции. Но когда Генрих со своим ближайшим окружением прибыл по морю в Пизу, куда была стянута его армия, Данте направился туда же. Мы знаем об этом из рассказа Петрарки, который в

семилетнем возрасте видел великого поэта (всего раз в жизни) в Пизе, когда Данте пришел в гости к его отцу, также флорентийскому изгнаннику.

Пиза, старинный гибеллинский город, пышно и радостно встречала государя. Его пребывание в городе сопровождалось празднествами и турнирами. Нигде в Италии Генрих не чувствовал себя так хорошо, как здесь. По его приказанию был освобожден граф Гвельфо Герардеска, внук Уголино, избежавший смерти лишь потому, что, когда Уголино и вся его семья были заживо замурованы в башне голода, он только что родился. Но епископ Руджери повелел держать его в вечном заточении. Герардеска провел в темнице почти полвека. Генрих милостиво обошелся и с убийцей своего предшественника, императора Альбрехта Габсбургского, укрывавшегося в Пизе в монастыре августинцев.

Пизанцы надеялись на скорую гибель и поражение своих давних противников Лукки и Флоренции. Однако чаяния пизанцев не совпадали с планами императора, который стремился сперва короноваться в Риме, а затем постепенно стеснить кольцом и уничтожить своих тосканских врагов. Для того чтобы удовлетворить хотя бы в какой-то степени пизанских союзников, Генрих провозгласил в апреле 1312 года осуждение городам Лукке, Сьене, Парме и Реджо, приговорив их к высоким денежным пеням. Правителей этих городов он зачислил в списки изменников империи и вождей мятежа, что грозило им смертной казнью. 23 апреля Генрих покинул Пизу, направляясь в Рим. Вместе со своим войском он шел по берегу моря, избегая стычек с флорентийцами. Первого они были в Витербо, где отдыхали несколько дней. Затем по древней виа Клавдия армия Генриха VII устремилась в Рим.

Из Рима доходили дурные вести — по-видимому, враги императора не хотели пустить его без боя в Вечный город. Большую часть Рима, Транстевере и Ватикан занимали враждебные императору Орсини. К ним подходили на помощь солдаты короля Роберта Неаполитанского. Несколько позже появились и флорентийские наемные лучники и пехотинцы. В меньшей части Рима чувствовали себя хозяевами Колонна. Эта могущественная семья держала сторону Генриха. Пробраться к Ватикану и очистить хотя бы половину Рима было невозможно без кровавых уличных боев.

Следует представить себе Рим начала XIV века. Он не походил ни на классический Рим эпохи цезарей, ни на современный. Всюду высились феодальные башни; каждая из них представляла крепость. В руинах древнего Рима гнездились феодалы. В античном театре Марцелла рыцари-разбойники Пьерлеона воздвигли целый укрепленный городок. Другие нобили, Амибальди, владели частью Колоссеума, который тоже перестроили по своим вкусам и надобностям. На всех островах Тибра щетинились башни. Патриции Савелли расположились на высотах Авентина. Узкие, извилистые улицы запирались на цепи. Лишь иногда открывались просветы — это были гигантские развалины античной поры.

С тех пор как папа покинул Рим, город пришел в большое запустение и находился в состоянии вечной анархии. Не стало никакой управы на воров и грабителей, нападавших на жителей и на пилигримов. Пробраться к святыням Рима стало делом нелегким. Купцы, ремесленники и мелкий люд, живший разными случайными заработками, приветствовали императора, так как надеялись, что он восстановит порядок, что в Риме оживятся торговля и ремесла и снова прихлынут испуганные вечными беспорядками паломники, которые приносили городу немалый доход.

Генрих еще у стен Брешии назначил сенатором, то есть правителем Рима, графа Людовика из семейства преданных ему савойских графов, связанного с ним узами родства. В августе 1310 года Людовик пробовал навести порядки в Риме. В этом деле ему помогал известный правовед Чино да Пистойя, друг Данте. Из Рима Людовик направился к стенам осажденной Брешии; снова попасть в Рим ему удалось лишь через год, в ноябре 1311-го. Люди, на которых он рассчитывал и в чьей верности не сомневался, преграждали ему путь. Людовику пришлось сосредоточить свои силы вокруг Латеранского дворца и у одного из римских мостов, Понте Молле.

7 мая Генрих въехал со своим войском в Рим, за ним следовали гибеллинские Дворяне, духовенство и бежало много народа. Через старую Порта дель Пополо и через Марсово поле император направился в Латеран, находящийся в юго-западной части города. Рим, который увидел Генрих, был мало похож на столицу мира, несущую примирение всем народам, каким он представлялся его воображению. Транстевере и Ватикан занимали гвельфы Орсини и войска Роберта Неаполитанского. Чтобы как-то укрепиться в левобережной части города, которая далеко не вся была в руках верных Генриху Колонна, отрядам императора пришлось выдержать несколько уличных боев и понести значительные потери. Людовик Савойский со своими рыцарями занял Капитолий.

Сопrotивление императорским войскам возрастало. На корабле к устью Тибра прибыли новые силы неаполитанцев. Флоренция прислала еще один отряд лучников. Генриху VII трудно было понять политику папы Климента V. Если бы он действительно желал помочь тому, кого он благословил при избрании, папа мог бы сдержать неаполитанцев, тем более что король Роберт был его вассалом и мог

бы оказать также немалое давление на флорентийцев. При создавшемся положении Генрих VII потерял всякую надежду пробиться на правую сторону Тибра, где находились замок св. Ангела и церковь св. Петра. Оценив обстановку, кардинал Никколо да Прато уговорил других прелатов и 29 июня 1312 года короновал Генриха VII в Латеране. Это было не совсем обычно, но подобные прецеденты случались; так, например, в Латеране, а не в соборе св. Петра короновался в 1133 году император Лотар II.

Из Латерана Генрих направился на Авентин, где состоялось торжественное пиршество. Оно омрачалось, впрочем, свистом летающих вокруг стрел, так как сам Генрих, а также разодетые светские и церковные князья его свиты служили прекрасной мишенью для неприятельских стрелков. Внешняя политика императора после коронации вызвала известное улучшение в отношениях с соседними государями. Генрих начал разговор о союзе с королем Сицилии Фридрихом III, который сватал за наследника престола дона Педро дочь императора Беатриче. Менее натянутыми стали и отношения с Робертом Неаполитанским, так как начались переговоры о союзе между сыном Генриха VII, королем Богемским (Чешским) Иоанном и племянником Роберта, королем Венгрии Карлом-Робертом. Неаполитанские войска по-прежнему стояли на правой стороне Тибра, однако решительных действий не предпринимали. Последствием этой политики было назначение Фридриха III имперским адмиралом. В случае если дело дойдет до войны с Неаполем, полагал Генрих, соединенный флот Венеции, Пизы и Генуи под командой сицилийского короля сможет оказать значительную помощь. Перед отъездом из Рима император произнес речь на древних развалинах Капитолия. Он говорил, что оставляет столицу и направляется усмирять Тоскану. Через ворота Сан Лоренцо 21 июля императорские войска покинули Рим и в тот же день были в Тиволи, во владениях союзных Колонна. Пребывание в Риме продолжалось три месяца. Император двинул свои войска на родину Данте.

Кардинал Никколо да Прато в сопровождении нескольких рыцарей отправился вперед, в Ареццо, являвшийся центром белых гвельфов и гибеллинов. Он стремился собрать вспомогательные войска для нападения на Флоренцию, граждане которой горделиво заявляли, что «не согнули своих рогов еще ни перед одним государем». В это время епископом Флоренции был назначен Антонио дельи Орси, всячески поддерживавший партию черных в решении сопротивляться императору. Командовать вооруженными силами республики флорентийцы пригласили маршала Неаполитанского короля Ратта де ла Диего, графа де Казерта. Он прибыл вместе с большим отрядом каталанских наемников. Между тем императорская армия подвигалась к Флоренции. 21 августа Генрих был в Витербо. Население небольших городов, союзных Флоренции, бежало на север и в горы. Городок Кортон встретил императора на коленях. Особенно торжественную встречу устроил Генриху гибеллинский город Ареццо; он ждал императора, по словам автора хроники, как невеста — жениха. Таким образом, при движении Генриха по Италии еще раз наглядно обнаружилась система итальянских городов, которая напоминала шахматную доску, где одни были гвельфами до иступления, а другие упорнейшими гибеллинами. В этой чересполосице царила вечная война, вечная анархия. Лучшие люди Италии, как Данте, Чино да Пистойя и Никколо да Прато, мечтали о том, чтобы Италия была объединена под скипетром императора, чтобы введены были порядок, законность и единовластие. Так верил вначале и сам Генрих VII, считавший объединение Италии своей священной миссией. Однако ненависть, мелочные расчеты, корысть и партикуляризм затемняли глаза граждан итальянских городов. Следует также принять во внимание, что верхушка правителей Италии, как купеческая, так и феодальная, умела извлекать выгоды из бесконечных распрей и использовала их в своих личных целях.

Местные главы не хотели уступить власть чужестранцу и предпочитали итальянский хаос порядку, который ввели бы императорские викарии. Типичным представителем таких «городских капитанов» был Гвидо делла Торре из Милана. Таких Гвидо насчитывалось в Италии тысячи.

Ведь города Италии кишат
Тиранами, и в образе клеветы
Любой мужик пролезть в Марцеллы рад.

Напомним, что Марцелл был политическим врагом Юлия Цезаря, тогда намек Данте станет вполне ясен.

Значительная часть маленьких городков и деревень во флорентийском графстве перешла на сторону Генриха VII, однако скоро они стали изнемогать под бременем непосильных продовольственных поборов для императорской армии.

Флоренция гордилась своими мощными укреплениями. Вожак черных решил бороться до последнего, так как знали, что их ожидает в случае поражения. Некоторые приближенные советовали императору вернуться в Ареццо, пока не прибудет подкрепление, однако Генрих настаивал на дальнейшей осаде. Вскоре он заболел и в конце концов понял, что его советники были правы.

Окружить город со всех сторон не хватило войска. Император вынужден был снять осаду и направился в Пизу, разрушая и сжигая владения Флоренции. В озлобленной неудачей армии участились случаи бессмысленного зверства, грабежей и расправ с мирными жителями.

3 ноября император разбил свой лагерь в Сан Касьяно, в двенадцати километрах от Флоренции. Пиза прислала на помощь тысячу всадников и восемь тысяч пехоты, а также много провианта. Затем прибыла тысяча стрелков из Генуи. Пиза продолжала финансировать Генриха: пизанцы вручили ему крупную сумму в двести тысяч золотых флоринов. В Сан Касьяно император занял дом флорентийского банкира Джанфилацци. По совету гибеллинов он приказал казнить Коррадо, сына Джанфилацци, оказавшего сопротивление. В то же время Генрих, заботясь о своей славе милостивого монарха, старался проявлять великодушие и отпускал без выкупа многих пленных назад во Флоренцию. На горе близ Поджибонзи Генрих заложил новый город-крепость, который, как он думал, станет императорской резиденцией и центром Тосканы. Он назвал его Монте Импераiale.

Генрих VII объявил Роберта, короля Неаполитанского, предателем и изменником. Люксембуржец никогда не мог забыть, что Роберт помешал ему короноваться в соборе св. Петра. Как бы в ответ на эти осуждения Роберт объявил себя верховным сеньором Флоренции и усилил помощь гвельфам Тосканы. Чтобы завладеть Италией, Генриху VII нужно было справиться не только с Флоренцией, но и с Неаполитанским королевством. В Пизе Генрих ожидал подхода подкреплений с севера, решив во чтобы то ни стало сокрушить и уничтожить короля Роберта. Кончилось годичное перемирие, которое папа заставил заключить императора и короля. Напрасно Генрих слал послов папе, папа не желал ему помочь, и все яснее становилось, что он поддерживает неаполитанского правителя.

Генрих решил отказаться от вдовства и жениться вторично по политическим соображениям на Екатерине Габсбургской, сестре герцога Австрийского и дочери императора Альбрехта, своего предшественника. Невесту должен был сопровождать в Италию король Иоанн Богемский, сын Генриха, с вооруженным отрядом. От своего будущего зятя Генрих надеялся получать значительную военную помощь. Из Люксембурга с большой свитой рыцарей спешила дочь императора Беатриче, просватанная за сицилийского наследника дона Педро. Все вновь прибывшие силы предполагалось обрушить на Неаполитанское королевство с севера, а с юга уже вступал в бой король Сицилии. Фридрих Сицилийский ускоренными темпами строил военные корабли; предполагалось, что к его флоту присоединятся суда Генуи и Пизы, а возможно, и Венеции. Роберт Неаполитанский, испуганный неблагоприятным развитием событий, также спешно строил несколько быстроходных кораблей, чтобы в случае опасности бежать со своими приближенными во Францию. Военное и политическое положение императора улучшилось, несмотря на предательскую политику папы Климента V, который под давлением Филиппа Красивого почти открыто встал на сторону родственника французского короля Роберта Анжуйского. Видя успехи императорской политики, союзные Флоренции города Тосканы начали колебаться.

В начале августа 1313 года Генрих VII почувствовал себя столь сильным, что, не дожидаясь войск, которые вели его сын и герцог Австрийский, а также брат императора архиепископ Трирский, отправился в дальнейший поход. 21 августа он свернул на дорогу, ведущую в Рим, и остановился в местечке Буонконвенто. 24 августа Генрих неожиданно скончался. Ему еще не исполнилось пятидесяти лет. По слухам, распространившимся в народе, императора отравил доминиканский монах, присланный папой, который дал ему яда в причастии.

Тело императора решили перенести в Пизу. Стояла страшная жара, труп разлагался, везти его дальше было невозможно. Тогда ближайшие рыцари отсекали императору голову, а тело по древнему германскому обычаю предали медленному огню, пока не остались одни обугленные кости. Голову и кости Генриха VII погребли на знаменитом пизанском кладбище Кампо Санто.

В 1921 году, когда отмечался шестисотлетний юбилей со дня смерти Данте, итальянское правительство перенесло гробницу и надгробные памятники Генриха VII, изваянные в XIV веке Дино да Камаино, в Пизанский собор. Усыпальницу украсила новая латинская надпись и стихи Данте из тридцатой песни «Рая»:

Ариго, что, Италию спасая,
Придет на помощь в слишком ранний час.

Рядом можно прочесть следующую французскую эпитафию: «Генриху Справедливому, графу Люксембургскому, римскому императору, самому знаменитому своему сыну народ и древняя, свободная люксембургская страна».

После смерти Генриха VII та часть его армии, которая состояла из северян: немцев, французов, брабантцев, фламандцев, — ушла на родину. Итальянским гибеллинам, которые в большом количестве присоединились к войску императора, идти было некуда. Значительная их часть поступила на службу

к веронским делла Скала, к их союзнику кондотьеру Угуччоне делла Фаджуола и другим гибеллинским правителям. Вооруженные силы гибеллинов не только не уменьшились, но, напротив, возросли. В течение последующих лет гибеллинские полководцы наносили неаполитанским отрядам и гвельфской лиге серьезные поражения.

Генриха VII очень долго преследовали военные неудачи, свое войско император терял не в крупных сражениях, а при затяжных осадах небольших городов. Поход был предпринят без подготовки, с недостаточными военными силами и средствами. Генрих не смог выгнать своих противников даже из собора св. Петра. Однако за несколько месяцев до его внезапной кончины его политические и военные дела, несмотря на интриги и недоброжелательство папы, сильно поправились.

Если бы Генрих VII прожил дольше и победил неаполитанского короля, города Тосканы отпали бы от гвельфской лиги и Флоренция осталась изолированной. Возможно, она продержалась бы еще некоторое время, но в конце концов вынуждена была бы покориться. Но и после завоевания Италии Генриху представились бы новые трудности. Даже с помощью самых опытных и умных викариев ему вряд ли удалось сразу прекратить постоянное внутреннее кипение, столь типичное для итальянских городов. Рано или поздно он должен был бы покинуть Италию и вернуться в Германию. Его наместникам было бы не под силу привести итальянские коммуны к подчинению центральной власти. Исторические предпосылки для политического объединения страны еще не созрели.

Было бы совершенно неверно рассматривать Генриха VII как «чужеземного завоевателя», а итальянцев, ему сопротивлявшихся во Флоренции, Брешии, Кремоне, как «патриотов, борющихся с захватчиком». На самом деле такого общепитальянского патриотического чувства в начале XIV века еще не было; что же касается Данте, то объединение Италии мыслилось им лишь как начало большего — в те времена невозможного — объединения стран и народов в едином всемирном государстве, которое поэт называл монархией. Для Данте было совершенно все равно, какой национальности будет император — немец, француз, итальянец. Важно, чтобы император стал владыкой всего мира, чьей столицей непременно станет Рим. При всей своей любви к Италии Данте нигде и никогда не говорил, что итальянский народ выше и лучше остальных народов. Не он ли говорил: «Мы, кому отечество — мир, как рыбам море».

В том совершенном едином государстве, которое замыслил Данте, падали городские стены, исчезали границы и воцарялся вечный мир и взаимное согласие. В Генрихе VII, казалось Данте, воплотился его идеал совершенного правителя. Нежданная смерть императора страшным ударом обрушилась на Данте; вместе с Генрихом умерли надежды великого мечтателя на осуществление при его жизни «мирового государства», а также на возвращение в родную Флоренцию.

Через несколько лет после смерти Данте император священной Римской империи Людвиг Баварский приютил у себя гонимого церковью парижского профессора, по происхождению итальянца, Марсилия из Падуи. О жизни Марсилия нам известно очень немного. Одно время (вероятно, в 1312—1313 гг.) он был ректором Парижского университета. Ученик Пьетро д'Абано, медика, философа, естествоиспытателя и астролога, известного своей приверженностью к учению Аверроэса, Марсилиий отличался разносторонней образованностью. Кроме философии, медицины и теологии, он живо интересовался вопросами государственного права. Книга «Защитник мира», законченная в 1324 году, во время второго пребывания Марсилия в Париже, принесла ему европейскую славу. Марсилиий разделял многие религиозные идеи вальденсов, или лионских бедняков, еретической секты, создавшей одно из самых радикальных учений в Европе до гуситов и Лютера. Император Людвиг Баварский попал под сильное влияние своего итальянского советника, который проповедовал, что не государь зависит от папы, а папа от государя, и приводил в пример Византийскую империю. Марсилиий, как и Данте, восхищался мощным государственным умом Юстиниана. Сын бедного македонского крестьянина, ставший единовластным правителем необъятной империй, представлялся им образцом для светских государей. Церковь, поучал Марсилиий, не должна вмешиваться в дела государства. Огромное имущество церкви должно перейти в государственную казну. Несомненно, что на теорию Марсилия Падуанского о государстве и его отношениях с церковью в значительной степени повлияли трактаты Данте «Монархия» и «Пир» и в не меньшей степени Чино да Пистойя. При дворе Людвигу находилось много монахов-фратичелли, отлученных папой от церкви. Марсилиий совпадал с фратичелли в апофеозе бедности и в критике папской власти, обнаруживая и в этом близость к кругу идей Данте. С большой смелостью Марсилиий восставал против засилья клириков во всех областях жизни.

Еще до приезда в Германию Марсилиий связался с итальянскими гибеллинами и жил в Вероне при дворе Кан Гранде делла Скала. Мы видим, что он как бы след в след идет за великим флорентийцем. В 1326 году император решил отправиться в Рим. Нужно сказать, что Людвиг не подтвердил своего избрания в императоры у папы, как это обычно делали новоизбранные. Он решил, что римским государем коронует его не папа, а народ Рима. Таким образом, он хотел осуществить

воспринятые им от Марсилия идеи, которые тот выработал под влиянием Чино да Пистойя, Данте и французских юристов начала XIV века. Нельзя в этой связи не вспомнить и об Арналь-де Врешинском, который веком раньше предлагал императору Конраду III принять корону от римского сената.

В Тренте император изложил свою политику собранию представителей городов и нобилей Италии; затем он довольно мирно направился в Милан, где публично проповедовал свои идеи. Не занимаясь, как Генрих VII, покорением непокорных городов, Людвиг направился в Рим вместе с Марсилием Падуанским, который стал его викарием по церковным делам. 17 января император короновался. Корону он принял не из рук папы, а от народного синдика, старого гибеллина, патриция Шьярра Колонна, бывшего спутника Генриха VII.

18 апреля император в собрании своих придворных и прелатов лишил папского звания «священника Жана де Кагора, который называет себя Иоанном XXII». 12 мая Людвиг провозгласил новым папой под именем Николая V одного из братьев-миноритов, Петра де Корбарра. Марсилием имел то высокое удовлетворение, до которого не дожил Данте: он увидел, как осуществляются его идеи или, вернее, те идеи, которые он и Жан де Жанден развили в книге «Защитник мира». Но римское празднество длилось лишь до конца лета. 13 августа император и его последователи были изгнаны из Рима гвельфами и их союзниками неаполитанцами.

Марсилием как бы исчезает со сцены истории; не известно даже точно, когда он умер, по-видимому около 1343 года. В 1341 году Марсилием по просьбе Людвиг Баварского написал небольшой трактат. После римского похода он жил уединенно при дворе. Император по-прежнему оказывал ему свое покровительство и не соглашался выдать его папе, несмотря на упорные (начиная с 1327 года) и многократные требования Иоанна XXII. Папа писал Людвигу: «Я слышал, что в твоём страстном стремлении умножить твои злодеяния ты осмелился принять у себя двух людей, сынов погибели, подобных плодам от проклятого древа, — Марсилия Падуанского и Жана де Жандена. Пребывая в течение многих лет в Париже, они отвращали лицо свое от истины, посвящая свои занятия призракам. Разве ты не позволил им публично защищать в твоём присутствии еретические тезисы известной книги, которую они написали в своём дерзком самомнении?»

Марсилием Падуанский был гораздо более резок и решителен, чем Данте. Он советовал императору порвать с папским престолом и подчинить себе священников и епископов. Эти идеи будут осуществлены в XVI веке лютеранскими князьями Германии. Данте говорил только о разделении церкви и государства, не покушаясь на престол святого Петра по соображениям политическим, так как Генрих VII опирался поначалу на папу Климента V. После смерти Генриха VII Данте заклеил навеки своими терцинами продажных и коварных первосвященников, предававших тех, кто им доверился.

Глава 16.

Мечта о всемирном государстве

В латинском трактате «Монархия» нет и следов прежней неуверенности в себе автора «Пира». Данте более не сидит «у ног мудрецов», не подбирает «крохи с трапезы знания». Он смело выражает свои мысли, как творец нового, не желающий повторять то, что уже сказали Аристотель, Цицерон, Эвклид. Понятие о светском всемирном государстве не было доступно всем, полагает автор трактата, «поскольку оно не имеет непосредственного отношения к житейской выгоде». С гордостью гуманиста Данте начинает свое политическое сочинение, «чтобы первому стяжать пальму победы в столь великом состязании и явить истины, не исследованные другими». Так, в творчестве его появляется мотив об увенчании поэта и мыслителя, который с такой силой прозвучит в «Божественной Комедии».

В начале этого произведения Данте выдвигает три вопроса: во-первых, необходима ли всемирная монархия для благосостояния мира; во-вторых, по праву ли стяжал римский народ право на первенство в мировой монархии, и, в-третьих, зависит ли авторитет монархии непосредственно от бога или же от его заместителя, то есть папы. Третий вопрос был, по-видимому, наиболее острым. Действительно, если глава всемирной монархии является лишь исполнителем воли папы, то мировая монархия превращается, по существу, в теократию, в которой император лишь слуга церкви. Данте хотел защитить светское государство и обосновать его полную независимость от церковных властей. Понятно, что такая позиция была неприемлема для защитников папского первенства.

Данте отчасти уже поставил эти вопросы и стремился их разрешить в четвертом трактате «Пира». Он самым решительным образом заявляет, что рассматриваемые им проблемы «есть проблемы политические», а все политическое находится во власти человека и предназначено не для

созерцания, а для действия. Данте думает, что, кроме цели, которую преследуют отдельные поселения, города, государства, должна существовать общая для всего человечества цель. «Эта общая единая цель — единое всемирное государство, которое обеспечит всем людям на земле справедливость и прекратит войны и междоусобия».

Для осуществления этих политических целей человечество наделено «возможным интеллектом»^[18]. Каждый человек может охватить и постичь лишь часть бытия, равным образом любая группа людей, как бы велика она ни была, обладает лишь известной долей познания. Полнота познания присуща лишь всему человеческому роду. Таким образом, существует некое универсальное единство интеллекта, имеющее свои специфические функции и свое самостоятельное бытие. Индивидуум, семья, город, государство не могут вместить все разумное в мире, но полнота осуществляется «ежечасно во всем роде человеческом». Это и есть «возможный интеллект», самобытный, бессмертный, как род человеческий. Эта философская теория исходит от комментария к сочинению Аристотеля «О душе» арабского философа Ибн-Рошда из Кордовы, умершего в 1198 году, который был известен под именем Аверроэса. Ибн-Рошд выступил в защиту таджикско-арабского врача и мыслителя Ибн-Сины (Авиценны), умершего в 1037 году, на которого нападали магометанское духовенство за его учение о вечности материи и вселенной. Трактаты и комментарии Аверроэса к Аристотелю соблазнили многих ученых на Западе. Как аверроист был осужден парижский магистр Сигерий из Брабанта. Несмотря на осуждение церковью, Данте поместил его в рай. Аверроистом был Гвидо Кавальканти, не веривший в бессмертие души, так же как и его отец Кавальканте деи Кавальканти. Аверроистически настроенных грандов было много в XIII—XIV веках среди гибеллинов, с насмешкой встречавших папские отлучения от церкви. В полемическом сочинении, направленном против «Монархии», доминиканец Гвидо Вернани вскрывает аверроистическую сущность идей Данте, считавшего, что все человечество имеет один общий интеллект. Эти мысли Вернани осуждает как еретические.

По мнению Данте, существуют задачи, стоящие перед всем человеческим родом, взятым как целое. «Возможный интеллект» не только расширяет область познания, но стремится также к действию для достижения всеобщего мира. «Всеобщий мир есть наилучшее из того, что предуготовано к нашему блаженству. Вот почему то, что звучало пастырям свыше, было не богатства, не удовольствия, не почести, не долготлетие, не здоровье, не сила, не красота, но мир»^[19]. Только осуществив всеобщий мир в едином мировом государстве, можно ожидать, что дочь Юпитера и богини правосудия Фемиды — Астрея (Справедливость) вернется на землю. Заметим, что мотив Справедливости — Астреи один из основных не только в «Монархии», но и в «Божественной Комедии». Мы найдем его и в аллегорической канцоне Данте «Мое три дамы сердце окружили». В восемнадцатой песне «Рая» на небе Юпитера, где пребывают справедливые, Данте вспоминает слова библии, обращенные к правителям народов: «Любите справедливость, судящие землю». Справедливость в учении знаменитого правоведа Ирнерия и юристов-болонцев XII—XIII веков является основой государства и источником всякого права. Болонские правоведы приравнивали этическую доктрину к законоведению, к теологии. Ирнерий в своих «Вопросах» с восхищением говорил о невыразимом достоинстве и особом положении, какими пользуется справедливость в сравнении со всеми другими моральными ценностями. Справедливость была для болонцев самой высокой моральной ценностью, юриспруденция же — знанием о ней и искусством ее применения. Если высшее выражение справедливости — закон — согласно доктрине легистов постоянно изменяется, приспособляясь к изменяющимся условиям человеческой жизни, то сама справедливость является идеей вечной и неизменяющейся. Восхваляя справедливость, Данте повторяет слова Аристотеля: «Ни звезда вечерняя, ни звезда утренняя не бывают столь удивительны». Для восстановления законности в феодальном хаосе современной ему Европы Данте видел лишь одну возможность — единую мировую монархию. Он вспоминал о римском мире, о котором рассказывали античные историки. Эта империя разодрана, подобно разодранной ризе, о которой говорят евангелия, и человеческое общество разрушено алчностью правителей, как светских, так и духовных.

Правитель мирового государства, утверждает Данте, не имеет никаких поводов к алчности. Обладая всем, он не стремится ни к какому приобретению, он не собирает, а раздает, из всех возможных правителей он более всего благоволит людям. Данте снова цитирует Аристотеля: «В извращенном государственном строе хороший человек становится плохим гражданином, а в правильном строе понятия „хороший человек“ и „хороший гражданин“ совпадают». Правильное государственное устройство имеет целью свободу, то есть люди в нем должны существовать ради самих себя, — ведь не граждане существуют ради консулов и не народ ради царя, а, наоборот, консулы ради граждан и царь ради народа. Данте, как ученик Аристотеля, полагает, что монарха следует считать слугою всех, ибо он непрестанно обязан думать о благосостоянии народа.

Законы для всего мира должны проистекать из единого центра, но законодатель обязан учитывать различные местные условия, потребности и особенности. Так, управлять скифами надо иначе, чем жителями тропиков гарамантами. Данте представлял себе мировое государство как федерацию, в которой отдельные народы и местности сохраняли бы известную автономию или самоуправление и были подчинены общему законодательству лишь в самом основном и существенном.

В истории человечества Данте видит одни бесконечные войны; только единожды, при «божественном кесаре Августе», повсюду царили мир и спокойствие. Исходя из учения Аврелия Августина, изложенного в двадцати двух книгах «О граде божьем», многие в средние века осуждали языческие государства, существовавшие до возникновения христианства. Епископ Иппонский, оказавший огромное влияние на историческую мысль средневековья, называл их «великой разбойничьей организацией», созданной насилием и ради насилия. Весьма распространен был анекдот Августина об Александре Македонском и морском разбойнике, которым автор «Града божьего» пояснял свою мысль о разбойничьей сущности государства. «Как ты смел разбойничать на море?» — спросил Александр пленного пирата. «Я следовал твоему примеру, — отвечал разбойник. — Но я граблю, пользуясь малым кораблем, и потому зовусь пиратом, ты же делаешь то же самое большим флотом, и потому зовешься императором». Падение Римской империи Августин объяснял карой за угнетение и насилие над покоренными народами.

Еще в «Пире» Данте постепенно освобождался от идей Августина, а в «Монархии» решительно восстал против них. По учению Августина, древний Рим не имел «особой миссии» в истории и ничем не отличался от Вавилона и других восточных деспотий. Он не мог осуществлять право и законность, ибо сам погряз в беззаконии, распутстве и стяжательстве. С ростом силы и величия Рима увеличивались его преступления. Цицерон был убит с согласия Августа. Епископ Иппонский отрицал добродетель самоубийцы Катона, считая этого римского стойка и республиканца лишь эгоистом. Данте вступил в «Монархии» слово за слово в спор с Августином, прославляя и величая Римскую империю даже языческих времен — до принятия ею христианства.

Ученику Августина Павлу Орозью, жившему в V веке, римская история представлялась отличной от всех других, единственной и несравненной. Орозий идеализировал Римскую империю и ее основателя Августа и пытался восстановить миф о Риме, но робко и непоследовательно, все же эта защита древности произвела на Данте сильное впечатление, и Орозий попал в число любимых его писателей. Античную легенду о единоборстве Энея с Турном, которое закончилось победой предка римлян, миф о справедливом божественном поединке, предопределившем будущее мировое господство Рима, Данте противопоставляет идее о том, что Рим свою власть над миром приобрел путем насильственного завоевания. Таким образом, Данте следует традиции не Августина, а Орозия. Большое влияние на политическую концепцию Данте оказал также певец Римской империи Вергилий. В шестой песне «Рая» Данте говорит: «Он (римский орел) подарил земле такой покой, что храм Януса был заперт повсечасно». Известно, что храм Януса в Риме открывался лишь во время войны.

В начале второй книги «Монархии» Данте ставит вопрос, который в течение многих столетий волновал Запад, — достиг ли античный Рим господства в мире силою оружия, или же императорская власть принадлежала ему по праву? В «Пире» уже приводились слова Вергилия о том, что бог дал Риму империю навечно. В доказательство божественности и вечности власти римлян Данте ссылается на Тита Ливия. Автор «Монархии» не различал поэтические легенды от данных истории; впрочем, такое смешение было свойственно его времени.

Во второй книге Данте часто повторяет образы и примеры из пятой главы четвертого трактата «Пира». Здесь мы встречаем перечень тех же древнеримских героев: Муций Сцевола, Деции, Марк Катон и, наконец, Эней. Данте ставит снова на пьедесталы статуи героев, консулов и императоров языческого Рима, низвергнутых средневековым христианством. Данте-гуманист утверждал, вступая в спор с богословами, что историческое чудо Римской империи не есть наваждение дьявола, ибо в дохристианской Римской империи он видел начало всемирного государства. Идеализируя античный Рим, он говорит о нем как об осуществителе права и всеобщего блага. Подобно гуманистам Возрождения, Данте подкрепляет свои идеи ссылками на авторов античности: «Законы всегда должны быть толкуемы ко благу республики. В противном случае они законы лишь по имени» («Первая риторика» Цицерона); «Закон — это узы человеческого общества» (Сенека). Данте предстает в своем сочинении поборником светского государства и древнеримской империи. С мечом римского права он борется против всех средневековых сил, которые начисто отрицают языческий Рим со всеми его законами и установлениями и едва терпят государство христианское, да и то лишь при условии его полного подчинения церкви.

Как защитник светского государства, Данте восстает против церковных притязаний на власть и авторитет в делах гражданских. Поэтому понятно, что произведение его вызвало живую отповедь и

энергичский протест в католической среде.

Данте пишет о том, что, когда родился основатель христианской религии, вышел указ императора Августа о переписи во всех пределах римского государства. Таким образом, Иисус родился как римский гражданин, подчиненный законам мировой Римской империи. Отсюда Данте довольно смело выводит, что его казнь при императоре Тиберии была с точки зрения божественного, а также римского права вполне «законной». В Христе, утверждает он, казнился ветхий Адам и грех падшего человечества... Конечно, такой образ мыслей не мог не показаться сугубо еретическим папским инквизиторам.

Данте стремился оправдать языческую Римскую империю, которая еще при самом своем основании была предназначена стать во главе мирового развития. Он ополчается на тех, кто называет себя «пастырями и ревнителями христианской веры», ибо главным образом они отрицают главенство древнего Рима. Это они, прелаты церкви и монастыри, завладели огромными богатствами, но епископы и аббаты забыли, что богатства церкви принадлежат беднякам и что они владеют ими не для того, чтобы ими пользоваться в своих целях, а для помощи нуждающимся. Высший клир погряз в собственнических инстинктах. Обмирщение церкви, по мнению Данте, началось с так называемого «дара Константина». На легенде о даре первого христианского императора папе Сильвестру в благодарность за излечение от проказы папская курия в течение многих веков основывала свои притязания на светскую верховную власть в Италии и в Европе. Эта легенда жила до тех пор, пока поддельная дарственная Константина попала в руки папского секретаря, гуманиста Лоренцо Балла, который при помощи новых методов исторической и филологической критики текстов совершенно ясно доказал в своем «Рассуждении»^[20], что дело идет о подлоге. О том, что дарственная — фальсификат, упомянуто уже в одном документе императора Оттона III 1001 года. Его сочинителем в императорском окружении считался некий Иоанн-диакон, по прозвищу Беспалый. Подложность документа Константина доказывал в XII веке, во времена Фридриха Барбароссы, немец Везель, последователь Арнольда Брешианского. Везель говорил, что она не что иное, как «ложь и еретические басни». Известный историк того же времени Оттон Фризингенский в своей «Хронике» считал повесть об исцелении Константина от проказы апокрифом, однако верил в подлинность дарственной грамоты. Весьма знаменательно, что ученейший болонский юрист XII века Грациан, который стремился объединить право каноническое с гражданским, не включил «дарственную Константина» в свое сочинение. Однако сторонники светской власти пап продолжали настаивать на подлинности «дарственной», которую распространяли не только на Рим и так называемую «папскую область», но и на весь Запад. Против правовой силы «дарственной» выступали также в XIII—XIV веках специалисты по римскому праву в Болонье. Многие из болонских легистов полагали, что если даже «дарственная» и подлинна, то Константин поступил против воли римского народа, поэтому она не имеет юридической силы. Профессор Якопо Бутригарио в начале XIV века писал, что если бы даже Константин захотел отказаться от империи, то мог это сделать только в пользу римского народа, ибо если бы Константин стал раздавать империю по частям, она бы погибла. По своим воззрениям на «дар Константина» Данте был ближе всего к Арнольду Брешианскому и к болонской школе, где он получил юридическое образование, так же как его друг, поэт и правовед Чино да Пистойя, считавший, что императора должны выбирать не князья, а народ Рима. Подобные взгляды можно найти и у французских цивилистов и памфлетистов этого времени Жана Парижского и магистра де Бель Перш, утверждавших, что французский король независим и от империи и от папы и что «дарственная Константина» на Французское королевство не распространяется. Что же касается еретиков XII—XIII веков, то катары и вальденсы называли папу Сильвестра антихристом. Данте настаивал на том, что император не имеет права, и как верховный правитель и как человек, «делить ризы империи»: «Рассекать империю — значит разрушать ее, ибо империя заключается в единстве универсальной монархии. Ясно, что тому, кто наделен императорской властью, рассекать империю не подобает». Здесь Данте выступает также как единомышленник короля Манфреда, сына Фридриха II, и гибеллинов Италии.

Вводную главу третьей книги Данте пишет в пророческом духе, готовясь к решительному наступлению на погрязшую в грехах и преступлениях церковь. «Горя жаром угля», которым серафим коснулся некогда уст пророка Исайи, Данте бесстрашно восклицает: «Кого убоюсь?» Читая эти строки, нельзя не вспомнить терцины «Рая» — обличение апостолом Петром своих недостойных преемников — римских первосвященников. Константин, уверяет Данте, совершил тягчайший грех, равный греху Адамову, даровав папе земли империи. Независимость мирового государства от папского престола Данте защищает всеми доводами разума и всей страстностью души. Любопытно сопоставить мысли Данте в «Монархии» с мыслями светоча теологии XIII века Фомы Аквинского в книге «О правителях государства»:

Данте

«...верховный первосвященник, наместник Господа нашего Иисуса Христа и преемник Петра, которому мы должны воздавать не все, что должны воздавать Христу, но все, что должны воздавать Петру...»

Фома Аквинский

«...верховный священник, преемник Петра и наместник Христа, Римский Понтифекс, которому все короли христианских народов должны повиноваться так же, как самому нашему Господу Иисусу Христу».

Проблема здесь сконцентрирована на этих двух предложениях, которые почти слово в слово противоречат одно другому в такой степени, что нельзя не предположить, что, когда Данте писал это, он не вспоминал о Фоме Аквинском... Отрицалась, таким образом, светская власть папы, которую он унаследовал от апостола Петра. Между папою Аквината, который обладает обоими венцами, то есть властью духовной и светской, и папою Данте, который лишен всякого участия в делах светских, должен быть сделан выбор: эти две точки зрения непримиримы.

Как показали исследования по истории средневековой философии Этьена Жильсона, Данте упорно противопоставляет свои независимые воззрения взглядам церковных авторитетов, вступая с ними иногда в скрытую полемику; чаще же он идет на бой с открытым забралом.

Сторонники абсолютной папской власти в XIII—XIV веках были еще непоколебимы. Магистр церковного права Гостензий заявлял, что, поскольку император получает корону от римской церкви, он является лишь ее викарием, то есть наместником. Доктрина о том, что римский первосвященник обладает всей полнотой императорской власти, была впервые объявлена папой Иннокентием IV (1234—1254). Сочинение Данте о монархии вызвало негодование папской курии, и, когда гибеллины стали распространять это сочинение уже после смерти Генриха VII, папа Иоанн XXII осудил «Монархию» как еретическое произведение, на сожжение. В XVI веке трактат Данте попал на индекс (список запрещенных книг). Запрещение было снято церковью лишь в XIX веке.

В многовековой борьбе со стремлением церкви подчинить себе не только духовную, но и светскую жизнь книга Данте, несомненно, сыграла немалую роль, и каждое поколение свободомыслящих или ищущих правды людей переживало ее по-своему; так, например, протестанты XVI века воспользовались аргументацией Данте в своей борьбе с папским Римом.

В XII—XIII веках сторонники абсолютной папской власти, особенно декреталисты, любили сравнивать папу с солнцем, а императора с луной, опираясь на весьма произвольно толкуемую цитату из Библии. Папа Климент V в своем письме императору Генриху VII от 26 июля 1309 года истолковал библейский образ двух светильников в этом же смысле. Данте объявил это толкование ложным. Делая некоторое снисхождение заблуждающимся, он обрушивается на ослепленных невежеством и охваченных страстями декреталистов. Он, Данте, намерен открыть глаза папе и многим прелатам, которые ошибаются по неведению!

Далее Данте развивает свою теорию о светском, независимом от церкви, государстве. Земное государство дано человечеству для устроения земных дел, для того, чтобы достигнуть блаженства в этом мире средствами человеческими. Император наделен полнотой власти для того, чтобы не дать возможности вспыхнуть где-либо грабительским войнам и иным беззакониям. Государство сумеет обуздать стяжательство, так как исчезнут со временем питающие его собственнические инстинкты. Философия, науки, искусства во всемирной империи Данте свободны и не связаны ни узами церкви, ни декретами императора. Во всех сложных случаях управления, когда нужно принять решение, сообразное с законами разума, философ дает советы верховному правителю и указывает ему, как поступить. Что же касается церкви, то она должна заботиться только о делах духовных, не вмешиваясь ни в светские дела, ни в дела науки и художеств. Ее благословение может помочь человечеству, но строить свое счастье оно должно само.

Нельзя не заметить, однако, что на последних страницах «Монархии» Данте говорит о папе и папской власти с известной осторожностью. Дело в том, что император Генрих VII и его сторонники, в числе которых был и Данте, до 1313 года еще верили в помощь папы Климента V. В 1314 году лицемерный и двуличный папа Климент, ставший послушным орудием в руках французского короля Филиппа Красивого, обнародовал буллы против Генриха VII. Это приводит нас к заключению, что «Монархия» была закончена приблизительно в 1312 году, еще до смерти Генриха, и когда еще не были известны буллы папы Климента. Вспомним, что в «Божественной Комедии» папа Климент осуждается на адские муки и проклинается шесть раз и что ненависть к нему в сердце Данте была даже сильнее, чем к папе Бонифацию. Конечно, надежды Данте на компромисс между папой и императором были тщетны, а его выступления против первосвященника слишком резки, чтобы когда-либо примирить с ним римскую церковь.

В XIV веке политический трактат Данте сохранял свою злободневность и оказал большое

влияние на публицистов Европы, отстаивавших права складывающихся национальных государств на независимость от Рима. «Монархия» — первая великая утопия, созданная на рубеже средневековья и Ренессанса, в которой автор с предельной ясностью требует разделения церкви и государства.

Через головы многих поколений Данте видел возможность создания мирового единства, уничтожения государственных границ, ниспровержения тиранов. В век зарождения капиталистических отношений он осудил частную собственность, объявив стяжательство — волчицу «Ада» — смертным грехом человечества. Он проповедовал мировое государство в то время, как республики и тирании Италии (за исключением, быть может, одной Венеции) превращались постепенно в малые монархии. Он был первым, кто сказал, что Италия — единый государственный организм, уже реально существующий, вернее, осуществляемый в общем благородном народном языке, в римском праве, в произведениях поэтов.

Разорились и прекратили свое существование банкирские дома Флоренции и Сьены, покорены были французскими и испанскими завоевателями Милан, Верона и Мантуя. Итальянцам остались Данте, их великая литература и искусство, их сладостный язык. И когда через много столетий началось объединение Италии, итальянские патриоты назвали Данте, а не кого-либо другого, «отцом отечества».

Но объединение Италии было лишь частью великого плана Данте, великий поэт жаждал большего — объединения всего человечества.

Глава 17.

Последние странствования

Когда умер Генрих VII, в разгар лета 1313 года, Данте, охваченный страшным горем, отправился из лагеря императора или, быть может, из Пизы на восток. Он шел по границе Тосканы и Умбрии, то подымаясь на невысокие горы, то спускаясь в тихие благоуханные долины. Ненадолго задержался он в Перудже, неприступном городе, высящемся над Тибром, который Тотила не мог взять в продолжении семи лет. Данте проходил мимо богатых виноградников и затем, свернув на север, перешел через Тибр, и вскоре пред ним предстала мощная цепь Апеннин. На последних уступах гор находилось большое плато, где гнезился город Губбио. Улицы городка подымались ввысь, дома лепились по кручам. Легенды рассказывают, что Данте побывал и в этом горном поселении. Предание это, впрочем, малодостоверно, и мы проследим дальнейший путь Данте через ущелье, образуемое рекой Кьяшо, и горные переходы в глубь Апеннин, к Монте Катриа.

На отрогах этой горы, возвышающейся на 1700 метров над уровнем моря, в стороне от жизненного шума, стоял бенедиктинский монастырь Санта Кроне а Фонте Авелано, сохранившийся и поныне. Строгой и простой формы, без всяких украшений, он стал как бы частью гор. Добраться до него путнику нелегко — горная тропа узка и крута. Вокруг монастыря, как и в дни Данте, шумят светлые воды, низвергаются водопады, на скалах растут могучие буки и ели. С вершины Катрии видны покрытые лесом соседние горы Апеннинской гряды и берущая начало близ монастырских стен речка Чезана. На востоке, на краю горизонта, чуть мерцает Адриатическое море, а если повернуться на запад, можно разглядеть Трезименское озеро и зеленые холмы Перуджи. На севере очарованному взгляду открываются пейзажи Урбинского герцогства и горной республики Сан Марино. В ясные дни видно покрытую снежной шапкой Грансассо д'Италия, самую высокую вершину Апеннин.

В монастырской библиотеке, из окон которой открывается чудный вид на окрестности, находится скульптурный бюст Данте, далеко не совершенной работы, с длинной надписью XVI века, которая гласит, что великий поэт жил в этих стенах и написал здесь значительную часть «Божественной Комедии». Одна из келий монастыря называется по традиции «кельей Данте». Обратимся снова к главному источнику наших знаний о великом поэте — его творениям. В «Рае», на небе Сатурна, где блаженствуют созерцательные души, Данте встречает Петра Дамиани, одного из величайших учителей церкви, который прославился своими обличениями распутной и разнузданной жизни прелатов, аббатов и монахов. На вопрос, кто он и откуда, Петр Дамиани отвечает:

«Есть кряж меж италийских берегов,
К твоей отчизне близкий и намного
Внесенный выше грохота громов;
Он Катрию отводит в виде рога,
Сходящего к стенам монастыря...
Там, — продолжал он мне благоречивый, —
Я так окреп, господень труд творя».

Данте поселился в горной обители старейшего бенедиктинского ордена, где более двух веков тому назад был настоятелем любимый им святой ругатель Петр Дамиани. Аскет и подвижник, «что, добавляя к пище сок оливы, легко сносил жары и холода, духовным созерцанием счастливый», говорит об упадке нравов и благочестия в некогда вверенном ему аббатстве, и в словах его «И ныне близок день его стыда», безусловно, сказались наблюдения самого Данте.

По-видимому, Данте прожил в монастыре около года. Предание утверждает, что в Санта Кроне он начал свою «Комедию». Вернее предположить, что терцины «Ада» слагались в течение последних лет, но не записывались, так как Данте был захвачен политическими событиями, сочинял письма, кончал «Монархию». Но образы поэмы все неотступнее овладевали им с того дня, когда в Луниджане среди мраморных каррарских скал перед его мысленным взором впервые возникли три страшных зверя; они росли в его воображении, превращались в символы всего, что стоит на пути человечества к счастью и совершенству.

Настало время подводить итоги. Настало время карать, и обличать, и воздавать всем по заслугам: тиранам, градоправителям, королям и папам, ибо Данте теперь освободился от всех зависимостей и от всех надежд. В пустыне Монте Катриа он стоял один перед раскрывшимися звездными небесами. И он писал днем, а часто и ночью, при колебании жалкого светильника, не жалея своих натруженных глаз. Сила его фантазии была неуправима. Созданная им новая форма терцины послушно следовала за его мыслью, повинаясь буйству его речи и воображения. Вобрав в себя все изощреннейшее мастерство его поэтической техники, терцина давала ему возможность создавать непрерывный рассказ — эпопею.

Вероятно, летом 1314 года Данте покинул Санта Кроче и спустился в долины Умбрии. Из горного уединения он уносил с собой рукопись песен первой части своей поэмы. На обратном пути в Тоскану Данте посетил Ассизи, где бережно хранилась память о святом Франциске. Данте любил кроткого Франциска, хотя между ними было мало общего. Франциск Ассизский призывал к всепрощению, к радости, пел гимны солнцу и всему живущему. Данте был гордый мститель и яростный обличитель, по складу своему более схожий с бенедиктинским реформатором Петром Дамиани. Но всем трем обща была любовь к Мадонне Бедности, к нестяжательству.

Трудно сказать, где написал Данте свое письмо к итальянским кардиналам. Вернее всего, что вести о смерти папы Климента V, последовавшей 20 апреля 1314 года, дошли до него еще в Санта Кроче. Спустя месяц после смерти Климента в городе Карпентра в Провансе собралось совещание кардиналов, чтобы выдвинуть кандидата в папы. Как известно, покойный Климент V был креатурой короля Франции Филиппа Красивого. По требованию короля Климент перенес столицу папского престола из Рима во Францию и затем сам переселился в небольшой городок Прованса Авиньон. «Авиньонское пленение» пап продолжалось более полувека и прекратилось лишь в 1377 году. Этот «беззаконный пастьрь» (так называет его Данте в «Аду») добился того, что большинство мест в конклаве кардиналов принадлежало его родственникам и друзьям — «гасконцам», поэтому не следует удивляться, что следующим папой выбран был француз. Из 24 кардиналов только 6 были итальянцами. Письмо Данте обращено главным образом к итальянским кардиналам Якопо Гаэтано Стефанески и Наполеоне Орсини, хотя они способствовали в 1305 году избранию Климента V. 14 июля 1314 года «гасконцы» (то есть французские кардиналы) ворвались в залу конклава и выгнали оттуда с угрозами и оскорблениями итальянцев. Можно предположить, что Данте начал письмо, когда совещание только что собралось, во всяком случае, до того, как он узнал об изгнании итальянских кардиналов. В кандидаты был предложен племянник покойного папы; на этом совещании закрылось, и папский престол пустовал два года. Наконец 6 августа 1316 года был выбран в Лионе Жак д'Эз из Кагора, архиепископ Авиньона, под именем Иоанна XXII. Новый папа стал одним из заклятых врагов гибеллинов.

Письмо итальянским кардиналам, списки которого были, несомненно, уничтожены инквизицией, дошло до нас только в одном экземпляре. Так же как письма к Чино да Пистойя и к флорентийскому другу, оно написано рукою Боккаччо и находится в сборнике (Лаврентианском кодексе), который около 1348 года составил и частью переписал своей рукой автор «Декамерона».

Кто такой Данте Алигьери из Флоренции, чтобы как равный говорить с кардиналами, чтобы поучать столпов церкви, а иногда и поносить их? Данте не смущается этим вопросом, который, естественно, возникал в его время у каждого. Широко пользуясь намеками и уподоблениями, автор письма обращается к истории древних евреев и напоминает, что жадность фарисеев покрыла позором старое священство. Данте не оплакивает вместе с пророком Иеремией будущие беды, но скорбит, взирая на существующие. Рим покинут, Рим овдовел, владыка мира превратился в вертеп разбойничий. Кардиналы и другие пастьри церкви привели овец своих вместе с собою к пропасти. Предвидя, что его станут упрекать в дерзостном тоне разговора с князьями церкви, Данте напоминает библейскую повесть о первосвященнике евреев Алкиме. Алким возглавил всех злодеев и нечестивых людей и обвинил Иуду Маккавея в том, что он начал неприятельские действия против

царя Деметрия. Папу Климента Данте уподобляет коварному и продажному первосвященнику древних евреев, а Филиппа Красивого — нечестивому сирийскому царю, с помощью которого Алким пришел к власти. Для обличения своих противников Данте пользуется образами из книг Ветхого завета. Более чем смело его сравнение кардиналов с брыкающимися быками священной колесницы, которые увлекают колесницу с ковчегом завета в непроходимые дебри.

Что же делать, продолжает Данте, если архипастыри (впрочем, лишь по званию) не могут пасти своих овец, что же делать, «если против неустройства и беззакония раздается только одинокий голос, одинокий жалобный голос, да и тот светский?»

Епископы и священники погрязли в стяжательстве, и мало кто думает о спасении души, но все гонятся лишь за выгодой. Может быть, кардиналы подумают, что Данте «единственная на всей земле птица Феникс»? Нет, уверяет он, «о том, о чем я кричу во весь голос, остальные либо шепчут, либо бормочут, либо думают, либо мечтают». Своими беззакониями «вы меня вынудили» заговорить, заключает он. И Данте призывает кардиналов к покаянию, к исправлению. Церковь снова должна вернуться в Рим, ибо он пребывает в одиночестве, «способный вызвать сострадание даже у самого Ганнибала».

В Данте говорит итальянский патриот, когда он обращается прежде всего к тем кардиналам, которые родились в Риме и «детьми узнали священный Тибр». Рим, столицу Лации, должны любить все итальянцы, «как родину собственных гражданских установлений», но для кардиналов, тех, к кому он ныне обращается, — «Рим ведь еще и отчизна». Он просит за все человечество и, наконец, «за нашу Италию». Он просит итальянских кардиналов не дать «гасконцам» унижить славу латинян.

Но как мы уже сказали, Данте запоздал. Вряд ли его письмо, отправленное через монахов-францисканцев или каким-нибудь другим путем, могло попасть во Францию прежде, чем итальянские кардиналы были изгнаны с конклава, униженные и оскорбленные французской церковной партией, снова пришедшей к власти. Да если бы это послание и дошло, то навлекло бы на голову дерзкого поэта лишь проклятия. Впрочем, Данте писал не столько для кардиналов, сколько для итальянского общества.

Из уединения монастырской кельи Данте все же следил за событиями в Италии. Слухи были неожиданны. Вместо того чтобы ослабеть и морально разложиться после смерти императора Генриха VII, итальянские гибеллины нашли себе вождей — Кан Гранде, правителя Милана Висконти, и, наконец, Угуччоне в Тоскане. К этому последнему, вероятно, присоединились также отряды немецких рыцарей и рейтаров, которые по каким-либо причинам задержались в Италии, не говоря уже об изгнанных белых гвельфах. Поэтому не следует удивляться, что 29 августа 1315 года произошло событие, которое потрясло всю страну: гвельфская лига была разбита в битве при Монтекатини; тем самым гибеллины приобрели перевес в северной и средней Италии. Виллани писал, что во Флоренции «почти все богатые дома купцов и пополанов были в трауре». Траур недели также Съена, Перуджа, Болонья.

Угуччоне, который обладал меньшим войском, чем неаполитанцы и гвельфская лига, удалось одному одолеть и смять рыцарский центр, причем в бою были убиты два неаполитанских принца, родственника короля Роберта. В самом конце битвы подошел Кан Гранде со своими войсками и закончил сражение полным торжеством гибеллинов. За год до Монтекатини, в сентябре 1314 года, в кровавой битве Кан Гранде разбил падуанцев.

Данте захотелось быть ближе к происходящему, он снова стал надеяться на торжество гибеллинов и на падение черных во Флоренции. Миновав Ассизи, Данте решил направиться к Лукке, расположенной недалеко от Пизы и отделенной от нее лишь грядой Пизанских гор. В прекрасной долине Лукки текут берущие начало в горах реки, славящиеся своей целебной водой. Главная из них — Серкьо, впадающая в Лигурийский залив Тирренского моря. Лукка была некогда столицей Тосканы, но затем заглохла из-за вечных распрей со своими более могущественными соседками Пизой и Флоренцией.

Угуччоне делла Фаджуола удалось после смерти Генриха VII захватить сначала Пизу, а вскоре и Лукку, где он властвовал, как Скалигеры в Вероне. Угуччоне знал Данте еще в первые годы его изгнания, в Ареццо. Данте нравился этот неустрашимый богатырь непомерной физической силы, и, видимо, чувство симпатии было взаимным.

В Лукке, городе взяточников, мелких политиканов и плохих поэтов, жила прекрасная и благородная дама, чье имя как бы вскользь упомянул поэт Бонаджунта из Лукки, с которым Данте в «Чистилище» вступил в спор о поэтическом стиле. Бонаджунта предсказывает флорентийцу (пророчество условно прозвучало в 1300 году), что в своих скитаниях Данте заедет в его родной город, и женщина по имени Джентукка, еще без покрывала, то есть незамужняя, облегчит поэту пребывание в Лукке. И больше ничего! Комментаторы усердно искали в Лукке даму, носящую имя Джентукка. В городских архивах и хрониках, обнаружили даже целых три Джентукки, живших в начале XIV века, но

так как Бонаджунта не назвал фамилии, то до сего дня ее ни с кем идентифицировать невозможно. Из упоминания госпожи Джентукки в двадцать пятой песне «Чистилища» не следует создавать романтическую повесть о последней любви Данте. Нужно понять так: некая благодетельная и, очевидно, состоятельная дама приняла в свой дом уже немолодого изгнанника и помогла ему в течение некоторого времени не думать о крове и пище. Весьма вероятно, что Данте рекомендовал в этот дом всевластный в то время правитель Угуччоне. Можно думать, что в доме луккской госпожи к концу 1315 года Данте закончил «Ад». Во всяком случае, уже в 1317 году это произведение было известно в полных списках. В начале 1317 года судья Тьери ди Тано дельи Узеппи из Сан Джиминьяно цитировал «Ад» в регистре криминальных актов.

Данте не сказал доброго слова о жителях ни одного города, в котором ему пришлось жить, за исключением Равенны и, пожалуй, Вероны. Злоязычие его не пощадило и приютившую его Лукку. Во втором рве нижней части ада, со дна которого идет страшный смрад, хрюкают как свиньи лъстецы. Среди них зоркое око Данте замечает белого гвельфа из Лукки Алесслио Интерминелли, известного своей безудержной лъстивостью (лъсть — один из самых ненавистных Данте пороков). Данте, по-видимому, знал его лично. По соседству, в пятом рве, наполненном кипящей смолой и страшном своей необычайной чернотой, помещены казнокрады и мздоимцы. Граждане Лукки в изобилии населяют этот ров взяточников, подобно тому как в первом рве восьмого круга болонцы составляли основную массу сводников. Данте поместил в пятом рве некоего старшину из Лукки, вероятно Мартина Ботайо, влиятельного купца, одного из заправил местной политики, и Бон-тура Датти, самого большого луккского казнокрада. Заявление чертей, что Бонтура живет не на взятки, способно вызвать только улыбку. В сцене, где поэт все называет своими именами, где лексика становится обиходной, грубой, откровенной, а звуки слов жесткими и изобилующими столкновениями согласных, черти говорят сочным, образным языком простого народа. Они высмеивают даже святыни Лукки: святую Дзитту, почитавшуюся покровительницей города, и святой Лик — старинное распятие из черного дерева, которое и сейчас еще хранится в церкви св. Мартина. Измазанную смолой физиономию грешника черти уподобляют ни более ни менее, как черному лику распятия, особо чтимому в его родном городе. С издевкой один из чертей замечает пытающемуся вынырнуть из смолы казнокраду, что здесь не Серкьо (излюбленное место купания граждан Лукки), здесь, мол, плавать не просто!

Вероятно, в Лукке Данте услышал подробности о суде и расправе над тамплиерами. С тех пор как в 1309 году он покинул Францию, его закружил вихрь итальянских событий, и слухи о гонениях Филиппа Красивого на могущественный рыцарский орден доходили до его ушей лишь изредка и отрывочно. Немилосердному королю Франции удалось заставить слабодушного и корыстолюбивого папу Климента V исполнить его волю — уничтожить орден тамплиеров.

Филипп захватил сокровища ордена, его огромные поместья во Франции. Из несметных богатств, конфискованных у тамплиеров, папа получил лишь незначительную часть, львиная доля досталась королю. Тамплиеров предали нечеловеческим пыткам, чтобы заставить их «признаться», то есть подтвердить показания, которые были заранее составлены инквизиторами. Многие умерли в тюрьме от голода, холода и непомерных мук. Тот, кто признавался в том, в чем его обвиняли, мог рассчитывать на тюремное заключение, упорствовавшим грозили пытки и смертная казнь. Те, кто отказывался давать показания против ордена, шли на костер. Еще до созыва собора во французском городе Вьенн, где большинство иностранных прелатов возражало против закрытия ордена, королевские приспешники сожгли на огромном костре в Париже 54 рыцаря. Папа покрыл и это преступление. 18 марта 1314 года Жак де Моле, великий магистр тамплиеров, и Жоффруа де Шарне, магистр Нормандии, были сожжены на островке около Нотр-Дам де Пари. Молва говорила, что объятый пламенем великий магистр позвал папу Климента предстать с ним на страшный суд перед богом, он звал также короля Франции, дав ему сроку несколько месяцев.

Папа Климент V умер в апреле, лишь на месяц пережив великого магистра. В конце ноября того же 1314 года Филипп Красивый, которому было всего сорок шесть лет, охотясь в лесах в окрестностях Парижа, упал с коня, и его отнесли замертво во дворец. Половина тела его была парализована, и через несколько дней король скончался. Говорили, что Филипп попался на рога огромного оленя, другие уверяли, что на его лошадь напал гигантский кабан. Последнюю версию принял Данте; кабан символизировал нечистую силу. Некоторые были того мнения, что Филипп Красивый вдруг увидел перед собой в лесу фигуру тамплиера. Воображение всех было потрясено. В народе ширился слух, что сбылось предсказание Жака де Моле, король и папа призваны к ответу на божий суд, тамплиеры осуждены невинно.

Данте лютой ненавистью ненавидел Филиппа. Он обозвал его фальшивомонетчиком. Современникам Данте было известно, что король Франции велел чеканить поддельные монеты, добавляя в них олово и другие недорогие металлы (об этом писал и Джованни Виллани). Обличение Филиппа кончается в дантовском «Рае» пророчеством о том, что неправедный король

погибнет от кабана:

Так узрят, как над Сеной жизнь скудна,
С тех пор, как стал поддельщиком металла
Тот, кто умрет от шкуры кабана.

Во время своих занятий в Сорбонне Данте не раз чувствовал вместе со всей парижской беднотой, что значили «финансовые реформы» короля, вызывавшие страшную дороговизну. «Божественная Комедия» полна упоминаний о папе Клименте V и Филиппе Красивом. Данте их ненавидит и проклинает. Одних осуждений продажного Климента V можно насчитать в поэме Данте шесть. Данте называет его «беззаконным пастырем». Он помог Филиппу Красивому убить и ограбить тамплиеров, он обманул Генриха VII, втайне поддерживая его главного врага Роберта Неаполитанского. В одной из сцен последней песни «Чистилища» мы видим отвратительного гиганта, обнимающего блудницу; в этих аллегорических образах Данте представил тех, кто предательски расправился с тамплиерами, — церковь папы Климента V и короля Франции.

Не следует думать, что тамплиеров сажали в тюрьмы и предавали костру и в других странах. Если такие явления и происходили, то в самом незначительном размере. Короли Испании и Португалии взяли рыцарей ордена под свою защиту, так как они были нужны им для борьбы с мусульманами. В западной Германии большая группа рыцарей Тампля явилась к епископу в полном вооружении во главе с рейнским графом, одним из своих старейшин, и предложила епископу устроить «божий суд», то есть пройти голыми пятками по раскаленным углям, для доказательства правоты, от чего прелат поспешно отказался и, благословив, отпустил их с миром. Все же, так как орден был распущен, тамплиерам пришлось или поступить в другие ордена, как в Испании, или же скрываться.

В Италии, давно оставленной папой, колеблемой войнами и беспорядками, инквизиции удалось отыскать мало тамплиеров. В северной и средней Италии она смогла привлечь к ответу не более восемнадцати рыцарей-храмовников, в то время как в одной Флоренции их насчитывалось до пятидесяти. Наиболее строго отнеслись к рыцарям флорентийские следователи. Венеция, которая имела много дел с орденом, вообще не ответила на призыв папы преследовать тамплиеров. Архиепископ Равенны, человек благочестивых нравов, выслушал нескольких тамплиеров и объявил, что не будет судить всех поголовно, а только виновных, и запретил применять пытки, ибо считал, что они не ведут к познанию истины. Затем после проведенного дознания объявил всех тамплиеров невиновными. После Флоренции самые строгие преследования были в Неаполе, но только в столице королевства, так как из провинции все рыцари ордена успели убежать.

Следует предположить, что многие итальянские тамплиеры, сняв с себя орденские знаки и сохранив одеяние и вооружение рыцаря, переехали на территорию, занятую гибеллинами, с полной уверенностью в том, что там их не будут преследовать. Почти все земли и города, контролируемые гибеллинами, находились под интердиктом, и гибеллинские правители смеялись над папскими предписаниями. Может быть, некоторые из рыцарей распущенного ордена поступили в армию Угуччоне или к Кан Гранде. Данте мог встретиться с тамплиерами в Лукке или в Вероне.

Вскоре после битвы при Монтекатини напуганные флорентийцы выпустили декрет. Они отменили смертную казнь для осужденных эмигрантов. Казнь была заменена временным изгнанием из города. Этим декретом правительство Флоренции стремилось удовлетворить горожан, среди которых было много родственников изгнанных белых и гибеллинов. Однако существовал старый флорентийский закон, по которому при амнистии в день патрона города святого Иоанна добровольно возвратившиеся преступники должны были с епископской пародийной шапкой на голове и с зажженной свечой в руках пройти позади торжественной процессии через весь город в баптистерий. Там они уплачивали штраф. Поговаривали о возможностях облегчить позорную процедуру, при которой обвиненный должен был признаваться и публично каяться в своих преступлениях. Предлагалось, чтобы помилованный шел просто с обнаженной головой, а не с митрой, напоминающей шапку еретика, осужденного инквизицией. Тюремное заключение перед покаянием думали заменить символической церемонией выхода из ворот тюрьмы. Однако оставался штраф, который уплачивал амнистированный, тем самым признаваясь в винах, за которые был присужден к изгнанию.

Друзья и родственники писали Данте, побуждая его вернуться домой. Среди них был очень благожелательный человек, племянник жены Данте Джеммы Никколо Донати, священник. Он не раз помогал в тяжелых обстоятельствах семье Данте, особенно в первый страшный год изгнания. Письма из Флоренции не сохранились, но сохранился ответ Данте, исполненный достоинства, гордости и непреклонности, одному из его флорентийских друзей и благожелателей, по-видимому также священнику. Данте писал: «Внимательно изучив ваши письма, встреченные мною и с подобающим почтением и с чувством признательности, я с благодарностью понял, как заботитесь вы и печетесь о

моем возвращении на родину. И я почувствовал себя обязанным вам настолько, насколько редко случается изгнанникам найти друзей. Однако, если ответ мой на ваши письма окажется не таким, каким его желало бы видеть малодушие некоторых людей, любезно прошу вас тщательно его обдумать и внимательно изучить прежде, чем составить о нем окончательное суждение.

Вот что благодаря письмам вашего и моего племянника и многих друзей дошло до меня в связи с недавно вышедшим во Флоренции декретом о прощении изгнанников: я мог бы быть прощен и хоть сейчас вернуться на родину, если бы пожелал уплатить некоторую сумму денег и согласился подвергнуться позорной церемонии. По правде говоря, отче, и то и другое смехотворно и недостаточно продумано; я хочу сказать, недостаточно продумано теми, кто сообщил мне об этом, тогда как ваши письма, составленные более осторожно и осмотрительно, не содержали ничего подобного.

Таковы, выходит, милостивые условия, на которых Данте Алигьери приглашают вернуться на родину после того, как он почти добрых три пятилетия промаялся в изгнании? Выходит, этого заслужил тот, чья невиновность очевидна всему миру? Это ли награда за усердие и непрерывные усилия, приложенные им к наукам? Да не испытает сердце человека, породнившегося с философией, столь противного разуму унижения, чтобы, по примеру Чоло и других гнусных злодеев, пойти на искупление позором, как будто он какой-нибудь преступник! Да не будет того, чтобы человек, ратующий за справедливость, испытав на себе беззаконие, платил дань как людям достойным тем, кто свершил над ним беззаконие!

Нет, отче, это не путь к возвращению на родину. Но если сначала вы, а потом другие найдете иной путь, приемлемый для славы и чести Данте, я поспешу ступить на него. И если ни один из таких путей не ведет во Флоренцию, значит, во Флоренцию я не войду никогда! Что делать? Разве не смогу я в любом другом месте наслаждаться созерцанием солнца и звезд? Разве я не смогу под любым небом размышлять над сладчайшими истинами, если сначала не вернусь во Флоренцию, униженный, более того — обесчещенный в глазах моих сограждан? И конечно, я не останусь без куска хлеба!»

Правители Флоренции были страшно раздражены ответом непокорного гражданина Алигьери. 6 октября 1315 года Данте и его сыновья были приговорены к смерти. В первый раз в приговоре упоминались сыновья поэта, которые, как можно полагать, находились в это время в Вероне, и не исключено, что они сражались в войсках Кан Гранде на Монтекатини.

Весною следующего, 1316 года был выгнан народным восстанием из Пизы и Лукки правитель Фаджуола. С верными ему войсками Угуччоне ушел в Верону и стал одним из полководцев Кан Гранде. Очевидно, еще до этих событий Данте также отправился в Верону. Он вез с собой законченную рукопись «Ада» и начатую вторую книгу — «Чистилище».

Глава 18. **Неумолимая справедливость**

Первые образы поэмы, как мы думаем, стали возникать в воображении Данте примерно в году 1308-м, и тогда же впервые прозвучали изобретенные им терцины. В последующие годы занятия теологией в Париже, а затем бурные события на родине, вызванные итальянским походом Генриха VII, не давали Данте возможности углубиться в поэму. Он сочинял политические послания, писал «Монархию». Данте поверил в возможность осуществления в ближайшем будущем своих идей о совершенном государственном устройстве, всеобщем умиротворении и процветании. Он надеялся, что скоро наступит час его возвращения в родную Флоренцию. Внезапная кончина императора была концом политических мечтаний великого утописта. Оставалось уповать на высшую справедливость и ожидать неминуемого возмездия, которое поразит всех творящих беззакония на земле. В уединении Монте Катрии Данте вернулся к своей поэме, которая зрела в нем все те годы, когда он выступал лишь как политический писатель. В монастыре у бенедиктинцев была написана первая часть поэмы — «Ад».

Свое путешествие по трем царствам потустороннего мира автор поэмы датирует весной 1300 года. Эта условная дата облегчает «пророчества»: рассказ о событиях, происшедших после 1300 года, облекается в форму предсказаний о грядущем.

Вводная песня начинается в чащах сумрачного леса, в котором очутился Данте на половине своего жизненного пути, то есть достигнув тридцатипятилетнего возраста. Лес, в который он вошел охваченный сновидением, может быть истолкован и как заблуждения человеческой души и как хаос, царивший в Италии его времени. Подобно путнику, спасшемуся из пучины, Данте стремится подняться на холм, но доступ к вершине преграждают три зверя: рысь (или, вернее, пантера), лев и волчица. Вспоминаются слова Иеремии, любимого ветхозаветного пророка Данте: «...поразит их лев

из леса, волк пустынный опустошит их. барс будет подстерегать у городов их». Владея системой многосмыслия, о которой Данте писал в «Пире» и в письме к Кан Гранде, можно понять, что пантера — это ложь, предательство и сладострастие, лев — гордость и насилие, волчица — алчность и себялюбие. Лев может означать также правителей-тиранов, как, например, Филипп Красивый. В высшем символическом смысле эти звери представляют злые силы, препятствующие совершенствованию человечества. Больше всего Данте испугался волчицы, в образе которой олицетворена погрязшая в стяжательстве, алчная и корыстолюбивая римская церковь — главная виновница всех бед и беспорядка в мире. Она главная помеха на пути к вершине холма — всемирному государству, благоустроенному для мирной жизни людей.

Когда Данте теряет всякую надежду выбраться из мрачного леса, найти верный путь, перед ним появляется Вергилий. С юных лет Вергилий был любимым поэтом Данте, у него он выучился почитать древний Рим и гордиться его славой. Вергилий представлялся Данте символом могучей древней империи, воплощением античной мудрости и разума, ведущего человека к свету. Данте видел в Вергилии учителя, наставника, отца:

«Ты мой учитель, мой пример любимый;
Лишь ты один в наследье мне вручил
Прекрасный слог, везде перевозносимый.
Смотри, как этот зверь меня стеснил!
О вещей муж, приди мне на подмогу,
Я трепещу до сокровенных жил!»

Вергилий говорит Данте, что есть лишь один выход — выбрать новую дорогу, пока не придет Пес, который заточит в Аду волчицу, то есть обуздает ненасытные притязания папского престола. Современники автора «Комедии» видели в Псе аллегорию Генриха VII, которого Данте прочил в правители всемирного государства, или после смерти императора — его преемников. Затем римский поэт открывает Данте, что на небесах его ожидает Беатриче, но, чтобы вновь увидеть ее, Данте предстоит долгий и трудный путь. И Данте доверчиво пошел вслед за язычником Вергилием, обладающим высшим знанием, как ученик за учителем. В конце глухой тропы, под навесом скал, на священной земле Италии, родившей их, они нашли ворота в подземное царство. Данте прочел:

Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколениям.
Был Правдою мой зодчий вдохновлен:
Я высшей силой, полнотой всезнания
И первою любовью сотворен.
Древней меня лишь вечные создания,
Я с вечностью пребуду наравне.
Входящие, оставьте упования.

Три стиха первой терцины начинаются одинаково: «Я увожу ...» Создается впечатление, что говорит сама дверь, предрекая на веки обреченность грешников. Эта надпись выражает одну из самых сокровенных мыслей Данте: в мире нарушена законность и справедливость. Чтобы восстановить нарушенную правду, чтобы ни одно правонарушение не ушло от всевидящего ока закона, нужна карающая десница немилосердной справедливости. В Данте говорит юрист, воспитанный на римском праве, и вместе с тем человек, которого больно ранят неправда и зло, причиненные ему его близкими и которые он непрестанно видит вокруг себя, о которых слышит ежедневно. В дантовской системе мироздания, в его космосе существовал элемент, отсутствующий в картине мира, представляемой современными нам естественными науками, а именно мораль и справедливость. Даже девятое кристальное небо, или Перводвигатель, проникнуто этическим началом.

Когда Вергилий ввел Данте в таинственные сени, до их слуха донеслись обрывки разных наречий, дикий ропот, слова, исполненные гневом, крики и жалобы. Все это сливалось в полутьме в гул и расплывалось в пространстве, как бы не зная времени. Вергилий поведал Данте о том, что в преддверии Ада находятся души, не стяжавшие в жизни ни славы, ни позора, а также нейтральные ангелы, оставшиеся в стороне при схватке архангела Михаила с восставшим против творца вселенной Люцифером. Нейтральных не принимает ни Ад, ни Чистилище, ни Рай. И суровый Данте клеймит их тяжким стихом:

Они не стоят слов: взгляни и мимо.

Сюда же Данте поместил папу Целестина V, человека смиреннейшей жизни, пустынника и бессребреника, которого выгнали из его отшельнического уединения конклав кардиналов, выбравший его папой. В 1294 году Целестин въехал в Рим на осле, за ним бежали босые францисканцы, дети и нищие. Его любили в народе, но он был человек слабый и безвольный. Будущий папа Бонифаций VIII, а тогда кардинал, уговорил Целестина отказаться от папского престола и снова удалиться в уединение, где его вскоре отравили, вероятно, люди Бонифация. Так Бонифаций пробил себе дорогу к высшей церковной власти. Целестин мог сделать много добра, но не сделал. Его наследник Бонифаций сделал очень много зла: он был виновником всех несчастий Данте, поддержав флорентийских черных гвельфов. Церковь канонизировала Целестина V, Данте не пожелал его поместить даже в ад — за то, что он оставил свой пост, за то, что дезертировал и уклонился от борьбы. Таких вещей Данте не прощал.

Данте и его водитель приближаются к Ахеронту. Еще Вергилий в своей поэме «Энеида» создал образ Харона, перевозчика через первую адскую реку. Старик, поросший древней сединою, загоняет грешные души в ладью и не хочет принять Данте, живого среди мертвых. Вокруг очей страшного лодочника змеится пламень. Видя Харона и спешащие в преисподнюю души, Данте упал, как бы схваченный сном. В нескольких местах «Божественной Комедии» повторяется этот сон во сне, когда Данте не в силах выдержать явления, предстающего глазам. Заключительным аккордом сцены переправы является гроза на берегу Ахеронта; подземное небо бороздят молнии, ослепляя багровым блеском. Данте пробуждается при звуке грома уже на другой стороне реки, в пределах античных праведников — Лимбе. В нем Данте поместил также мусульманских мудрецов и ученых, особенно им почитаемых. Данте ценит прежде всего высокие качества ума и души, подвиги, смелость и благородство духа. В Лимбе нет мук, но находящиеся там вечно скорбят о недоступном им райском блаженстве. Поэтому возвышенная грусть царит в этих пределах. От некоторых мужей древности исходит свет. Это поэты и ученые Греции и Рима, и среди них высочайший поэт Гомер, который был известен Данте только понаслышке или, может быть, через сокращенную латинскую версию его поэм. Сведения о великом певце Греции он имел также из произведений Аристотеля.

Знание поэтов античности еще носит у Данте средневековый отпечаток. Гораций для него поэт сатирический: Овидий — автор энциклопедии неоплатонической космогонии и мифологии — «Метаморфоз». Данте чрезвычайно высоко ставил Лу-кана, почитая его великим наследником автора «Энеиды». В «Чистилище» к числу избранных причислен еще эпический поэт позднего периода латинской литературы Стаций. Данте был «принят в их круг», став шестым в высоком собрании и как бы переступив через все средневековье. Это стремление сравняться с поэтами античности и даже превзойти их — знамение новой наступающей эпохи — Возрождения. Когда Данте приближался к великим поэтам, раздался зов: «Почтите высочайшего поэта!» Эти слова относились к Гомеру, но в наши дни их применяют к самому Данте.

Душам Лимба предоставлен высокий замок; пройдя, как посуху, по волнам родника, его окружающего, и миновав семь стен, Данте увидел зеленый луг. «Там были люди с важностью чела, с неторопливым и спокойным взглядом; их речь звучна и медленна была». Там были все, кто прославил в древние времена человечество: Аристотель, Платон, Сократ, Демокрит, Цицерон, Птолемей и знаменитые арабские ученые — таджик Авиценна и испанский мавр Аверроэс. Но Данте и Вергилий покинули благородный замок и пошли иным путем «во тьме, ничем не озаренной».

В пределах второго круга, предназначенного для сладострастников, «для тех, кого земная плоть звала, кто предал разум власти вожделений», царствует Минос, из царя и полубожества Крита превращенный в ужасного демона. В греческой мифологии он был одним из трех судей подземного мира. У Данте Минос наделен страшным оскаленным ртом. Он обвивает хвост, который приличествует существу демоническому, столько раз вокруг тела, на сколько ступеней должна спуститься осужденная душа. Миносу не удастся отвратить Данте от его путешествия. Души осужденных несутся в нестихающем вихре. Данте сравнивает их с птицами, попавшими в осеннюю бурю, а их стоны — с унылой песней журавлей, летящих на юг. Образ этот навеян Вергилием. Стих Данте становится необычайно звучен и богат повторами гласных и согласных. Чтобы дать понятие о поэтической фонетике Данте, приведем одну терцину, особенно удавшуюся русскому переводчику Лозинскому:

Как журавлиный клин летит на юг
С унылой песнью в высоте надгорной,
Так предо мной стеная несся круг
Теней...

В этом круговом вихре Данте увидел героев древности и героев старофранцузских романов,

столь распространенных во Флоренции. Заметим, что многие имена имеют французские ударения на конце: Семирамис, Клеопатрас, Парис, что ясно указывает на источник, откуда Данте почерпнул о них сведения. В этом круге Семирамида, царица Вавилона, героиня «Энеиды» Дидона, царица Карфагена, прекрасная Елена и куртуазный Тристан. Этим перечислением героев и героинь древности, сраженных богом Любви и предавшихся безумной страсти, Данте подготавливает встречу с Паоло и Франческой. Как всюду в поэме, герои разных времен предстают как бы одновременно, смещая исторический план.

Франческа да Римини была дочерью Гвидо да Полента Старшего, сеньора Равенны. Около 1275 года ее выдали замуж по политическим расчетам за Джанчотто Малатеста, сеньора Римини, хромого и уродливого. Она влюбилась в красивого брата мужа Паоло. Правитель Римини убил обоих влюбленных около 1286 года. Слухи об этом ужасном убийстве дошли до Данте, когда он покидал Болонью. Франческа — первая душа, заговорившая с Данте в Аду. Данте воззвал к пролетающим в бешеном вихре Паоло и Франческе. Ему отвечает Франческа:

Я родилась над теми берегами,
Где волны, как усталого гонца,
Встречают По с попутными реками.
Любовь сжигает нежные сердца,
И он пленился телом несравнимым,
Погубленным так страшно в час конца.
Любовь, любить велящая любимым,
Меня к нему так властно привлекла,
Что этот плен ты видишь нерушимым.
Любовь вдвоем на гибель нас вела.

«Со слезами, сострадаю», внемлет Данте этому рассказу. Он преисполнен тоски и сожаления, но поэт-сердцевед должен проникнуть в тайну зарождения такой безмерной страсти, и он допытывается у несчастной тени, как начался их любовный союз. И снова слышится грустный нежный голос Франчески:

Тот страждет высшей мукой,
Кто радостные помнит времена
В несчастье...

Поэт вводит реалистическую деталь: молодые люди увлечены французскими рыцарскими романами — излюбленным чтением в Италии XIII века, и повесть о Ланчелоте и его любви к прекрасной королеве Джиневре явилась той искрой, от которой вспыхнуло пламя их страсти:

В досужий час читали мы однажды
О Ланчелоте сладостный рассказ;
Одни мы были, был беспечен каждый. —
Над книгой взоры встретились не раз,
И мы бледнели с тайным содроганьем;
Но дальше повесть победила нас.
Чуть мы прочли о том, как он лобзаньем
Прильнул к улыбке дорогого рта,
Тот, с кем навек я скована терзаньем,
Поцеловал, дрожа, мои уста,
И книга стала нашим Галеотом!
Никто из нас не дочитал листа.

Паоло рыдал, слушая исповедь своей подруги, «и мука их сердец», говорит Данте,

Мое чело покрыла смертным потом.
И я упал, как падает мертвец.

Данте лишился чувств от сострадания к прекрасной Франческе, от сознания собственной греховности и устрешенный силою адского вихря, крушащего души осужденных.

Когда к Данте вернулось сознание, он очутился в третьем круге Ада, где с черного неба «дождь струится, проклятый, вечный, грузный, ледяной». Земля под ногами смердит от жидкой грязи. На грешников лает Цербер, которого Данте представляет иначе, чем греческая мифология. Как и Минос, он превращен в беса со вздутым животом, багровыми глазами, с жиром в грязной бороде и когтистыми руками. Вергилий умиротворяет Цербера, бросая в его пасть ком земли. Это был древний способ умиротворения чудищ, к которому в оно время прибегал в Вавилоне и хитроумный пророк Даниил.

В долине чревоугодников Данте встречает первого флорентийца — Чакко (Джакомо), известного обжору. Чакко являлся без приглашения на чужие пиры, однако его любили, так как он отличался приятным нравом, остроумием и находчивостью.

Известный историк Флоренции Роберт Давидзон подсчитал, что из 79 упоминаемых в «Аде» лиц 32 флорентийца, да еще 11 из Тосканы, то есть более половины. В Чистилище Данте поместил лишь четырех своих сограждан и 11 тосканцев, а в Раю обретаются всего две флорентийские праведные души. Чакко, с которым Данте, по-видимому, был в хороших отношениях, «пророчесствует» о судьбах Флоренции в первые годы XIV века и о гражданской войне между черными и белыми гвельфами, предрекая поэту изгнание из родного города. Данте спрашивает у Чакко, не слышал ли он об участии пяти их известных соотечественников, и узнает, что они томятся в нижних кругах за более тяжкие преступления.

Данте спускается вниз, в четвертый круг, и пред ним подымается Плутос, «великий враг». Бывший царь подземного царства греческой мифологии также разжалован и получил место хранителя душ скупцов и расточителей. За пределами его владений простираются Стигийские болота. Плутос напрасно стремится, так же как Харон и Минос, не пустить Данте в подвластную ему адскую область.

Там шагают грудь грудью друг на друга бесконечные шеренги людей, сшибаются и расходятся, и одни кричат «Чего копить?», другие «Чего швырять?». И те и другие одинаково казнятся высшей справедливостью, ибо они нарушили меру человеческую, которая заключается в том, чтобы праведно распределять богатства, а не копить их, как скупцы, и не швырять деньги, подобно расточителям. Данте заметил, что среди стяжателей много людей с тонзурами, то есть священников и монахов. Вергилий поясняет: «Здесь встретишь папу, встретишь кардинала, не превзойденных ни одним скупцом».

Схватки тех, кто недостойно владел на земле богатствами, наводят Данте на раздумья о тщетности даров Фортуны, ибо только жгучую ненависть порождают они на земле. «Что есть Фортуна, держащая в своих когтях победных счастье всех племен?» — вопрошает Данте. И Вергилий объясняет:

Все силы в мире распределены так, что каждой отведена для проявления ее мощи своя сфера. Фортуна отбирает власть и счастье, с ней нельзя спорить,

Она провидит, судит и царит,
Как в прочих царствах остальные боги.

Напрасно сваливать на Фортуну вину за свои неудачи и благодарить за благосклонность. Незримо, «как в траве змея, вершит она свой промысел». Ее поступки кажутся нам неожиданными, в смысл их мы не проникаем.

Ее-то и поносят громогласно,
Хотя бы подобала ей хвала,
И распинают, и клянут напрасно.
Но ей, блаженной, не слышна хула:
Она, смеясь меж первенцев творенья,
Крутит свой шар, блаженна и светла.

В эпоху Возрождения своенравной богине Счастья и Удачи, «правительнице судеб», ставили статуэтки на фонтанах площадей. Образ ее долго не сходил с полотен художников и со страниц поэтических сборников.

Данте и его водитель, идя «гранью топи и сухой земли», обходят Стигийское болото пятого круга. В грязных его водах барахтаются гневные, «чьи глотки тиною сперло». Поэты видят огни града Дита (железный и огненный Дит появляется впервые в поэме Вергилия), за стенами которого расположены круги нижнего Ада.

Перевозчиком через Стигийские болота Данте выбрал одного из героев греческой мифологии Флегия, царя лапифов, сына бога войны Арея и смертной женщины. Разгневанный, что его дочь Кронида родила от Аполлона сына Асклепия, Флегий сжег в Дельфах храм, посвященный Аполлону. Этот враг бога поэзии превращен в демоническое существо. Образ Флегия в «Божественной Комедии» является плодом гениальной фантазии итальянского поэта. Челн Флегия мчится по стигийским водам с быстротой, технике XIV века не известной.

Некто «гносно безобразный» злобно вцепился в их лодку. Вергилий отталкивает его, сказав: «Иди к таким же псам, ко дну!» Данте, узнавший грешника, обращается к нему с гневными словами. Непримиримость Данте вызывает похвалу Вергилия: «Суровый дух, блаженна несшая тебя в утробе!» (Это место — единственное в произведениях Данте, где упомяната мать поэта, об отце он не

упоминает никогда!) Вызвавший такую неистовую ярость Данте флорентиец Филиппо происходил из семьи черных гвельфов Адимари. У нас нет оснований не доверять комментатору «Божественной Комедии» Ландино, сообщавшему, что один из Адимари после изгнания Данте завладел его конфискованным имуществом. Род Адимари Данте называет «нахальным» в шестнадцатой песне «Рая»; представители этой семьи изображены там, как шайка хундордных насильников, трусливых и подлых. В комментарии XIV века, называемом Оттимо (автор не известен), так описан Филиппо Адимари: «Кавалер, любивший роскошную жизнь, чрезвычайно спесивый и расточительный, не отличавшийся ни добродетелью, ни храбростью». Боккаччо говорит, что Филиппо был очень богат и подковывал своих лошадей серебряными подковами, за что и получил прозвище Ардженти (серебряный). Браг Данте попал в новеллистику XIV века: в «Декамерон» и в сборник Саккетти.

Адский город Дит пылал. Когда челнок пристал к его стенам, Данте увидел стражу, которая снова преграждала живому доступ в царство мертвых. Бесы заманивают Данте, стремясь отделить его от Вергилия, и Вергилий вынужден вступить в переговоры с дьявольскими сторожами. Он в смятении, голос его становится неуверен, в первый раз Вергилий испуган — это испытание сверх сил. На стенах и башнях Дита появляются новые ужасные видения: Эрхто, фессалийская волшебница, вызывавшая мертвецов из подземного царства, — древние поэты неизменно сопровождали ее имя эпитетом «злая, свирепая, жестокая»; затем три фурии, богини мщения древних, Тисифона, Мегера и Алекто «взвиваются для бешеной защиты», обвитые гидрами; косы их — змеи. Фурии призывают Медузу Горгону, обращающую всякого, кто взглянет на нее, в камень. «Закрой глаза и отвернись», — говорит Вергилий, сам поворачивает Данте и заслоняет его глаза руками. Эта трогательная забота учителя об ученике в переносном смысле означает защиту силою разума от ужаса, безобразия, насилия и лжи. Аллегорически фурии и Медуза изображают состояние Флоренции и Италии во времена Данте. От них Вергилий ограждает своего ученика как представитель римского правопорядка и поэт мирового государства. Страшные видения в стенах адского города символизируют также преграды, которые следует преодолеть человеку для того, чтобы побороть самые тяжкие грехи и освободиться от них. В Эриниях сосредоточены угрызения совести поэта, в Медузе — его колебания, сомнения и отчаяние. Таким образом, эти поэтические видения олицетворяют реальные психологические состояния самого Данте.

Вергилий, символизирующий просвещенный разум, может лишь защитить от неожиданного нападения Эриний и Медузы, но не одолеть их. Вергилий отступает от ворот Дита, побледнев, и ждет помощи. Она появляется в образе Небесного Вестника. Вестник движется как вихрь, не знающий преград, все сокрушая на своем пути. Он идет, как посуху, по стигийским водам; стаи испуганных душ и смущенных демонов бегут перед ним. Он отстраняет от своих глаз липкий и смрадный дым шестого круга и останавливается, пылая небесным гневом, с поднятой тростью перед воротами Дита, так как для усмирения нечистых духов уже не нужен пылающий меч. В Вестнике нет колебания, он уверен в том, что его приказ будет исполнен. Дантовский Небесный Вестник напоминает ангелов с картин мастеров раннего Возрождения, особенно Симона Мартини и Фра Беато Анжелико. Посланец небес — прежде всего поэтический образ. В морально-политическом значении он олицетворяет мощь империи, разрушающей феодальный хаос, сокрушающей тиранов и олигархов.

Врата открыты. Поэты входят в город Дит, и взорам их предстает бесплодный дол, «исхолмленный гробницами». За ними пылают огни, раскаляющие каменные гробы. Поэты идут «меж полем мук и выступами башен», и Данте узнает от своего вожатого, что здесь погребены последователи Эпикура, не верившие в будущую жизнь. Нежданно из одного гроба встает огромная фигура Фаринаты дельи Уберти, умершего за год до рождения Данте. Вождь гибеллинов Фарината изгнал гвельфов из Флоренции, а затем сам подвергся изгнанию. После победы короля Манфреда при Монтаперти в 1260 году он не дал своим союзникам разрушить Флоренцию. Посмертно был осужден инквизицией вместе со своей женой как еретики.

Фарината горделив, надменен и презрителен, как при жизни. Данте препирается с Фаринатой не о вере и о спасении души, а о судьбе их семей, принадлежащих к враждующим группам. Политические страсти вспыхивают в аду сильнее адского пламени. Фарината менее всего обеспокоен собственной участью, он тревожим земными делами, тем, что его родственники и сторонники не могут вернуться во Флоренцию. В огненном пламени адской гробницы он видит только родную Тоскану. Фарината напоминает, что он спас родной город Флоренцию и не дал ее, стереть с лица земли. Данте, гвельф по родовым традициям, как бы сохраняет из семейной гордости старые гвельфские позиции по отношению к гибеллину Фаринате. Однако, преодолев предрассудки и вражду обеих партий, он восхищается стоическим мужеством гибеллинского вождя, которого не в силах сломить даже адские пытки. И восклицание поэта: «О, если б ваши внуки мир нашли!» — исполнено благожелательства. Великолепный флорентийский эпикуреец стал прообразом романтических героев, которые, подняв бунт против бога, не смирились и в аду, как герои Байрона и Бодлера.

Из соседнего гроба подымается тщедушная по сравнению с Фаринатой тень Кавальканте деи Кавальканти, отца поэта Гвидо, «первого друга Данте». Старик в волнении, где его сын, почему он не с Данте. Данте отвечает двусмысленно. Можно понять, что Гвидо, будучи атеистом, как и его отец, презирал Беатриче, символ небесной мудрости. Поняв неверно из слов Данте, что Гвидо умер, Кавальканте с горестным воплем исчезает, рухнув навзничь в огненную гробницу. Эта сцена не производит никакого впечатления на Фаринату, несмотря на то, что Гвидо был женат на его дочери. Он предсказывает Данте изгнание.

В пылающих гробах эпикурейцев поэты видят кардинала Октавиана дельи Убальдини, которому приписывались при жизни слова: «Если душа действительно существует, то я ее потерял ради партии гибеллинов». Здесь же император Фридрих II и еще много «еретиков», большинство из них — гибеллины.

На окраине седьмого круга — обвал. Скат, засыпанный обломками скал между шестым и седьмым кругами ада, Данте сравнивает с обвалом в горах на пути от Вероны в Тренто, который он, несомненно, видел. Хранитель седьмого круга, где казнятся убийцы и насильники, — Минотавр, чудовище с бычьей головой и торсом человека, представляющее животную бессмысленную силу. В кровавые воды реки Флегетона, образующей первый пояс седьмого круга, погружены тираны и грабители. Если грешник высовывается из кипящей волны, его поражает стрелой кентавр. И снова рядом варятся живьем в кровавой реке тираны античности и современники Данте, разбойники и феодальные грабители, которые не давали проезда на дорогах Тосканы и Романьи, — все те, кто «жаждал золота и крови», «все, кто насильем осквернил свой сан». Здесь получает воздаяние за нестерпимые муки, которым он предавал находившихся под его властью граждан, печально знаменитый на всю страну своими злодеяниями Эццелино да Романо, наместник Фридриха II в Вероне и Падуе. По словам Джованни Виллани, Эццелино уничтожил значительную часть населения Падуи; чтоб умножить свои богатства, тиран изгонял из города жителей, преимущественно нобилей, и отбирал их имущество, обрекая целые семьи на нищету.

С помощью кентавра Несса Данте и Вергилий переходят во второй пояс седьмого круга. Здесь простирается дикий лес, бесплодный и ядовитый. Это лес самоубийц, души которых превращены в деревья. Ужасные птицы гарпии с лицами, как у дев, со страшными когтями на руках, некогда нападавшие на спутников Энея, оказались здесь, в Аду. Данте случайно отломил сучок; из него потекла кровь и раздалось восклицание: «О, не ломай, мне больно!» Уже не раз было замечено, что самые невероятные фантастические вещи Данте представляет с крайним реализмом, как бы заставляя нас поверить в реальное существование человека-растения. Кажется, что великий поэт возвращается к древнему мифологическому сознанию, для которого не было ничего более естественного, чем переход от растения к животному и от животного к человеку, и весь мир был исполнен метаморфоз. Но у Данте появляется то, чего не было у древних греков, — психологическое обоснование метаморфоз, которые вызваны карой за нарушение моральных законов. Самоубийца насильно разделит тело и душу и в наказание за это получил плоть растения, с которой он сжился, и клянется, как канцлер делле Винье не головой, а своими девятью корнями. Некогда бедный юрист, Пьер делле Винье стал протонотарием и логофетом императора Фридриха II. Как и его государь, делле Винье писал итальянские стихи. Власть его и влияние были безграничны. Он держал «оба ключа» от сердца владыки, мог склонить императора на милость и немилость. Потеряв доверие Фридриха и брошенный им в тюрьму, некогда могущественный канцлер был ослеплен и в отчаянии покончил с собой.

Пройдя сквозь лес самоубийц, Вергилий и Данте вошли в третий пояс Ада, который начинался пустыней, также в изобилии населенной грешниками. Одни повержены навзничь, другие съездившись сидят на пыльной почве, третьи без усталости снуют вокруг. На них падает большими хлопьями огненный дождь. На земле лежит, не желая ничего замечать, как бы не чувствуя огонь, отовсюду его палящий, огромный человек. Это Капаней, гордый муж античности, презревший богов, не уступающий в своем высокомерии Фаринате. Взойдя на стены Фив, Капаней насмеялся над Вакхом и Зевсом, за что был поражен молнией разъяренным олимпийцем. Неугомонившийся ругатель продолжает «богохульствовать» и в Аду. Любопытно, что Данте, как многие гуманисты, идентифицировал главного бога языческого Олимпа с богом-отцом христианской троицы.

Внимание Данте привлекает речка, текущая между песков пустыни. Вергилий говорит, что нет ничего чудеснее этой речки, из нее берет начало кровавый поток Флегетон. Данте заинтересован, он просит Вергилия объяснить, как рождаются адские реки. И узнает, что они образуются из слез и крови, которые сочатся из глаз и ран Критского старца. Легенда о Критском старце — одно из самых сложных мест в поэме. Как всегда, Данте соединяет новое, свое, и старое, вернее, античное. Устами Вергилия Данте рассказывает: посреди моря находится остров Крит, где в незапамятные времена царствовал Сатурн. На горе Иде спиной к Дамьяте — дельте Нила в Египте и лицом к Риму стоит «великий старец некий». Образ старца восходит к сновидению царя Навуходоносора, истолкованному

пророком Даниилом: «У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его — медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные». Даниил предсказывает вавилонскому владыке гибель его царства. Данте соединяет это библейское пророчество с античным преданием о золотом веке. На основании древних легенд Данте создает новый миф. Критский старец рассечен от шеи вниз. Сквозь трещину струятся слезы; стекая вниз, они образуют подземные реки Ада Ахерон, Стикс и Флегетон и на дне Ада — ледяное озеро Коцит. Критский старец опирается на правую ступню из глины.

Этот образ не имеет «исторического» смысла; он олицетворяет смену земных царств или эпох в истории человечества. В моральном смысле он означает падение человечества, рассеченного надвое, за исключением головы (начало разума). Критский старец, в согласии с античной традицией, символизирует также возрасты человечества. При апагогическом толковании он указывает на прямую связь падшего человечества с Люцифером. Огненные слезы человечества превращаются в Флегетон и другие адские реки. Застывая в Коците, они держат в ледяном плену самого владыку Ада. Почему Данте поместил на Крит старца, олицетворяющего человечество, пораженное страшной раной, откуда течет кровь и вода в адские бездны? Эней считал Крит прародиной троянцев. Как повествуется в поэме Вергилия, Эней приплыл на Крит со своими путниками из разрушенной Трои и там обосновался, но голос богов направил его в Италию, чтобы там он стал основателем всемирной империи. На Крите, колыбели человечества, некогда был золотой век, сменившийся веком железным. Чтобы излечилась рана старца и иссякли его слезы, необходима новая эпоха римской всемирной империи, новый золотой век. Поэтому взор Критского старца и устремлен к руинам Рима — он ждет его обновления.

Поэты идут дальше по тропе у ручья и выходят к плотине, которая защищает их от падающих сверху огненных хлопьев. Данте сравнивает адскую плотину с сооружениями против наводнения, возведенными фламандцами в Брюгге. Навстречу им идут тени. Эти тени представлены с реальными подробностями, свойственными художественной манере Данте. Они щурят глаза, как люди в полнолуние, поводят бровями, «как старый швец, вдвывая нить в иглу». Одна из теней, опознав Данте, хватает его за полу. Всматриваясь в опаленный лик, Данте изумленно восклицает: «Это вы, вы, сэр Брунетто?» Данте узнает своего флорентийского наставника Брунетто Латини.

Эпическое описание превращается в драматическую встречу. Обращаясь к Данте, сэр Брунетто спрашивает:

«Мой сын, тебе не неприятно,
Чтобы, покинув остгльных, с тобой
Латини чуточку прошел обратно?»

Брунетто Латини, известный писатель и городской нотариус (отсюда его титул «сэр»), сохраняет и в аду отличавшие его при жизни обходительность и куртуазность. Латини был учителем, вернее руководителем Данте и многих других молодых флорентийцев; от него Данте в юные годы воспринял интерес к науке о государстве и к писателям античности.

Данте сохранил глубокое уважение к своему учителю. Он идет по плотине, поникнув головой, и почтительно слушает его речи. Старый Брунетто, наделенный даром предвидения, как многие души ада, предсказывает своему ученику беды, ожидающие его на жизненном пути. Обе раздражающие Флоренцию партии, гвельфы белые и черные, возненавидят Данте и будут стремиться его уничтожить. Эти партии подобны диким хищным птицам, но «клювы их травы не зацепят» — ни одной из них не удастся расправиться с Данте. Сэр Брунетто пересыпает свою речь народными поговорками. Он идет на некотором расстоянии, чтобы на Данте не попали огненные хлопья. Они возвращаются назад, продолжая беседу, словно прогуливаются вдоль берега Арно. Данте уверяет своего старого наставника, что он сохранит в памяти его пророчество, как он хранил его учение при жизни маэстро.

За что же так страшно наказан известный флорентийский юрист и учитель молодого поколения, всеми любимый и уважаемый? Только его, да еще болонского поэта Гвидо Гвиницелли, основателя сладостного нового стиля, Данте почтительно именуется в первой части своей поэмы «мой отец». Отношение его к Брунетто сложное: Данте — моралист и богослов осудил своего любимого учителя на вечные муки, но Данте-поэт не может скрыть своего сочувствия к нему. Дело в том, что во Флоренции этого времени слишком часто встречались случаи половых извращений, которое во всех его видах именовалось содомией. Флоренция столь прославилась этим пороком, что в Германии и во Франции содомитов называли «флорентийцами».

На вопрос Данте, кто из его собратьев по несчастью, содомитов, особенно высок и знаменит, сэр Брунетто называет латинского грамматика Присциана из Кесарии, Франческо д'Аккорсо, одного из самых почитаемых профессоров права в Болонье, преподававшего также в Оксфорде, и епископа Флоренции в конце XIII века Андреа де Модзи. Пора расставаться — Данте должен продолжить свой

путь по адским безднам. Брунетто Латини просит своего бывшего воспитанника позаботиться о судьбе главного его сочинения «Сокровища», написанного по-французски. Едва успев договорить, подгоняемый все чаще падающим огненным дождем, Брунетто помчался вскачь. Бег сэра Брунетто, бросившегося догонять своих сотоварищей, чтобы избежать наказания, Данте сравнивает (холодно и беспощадно) с состязанием бегунов, которое он видел со стен Вероны.

Слышится тяжелый гул. Это вода спадает с кручи вниз в следующий круг. Увы! и здесь Данте встречает флорентийцев. Появляются три тени. Уже издали они кричат: «Постой, мы по одежде признаем, что ты пришел из города порока!» — в это время жители итальянских городов, даже соседних, одевались по-разному. Данте стремится подчеркнуть, что казнимые в этом круге содомиты пользуются большой известностью на земле, как военачальники и политические деятели. «И я любил и почитал измлада ваш громкий труд и ваши имена», — заявляет Данте грешникам. Но при этом ироническая улыбка не оставляет его, меж тем как в эпизодах с Франческой или Фаринатой иронии нет и следа. По-видимому, Данте чувствовал особое отвращение ко всем видам половых извращений, поэтому вывел столько знаменитых мужей, пораженных этим пороком.

Три флорентийца под ударами огненного дождя бегают по кольцу, и Данте их сравнивает с голыми атлетами, кружащимися по арене. Один из них звался на земле Гвидо Гверра и происходил из мощной феодальной семьи графов Гвиди. Второй, Теггьяйо Альдобранди дельи Адимари, известный градоправитель, принадлежавший к партии гвельфов, пользовался большим авторитетом в Тоскане. Третий, обратившийся к Данте, был Якопо Рустикуччи — богатый и важный гражданин, родич Кавальканти. Его жена столь ему досадила, рассказывает один из ранних комментаторов поэмы Флорентийский Аноним, что Рустикуччи отослал ее обратно к родителям, а сам из ненависти к женщинам предался содомии. Тень его вопрошает, действительно ли куртуазия и Еысокие качества удалились из Флоренции. Недавно прибывший в это адское общество за те же грехи кавалер Гильельмо Борсиери, которого Боккаччо выведет затем в «Декамероне» и похвалит за любезность и придворную ловкость, жалуется на печальное состояние нравов в родном городе. И Данте раздражается филиппикой:

Ты предалась беспутству и гордыне,
Пришельцев и наживу обласкав,
Флоренция, тоскующая ныне!

Земляки просят Данте поведать о том, что он их видел, когда поэт выберется из царства мертвых, и не без зависти добавляют: «Счастливец, ты, дарящий правду свету!» Попрошавшись весьма любезно, тени трех флорентийских содомитов помчались дальше под огненными хлопьями. «И ноги их мне крыльями казались», — замечает поэт.

Путники слышат нарастающий грохот вод, который заглушает разговоры, вызывая в памяти шум горных рек Италии:

Так рушась вглубь с обрывистого края,
Мы слышали, багровый вал гремит,
Мгновенной болью ухо поражая.

Когда они подходят к горной круче, Данте снимает веревку, которой был опоясан, и вручает ее своему водителю. Вергилий швыряет веревку в зияющую тьму, и они напряженно вглядываются, не появится ли кто из мрака. Вергилий обещает: «Сейчас всплывет то, что и сам ты ждешь». И наконец:

Я видел — к нам из бездны, как пловец,
Взмывал какой-то образ возраставший,
Чудесный и для дерзостных сердец;
Так снизу возвращается нырявший,
Который якорь выпростать помог,
В камнях иль в чем-нибудь другом застрявший,
И правит станом и толчками ног.

Данте клянется стихами своей «Комедии», уверяя, что действительно видел Гериона — так зовут чудовище, олицетворяющее обман и ложь. Он хочет сказать, что поэтический образ, созданный его фантазией, содержит несомненную моральную истину, в которую читатель должен проникнуть. Данте дает веревку, которой он подпоясан, Вергилию для того, чтобы приманить чудовище и заставить Гериона перенести поэтов в восьмой круг, куда нет пути. Подробность эта не случайна; как множество других деталей, она продумана и входит в общий замысел поэмы. Итак, Данте отправился в

потустороннее путешествие в одежде горожанина-флорентийца (вспомним предыдущую сцену), но подвязанный простой веревкой, как нищенствующий монах-францисканец.

Герион ужасен и отвратителен. Лицо его величественно и приветливо, а тело его — тело дракона со смертным жалом скорпиона на хвосте — скрывается в бездне: такова природа обмана. Пока Вергилий убеждал Гериона перевезти их на своей спине, Данте увидел направо от того места, где была кинута веревка, группу людей, обороняющихся от огня и раскаленного песка, с кошельками и книгами, в которые заносились имена должников. Это знаменитые ростовщики Италии, на их кисетах Данте распознал гербы многих известных фамилий, флорентийских и падуанских. Следуя снова своей неизменной манере — передаче фантастического через реальное, — Данте сравнивает подплывающего к обрыву Гериона с водолазом, который освободил застрявший на дне якорь корабля, а ростовщиков — с собаками, которые летом отгоняют навязчивых насекомых. Заметим, что Герион подымается к краю пропасти не в том месте, где его манит Вергилий при помощи веревки Данте, а правее, около того рубежа, где сидят наиболее тяжкие нарушители законов бога и природы — ростовщики. По-видимому, магическая операция Вергилия и Данте заключалась в том, чтобы заманить, обмануть и подчинить своим высшим целям самый Обман — Гериона.

Данте садится на спину Гериона впереди Вергилия, защищающего его от острого хвоста чудовища. С предельной смелостью воображения Данте описывает полет над адской бездной, сравнивая летящего Гериона то с ладьей, то с угрем, то с соколом. Поэт вспоминает также полет Фазтона, сына Аполлона, который не смог удержать коней небесной колесницы своего отца и пал на землю, пораженный молнией Зевса, а также Икара, чьи скрепленные воском крылья при полете с острова Крита растопило солнце. Быстрота полета становится ясна только при посадке, когда Данте видит дно восьмого круга. Во время же самого полета из-за отсутствия ориентиров ему казалось, что зверь «неспешно реет», так как кругом простиралась одна черная бездна воздуха и видна была лишь спина чудовища. Нельзя не поразиться, с какой удивительной точностью Данте — задолго до начала эры воздухоплавания — воссоздал ощущения летящего человека. Когда поэты сошли со своего адского воздушного корабля, Герион «взмыл и исчез, как с тетивы стрела».

Поэты очутились в восьмом круге Ада, где находятся глубокие рвы, или Злые Щели. Восьмой круг описывается в двенадцати песнях, то есть занимает больше трети всех песен «Ада». Топография восьмого круга довольно сложна: от первого возвышения, идущего кругом под обрывом, над которым находится скала, отделяющая его от седьмого круга, идут каменные мосты (радиусами к центру) — к глубокому каменному колодезю гигантов, спускающемуся к самой нижней бездне Ада — девятому кругу, где находится Люцифер. 10 рвов и 10 плотин между ними расположены концентрическими кругами. Таким образом, своды мостов пересекают все плотины (в русском переводе: валы, впадины, перекаты) и возвышаются над рвами (щелями) с выгнутыми откосами. Данте сравнивает расположение этой части Ада с виденным им на земле: с замком, укрепленным для осады рядами рвов, с той только разницей, что мосты, соединяющие рвы, в средневековой фортификации были обычно подъемными, деревянными, а над Злыми Щелями идут каменные, горбатые, «древние» мосты, напоминающие римские. Сначала поэты идут, повернув налево, по плотине вдоль первого рва. Встретив мост, они сворачивают направо и следуют по нему, дважды спускаясь в щели: в третью, чтобы посмотреть на папу Николая III, и в шестую, над которой мост сломан, чтобы продолжить свой путь по соседнему мосту слева, пока не приходят к возвышению над десятым рвом у самого обрыва в центральный колодец.

В первом рве, о котором мы уже говорили в главе о Болонье, находятся преимущественно сводники. Второй занимают льстецы, погруженные в зловонные нечистоты. Третий ров предназначен для тех, кто торговал церковными должностями и превратил церковь в место торговых сделок. В сером камне торчат лишь ноги грешников, туловища их уходят в землю; огонь змеится над их ступнями. Вергилий предлагает Данте снести его вниз, в ров, и показать ему, кто там мучается. Из первого отверстия скважины, где отчаянно брыкаются чьи-то ноги, на вопрос Данте, кто здесь, раздаётся удивленное восклицание: «Как, Бонифаций, ты здесь уже, ты здесь уже так рано!» Это голос папы Николая III Орсини, который слишком много заботился о благополучии и доходах своих родственников. В этих словах звучит горькая ирония Данте: Николай III думает, что пришел папа Бонифаций за три года до срока, чтобы его сменить. Напомним, что условная дата путешествия — 1300 год, а папа Бонифаций умер в 1303-м. Таким образом, получается, что Бонифацию еще при жизни уготован Ад. Затем папа Николай «пророчествует», что «придет с заката пастырь незаконный», расхититель церковных имуществ и ставленник французского короля — Климент V, Следует инвектива Данте:

Сребро и золото ныне бог для вас:
И даже те, кто молятся кумиру,

Чтят одного. Вы читите сто за раз.

Затем он говорит о несчастном даре Константина, который, обогатив церковь, испортил ее нравы. Поэт снова возвращается к своей излюбленной теме, подробно развитой в «Монархии».

В четвертом рву казнятся прорицатели и волшебники: они поражены немотой, головы их свернуты на спину, грешники пятятся назад и никогда не видят прямо, движения их медленны, как у участников церковных шествий. Данте сначала преисполнился сожаления к этим грешникам, но Вергилий упрекает его. Вергилий особенно строг и безжалостен к магам и прорицателям. По-видимому, Данте стремился оградить автора «Энеиды» от средневековой репутации чародея. Он отрицает древнее предание о том, что Мантуя основала Манто, дочь прорицателя Тирезия, и что город был назван ее именем. Данте не хочет, чтобы род Вергилия возводили к колдунье, проявляя нетерпимость, граничащую с ненавистью ко всем астрологам, чудодеям, предсказателям как древности, так и своего времени. Автор «Божественной Комедии» не замечает или не хочет замечать, что он противоречит самому себе, то есть заставляет Вергилия противоречить самому себе, так как великий поэт древнего мира приписывал волшебнице Манто основание своего родного города Мантуи. Но Данте упорно настаивает — в жилах Вергилия не текло ни капли проклятой крови кудесницы, вздорны рассказы, превратившие Вергилия в мага, все эти побасенки умаляют славу великого поэта. Сам Данте также не избежал обвинений в магии и волшебстве; так его зря припутали к делу о покушении на убийство папы Иоанна XXII при помощи магических действий. Весьма возможно, что эта слава Данте как великого мага Италии и побудила кардинала Поджетто требовать останки поэта для предания их костру.

Данте и Вергилий доходят до рва, страшного своей чернотой. В этом рве казнятся издоимцы, среди которых много граждан города Лукки. Мы уже говорили об адской смоляной купели, которую устроили черти, и об их простонародном говоре. Добавим к этому, что Данте и Вергилий едва спаслись от озлобленных дьяволов. Кроме того, бесы обманули странствующих по Аду поэтов и сказали, что шестой мост обрушен и что дальше нет пути. Однако Вергилию удалось победить все козни нечистых. Он схватил Данте и понес его на руках (как мать спасенного из пожара ребенка) вниз с обрывистого края и скрыл за пределами пятого рва, куда бесы не могли проникнуть. Это бегство, несомненно, имеет также иносказательное значение. Бесы из царства казнокрадов преследуют Данте, как лживое обвинение черных гвельфов после его бегства из Флоренции. Ему нужна помощь просвещенного разума (Вергилия), чтобы от них избавиться навсегда. Заметим, что в восьмом круге Злых Щелей Данте не очищается от грехов, свидетелем которых он стал, а с презрением и негодованием отстраняет их от себя.

Уйдя от преследований крылатых бесов с повадками и кличками бандитов, поэты, почувствовав себя, наконец, в безопасности, идут гуськом, «как братья минориты». Эта фраза вводит читателя в область лицемеров, которых больше всего в монашеских орденах. Данте и Вергилий проникли в шестой ров, где медленно и безнадежно движутся лицемеры, напоминая гробы, изукрашенные снаружи, а внутри полные всякой мерзости. Каменные одежды лицемеров широки, как мантии клюнийских монахов бенедиктинского ордена в Бургундии, которые носили длинные рукава и глубокие капюшоны. Наряд грешников тяжелее свинцовых плащей, которые по преданию (документами эпохи не подтвержденному) император Фридрих II надевал на обвиненных в оскорблении его величества; после чего их будто бы ставили на раскаленные угли, свинец растапливался, и жертвы погибали в страшных мучениях.

Среди лицемеров Данте видит своих знакомых — Лодеринго и Каталано, принадлежавших к полумонашескому ордену гаудентов. Орден гаудентов был основан в 1261 году в Болонье с благословения папы Урбана IV и назывался официально «Кавалеры преславной девы Марии». Название «радующиеся братья» вначале не было насмешкой, но постепенно приобрело в народе ироническое значение. «Под покровом лживого лицемерия они были в большом согласии со своей выгодой, чем с общей пользой», заметил Джованни Виллани в своей «Хронике». Брат Каталано происходил из гвельфской семьи Каталани; он родился в Болонье в 1210 году и вместе с другим болонцем, гаудентом Лодеринго из гибеллинской семьи Андало, своим ровесником, был градоправителем Болоньи, а затем Флоренции, куда оба были призваны для умиротворения гвельфов и гибеллинов после Беневентской битвы. Вместо того чтобы смирять политические страсти, они по указаниям папы Климента IV покровительствовали втайне гвельфам, что привело к новым беспорядкам. Брат Каталано любезно подтверждает, что бесы обманули Вергилия и что все мосты над шестым рвом рухнули. И «покорно сладостные слова» гаудента и обман дьяволов сердят Вергилия. Оба поэта поспешно удаляются от лицемеров и переходят в седьмой ров, где казнятся воры.

В начале двадцать четвертой песни при помощи сложной системы двух сравнений Данте показывает душевное состояние, свое и Вергилия, после того как они покинули шестой ров и

направились к седьмому, где наказываются вору. Эта сложная система сравнений многим критикам казалась слишком изысканной, даже манерной — «александрийской». Вступление к двадцать четвертой песне, нежданно идиллическое, представляет контраст с предшествующими и последующими сценами, но таков один из художественных приемов Данте. Сначала он говорит о рождении нового года под знаком Водолея (то есть от 21 января до 21 февраля), когда приближается равноденствие. На полях лежит иней, «подобье снега», сила которого ослабевает («каждый раз его перо хилей»). Затем следует сценка с крестьянином, которая была бы реалистична, если бы не пасторальная идеализация. И затем все заключает нежданное сравнение с душевным состоянием обоих поэтов.

К сходному стилистическому приему (не двойного, а распространенного сравнения) Данте прибежал и в двадцать первой песне (мздоимцы), где вначале нежданно дается описание венецианского арсенала, образ которого возникает у поэта по ассоциации с чернотой рощепа Злых Щелей:

И как в венецианском арсенале
Кипит зимой тягучая смола,
Чтоб мазать струги, те, что обветшали,
И все справляют зимние дела:
Тот ладит весла, этот забивает
Щель в кузове, которая текла;
Кто чинит нос, а кто корму клепают;
Кто трудится, чтоб сделать новый струг;
Кто снасти вьет, кто паруса лагает,—
Так силой не огня, но божьих рук
Кипела подо мной смола густая,
На скосы налипавшая вокруг.

Еще более сложную фигуру сравнения находим в начале песни тридцатой. Когда поэт рассказывает две трагические истории (темы их взяты из «Метаморфоз» Овидия) — о мести Юоны своим предполагаемым соперницам и о горе и безумии Гекубы, лишившейся детей, кажется, что более яростного напора страстей и больших страданий и вообразить невозможно.

Но ни троянский гнев, ни ярость Фив
Свирепей не являли исступленья...

Древние истории понадобились поэту лишь для того, чтобы показать безмерность мучений, которыми казнятся грешники. Художественные приемы Данте многообразны и всегда подчинены стремлению найти наиболее совершенное соответствие формы и содержания.

Вергилий и Данте неторопливо спускаются с моста в том месте, где седьмое кольцо смыкается с восьмым. Седьмой ров наполнен клубами ужасающих змей. Грешник, укушенный змеей, сгорает, превращается в пепел, а затем снова возвращается в свое первоначальное обличье. Неистовый Данте, снова увидя здесь знакомое лицо, восклицает:

«О божья мощь, сколь праведный ты мститель,
Когда вот так сражаешь, не щадя!»

Возглас Данте относится к Ванни Фуччи, который «из Тосканы в этот лог недавно сверзился». Оба они сражались в гвельфском войске во время войны с Пизой и участвовали в осаде Капроны. Ванни Фуччи был побочным сыном патриция Фуччо де Ладзари. Странник черных гвельфов, Ванни Фуччи участвовал в грабежах и жестоких расправах со своими политическими противниками. Его зверский нрав, «кровавый и кипучий», был бы достойно наказан в озере крови, тем не менее он казнится ниже, в седьмом рву Злых Щелей, за то, что был не только грабителем и насильником, но также вором и обманщиком. Свою родину Пистойю Фуччи называет «лучшей из берлог», тем самым подтверждая, что этот город — оплот черных гвельфов в Тоскане — был разбойничьим вертепом.

Со злорадством, намеренно причиняя боль — «чтоб ты терзался больно», — Фуччи предрекает Данте изгнание и поражение белых гвельфов под Пистойей. В заключение своих слов Ванни Фуччи скидывает руки и показывает кукиши небу. Видя, как змеи терзают ненавистного ему Фуччи, Данте спокойно бросает: «С тех самых пор и стал я другом змей».

На смену вору из Пистойи появляются пять флорентийских воров: Аньело Брунеллески, Буозо Донати, Пуччо деи Гали-гари, Чанфа Донати и Франческо Кавальканти. Данте не делает различия между черными и белыми, патрициями и простыми горожанами. Имена флорентийских грабителей вызывают у Данте полные горькой иронии слова, обращенные к родному городу:

Гордись, Фьоренца, долей величавой!
Ты над землей и морем бьешь крылом,
И самый Ад твоей наполнен славой!
Я пять таких в собрание воровском
Нашел сограждан, что могу стыдиться,
Да и тебе немного чести в том.

Превращая воров в змей и драконов, Данте не просто забавляется метаморфозами, как некогда Овидий, но вскрывает змеиную изменчивость, зловредную сущность воров, которые утратили право на образ человеческий, уподобившись по природе своей ядовитым гадам.

Данте вслед за Вергилием вскарабкивается обратно на перевал по круче и затем через мост попадает в восьмой ров, где находятся лукавые советчики. Поэт сначала подготавливает читателя психологически к предстоящему зрелищу. Он говорит, что ему пришлось взнуздать свой ум, подчинить свой дух жестокой дисциплине, чтобы не свернуть с того пути, который ему указала еще при рождении его звезда. Он страшится величайшего соблазна — перейти через границы дозволенного человеку, проникнуть в запретные тайны, нарушить меру. Он постепенно переводит рассказ о страшном, ужасающем, низменном и отвратительном к высокому и возвышенному: комедия превращается в трагедию.

Снова Данте вводит читателя в действие двумя сравнениями: первое вполне реального характера — крестьянин вечером видит долину, полную светляков: второе — из христианской мифологии — пророк Илья возносится на огненной колеснице, и вслед ему глядит его ученик Елисей. Светлячкам тосканской долины, затем пламенному вихрю, сопровождавшему колесницу ветхозаветного пророка, Данте уподобляет огни, которые он увидел в страшной глубине восьмого рва. В каждом из этих огней был заключен грешник, подавший роковой для человечества совет. Данте передает с убедительными подробностями, как он цеплялся за скалы, чтобы не упасть, и всматривался в эти огни, предчувствуя необыкновенное. Движущийся навстречу поэтам раздвоенный огонь напоминает двойное пламя того костра, на котором были сожжены враждующие братья Этеокл и Полиник, ненавидевшие друг друга и после смерти.

В двойном пламени заключены Улисс и Диомед, вожди греков, прославившиеся своим хитроумием во время Троянской войны. Улисс повинен в том, что обманом ввел в Трою деревянного коня и тем самым способствовал гибели Трои, откуда был родом Эней, основатель римского государства. Улисс и Диомед похитили статую Афины Паллады, охранявшую Илион. Данте страстно стремится поговорить с Улиссом, узнать от него то, о чем умолчали книги. Но с героями древности заговаривает Вергилий, опасаясь, что они могут не ответить на вопрос Данте, не умеющего говорить по-гречески. Очевидно, Вергилий опасался также, что известные своей гордостью герои презрят человека другой, им неведомой эпохи и не захотят с ним разговаривать.

Одиссеей рассказывает, как из области италийской Гаэты, расположенной на берегу Тирренского моря, где царствовала волшебница Цирцея, он отправился со своими спутниками на запад, к Геркулесовым столбам (Гибралтарскому проливу). Он плыл мимо Сардинии, Марокко, испанской Севильи, гавани Сеуты (Сетто) и достиг Атлантического океана. Здесь постигло их крушение. Нельзя установить, знал ли Данте, как заканчивается «Одиссея» Гомера, во всяком случае, о возвращении Одиссея на родину он мог прочесть у Проперция, Макробия, Сидония Аполлинария, наконец, в кратком латинском изложении «Илиады» и «Одиссеи». Быть может, Данте читал также романы о Трое Бенуа де Сент Мора и «Троянскую войну» Гвидо делле Колонне и мистифицированные хроники о Троянской войне Дареса и Диктиса — произведения в XIII—XIV веке общеизвестные. Данте мог знать все или некоторые из этих источников, но он создал свою, вполне самостоятельную версию о последнем странствии и гибели Одиссея.

В основу созданной им версии легли события, бывшие на памяти у современников Данте. В то время, когда Данте жил при дворе маркизов Маласпина в Луниджане, области, пограничной с Генуей, он мог слышать об отважных попытках генуэзских мореплавателей найти путь в Индию (за 200 лет до их земляка Колумба!) и пересечь Атлантический океан. В открытой недавно итальянским ученым Бруно Нарди генуэзской хронике рассказывается, что в мае 1291 года судовладельцы Тедезио д'Ориа и братья Уголино и Вадино де Вивальди снарядили две галеры, чтобы предпринять из Генуи «путешествие, которое никто до сих пор предпринять не решался», с целью найти морской торговый путь в Индию. После того как они покинули берега Испании, от них больше не было вестей. Через несколько лет на их розыски отправился на корабле Сорлеоне, сын Уголино Вивальди. Он также пропал без вести. Как мы видим, реальные события снова стали источником фантазий великого поэта.

Дантов Улисс — образ, в самой своей сущности героический. Нам открывается его титаническая безнадежная борьба против фатума. Бесконечная жажда знания и страсть к постижению неведомого оказываются сильнее любви к близким и привязанности к родной земле. В творческом сознании Данте

«великий злодей» и «зачинщик преступлений» — таким представлен Улисс в «Энеиде» Вергилия — превращается в трагического героя, дерзкого, отважного, смелого, исполненного жажды новых открытий, родственного по духу людям Возрождения. Его слова, обращенные к павшим духом спутникам, звучат призывом к открытию новых земель, где еще не ступала нога человека, к доблести и знанию:

«О братья, — так сказал я, — на закат
Пришедшие дорогой многотрудной!
Тот малый срок, пока еще не спят
Земные чувства, их остаток скудный
Отдайте постижению новизны,
Чтоб солнцу вслед увидеть мир безлюдный!
Подумайте о том, чьи вы сыны:
Вы созданы не для животной доли,
Но к доблести и к знанию рождены».

Но дерзание человека превысило меру возможного. Непостижимое хранит свои тайны. Плывая со своими спутниками на запад, в неизвестное, Улисс пять месяцев находился в пустынном океане. Над дерзкими мореходами зажигались неведомые им звезды, и, наконец, вместо безбрежной глади океана они увидели землю:

...гора, далекой грудой темной,
Открылась нам; от века своего
Я не видал еще такой огромной.
Сменилось плачем наше торжество:
От новых стран поднялся вихрь, с налета
Ударил в судно, повернул его
Три раза в быстрине водоворота;
Корма взметнулась на четвертый раз,
Нос канул книзу, как назначил Кто-то,
И море, хлынув, поглотило нас.

Еще одно пламя приблизилось к поэтам, и из его короны раздалось трагическое восклицание: «Смотри, я медлю, пред тобой горя!» Душе, заключенной в нем, показалось, что Вергилий говорит по-ломбардски, то есть по-североитальянски. Узник пламени обращается с тревожным вопросом: «Скажи, в Романье — мир или война?» — он хочет знать, что происходит у него на родине. Это граф Гвидо да Монтефельтро, наиболее искушенный в военном деле человек в Италии XIII века.

Гвидо да Монтефельтро мысленно переносится к событиям своей бурной жизни. Графство Монтефельтро было расположено между Урбино и истоками Тибра у подножья горы Коро-наро в Романье, обширной области, граничившей с Тосканой. В область Романьи входили города Болонья, Фаэнца, Равенна, Имола, Форлй, Римини. Романья раздиралась феодальными смутами и распрями гибеллинов и гвельфов. Несмотря на некоторое замирение в конце XIII века (граф Гвидо умер в 1298 году), в сердцах тиранов Романьи стремление к войнам и раздорам не умирало. К бесконечным политическим переменам в Романье, кишевшей тиранами, города которой попеременно испытывали «ярмо раба», враждебно относились тосканские города-коммуны, особенно Флоренция. Данте перечисляет многочисленных романских тиранов, обозначая их эмблемами или же придавая им черты птиц и животных, изображенных на их гербах. Поэт стремится отмежевать добрых правителей романских городов, как равеннские Полента, от тиранов, подобных Малатеста деи Малатеста, сеньору Римини.

Гвидо да Монтефельтро был наместником короля Корра-дина, сына императора Фридриха II, и вождем гибеллинов Романьи. Он не раз одерживал победы над войсками папы и гвельфской лиги и был отлучен от церкви. Командуя пизанцами в войне с Флоренцией, Монтефельтро проявил большие стратегические способности. Он захватил Урбино и стал сеньором этого города. В конце жизни, в 1296 году, строптивый воин помирился с церковью и вступил в францисканский орден. Умер спустя два года в одном из монастырей Ассизи. Возникает вопрос, соответствует ли дальнейший рассказ Данте исторической истине или является поэтическим вымыслом. В настоящее время известно, что в «Истории» Риккобальдо из Феррары, до нас не дошедшей, и в более поздних хрониках есть намеки на то, что Гвидо да Монтефельтро подал злой совет папе Бонифацию VIII.

В хронике брата Франческо Пипино, законченной в 1314 году, когда «Комедия» не была еще опубликована, также находим эту повесть. Следует предположить, что Пипино, так же как и Данте, восходил к устному народному рассказу. Там говорится, что папа Бонифаций VIII призвал к себе

бывшего знаменитого военачальника, сменившего доспехи полководца на рясу францисканца, и предложил ему дать совет, как взять замок Пенестрино (г. Палестрина), главную твердыню и оплот семьи Колонна — врагов папы. Сам Гвидо говорит, что «обычай мой был лисий, а не львиный» и что он ведал все ухищрения и потайные пути политики. В анонимной пизанской хронике читаем: «Когда этот граф (то есть Монтефельтро) покидал город Пизу со своими людьми, которые, предшествуя ему, играли на волынке, флорентийцы бежали, говоря: „Вот идет лиса“. Он подал совет, как действовать обманом, дать обещание и не сдерживать свое слово. Несмотря на его хитроумие, он был обманут папой».

Данте не обнаруживает никакого чувства; говоря о Гвидо да Монтефельтро, он не произносит никакого обвинения, не прибегает к сатирическим инвективам. Он удаляется молча. Главным виновником духовной гибели монаха-полководца предстает у Данте папа Бонифаций VIII, ученый теолог, одержимый безмерной жадностью светской власти. В «Пире» Данте хвалил героя старофранцузских романов Ланселота за то, что он, так же как Гвидо да Монтефельтро, вошел на своей ладье в гавань, опустив паруса, то есть смирился под старость лет. Автор «Пира» писал «благороднейший наш латинянин (то есть итальянец) Гвидо да Монтефельтро». Очевидно, впоследствии, в годы работы над поэмой, Данте изменил свое суждение о Гвидо под влиянием дошедших до него рассказов о падении Палестрины.

В этой песне замечательны зрительные образы: огненный столп свивает и клонит свой колючий рог, в то время как пламя с Улиссом уходит во тьму, горя прямым и ровным светом. Муза двадцать восьмой песни «Ада» — ужас.

Моральное сознание Данте глубоко возмущено постоянным зрелищем в истории человечества варварской резни, войн, убийств, мятежей, он надеется избавить человечество от состояния вечной войны, проповедуя единое мировое государство на земле и мир всего мира. В этой песне Данте употребляет резкие, звонкие, жесткие рифмы, соответствующие страшному, порой жестокому, граничащему с отвратительным, содержанию.

Перед поэтами предстает окровавленный Магомет, в средние века католики считали его «еретиком». По весьма распространенному преданию, появившийся среди сарацин при папе Го-нории и императоре Ираклии Магомет исповедовал сначала христианство, но потом отрекся от праведной веры. В некоторых версиях рассказа утверждалось, что Магомет, весьма сведущий в богословии, имел кардинальский сан. Будущий основатель ислама будто бы проповедовал в Африке и почти всю ее обратил в христианство. Но затем кардинал Магомет изобрел новую схизматическую веру. Пророк болел эпилепсией и уверял, что во время приступов беседует с ангелом. Перед тем как уйти (Данте и Вергилий смотрят на него сверху, с моста), уже «занеся ногу», чтобы двинуться дальше, Магомет говорит Данте:

«Скажи Дольчино, если вслед за Адом
Увидишь солнце: пусть снабдится он,
Когда не жаждет быть со мною рядом,
Припасами, чтоб снеговой заслон
Не подоспел новарцам на подмогу;
Тогда не скоро будет побежден».

В этих строках речь идет о событиях 1305—1307 годов («еще горячих»), когда Дольчино Торниелли, уроженец Новары (в Пьемонте), вождь секты апостольских братьев, вместе с несколькими тысячами своих последователей, среди которых было много крестьян, укрепился на горе Дзебелло. Папа Климент V предпринял крестовый поход против восставших, которые призывали церковь возвратиться к обычаям первых христиан и требовали справедливого распределения земли. Несмотря на большие силы осаждавших, Дольчино держался более двух лет, пока голод и снежные заносы не заставили его сдать. В марте 1307 года Дольчино был сожжен вместе со своей подружкой Маргаритой из Трента и другими последователями. Он не отрекся от своих убеждений и пророчил, что воскреснет на третий день.

Ужасные картины девятого рва завершаются явлением знаменитого провансальского трубадура и феодального сеньора Перигора, жившего во второй половине XII века, Бертрана де Борна. Почти все стихи провансальца написаны на политические темы. Данте хвалил его как певца войны в трактате «О народном красноречии» и писал о его щедрости в «Пире». Бертран возбудил вражду между Генрихом II, королем Англии, и его сыном и соправителем герцогом Аквитании Генрихом III, за что и осужден поэтом нести свою отсеченную голову как фонарь в руках.

Когда видение обезглавленного трубадура рассеялось, Данте впервые в Аду проявляет любопытство; взор его словно что-то ищет; как замечает Вергилий: «Другие рвы тебя не так манили». Любопытство читателей возбуждено, но имя грешника, которого Данте хотел бы увидеть, упомянуто

только в девятой терцине следующей, двадцать девятой песни. «В этой яме, там... один мой родич», — говорит Данте. Это Джери дель Белло, двоюродный брат отца Данте, умерший между 1269 и 1300 годами. Он упомянут в нескольких флорентийских и болонских документах второй половины XIII века главным образом как свидетель при различных нотариальных сделках. В списке 1269 года среди гвельфов, чьи дома во времена владычества гибеллинов во Флоренции были разрушены, значится и этот дядя поэта. Джери, человек необузданного нрава, склонный к насилию (за что и попал в Ад), был убит Бродайо Саккетти. Смерть его не была отомщена. Только в 1342 году Саккетти и Алигьери примирились при посредничестве герцога Афинского, правившего Флоренцией. Мир заключил брат Данте Франческо от своего имени и от имени Пьетро и Якопо, сыновей поэта. Кровавая месть рассматривалась в XIII—XIV веках как священное право и долг родственников и не каралась законом. Неотомщенный Джери гневно указывал в Аду перстом на своего племянника Данте. Данте — сын своего времени: в канцонах, а также в письме к императору Генриху VII он оправдывал месть. Во второй канцоне о Каменной Даме поэт восклицал: «Прославлен будет мститель похвалою!» Однако в этой песне «Ада», несмотря на стоны неотомщенного родича, которого поэт и замечает и не замечает, Данте как бы отходит в сторону от насилия, внимая словам Вергилия: «И не о нем ты должен помышлять». И они продолжают свой путь.

В десятом, последнем рве восьмого круга находятся фальсификаторы металлов (алхимики), люди, выдававшие себя за других, фальшивомонетчики и, наконец, просто лжецы и клеветники. Данте сравнивает их вопли и проклятия, заставляющие его зажать уши, с воплями и стонами больных, одолеваемых лихорадкой, в лазаретах малярийных областей Вальдикьяны, Мареммы и Сардинии. Эта реалистическая подробность возникла из наблюдений поэта над ужасными условиями в общественных больницах его времени. Реалистические наблюдения заострены натуралистическими подробностями: «и смрад над ним стоял, каким смердят гноящиеся раны».

«Я видел двух...» — начинает Данте новое повествование. Он приступает к ряду сравнений для того, чтобы представить муки двух чешущихся грешников, покрытых струпьями, сидевших прислонившись спинами друг к другу. Это реалистические, «жестокие», бытовые сравнения: с двумя сковородами, с конюхом, который скребет коня, с поваром, который скоблит рыбу чешую. Вергилий иронически желает им не обломать вовек ногтей, скребущих тело, и спрашивает, не знают ли они каких-либо латинян в этом рве. Один из покрытых струпьями отвечает, что он из Съены. Его сожгли живьем за то, что он обещал научить летать, как Дедал Икара, глупого и злого юношу Альберо, который донес на него епископу. Сын Данте Якопо утверждает в своем комментарии к «Аду», что Гриффолино (так звали грешника) принадлежал к секте патаренов, за что и был сожжен. Однако в Ад поэт определил Гриффолино не за то, за что его подверг казни лицепрятный церковный суд, а за занятия алхимией. Для сына торговой Флоренции «софистика» — подделка драгоценных металлов — оказывается грехом более тяжким, чем обвинение в ереси.

По поводу нравов Съены, где погиб несчастный алхимик Гриффолино, Данте замечает, обратясь к Вергилию: «Где еще найдется народ беспутней съенцев?» В беспутстве они не уступят и французам. Возникает вопрос, когда Данте мог быть в Съене, чьи нравы он изучил досконально. Мы полагаем, что еще до изгнания, когда он ездил в посольствах или в составе торжественных эскортов при знатных особах, сопровождая их от Флоренции до Съены или дальше через Съену до Рима.

Вторая из прокаженных теней, Капоккьо, которого Данте знал лично и с которым, вероятно, вместе учился, иронически замечает, что из числа легкомысленных съенцев следует исключить Стрикка, отличавшегося бережливостью, и Никколо, насадившего в своих садах гвоздику, «исключить» следует также Каччо д'Ашано и Аббальято. Стрикка деи Салимбени, богатый съенский гражданин, одно время подеста в Болонье (1276—1286 гг.), был главным участником общества кутил, состоявшем из двенадцати состоятельных съенцев, проматывавших отцовские наследства. Среди них был и Лано, осужденный Данте на адские муки как расточитель в тринадцатой песне. Другой мот, Никколо да Салимбене, брат Стрикка, бывший в живых еще в 1311 году, прославился тем, что поджаривал дичь на углях из почек гвоздичного дерева; похвальный этот обычай укоренился среди съенских обжор. В течение двух лет веселое съенское общество прокутило более двухсот тысяч флоринов. Их сотоварищ, Качча д'Ашано промотал свои виноградники и леса. Последний из упомянутых в песне легкомысленных съенцев — Бартоломео деи Фолькаккьери, прозванный Аббальято (то есть ослепленный), был капитаном гвельфской лиги в Тоскане и занимал важные места в родном городе, умер он в 1300 году. Насмехающийся над съенцами Капоккьо обладал способностью изображать любого человека — «искусник в обезьянстве был немалый». Летом 1293 года Капоккьо заживо сожгли в Съене за занятия алхимией.

Взор Данте обращается к раздутому водянойкой грешнику с огромным животом, который походил бы на лютню, если б не ноги. Это известный алхимик, родом из Англии, маэстро Адамо. Сведения о нем имеются в болонских документах семидесятых годов XIII века. Он поступил на службу к графам

Ромена в Казентине в те времена, когда эта феодальная семья была во вражде с Флоренцией, и занялся подделкой золотых монет флорентийского образца с изображением Иоанна Крестителя, подбавляя в сплав меди. Пойманный с поличным во Флоренции, был предан костру, вероятно, в 1281 году — флорентийские купцы и банкиры считали подделку монет одним из самых тяжелых преступлений. Шестнадцатилетний Данте мог присутствовать при сожжении англичанина, бывшего лишь орудием в руках могущественных феодалов. Маэстро Адамо наказан в Аду как античный Тантал. Он жаждет хотя бы капли влаги и вспоминает казентинские ручьи, сбегаящие с зеленых гор в Арно. Гротеск и лирическое излияние соединены в этом образе, и комическом и печальном.

Адамо полон ненависти к своим бывшим хозяевам, которые толкнули его на путь фальшивомонетчика. Маэстро с радостью сообщает, что кто-то из них, Гвидо или Алессандро, уже прибыл, по слухам, в восьмой круг. Чтобы увидеть их собственными глазами в Аду, Адамо, изнемогающий от жажды, готов отдать всю воду прекрасного источника Бранда в Съене. Третьим братцем, о котором говорит несчастный фальшивомонетчик, был, по-видимому, граф Агинольфо, капитан тосканских белых гвельфов-изгнанников в начале XIV века или, быть может, граф Ильдебрандино, епископ Ареццо. Резко отрицательное отношение Данте в тридцатой песне «Ада» к этим феодалам из Казентино подтверждает наши сомнения в подлинности приписываемого Данте письма 1304 года, адресованного графам да Ромена по поводу кончины их дяди Алессандро.

Путешествие по Злым Щелям кончается сценой препирательства между современником Данте Адамо и древним греком Синоном. Это смешение веков и эпох обычно в «Божественной Комедии», действие которой происходит в ином временном плане, чем на земле. Препирательство изобилует словами простонародными, переходит в рыночную перебранку, изображенную уверенными мазками. Вергилий-разум упрекает Данте (то есть Данте упрекает самого себя), внимательно вслушивающегося в слова перебранки, как некогда Гвидо Кавальканти упрекал Данте за вульгарность некоторых его мыслей, измененность чувств и выражений, вероятно, в связи с бранчливыми сонетами Данте, обращенными к Форезе Донати. Вульгаризмы не мешают маэстро Адамо, как человеку образованному, прибегать и к литературным перифразам, обнаруживающим его познания в греческой мифологии.

В сумерках Ада Данте почти не различает, куда идет. В полумраке раздается резкий и мощный звук рога, напоминающий гром. Данте сравнивает этот звук с предсмертным призывом Роланда, трубящего в ущелье Ронсевалея. Любопытство читателя снова возбуждено, так как не известно, кто трубит в ужасающий гигантский рог. В сумраке возникают вдали несколько огромных башен. Вергилий объясняет Данте, что это не башни, а некогда жившие на земле гиганты. Данте упоминает легендарного Немврода, царя Вавилона и Эфиальта, во время битвы титанов с богами взгромоздившего Оссу на Пелион. В «Энеиде» Вергилия заточенное в Тартар «порожденье земли, стародавнее племя титанов, молнией сверженных вниз, на дне извивается самом». В дантовском аду гиганты застыли как часовые у нижней бездны. Из темной котловины внезапно возникает исполин Антей, которого Геракл смог победить, лишь оторвав от земли — источника его неизбывной силы.

Вергилий обращается к Антею с речью, куртуазной и «дипломатической», желая приобрести расположение великана. Вергилий говорит, что если бы Антей участвовал вместе с другими гигантами в битве с богами, то олимпийцы были бы поражены. Во время своих скитаний по Италии Данте приобрел достаточный опыт обращения с феодальными сеньорами и правителями городов, к которым следовало обращаться с речью, пересыпанной комплиментами и любезностями. Тот же язык был, по-видимому, уместен и в разговоре с гигантами последнего круга Ада, Вергилий учтиво просит Антея, так как его собратья Тифей (или Тифон) и Титий находятся далеко, перенести его и Данте на дно адского колодца. Данте снова сравнивает Антея с башней, на этот раз с Гаризендой в Болонье, запечатленной в сонете Данте «Вовек не искупить глазам моим». Когда облака бегут в сторону, в которую наклонена башня, кажется благодаря оптическому обману, что Гаризенда падает на глядящего на нее снизу. Так склонившийся над поэтами Антей, казалось, падал, чтобы подавить своей тяжестью Данте и Вергилия. Снова фантастическое благодаря реалистическим деталям, возникшим из живых наблюдений и впечатлений поэта, в данном случае болонских, обретает достоверность и убедительность. Гигант на своей ладони опускает поэтов на дно мирового колодца, на поверхность замерзшего озера Коцит, где казнятся предатели. В заключительном стихе этой песни выпрямившийся Антей сравнивается уже не с башней, а с корабельной мачтой.

Данте не описывает, как Антей опускал его и Вергилия на своей ладони на поверхность Коцита, — полет Гериона изображен был подробнее. Ледяное озеро — центр вселенной. В своей ограниченности оно противопоставляется огненной бесконечности Эмпирея. Коцит содержит четыре зоны, идущие концентрическими кругами. В центре — Люцифер. Данте ступил сначала на лед первого пояса, названного Каиной — по имени библейского братоубийцы Каина. В озеро вмерзли грешники до половины тела. Данте сравнивает ледяной покров с замерзшим Дунаем и с Доном (Танаисом). Грешники стучат во льду зубами, как аисты клювом.

Слышится голос грешника, который перечисляет своих соседей, вмерзших в лед. Имя его, как обычно в поэме, сразу не названо. Это Камичон деи Пацци, принадлежавший к известному роду феодалов-разбойников из верхней долины Арно, соседей Флоренции. Он совершил убийство, чтобы воспользоваться наследством своего родственника Убертино. Камичон указывает на торчащего перед ним Сассоля Маскерони из Флоренции, который зверски убил малолетнего сына своего богатого дяди, рассчитывая остаться единственным наследником его имущества. Когда преступление было раскрыто, то, по свидетельству Флорентийского Анонима, Маскерони подвергли пытке. Его проволокли по улицам Флоренции, а затем казнили. Камичон ожидает, что в Каину прибудет его родственник Карлино деи Пацци, который в 1302 году передал в руки черных гвельфов замок Пьянтравинье, где находилось много флорентийских изгнанников, белых гвельфов, которые были казнены. За свое предательство Карлино получил значительную сумму денег и право возвратиться во Флоренцию.

В физике Данте центр земли является средоточием притяжения всего света, там сильнее всего ощущается гнет материи. Данте вступает во вторую зону Каины, названную Антенор, по имени одного из троянских вождей, который у Гомера является скорее положительным героем. В легендах о Трое поздней античности и средневековья Антенор стал предателем. Данте следует здесь этой позднелатинской традиции.

Неизвестный дух, которому Данте ушиб ногой висок, кричит, что Данте мстит ему за Монтаперти, битву 1260 года, в которой сьенцы и флорентийские изгнанники-гибеллины разбили наголову флорентийских гвельфов. Кто этот вопящий, окованный льдами грешник? Данте предлагает ему назвать свое имя, обещая увековечить его в своих стихах: «И ты бы утешенье встретил, ... когда б из рода в род в моих созвучьях я тебя отметил». Но грешник иронически отвечает, что Данте плохой хитрец: «Нашел чем льстить среди ледяных болот!» Предатели, понятно, не желают, чтобы стало известно, где они находятся, и не хотят, чтобы имя их повторялось среди живых. Тогда Данте в бешенстве рвет волосы на голове грешника, который воет от боли, но не открывает своего имени. Тут проявляется страстный темперамент Данте, который в «Пире» говорил, что некоторым противникам на их гнусные доводы следует отвечать не словами, а ударами кинжала. Какая-то тень, вмерзшая близ того, кто вызвал гнев Данте, назвала его по имени. Это Бокка дельи Абати, который отсек руку знаменосцу флорентийской кавалерии Якопо деи Пацци в битве при Монтаперти и тем самым вызвал замешательство и поражение флорентийцев. Он изменил своей родине и своей партии. Гнев Данте объясняется ненавистью к изменнику, которую он воспринял еще в раннем детстве.

Поэты отходят от предателей, и вскоре глазам их предстает ужасное зрелище: «как хлеб грызет голодный, стервенея», так яростно в ледяной яме вонзал зубы один грешник в череп другого.

«Ты, одержимый злобою звериной
К тому, кого ты истерзал, жуя,
Скажи, — промолвил я, — что ей причиной?
И если праведна вражда твоя,—
Узнав, кто вы и чем ты так обижен,
Тебе на свете послужу и я,
Пока не станет мой язык недвижим».

Так Данте обращается к графу Уголино деи Герардески До-норатико, родившемуся в начале XIII века в богатой феодальной семье, имевшей обширные владения в тосканской Маремме и на острове Сардиния. В 1275 году вместе со своим зятем Джованни Висконти он, происходивший из гибеллинской семьи, перешел на сторону гвельфов (как можно предположить, именно в этом и состоит его предательство, из-за которого он очутился в Антеноре). В 1284—1285 годах Уголино стал сеньором Пизы, официально со званием подеста вместе со своим внуком Нино Висконти. Для того чтобы оградить Пизу от нападений коалиции Генуи, Флоренции и Лукки, он уступил союзникам некоторые пизанские замки, за что впоследствии его обвинили в измене, хотя уступка эта была политически необходима, что понимал и Данте. В июне 1288 года партия гибеллинов, воспользовавшись несогласием между Уголино и Нино Висконти, подняла восстание под предводительством архиепископа Руджери деи Убальдини (который считался другом правителя Пизы) и знатных семей Гваланди, Сисмонди и Ланфранки. Восставшие свергли Уголино и заточили его в башню вместе с двумя сыновьями и двумя внуками. Вход в башню по приказу епископа был замурован, и Уголино со своим потомством умер от голода в феврале 1289 года. Рассказ Уголино по силе трагизма не имеет себе равных в мировой поэзии до Шекспира. И Данте восклицает, осуждая город и его жителей, допустивших в своих стенах такое вопиющее попрание человеческого, сделавших себя позором всей Италии:

«О Пиза, стыд пленительного края,

Где раздается si!»

Дети не должны страдать и отвечать за вины своих отцов; заключает Данте эту сцену:

Как ни был бы ославлен темной славой
Граф Уголипо, замки уступив,—
За что детей вести на крест неправый!

Образ Уголино, его муки в башне голода и его месть архиепископу Руджери произвели глубочайшее впечатление на умы, особенно в эпоху романтизма.

В глубокой задумчивости, потрясенный чужим несчастьем. как своим, вступает Данте во вторую зону Коцита — Толомею, названную так по имени Птолемея, правителя Иерихона в древней Иудее. Пригласив к себе своего тестя, первосвященника Симона Маккавея, и двух его сыновей, Птолемей предательски убил их на пиру в крепости Док. Толомея предназначена для тяжелых грешников, которые предали и погубили своих друзей и гостей. Если в первой зоне грешники вмерзли по пояс в лед, то во второй они лежат на спине, зажатые льдами, и слезы их застывают ледяной корой. Данте удивляется тому, что в неподвижном ледяном воздухе Коцита повеял ветер, так как на дне Ада нет водяных паров, нагретых солнцем, которые в его время считали причиной движения воздуха. Вергилий не отвечает на вопрос Данте. Адский ветер порожден взмахами крыльев Люцифера.

Данте обещает снять ледяную кору с глаз грешника, услышавшего его шаги, и даже клянется — пусть он окажется под ледяным покровом, если не сдержит свое обещание. Однако после того, как Данте узнает все, что его интересовало, и убеждается, что грешник наказуется по заслугам, он не исполняет обещанного. Снова звучит жестокий Дантов стих: «И я рукой не двинул, и было доблестью быть подлым с ним». Так непреклонно суров и безжалостен поэт к Альбериго деи Манфреди, принадлежавшему к ордену гаудентов — «радующихся братьев». Альбериго был одним из вождей гвельфов в городе Фаэнца (провинция Романья). Притворяясь, что помирился со своими родственниками Манфредо и Альбергетто, он пригласил их на пир в свою виллу. Когда хозяин приказал слугам: «Принесите фрукты», — они набросились на гостей и закололи их. Это случилось 2 мая 1285 года. Событие это вошло в пословицу, в народе говорили: «Его угостили фруктами брата Альбериго». Альбериго говорит, что он «променял на финик смокву». Известно, что финик был более дорогим в Италии плодом, чем смоква. Эта ироническая фраза означает, что в Аду ему воздано сторицей. В 1300 году, в условный год потустороннего путешествия Данте, Альбериго был еще жив. Данте с присущим ему мастерством высказывает удивление: «Ты разве умер?» Гаудент объясняет ему, что за преступления, подобные его злодейству, души попадают в Толомею еще при жизни, а в тело грешника вселяется бес. Нетерпеливый Данте во имя восстановления мировой справедливости расправляется не только с мертвыми, но и с живыми. Так, заранее, как мы видели, живого, он осудил и папу Бонифация VIII.

Брат Альбериго сообщает Данте, что рядом с ним можно найти и другие грешные души, чьи тела еще здравствуют на земле. За ним «от стужи жметя» Бранка д'Орья. С этим сотоварищем он свыкся, вместе они провели во льдах Коцита уже много лет. Данте снова делает вид, что он удивлен, и говорит: «Бранка д'Орья жив, здоров, он ест, и пьет, и спит, и носит платья». Бранка д'Орья происходил из знатной генуэзской семьи; он убил на пиру своего тестя, Микеле Дзанке, князя-судью области Логодуру в Сардинии. В тела Бранка д'Орья и его родственника, соучастника преступления, вселились дьяволы.

В области душегубцев Данте ополчается против генуэзцев.

О генуэзцы, вы, в чьем сердце минул
Последний стыд и все осквернено,
Зачем ваш род еще с земли не сгинул?

Эта инвектива короче, чем слова Данте, обращенные против Пизы. Она исполнена большой поэтической силы и часто цитируется в Италии людьми, враждебно настроенными к генуэзцам. В Италии XIV века генуэзцы стяжали себе дурную славу. Об их хищности и корыстолюбии писал Боккаччо в «Декамероне».

Последняя, тридцать четвертая песня «Ада» начинается словами известного латинского гимна, исполнявшегося в страстную пятницу в католических церквах: «Приближаются знамена царя (Ада)». Последнее слово — «Ада» Данте добавил от себя. В гимне Венанция Фортуната, епископа Пуатье, «знамена» обозначали крест. Для Данте «знамена» — шесть крыльев Люцифера, в царстве которого искажаются и нарушаются все божественные установления. Данте снова прибегает к своим

излюбленным поэтическим приемам: не называет сразу и прямо действующих лиц, а говорит иносказательно, пользуясь метафорами и сравнениями. Вместо «Люцифер» сказано: он чернеет, он виден. Крылья Люцифера, также не названные прямо, уподоблены крыльям мельницы в тумане. Они вздымают нестерпимый ледяной ветер.

Поэты вступают в четвертую зону Коцита Джудекку, названную по имени Иуды, предавшего Христа. Грешники в этой области глубоко вмерзли в лед, одни лежат, другие стоят или вниз головой, а некоторые согнувшись в дугу, так что ступни касаются лиц. Те, кто предал своих благодетелей или людей, сделавших им добро, равных им по званию и достоинству, — лежат; стоят вниз головой те, кто предали высших по положению, вверх головой — те сеньоры, которые предали своих подданных; изогнуты — предавшие как высших, так и низших.

Данте и Вергилий, наконец, видят вблизи гигантскую фигуру вмерзшего в лед до пояса Люцифера, перед которым малыми кажутся гиганты, охраняющие нижний колодец Ада. Вергилий называет его Дитом, одним из античных имен повелителя Преисподней. Данте говорит со скорбью и ужасом о том, как дивен и прекрасен был когда-то столь безобразный ныне Люцифер, и называет его первопричиной зла. Люцифер у Данте не похож на сатану Мильтона, на Мефистофеля Гёте, ни на лермонтовского Демона. Люцифер в Аду безобразен, скован льдами, подчинен высшей воле, навеки побежден. Он занимает центральное место в мироздании, то есть абсолютное зло находится в самом средоточии вселенной, и в центре мира — вечный холод и ужасающее уродство. Масса тела Люцифера, лишенного, казалось, разума, бессловесное, отвратительное, животное, воплощает мировое зло и мировое уродство. Вся поэма Данте построена на антитезисе: огонь Эмпирея и холод Коцита, любовь и ненависть, движение и неподвижность, гармония и нарушение всех пропорций. Некогда Люцифер был сотворен серафимом, высшим духом из девяти ангельских чинов. Люцифер и его ангелы бунтовали напрасно, они вошли в систему мира, предначертанную божеством, и должны были стать пусть озлобленными, но послушными исполнителями свыше назначенных казней для соблазненных ими людей. Они могут бунтовать только эпизодически, как перед воротами города Дита или в Злых Щелях, но должны в конце концов покориться. Гордыня, как главный грех, нарушила мировую гармонию и была первопричиной зла. Борьба Люцифера с добрым началом все же продолжается на земле, и он стремится увеличить число подданных своего царства, поэтому устрашающи во мгле полунебьтия его знамена. В многосмыслии поэмы Данте Коцит означает также дно души, а не только средоточие мира. Замерзшие души как бы смешиваются со льдом, теряют индивидуальность, которая все же порой прорывается сквозь ледяную кору, как в знаменитом эпизоде с Уголино.

У царя мрака три лица: красное лицо, вероятно, аллегорически изображает гнев, черное — зависть, бело-желтое — бессилие. Три лица Люцифера также пародируют небесную троицу, в которой сосредоточены вселенская любовь, могущество и доброта. В трех пастях Люцифера казнятся те, чей грех, по мысли Данте, ужаснее всех остальных: предатели величества божеского (Иуда) и величества человеческого (Брут и Кассий), то есть тех двух властей, которые согласно его доктрине должны совместно — в лице первосвященника и в лице императора — вести человечество к блаженству вечному и блаженству земному, как он писал в третьем трактате «Монархии». Вся структура «Ада» подчинена политической и исторической концепции поэта.

С тех пор как поэты начали свое путешествие по аду, прошло 24 часа. Наступил вечер 26 марта. Вергилий замечает, что приближается конец нисхождения в Ад, ибо Данте видел «все, что было в нашей власти». Цепляясь за шерсть владыки Ада, Вергилий ложится, перевернувшись головой туда, «где прежде были ноги», и начинает не спускаться, а подыматься ввысь, так что Данте, который следовал за ним, в испуге подумал, что они возвращаются в Ад. Затем, с трудом шагнув на скалу, Вергилий помогает перейти своему спутнику. Данте изображает это нисхождение-восхождение вполне реалистически. Вергилий тяжело дышит, ложится с усилием и с усилием поднимается по склону. Когда Данте нежданно видит, что под ним торчат ноги Люцифера, он говорит, что читателю трудно угадать, какой рубеж он миновал. Объяснение этого путешествия по телу того, кто воплощает абсолютное зло в центре вселенной, представляло и представляет значительные трудности для комментаторов.

Советский математик и физик П.А. Флоренский в 1921 году, к 600-летию со дня смерти Данте, в своем труде «Мнимости в геометрии» предлагал использовать новейшие математические теории (специальный и общий принципы относительности) для объяснения структуры вселенной в «Божественной Комедии». Он писал: «Напомним для начала самый остов Дантовой космологии. Сделать это тем более необходимо, что в комментариях к „Божественной Комедии“ обычно дается изображение: сфера Земли, окруженная сферами небесных светил, небом неподвижных звезд, кристалльным небом и, наконец, Эмпиреем, причем Дантов путь, по выходе его из недр земли, начерчен ломаной линией, спирально переходящей по концентрическим сферам и загибающейся на 180°, к зениту Сиона. Но этот чертеж не соответствует ни повествованию Данте, ни основам его космологии. Картина этой вселенной неизобразима эвклидовскими чертежами, как дантовская

метафизика несоизмерима с философией Канта. Математиками Хальстедом (1905), Вебером (1905), Симоном (1912) уже отмечено предвосхищение Данте неевклидовой геометрии.

Итак, припомним путь Данте с Вергилием. Он начинается в Италии. Оба поэта спускаются по кручам воронкообразного ада. Воронка завершается последним, наиболее узким кругом владыки преисподней. При этом обоими поэтами сохраняется все время нисхождения вертикальность головою к месту схода, то есть к Италии, и ногами к центру Земли. Но когда поэты достигают приблизительно поясицы Люцифера, оба они внезапно переворачиваются, обращаясь ногами к поверхности Земли, откуда они вошли в подземное царство, а головою в обратную сторону (Ад, XXIV, 74—94). Миновав эту грань, то есть окончив путь и миновав центр мира, поэты оказываются под гемисферой, противоположной той, где гора Сион; они поднимаются по жерлообразному ходу (см. стихи 133—139). После этой грани поэт восходит на гору Чистилища и возносится чрез небесные сферы. Теперь вопрос: по какому направлению? Подземный ход, которым они поднялись, образовался падением Люцифера, низвергнутого с неба головою. Следовательно, место, с которого он низвергнут, находится не вообще где-то на небе, в пространстве, окружающем Землю, а именно со стороны той гемисферы, куда попали поэты. Гора Чистилища и Сион, диаметрально противоположные между собою, возникли как последствия этого падения, и, значит, путь к небу направлен по линии падения Люцифера, но имеет обратный смысл... Двигаясь все время вперед по прямой и перевернувшись раз на пути, поэт приходит на прежнее место в том же положении, в каком он уходил с него. Следовательно, если бы он по дороге не перевернулся, то прибыл по прямой на место своего отправления уже вверх ногами. Значит, поверхность, по которой движется Данте, такова, что прямая на ней, с одним перевертом направления, дает возврат к прежней точке в прямом положении, а прямолинейное движение без переверта возвращает тело к прежней точке перевернутым. Очевидно, это поверхность: 1° — как содержащая замкнутые прямые есть римановская плоскость и 2° — как переворачивающаяся при движении по ней перпендикуляр, есть поверхность односторонняя. Эти два обстоятельства достаточны для геометрического охарактеризования Дантова пространства, как построенного по типу эллиптической геометрии».

Отсюда следует, что вселенная Данте основывается на неевклидовой геометрии. Это предположение высказали недавно и итальянские физики. Некоторые важные и неясные проблемы астрономии и физики эпохи Данте, вызывающие споры и в настоящее время, могут быть разрешены только совместными усилиями знатоков средневековой науки, дантологов и представителей точных наук наших дней.

Далее Данте и Вергилий совершают восхождение по узкому коридору, напоминающему в полумраке подвал, или пещеру, пока не выходят на поверхность земли в южной гемисфере у подножия горы Чистилища. По мнению Аристотеля (в книге «О небе»), южное полушарие земли является верхней и более благородной частью, чем северное. Так как небо оживлено и движется подобно животному, естественно, что оно имеет верх и низ, правую и нижнюю стороны. Восток, откуда движется солнце, — правая сторона, а запад — левая. Эту концепцию, противоречащую нашим современным повседневным взглядам (на глобусах и картах Северный полюс располагается «наверху»), находим у средневековых арабских комментаторов Аристотеля, в том числе у Аверроэса. Данте и западным мыслителям средневековья необходимо было сочетать греко-арабские воззрения на космографию с библейской традицией, то есть с отрывочными сведениями о падении Люцифера у пророка Исая, в евангелиях от Луки и от Матфея и в Апокалипсисе. В Апокалипсисе сказано, что на небе произошла война. Архангел Михаил и его ангелы воевали против дракона, называемого дьяволом и сатаной, который был вместе со своими приспешниками низвергнут на землю. В оригинальном представлении Данте, сочетавшем библейские легенды с домыслами греческих мудрецов и их арабских толкователей, земля находилась во время оно в южном полушарии, окруженная водой; когда произошло падение Люцифера, земля «в испуге» перешла вниз, в северную часть, а из недр земли, исторгнутых падением Люцифера, образовалась гора Чистилища. Грандиозную катастрофу, происшедшую с земным шаром, Данте объясняет моральной причиной: бунтом возгордившегося Люцифера и его падением.

Восходя в южную гемисферу, Данте слышит гул потока, стекающего вниз, в Ад. Это река забвения Лета, которую Данте по своему обычаю сразу не называет. Она течет с вершины горы Чистилища, где находится Земной Рай — Эдем. Под тихое пенье ручья Вергилий впереди, а вслед за ним Данте поднимаются в сторону южного полушария.

Пока моих очей не озарила
Краса небес в зияющий просвет;
И здесь мы вышли вновь узреть светила.

Последующие кантики «Божественной Комедии» так же будут заканчиваться словом «stella» (светило, звезда).

Глава 19. У Кан Гранде

Верона была на первый взгляд все такой же, какой ее оставил лет десять тому назад флорентийский изгнанник. Но, пожив в ней и присмотревшись, Данте заметил перемены. Городом уже пять лет единовластно правил Кан Гранде делла Скала. Он воздвигнул новые городские стены, поправил мосты, укрепил и перестроил дворец Скалигеров. Верона стала центром гибеллинов всей северной Италии. От Генриха VIII Кан Гранде получил титул императорского викария Вероны и Виченцы. В 1308 году совсем юным его женили на дочери антиохийского герцога Джованне, на сестре которой был женат старший брат Кан Гранде Бартоломео. Супруги сеньоров Вероны приходились по матери внучками Фридриху II Гогенштауфену, на этом основании еще Бартоломео украсил семейный герб императорским орлом. Скалигеры породнились и с могущественной семьей Висконти: жена Альбоина, второго брата Бартоломео, была дочерью Маттео Висконти, правителя Милана.

После смерти Альбоина, с которым Кан Гранде совместно правил до 1311 года, ему приходилось несколько раз отвоевывать Виченцу, входившую в его викариат, и жить под угрозой постоянных военных столкновений с Падуей. В сентябре 1314 года, когда во дворце делла Скала с большой пышностью справляли свадьбу племянника правителя Франческино с одной из дочерей Луккино Висконти, пришло известие, что падуанцы заняли предместье Виченцы и вот-вот проникнут в город. С несколькими рыцарями Кан Гранде немедленно поскакал в Виченцу и ринулся в бой. Его появление было столь неожиданно, а ярость так велика, что он внес замешательство в ряды падуанцев. Видя, что победа склоняется на сторону Кан Гранде, гарнизон города присоединился к нему, и падуанцы в панике и беспорядке бежали. Было взято в плен несколько виднейших граждан Падуи; среди них оказался Альбертино Муссато, известный политический деятель, поэт и историк, написавший об итальянском походе Генриха VII. Победителю Кан Гранде было всего двадцать три года. Через несколько месяцев пленных отпустили благодаря мирному посредничеству Венеции. В следующем году Угуччоне делла Фаджуола с помощью Кан Гранде разгромил Тосканскую гвельфскую лигу и войска короля Роберта Неаполитанского. Верона вела непрестанную борьбу с гвельфскими городами Севера, прежде всего с Падуей и Брешией, и почти всегда с успехом.

Выбранный в 1316 году папа Иоанн XXII послал своих нунциев в Верону, Падую и другие города Ломбардии с посланиями, в которых говорилось, что, поскольку императорский престол пустует, носителем императорских прав является папа. Тогда Кан Гранде от имени Вероны и Виченцы присягнул на верность Фридриху Красивому Австрийскому, тем самым показывая, что не считает императорский престол свободным, а притязания папы обоснованными. С тех пор отношения Кан Гранде с Авиньоном были окончательно испорчены. Верона постоянно находилась под интердиктом: священникам запрещалось совершать какие-либо таинства, кроме крещения, прекращены были все службы в церквях. Впрочем, у Кан Гранде в его государстве нашло приют немало францисканцев, открыто стоявших в оппозиции к папе, и можно предполагать, что они служили мессы и отправляли обряды: женили, причащали, исповедовали и отпевали, несмотря на папское отлучение. Большая часть гибеллинов, авероистически настроенная, также привыкла не обращать внимание на папские отлучения. Когда борьба между императором Людвигом Баварским и его соперником Фридрихом Австрийским закончилась поражением и пленением австрийца, Скалигер признал нового императора.

Политически Данте сходил с Кан Гранде лишь внешне: оба они были сторонниками монархии. Но Кан Гранде довольствовался уже существующей формой средневековой империи и искал в ней прежде всего оплота собственной власти и возможности расширения своих владений. Данте, как и его современник, историк Феррето да Феррети, родом из Виченцы, мечтал о совершенном всемирном государстве. Данте видел в лице Кан Гранде способного и мудрого императорского викария и полководца, но последние цели Скалигера и Данте расходились.

Феррето да Феррети в хвалебной поэме в честь Кан Гранде, восторженной и насыщенной гиперболами, представил правителя Вероны в образе рыцаря французских романов, пользовавшихся необыкновенной популярностью среди итальянцев. Двор Кан Гранде воспел странствующий поэт и жонглер Эммануэль Еврей, уроженец Рима. Он сочинил жонглерскую песнь в шестистопных стихах, где рассказывается, что во дворец Скалигеров стекаются рыцари и вельможи из разных стран. В обществе Кан Гранде гости беседуют и спорят об астрологии, философии и даже теологии.

Кан Гранде интересовался также живописью. Историки искусств называют его первым

покровителем веронских художников, которые в XIV веке считались лучшими в северной Италии, превосходя живописцев Падуи и Венеции. Верона дала таких превосходных мастеров, как Альтикьеро, Пизанелло и Паоло Веронезе. На творчество наиболее значительных художников Вероны оказала сильное влияние придворная живопись. Джорджо Вазари в «Жизнеописании наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» сообщает, что Джотто, соотечественник и друг Данте, писал во дворце Кан Гранде фрески и портрет самого правителя. Петрарка уверяет, что после Фридриха II г, Италии не было другого такого блестящего и просвещенного сеньора, как делла Скала. Мы не ошибемся, если назовем Кан Гранде первым ренессансным правителем Италии.

Данте часто думал о Кан Гранде. Он был ему обязан очень многим, ни один из сеньоров Италии не принял такого участия в нем и в его детях. Сыновья Данте, изгнанные из Флоренции, когда им исполнилось пятнадцать лет, нашли себе приют в Вероне и сумели получить образование благодаря щедрости Кан Гранде. Старший сын — Пьетро стал веронским судьей и навсегда остался в Вероне, где до сих пор живут его потомки (с XVI века — по женской линии).

Данте-политик с интересом наблюдал за образованием и возрастанием мощи принципата делла Скала, которые постепенно сосредоточивали в лице и особе правителя все высшие должности города, оставляя в основном прежнее республиканское устройство. Это был тот путь, по которому пошли в XIV веке многие тираны Италии, происходившие обычно из весьма незнатных семей, преимущественно купеческих. Делла Скала были не только храбрыми воинами и талантливыми полководцами, но также деловыми людьми, которые содействовали развитию торговли в родном городе. При Кан Гранде Верона производила ежегодно около тридцати тысяч штук сукна, конкурируя с Флоренцией. Кан Гранде проявил себя также как тонкий политик и предусмотрительный законодатель. В 1317 году он стал капитаном гибеллинской лиги.

Мы не знаем, где жил Данте во время своего второго пребывания в Вероне, которое продолжалось около года. Быть может, в том же монастыре Сан Дзено, что и прежде, но где давно уже не было ненавистного Данте хромого аббата. В это время Данте начал входить в славу. «Ад» распространился в списках по всей Италии. Поэма произвела сильнейшее впечатление, ее читали вслух, заучивали наизусть. В кругах сторонников Кан Гранде и среди гибеллинов других городов большим успехом пользовалась «Монархия», которая не сразу вышла из узкого круга читателей.

О Данте начали слагаться легенды и рассказываться анекдоты. Большинство из них не заслуживает внимания, являясь лишь свидетельством его широкой популярности в разных слоях народа. Часто имя Данте приурочивали к очень старым историям, восходящим едва ли не к античной поре. Многие из рассказов о великом поэте перешли в новеллистику XIV—XV веков, и среди них прелестный рассказ о простых веронских женщинах, которые, завидя проходящего Данте, сторонились и испуганно шептали: «Смотрите, смотрите, его борода и волосы покрыты пеплом ада, а лицо обожжено адским пламенем».

Итальянская новелла XVI века связывает с именем Бартоломео делла Скала трагическую любовную историю Ромео и Джульетты. Однако в хрониках XIV века об этой печальной повести ничего нельзя найти. Данте, живший в эти годы в Вероне, также ни словом не обмолвился о двух влюбленных. Правда, в шестой песне «Чистилища» есть строки о распре Монтеки и Капулетти, после чего Данте называет еще несколько фамилий из разных городов, очевидно предводителей двух партий, главных зачинщиков внутренних ссор и раздоров. Несомненно, что гробница Джульетты на виа Капуччини, которую и в наши дни показывают туристам, так же как и легенда о Ромео и Джульетте, во времена Данте еще не существовали.

Данте старался реже бывать во дворце у Кан Гранде, он не принимал участия в пиршествах и придворных празднествах и все более и более уходил в себя, сосредоточиваясь над песнями «Чистилища». В Вероне, так же как в Лукке и в Пизе, нашли пристанище бывшие тамплиеры, и, может быть, подружившись с ними и сочувствуя их бедам, Данте приобрел их доверие и ему было рассказано то, что непосвященным обычно не рассказывается. Нам кажется, что тамплиерские мотивы, которых особенно много в «Чистилище», возникли именно из этих тайных дружеских беседований.

Мы не думаем, однако, что Данте когда-либо был тамплиером и получил посвящение. Это представляется невозможным хотя бы потому, что он был женат. Какая-либо близость к тамплиерам во Флоренции возникнуть не могла, поскольку в те годы рыцари монашеского ордена являлись сторонниками папы и находились от него в зависимости, а антипапские убеждения Данте хорошо известны. Затем началось гонение на храмовников, и Данте почувствовал к ним большую симпатию. Ненависть к Филиппу Красивому и особенно к папе Клименту V стала у них общей. Пожалуй, только так можно решить проблему «Данте и тамплиеры». В Италии тамплиеры не подвергались таким страшным гонениям, как во Франции, но потеряли свои огромные владения. Поэтому можно предположить, что и в Равенне Данте продолжил свои беседования с гонимыми рыцарями Храма.

До сих пор не умолкают споры о письме Данте к Кан Гранде, вероятно посланном в начале

пребывания поэта в Равенне. В наши дни Ф.Р. Мадзони защищает подлинность письма, в то время как Б. Нарди считает оригинальными только первые три параграфа. После долгих колебаний мы склонились на сторону тех, кто признает, что Данте написал это письмо. Оно представляет из себя как бы введение к первой песне «Рая». В нем содержится объяснение того, как следует понимать поэтические произведения. О системе толкований Данте мы уже писали в главе о «Пире», так как в этом трактате впервые был разобран вопрос о многомыслии не только церковных, но и светских текстов.

Для уяснения отношений Данте и правителя Вероны особый интерес представляет начало письма:

«Воздаваемая Вашему великолепию хвала, которую распространяет неусыпная летучая молва, порождает в людях настолько различные мнения, что в одних она вселяет надежду на лучшее будущее, других повергает в ужас, заставляя думать, что им грозит уничтожение. Естественно, подобную хвалу, что превышает любую иную, венчающую какое бы то ни было деяние современников, я находил подчас преувеличенной голосом мирской молвы и весьма несоответствующей истинному положению вещей. Но дабы излишне длительные сомнения не удерживали меня в неведении, я, подобно тому, как царица Савская направилась в Иерусалим, а Паллада — к Геликону, прибыл в Верону, желая собственными глазами взглянуть на то, что я знал понаслышке. И там я стал свидетелем вашего величия; я стал также свидетелем благодеяний и испытал их на себе; и как до того я подозревал преувеличенность в разговорах, так узнал я впоследствии, что деяния ваши заслуживают более высокой оценки, чем дается им в этих разговорах. Поэтому, если, в результате единственно слышанного мною, я был, испытывая в душе некоторую робость, расположен к вам прежде, то, едва увидев вас, я сделался преданнейшим вашим другом...

Противопоставляя вашу дружбу всему иному, как драгоценнейшее сокровище, я желаю сохранить ее исключительно бережным и заботливым к ней отношением. Однако, коль скоро в правилах о морали философия учит, что для того, чтобы не отстать от друга и сохранить дружбу, необходимо некоторое соответствие в поступках, мой священный долг — дабы отплатить за оказанные мне благодеяния — поступить соответствующим образом: для этого я внимательно и не раз пересмотрел безделицы, которые мог бы вам подарить, и все, что отобрал, подверг новому рассмотрению, выбирая для вас наиболее достойный и приятный подарок. И я не нашел для столь большого человека, как вы, вещи более подходящей, нежели возвышенная часть «Комедии», украшенная заглавием «Рай»; и ее вместе с этим письмом, как с обращенным к вам эпитафией, вам посвящаю, вам преподношу, вам, наконец, вверяю».

Как ни прятался Данте от придворных пиров и торжественных собраний, он все же должен был время от времени на них присутствовать. Воздух во дворце был насыщен интригами и разговорами, которые больше уже не забавляли Данте. Ему наскучил звон мечей и кубков. Он нуждался только в полном уединении, где, отрешившись от забот и суеты, он мог бы спокойно работать над последней частью своей поэмы. Шум Вероны утомлял его. Поэтому, когда Данте получил приглашение от правителя Равенны Гвидо да Полента, слывшего любителем и знатоком поэзии, он с радостью отозвался.

После отъезда Данте сохранил дружбу с Кан Гранде, которому он был так много обязан. Боккаччо сообщает, что великий поэт сначала отсылал Кан Гранде написанные песни «Рая», а потом уже давал разрешение переписывать их другим. Нам известно, что и после смерти Данте у сеньора Вероны оставались рукописи «Божественной Комедии». До нас дошел сонет, с которым обратился к Кан Гранде Джованни Квирина, один из друзей, а может быть, и учеников Данте, прося ознакомить его с последними песнями «Рая». В Вероне Данте завершил вторую часть своей огромной поэмы — восхождение к Земному Раю — кроме нескольких последних песен, которые дописывались уже в Равенне.

Глава 20. Восхождение

Из вечной тьмы, сотрясаемой душераздирающими звуками — скрежетом, стонами, грохотом, лязгом металла, завываньем ветра, поэты попадают в царство гармонии, овеянное легкой меланхолией. Чистилище необычайно живописно. При свете солнца воскресают краски. Зарисовки Данте — ангелы с зелеными крыльями в белых и огненных одеждах — вызывают в памяти красочную палитру и образы мастеров раннего Возрождения, более всего Симона Мартини.

Я различал их русый цвет волос,

Но взгляд темнел, на лицах их почия,
И яркости чрезмерной я не снес.

Глагол различал повторяется в терцинах, где преобладают зрительные образы:

Уже заря одолевала в споре
Нестойкий мрак, и, устремляя взгляд,
Я различал трепещущее море.

Взор Данте после адской тьмы, прерываемой вспышками огня, наслаждается обилием красок и тонов, трепетом в вышине звезд:

Отрадный цвет восточного сапфира,
Накопленный в воздушной вышине,
Прозрачной вплоть до первой тверди мира,
Опять мне очи упоил вполне,
Чуть я расстался с тьмой без рассвета,
Глаза и грудь отяготившей мне.
Маяк любви, прекрасная планета,
Зажгла восток улыбкою лучей...

В лирическом отступлении восьмой песни «Чистилища» выражена светлая и легкая грусть человека, который не может отрешиться от земного, забыть свои привязанности:

В тот самый час, когда томят печали
Отпльвших вдаль и нежит мысль о том,
Как милые их утром провожали,
А новый странник на пути своем
Пронзен любовью, дальний звон внимая,
Подобный плачу над умершим днем.

На побережье Предчистилища Данте встречает душу вновь прибывшего музыканта Казеллы, своего флорентийского друга. Казелла раскрывает свои объятия Данте, которого он любил и не перестает любить, расставшись с жизнью, но тщетно пытается Данте прижать его к груди:

О призрачные тени! Троекратно
Сплетал я руки, чтоб ее обнять,
И трижды приводил к груди обратно.

Вспоминая радость, которую он испытывал в былые годы от песен Казеллы, Данте просит друга своей молодости спеть вторую канцону «Пира» — «Амóр во мне о даме говорит». Заслушавшись Казеллы, Данте, Вергилий и души, прибывшие вместе с певцом, «так радостно ловили каждый звук, что лучшего, казалось, нам не надо». Но предавшиеся музыке вдруг услышали строгий голос стража Антипургатория величественного старца Катона Утического, который побуждал их не отвлекаться, а продолжать свой путь восхождения.

Почему Данте доверил язычнику и самоубийце Катону важную должность хранителя доступа в Чистилище? Сопоставления первой песни «Чистилища» с другими произведениями Данте, особенно с «Пиром», показывают, что Данте чтит в Катоне доблестного мужа римского государства, праведника, пожертвовавшего жизнью, чтобы не подчиниться тирании, ибо только свобода и духовная независимость, как учили стоики, дают возможность проявить добродетель. На Катоне опочила особая милость создателя, допускавшая в исключительных случаях спасение язычников. В воображении Данте Катон становился прообразом и символом самого бога; именно ему надлежало открывать путь к очищению и восхождению к звездам.

Архитектоника Чистилища проста: на берегу вселенского океана находится Предчистилище — Антипургаторий; на двух уступах, возвышающихся над водной гладью, томятся нерадивые души. Там же расположена долина земных властителей. Они ждут, когда будут допущены к вратам Чистилища, за которыми начнется восхождение по семи кругам — иногда продолжающееся несколько столетий — к вершине, где находится Земной Рай. Восхождение по скалистым дорогам, вначале более трудное, в конце пути становится подобно движению быстрого корабля, разрезающего грудью поверхность вод. В первом круге очищаются гордецы (и в этот круг Данте надеется попасть после смерти!), во втором — завистники, в третьем — гневные, в четвертом — унылые, в пятом — скупцы и расточители, в шестом — чревоугодники, в седьмом — сладострастники. Последние три круга Чистилища, более

близкие к Земному Раю, где караются менее тяжкие грехи, соответствуют второму, третьему и четвертому кругам Ада.

К вратам Чистилища ведут три ступени: беломраморная, из шершавого, обгорелого, растрескавшегося камня «цветом словно пурпур почернелый», и огнисто-алая, порфирная. Покою на последней ступни своих ног, сидит на алмазном пороге дивно-печальный ангел в темно-серых одеждах — хранитель входа. Концом меча он чертит на лбу входящих семь «Р» (первую букву латинского слова *peccatum* — грех). Знаки эти снимаются при прохождении семи кругов.

Один из первых повстречавшихся Данте в Предчистилище — белокурый, прекрасный видом король Сицилии Манфред, павший в битве с Карлом Анжуйским и гвельфами под Беневентом. Он спрашивает, обращаясь к Данте: «Тебе знаком я по земным приметам?» Поэт замечает у него рассеченную рубцом бровь и смертельный след у сердца. Отдавая должное храбрости Манфреда, неприятельские солдаты набросали камней на могилу короля, отлученного от церкви и похороненного без церковных обрядов. Но епископ Козенцы по повелению папы выбросил тело короля и перенес его за пределы земель святого престола к реке Верде, на границу Неаполитанского королевства и Кампаньи, где с проклятьями и потушенными перевернутыми свечами зарыл его останки. Джованни Виллани так описывает в Хронике Флоренции сына Фридриха II: «Король Манфред был красив лицом и телом, и подобно его отцу и даже в большей степени предан всем излишествам и страстям. Он был музыкантом и певцом, любил окружать себя жонглерами, придворными и прекрасными наложницами... Он славился щедростью и куртуазными манерами, отличался изяществом и хорошим расположением духа, поэтому его очень любили. Однако вся жизнь короля Манфреда была жизнью эпикурейца, который почти не заботился о боге и о святых, преданный телесным наслаждениям. Он был врагом Святой Церкви, клириков и монахов и, так же как его отец, захватывал церковное имущество». Данте спас душу Манфреда, несмотря на то, что тот был отлучен от церкви, создав легенду о его предсмертном обращении к богу.

В начале XIX века, когда итальянские патриоты поднялись на борьбу за свободу и единство Италии, образ Манфреда стал для них символом защитника независимости против светских притязаний папы и владычества чужеземцев. О Манфреде создалась целая литература: стихи, драмы, романы, исторические очерки. Живописцы изображали убитого в бою Манфреда посреди беневентского поля. Напомним лишь известную картину Джузеппе Беццуоли, написанную в 1838 году по заказу князя Анатолия Демидова, находящуюся в настоящее время в музее города Беневента, и роман Франческо Гвераци «Беневентская битва» (1827), переведенный почти на все европейские языки.

Подымаясь по крутой скалистой дороге, Данте видит странное шествие — движущиеся камни. Лишь взглядевшись пристальней, он замечает придавленных камнями людей; даже самый терпеливый из них «как бы взывал в слезах: „Изнемогаю“. Для обремененных непосильной ношей на вздымающейся высоко скале высечены примеры смирения.

...На стенах обрыва
Был мрамор, изваянный так прекрасно,
Что подражать не только Поликлет,
Но и природа стала бы напрасно.

Высеченное резцом неведомого художника было «правдивостью движенья так живо, что ни в чем не походило на молчаливые изображения». Эти каменные изваяния представляют собой своеобразную наглядную агитацию.

Из картин, запечатленных в звучащем мраморе, внимание Данте больше всего привлечено одной. Поэт вновь переносится к временам античного Рима:

Там возвещалась истинная слава
Того владыки римлян, чьи дела
Григорий обессмертил величаво.

Мы видим собирающегося в поход императора Траяна.

От всадников тесна была поляна,
И в золоте колеблемых знамен
Орлы парили, кесарю охрана.

За удила императорского коня ухватилась вдовица, умоляя отомстить убийцам ее сына. Добро должно быть действительно, император обязан творить справедливый суд сам, не надеясь на других, в

этом «его призвание» и долг, — Данте всюду находит повод для пропаганды своих политических идей.

Порою поэт в нескольких терцинах создает образы, которые нельзя забыть. Таков, например, в «Чистилище» краткий рассказ о Провенцане Сальване. Этот правитель Сьены, человек гордый и жестокий, очутился среди очищающихся душ лишь потому, что спас из тюрьмы неаполитанского короля Карла I, своего друга, осужденного на смерть. За Карла нужно было заплатить огромный выкуп — 10 тысяч золотых флоринов. Провенцан Сальвани собрал все, что у него было, но не смог составить необходимой суммы. Тогда он, как нищий, сел посередине площади Кампо и стал просить проходящих граждан ему помочь. Видя добровольное унижение своего гордого сеньора, сьенцы были тронуты его смирением, собрали недостающие деньги, и выкуп был заплачен вовремя. Сальвани дрожал каждой жилкой от унижения, но претерпел все, чтоб только вырвать из темницы своего друга. И за это Данте дарует прощение гордому и гневному сеньору.

Тетка Провенцана Сальвани, некая дама из Сьены по имени Сапья Сарачини, отличалась при жизни завистливостью, так же как Гвидо дель Дука из Романьи, о котором еще будет речь. Завистливые сидят вдоль скалы, опершись друг о друга, как нищие. Их веки зашиты по краям железной нитью, и они осуждены на слепоту, пока не кончится срок покаяния. Сапья желала зла всем своим согражданам, она радовалась даже поражению своего племянника, который пал в битве с флорентийскими гвельфами. Но под старость она смирилась и покаялась в своих грехах. Госпожа Сарачини не без юмора рассказывает о сьенских сухопутных «адмиралах». После того как сьенцы тщетно искали подземную реку Диану, чтоб обеспечить город водой, они захотели приобрести на берегу Тирренского моря гавань Таламонэ, и все влиятельные граждане мечтали стать капитанами и адмиралами несуществующего сьенского флота.

Так же замечателен, но в ином плане, рассказ о встрече Данте в преддверии Чистилища с добродушным и ленивым флорентийским мастером музыкальных инструментов Бельаква. Нельзя забыть улыбки, которая нежданно озаряет лицо Данте, когда он видит, как Бельаква сидит на большом камне в тени, терпеливо ожидая с присущей ему ленцой того часа, когда начнется его мучительное и тяжелое восхождение на гору. Данте стремится скорее достигнуть Земного Рая, открыть путь к звездам, он полон нетерпения, готов преодолеть все трудности. Бельаква, склонив голову на колени, никуда не спешит: он спасен и никуда не торопится. «А ты беги наверх, если ты такой ретивый», — говорит он своему старому знакомому Данте.

В Чистилище есть гордец, напоминающий Фаринату. Это знаменитый итальянский трубадур Сорделло ди Гойто, умерший около 1270 года, земляк Вергилия, — оба они происходили из окрестностей Мантуи. Сорделло прославился не только своими провансальскими стихами, но и прогремел в скандальной хронике XIII века. С помощью Эццелино да Романо, тирана Падуи, он похитил жену одного из своих покровителей — Куницу. Данте поместил прекрасную грешницу в сияющем небе Венеры.

Куницей я звалась и здесь горю
Вот этой побежденная звездой...

Может быть, ей отпустились поэтом многие грехи за то, что под старость она покаялась и освободила своих крестьян.

На втором уступе Антипургатория застыл Сорделло,

...на него идущих, озирая
С осанкой отдыхающего льва.

Он не спешит ответить на вопрос пришельцев, «какая удобнее дорога к вышине», но спрашивает, кто они и откуда.

Чуть «Мантуя...» успел сказать Вергилий,
Как дух, в своей замкнутой глубине,
Встал, и уста его проговорили:
«О мантуанец, я же твой земляк,
Сорделло!» И они объята слили.

Встреча с Сорделло, автором обличительных и сатирических стихов, возбуждает в груди Данте полные горечи воспоминания. Звучат инвективы против Италии, а потом против Флоренции. Данте негодует, обличает, проклиная:

Италия, раба, скорбей очаг,

В великой буре судно без кормила,
Не госпожа народов, а кабак!..
А у тебя не могут без войны
Твои живые, и они грызутся,
Одной стеной и рвом окружены.
Тебе, несчастной, стоит оглянуться
На берега твои и города:
Где мирные обитатели найдутся?

Напрасно император Юстиниан стремился законами и правосудием обуздать бешеного итальянского коня, седло цезарей пустоует, конь, не укрощаемый шпорой, несется в бездну. Сад империи запущен, наследники Генриха VII забыли свой дом. Сеньоры Италии или оплакивают свои потери, или дрожат от страха. Стенает Рим, покинутый кесарем, но в чудесной глубине событий таится еще неведомая великая радость для Италии и всего мира. Но пока еще рано радоваться, так как повсеместно власть захватили все кому не лень. Как некогда Клавдий Марцелл, сторонник Помпея, враг Цезаря, пролез в консулы, так ныне всюду угнетают народ узурпаторы.

С горькой иронией поэт замечает, что все это не касается Флоренции, ибо там мудрость свойственна всем гражданам. Флорентийцы согласны, недолго раздумывая, взяться за любую политическую реформу. Они считают, что Спарта и Афины, где когда-то вспыхнула заря гражданских прав, пред ними — лишь несмышленные младенцы. Однако Флоренция напрасно мастерит тончайшие и недолговечные уставы, все в ней изменчиво: законы, деньги, нравы. Ей следовало бы опомниться и понять, что она подобна больной, которая мечется среди перин, не в силах обрести покоя. Гвидо дель Дука из равеннского рода Онести «пророчествует» о страшной резне, которую учинил в 1303 году подеста Флоренции равенец Фульчери да Кальболи. Фульчери подверг жестоким пыткам пленных белых гвельфов и зверски казнил гибеллинов. Поэт рисует картину резкого упадка нравов в Тоскане, не щадя и своих бывших союзников.

В пятом круге скупцов и расточителей, где искупают свою вину те, кто при жизни находился во власти волчицы, Данте слышит молитвы некоего благочестивого человека. Это Гуго Капет, предок всех Филиппов, Людовиков и Карлов, царствовавших в течение многих веков во Франции. Неаполе и даже в Венгрии. Гуго Капет будто бы был сыном мясника, так утверждало и старофранцузское предание и поздний французский эпос, флорентиец Джованни Виллани и, наконец, в XV веке в одной из своих баллад — Франсуа Вийон. Сам Гуго, хоть и скуповатый, как все выходцы из купеческих родов, покаялся и преисполнен уверенности в том, что его грехи простятся. Но его потомство осквернило себя стяжательством и

«Я корнем был зловредного растенья,
Наведшего на божью землю мрак
Такой, что в нем неплодье запустенья».

Благочестивые слова Капета превращаются в инвективу, не первую в «Божественной Комедии», но одну из самых острых. Одно из главных обвинений родоначальника династии Капетингов своим потомкам — узурпация ими соседних земель. Капет говорит, что, пока род его не переходил пределов Прованса, он не представлял опасности для других стран.

А тут он начал хитрости плести
И грабить; и забрал, во искупленье,
Нормандию, Гасконью и Понти.
Карл сел в Италии; во искупленье,
Зарезал Куррадина; а Фому
Вернул на небеса, во искупленье.

Короли Франции не удовольствовались землями Прованса и Нормандии; Карл Анжуйский воцарился в Неаполе. Он обезглавил последнего потомка Гогенштауфенов Коррадино, а Фому Аквинского приказал отравить только за то, что этот ученейший муж принадлежал к роду графов Аквино, враждебных Анжуйской династии. Иронию Данте усиливает повтор слова-рифмы «во искупленье», подчеркивающей ханжество и цинизм Карла.

Затем Данте переходит к «новому Карлу», брату Филиппа Красивого, который своим предательским копьем «брюхо у Флоренции распорет». И наконец, устами Капета Данте сводит счеты с королем Франции Филиппом IV, совершившим ряд гнусных преступлений, ограбившим тамплиеров и предавшим их лютой казни («он в храм вторгает хищные ветрила»).

Смешно упрекать великого флорентийца в том, что он иначе, чем мы, оценивал историческое

значение деятельности первых королей из династии Капетингов, преодолевших насильем феодальную и экономическую раздробленность Франции и собиравших крупное национальное государство. Данте, как и его выдавших виды современников, прежде всего ошеломляли методы, поистине чудовищные, с помощью которых Филипп IV и его родичи осуществляли свои цели.

На исходе из круга скупцов и расточителей Данте и Вергилия догоняет тень. Это Публий Папиний Стаций, римский поэт I века н. э., автор «Фиваиды», которую Данте необычайно ценил, и незаконченной поэмы «Ахиллеиды». Его «Сильвы», — может быть, лучшее, что он написал, — остались Данте не известны. Стаций был очень знаменит в средние века; Возрождение читало лишь «Сильвы». В сущности, Стаций был подражателем Вергилия. От дня своей смерти до условного 1300 года Стаций провел в Чистилище около двенадцати веков, из которых более пяти — в кругу скупцов, четыре столетия он толкался среди незрячих завистников, остальное время, вероятно, пребывал в Антипургатории. Когда пришло время его очищения, гора Чистилища содрогнулась, как при землетрясении, — знак прощения всех грехов. Стаций не сразу узнал, что его собеседник — Вергилий, но, когда Данте сказал ему, кто пред ним, Стаций упал к ногам своего учителя и хотел их обнять. Но Вергилий отстранил его:

«Оставь! Ты тень и видишь тень, мой брат».
«Смотри, как знойно, — молвил тот, вставая, —
Моя любовь меня к тебе влекла,
Когда, ничтожность нашу забывая,
Я тени принимаю за тела».

Эта сцена напоминает встречу Данте с Казеллой:

О призрачные тени! Троекратно
Сплетал я руки, чтоб ее обнять,
И трижды приводил к груди обратно.

Данте считает, что умершие души до дня страшного суда наделены некоей призрачной плотью, которая, однако, способна чувствовать и страдать.

Три поэта вместе продолжают свой путь к вершине горы. В Чистилище Данте всюду встречает поэтов, художников, музыкантов, оплакивающих свое земное несовершенство. В дни молодости Данте обменивался грубыми и не совсем пристойными сонетами со своим другом и свойственником Форезе Донати, братом Корсо. Он находит тень ругателя и чревоугодника Форезе в шестом круге и приветствует его словами, в которых нет и следов бывшего раздражения. Форезе произносит трогательные слова о своей вдове, называя Данте милым братом, однако и в Чистилище он сохраняет острый язык поэта школы Рустико Филиппи. Осмеивая нравы флорентийских женщин, он насмешливо «предрекает»:

Уже я вижу тот грядущий час,
Которого недолго дожидаться,
Когда с амвона огласят указ,
Чтоб воспретить бесстыжим флорентийкам
Разгуливать с сосцами напоказ.
Каким дикаркам или сарацинкам
Духовный или светский нужен бич,
Чтоб с голой грудью не ходить по рынкам?

Подобные жанровые сцены встречаются и в других местах «Чистилища», хотя менее, чем в «Аде». Приведем для примера начало шестой песни:

Когда кончается игра в три кости,
То проигравший снова их берет
И мечет их один, в унылой злости;
Другого провожает весь народ;
Кто спереди зайдет, кто сзади тронет,
Кто сбоку за себя словцо вернет.
А тот идет и только ухо клонит;
Подаст кому — идти уже вольней,
И так он понемногу всех разгонит.
Таков был я в густой толпе теней,
Чье множество казалось превелико,
И, обещая, управлялся с ней.

Все то, что Данте видел во Флоренции, стоит перед ним как живое. Впрочем, сценку игры в кости — излюбленное им «расширенное сравнение» — Данте приводит для передачи толкотни в густой толпе теней Чистилища.

Над шестым кругом, где каются чревоугодники, возвышается последний, седьмой круг, ближе всего расположенный к Земному Раю. Там очищаются те, кто предан был сладострастью. Среди этих душ Данте находит немало поэтов, служивших земному Амору. В огненных пределах Данте видит Гвидо Гвиницелли, отца «сладостного нового стиля». Полный восторга и волнения, Данте обращается к болонскому поэту и говорит, что слава стихов «старшего Гвидо» не пройдет веки. Тогда в волнах пламени Гвидо Гвиницелли указывает на другого очищающегося, который, по его мнению, более заслуживает похвалы, чем он. Данте обращается с вопросом к этому духу. Тот отвечает изысканно и вежливо на провансальском языке: «Ieu sui Arnaut, que plor e vau cantan».

Здесь плачет и поет, огнем одет,
Арнальд, который видит в прошлом тьму,
Но впереди, ликуя, видит свет.

Это знаменитый трубадур Арнальдо Даниэль, которого Данте ставил выше всех певцов Прованса в своем трактате «О народном красноречии». Изобретая все новые и новые формы канцон, Данте учился у провансальского трубадура. Сложную форму сикстин, разработанную Арнальдо, Данте воспринял и развил в цикле стихов о Каменной Даме.

Чтобы достигнуть Земного Рая, Данте должен пройти через стену огня, который опалает жаром, превосходящим расплавленное стекло, и в то же время не сжигает. Данте вошел в очищающее пламя с большим страхом, «побледнев, как мертвец, которого кладут в могилу». Вергилий побуждает его к решительному шагу и обещает, что за огненной стеной находится Беатриче. Автор «Энеиды» пошел впереди, Данте следовал за ним, шествие замыкал Стаций. За стеной огня ступени вели в сады Земного Рая, охраняемые ангелом целомудрия. Переночевав на ступенях последней лестницы, ведущей к совершенству, Данте и латинские поэты вошли в Земной Рай. Уста Вергилия сомкнулись, ибо в этих пределах просвещенный разум должен безмолвствовать. На ступенях перед восходом Данте видит во сне прекрасную молодую женщину, которая на холмах Венеры собирает цветы. Слышится ее песня. Это Лия. Ее сестра Рахиль сидит неподвижно и смотрится в зеркало, любуясь красотой своих очей. Лия любит работу своих прекрасных рук, Рахиль погружена в самолюбование. Так представлена в живых образах и в то же время аллегорически жизнь деятельная и жизнь созерцательная. Лия предвозвещает Матильду Земного Рая, Рахиль — Беатриче, с которой она находится рядом в Небесной Розе. Этим сном во сне постепенно раскрывается перед Данте новая красота Беатриче.

В «Чистилище», как и в «Аде», Данте часто прибегает к приему сновидений, которые являются как бы сном во сне. Припомним еще несколько снов Данте. В преддверии Чистилища Данте снится, что его возносит «в заоблачный совет» орел. Это орел Юпитера, символ Римской империи.

Иногда Данте не помнит, что происходило с ним во сне, и ему рассказывает об этом Вергилий. Так Данте не мог понять, каким образом после долины Антипургатория он очутился на лестнице перед воротами Чистилища. От Вергилия он узнает, что сонного его перенесла на руках Лучия. Сон-видение посещает Данте и перед восхождением к последним двум кругам, но представшее ему на этот раз отвратительно и мерзостно. В сон Данте вступила женщина «гуглива, с культиями вместо рук, лицом желта», хромая и кривая. Под взглядом Данте она выпрямляется, живая теплота проходит по ее восстановившимся и оживающим членам, лицо ее становится прекрасно, облакаясь «в такие краски, как любовь велела».

Как только у нее явилась речь,
Она запела так, что я от плена
С трудом бы мог вниманье уберечь.
«Я, — призрак пел, — я нежная сирена,
Мутящая рассудок моряков,
И голос мой для них всему замена...»

Рядом с неотразимо ужасной женщиной неожиданно появляется святая жена. Она гневно рвет платье у поющей, обнажая ее мерзости. От «несносного смрада», который исходит от плоти, Данте просыпается. Вергилий объясняет погрузившемуся в раздумья Данте смысл видения:

«...Ты видел ведьму древних дней,
Ту самую, о ком скорбят над нами;
Ты видел, как разделяться с ней.

С тебя довольно...»

И Данте навсегда освобождается от наваждения... Земной Рай является как бы средоточием жизни активной. Водительницей Данте станет там Матильда. Листва в лесу Земного Рая вторит гармоническому легчайшему ветру. Движение воздуха в Эдеме Данте сравнивает с дыханием сирокко среди приморских сосен у Кьясси между Равенной и Адриатикой. Эолова арфа ветров у Кьясси запечатлелась много веков спустя и в байроновском «Дон-Жуане»:

О сумерки на тихом берегу
В лесу сосновом около Равенны...
О сладкий час раздумий и желаний.
В сердцах скитальцев пробуждаешь ты
Заветную печаль воспоминаний,
И образы любимых, и мечты...

Поток преграждает Данте путь, и тогда появляется Матильда, собирающая цветы. Ее шаг переходит в пляску, она почти летит над поверхностью земли и кажется Данте юной Прозерпиной до того, как ее похитил Плутос, бог преисподней. Взгляд ее исполнен блеска, напоминая сияние очей Венеры, уязвленной стрелой Амура. Это поэтическое видение можно назвать идиллией Земного Рая. Так оно было понято поэтами Аркадии — итальянского классицизма начала XVIII века, и от них восприятие это передалось в конце века русским писателям из окружения Карамзина, которые впервые заинтересовались Данте. Сцена с Матильдой — первый русский перевод из «Божественной Комедии» (1799). Над водами Леты слышится смех Матильды. Ее образ напоминает нам не только юную Прозерпину, но также Симонетту Полициана и Венеру Боттичелли. Радость игры и смех Матильды рождает воспоминания о блаженных временах, когда на земле еще не было плача и стенаний. Явление Матильды обещает восстановление на земле совершенного и праведного человечества, не знающего алчности и стяжания. Матильда говорит, что поэты древности, которые воспевали золотой век, наверно, витали здесь в своих снах. При этих словах на лицах Данте, Вергилия и Стация расцветает улыбка, Вергилий продолжает хранить молчание. Последние его слова перед вступлением в Земной Рай были о том, что Данте свободен, дух его исцелен, он стал сам себе судьей; отныне он увенчан короною и митрой, посвящен во все тайны мироздания, проник в тайны жизни действительной, символ которой императорская корона, и жизни созерцательной (символ ее — митра), и поэтому сам стал судьей, царем и первосвященником. Быть может, в этих стихах отразился обряд посвящения ордена тамплиеров. Немецкий дантолог Роберт Ион рассчитал, что храм тамплиеров в Иерусалиме находился (в представлении современников Данте) как раз в противоположной точке земного шара от того места, где появилась Матильда.

Последние пять песен «Чистилища» посвящены аллегорическому видению, представляющему трудности для читателя, не обладающего специальными сведениями. Еще раз повторим, что аллегории Данте обладают необычайной художественной выразительностью, создающей первый поэтический план, непосредственно воздействующий на воображение. Перед нами появляется процессия старцев и пляшущих нимф, колесница, влекомая таинственным Грифоном. Данте видит, как лесная глубина озаряется внезапными молниями. Свет все возрастает; воздух под листвою деревьев становится пламенным, сладостный далекий звук переходит в стройный напев. Тогда слышится взволнованный голос поэта, призывающий сонм священных дев — античных муз, которые должны ему помочь выразить все, что он видит и слышит. За то, что он изведal голод, стужу, бессонницу, пусть звездная Уралия вдохновит его.

Пусть для меня прольется Геликон,
И да внушат мне Уралия с хором
Стихи с том, чем самый ум смущен.

Сперва мы видим — вместе с Данте — краски. Старцы в процессии одеты в белые одежды, над ними струятся световые волны, как бы проведенные кистью художника. Появляется золотая колесница, которую влачит Грифон, переливаясь золотом, белизною лилий и пурпуром роз. Поэт сравнивает колесницу Эдема с триумфальными колесницами древнего Рима и с золотой повозкою Солнца. Вокруг нее пляшут три женщины: алая, изумрудная и белая. Старцы, следующие за колесницей, украшены лилиями и розами (багряные цветы на снегу кудрей). Грохочет гром, и шествие останавливается. Процессия в Земном Раю напоминает равеннские мозаики в церкви Сан Аполлинаре Нуово. Аллегорическое действие на вершине Чистилища нетрудно истолковать: колесница, влекомая Грифоном, имеющим два естества — земное и небесное, — христианская церковь; алая, изумрудная и

белоснежная нимфы — вера, надежда, любовь; старцы олицетворяют духовные сочинения. Из этих символов и аллегорий второстепенный поэт создал бы лишь «поучительное», а по существу, хладное и блеклое повествование, которое не могло бы воспламенить фантазию.

Данте увидел на колеснице: в венке из олив под белым покрывалом, в зеленом плаще, в пылающем красном одеянье женщину. В таком пылающем, кроваво-алом платье она впервые предстала поэту во Флоренции, когда ему было девять лет.

И дух мой, — хоть умчались времена,
Когда его ввергала в содроганье
Одним своим присутствием она,—
Былой любви изведаль обаянье.

Данте хотел что-то сказать Вергилию, оглянулся, но Вергилий исчез, и он услышал голос, утешающий его: «Данте, не плачь, посмотри на меня, это я, это я, поистине я Беатриче». Но Данте не смеет поднять глаз, ощущая страшное раскаяние, и слышит снова тот же голос, говорящий ему, что он мог некогда приобрести невиданное богатство, но не сумел сохранить то, что ему было даровано. Он находил на земле в дни юности помощь во взоре своей госпожи. Когда же она покинула землю, Данте вступил на неверные пути.

«Когда я к духу вознеслась от тела,
И силой возросла и красотой,
Его душа к любимой охладела.
Он устремил шаги дурной стезей,
К обманным благам, ложным изначала,
Чьи обещанья — лишь посул пустой».

Напрасно она взывала к нему и наяву и во сне. Оставалось лишь одно средство для его спасения — показать ему бездны Ада, страшное зрелище погибших навсегда. И по ее просьбе Данте получил доступ туда, где не ступала еще нога живого человека.

Матильда погружает Данте в реку забвения Лету. Слышится пение необычайных созданий, которые одновременно и нимфы в Земном Раю и звезды в глубинах небес. Образ звездных нимф восходит к мифам Платона. Данте, омытый в водах Леты, казалось, готов для пути к звездам. Но он видит страшную и странную метаморфозу: Беатриче сходит с колесницы, грусть овладевает ею, днище колесницы жалит страшный дракон, появившийся из адских бездн. Он слышит с неба нисходящий голос: «Мой челн полон дурного бремени». Появляется наглая Блудница, которая рыщет глазами по земле, и с нею Гигант, и здесь, в священных садах Земного Рая, Гигант обнимает Блудницу, целует ее, а затем бьет. Видение скрывается в лесу. Эта аллегория имеет и политический и богословский смысл. Блудница — церковь под нечестивым папой Климентом V; Гигант, ее пленивший, целующий и избивающий, — французский король Филипп Красивый. Римская церковь, перенесенная в Авиньон, превратилась в блудницу Апокалипсиса. Тем самым нарушилась гармония жизни деятельной на земле и порвалась ее связь с духовным началом. Поэт предсказывает, что вскоре появится «преемник орла» (император), который уничтожит Блудницу и Гиганта. Данте освобождается от этих видений, погрузившись во вторую реку Земного Рая, воды которой восстанавливают воспоминания о добре.

Я шел назад, священной волной
Воссоздан так, как жизненная сила
Живит растенья зеленью живой,
Чист и достоин посетить светила.

Но и там, в царстве гармонии, света и совершенства, мысли о земном, о судьбах его несчастной родины продолжают тревожить его душу. Он не освободился до конца от трагических воспоминаний даже в звездных высях.

Свое восхождение к звездам Данте относит к весне 1300 года, когда «солнце было в наилучшем положении» в период весеннего равноденствия; оно находилось в созвездии Зодиака — Овне, благотворно влияющего на земную жизнь. Восхождение началось так: Беатриче смотрела в упор на солнце взглядом, доступным, по земным представлениям, только орлу. Из ее созерцания источника материального света возникло движение кверху по вертикальной линии. Данте устремил было свой взгляд к пылающему светилу, но выдержал недолго, затем он почувствовал, что сиянье дня усилилось и возникло как бы второе солнце. Он стал смотреть в глаза Беатриче и вместе с ней подыматься в сферу Луны — со скоростью света. Движение это незаметно, неощутимо, приближается к состоянию

покоя и неподвижности, так как скорость его предельна. Данте не знает, подымался ли он телесно, или во сне, или в каком-либо ином состоянии. Он говорит, что в начале полета пресуществился. Теряясь во взоре Беатриче, он был подобен рыбаку Главку, вкусившему, как повествуется в греческом мифе, магической травы и ставшего морским богом. Подымаясь, Данте теряет все чувства, кроме слуха и зрения. Световые волны становятся бесконечными. Так в космосе начался полет Данте и Беатриче, «почти столь быстрый, как небес вращенье».

Глава 21. Равенна

В первые века Римской империи Равенна процветала, как военный порт на Адриатическом море, прекрасно защищенный и с моря и с суши. Город лежал в глубине лагуны, образованной мощным течением реки По, которая непрестанно наносила ил и песок. Равенну охраняли с моря более двухсот боевых кораблей. Они стояли близ мраморных пристаней дока и верфей порта, носившего имя Классис. Уже во времена Данте от моря до города было довольно далеко и на отмелях и дюнах разросся лес приморских сосен.

Прошло много веков, и Равенна перестала быть столицей и опорой империи и экзархата и никто более не называл ее «Равенна-Феликс» — счастливая Равенна. В начале XIV века это был небольшой тихий город, который все же по старой традиции имел архиепископа. Из эпохи варварских завоеваний остались в памяти народа два имени: Галлы Плацидии и Тео-дориха. Галла Плацидия, дочь последнего императора единой римской державы Феодосия, попала в плен к Алариху, королю вестготов, разрушившему Рим, и ее принудили стать женой его наследника Атаульфа. Оставшись вдовой, она вернулась в Италию, в Равенну, ставшую укрепленной столицей Западной римской империи, к своему брату императору Гонорию. Там ее снова выдали замуж за одного римского патриция и сенатора, и она родила будущего Валентиниана III. Галле воздвигли мавзолей в Равенне, сохранившийся и поныне. В начале XX века здесь бродил Александр Блок.

Безмолвны гробовые залы,
Тенист и хладен их порог,
Чтоб черный взор блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожог.

От славного прошлого остались мраморные гробницы, величественные мозаики, и над этой гробовою тишиною можно иногда услышать глас предания, легенды былых времен. Готский вождь Теодорих, воспитанный в Византии, покорил Италию. Он стремился упрочить мирное сосуществование в своем государстве варваров и латинян. Король остготов старался не разрушать, а строить, окружил себя римскими патрициями. Теодорих, исповедовавший, как и его соплеменники, арианство, построил один из самых замечательных храмов Равенны (теперь Сан Аполлинаре ин Кьясси).

Собор стоял за городскими стенами, у виа Фламиния, старой римской военной дороги. После смерти Теодориха церковь вновь освятили и переделали из арианской в православную. С виду церкви Равенны неказисты, однотонны, лишены украшений, колокольни обычно имеют круглую форму. Вся роскошь византийского искусства сосредоточена внутри базилик. Округлые колоннады с резными капителями поддерживают стены, украшенные тончайшей мозаикой.

Главное святилище Равенны — собор Сан Витале поражает своим трифорием и арками. Там находятся древние мозаики, изображающие Юстиниана и Феодору. Сын крестьянина из глухой македонской деревушки, почти столетия безраздельно властвовавший над огромной империей, Юстиниан в течение всей жизни владел воображением Данте. Долгие часы простаивал поэт перед знаменитой фреской. Мозаичный портрет императора необычайно торжествен. Лицо Юстиниана строго, почти сурово, весь его облик как бы являет воплощение нелицеприятного закона. Время словно застыло, ибо достигнут идеал совершенной справедливости в мире. В величественной, спокойно-сдержанной императрице, облаченной в пурпур и увенчанной диадемой, которая дарует большую вазу с золотыми монетами на постройку храма, трудно узнать цирковую девчонку Феодору, танцовщицу и наездницу, блистательную константинопольскую куртизанку. В баптистерии собора, выложенном разноцветными мраморами, праведники как бы покинули византийскую неподвижность и движутся на куполе, воспринимая новые души. Здесь крестились Петр Дамиани и Пьетро дельи Онести, уроженцы Равенны, почитаемые в католической церкви святые. И в эту же купель опускали Франческу да Полента, прославленную Данте как Франческа да Римини. Поясной портрет Франчески

Данте мог видеть в церкви Санта Мария ин Порте Фуори, где она изображена вместе со своей родственницей благочестивой Кьярой да Полента, основательницей церкви Санта Кьяра.

Шум приморских сосен, колеблемых ветром, мешаясь с шумом моря, создавал радующую ухо гармонию звуков. Пинетта была любимым местом прогулок Данте. Пейзаж равеннского взморья появится в *Земном Раю*:

Я медленно от кручи круговой
Пошел нагорьем, и земля дышала
Со всех сторон цветами и травой.
Ласкающее веянье, нимало
Не изменяясь, мне мое чело
Как будто нежным ветром обдавало
И трепетную сень вершин гнело
В ту сторону, куда гора святая
Бросает тень, как только рассвело,—
Но все же не настолько их сгибаю,
Чтобы умолкли птички, оробев
И все свои искусства прерывая:
Они, ликуя посреди деревьев,
Встречали песнью веянье востока
В листве, гудевшей их стихам припев,
Тот самый, что в ветвях растет широко,
Над взморьем Кьясси наполняя бор,
Когда Эол освободит Сирокко.

Вокруг Пинетты рождались легенды и предания, которые Данте, может быть, слышал, но не обратил на них высокого своего внимания. Вспомним новеллу Боккаччо о Ностаджо дельи Онести, прекрасном и богатом молодом человеке, который был влюблен в девушку из семьи Траверсари, еще более знатную и богатую, чем он. Когда девушка отвергла любовь Ностаджо, он удаляется в Пинетту и там проводит время с друзьями в пирах, чтобы только забыть про свою несчастную любовь. Однажды в сумерки он видит, как некий всадник преследует красавицу, убивает ее и бросает на съедение двум псам. Страшный всадник говорит, что он призрак ада и что он должен преследовать и казнить девушку, некогда отвергнувшую его любовь, из-за чего он покончил самоубийством. Видение исчезает, и в следующую пятницу, так как призраки появляются только по пятницам, Ностаджо устраивает великолепный ужин, созывает на него своих друзей и приглашает семью Траверсари вместе с девушкой, в которую он влюблен. Перед ними предстает адское видение рыцаря и его собак, терзающих красавицу. Видение исчезает, и Ностаджо объясняет гостям смысл жестокой казни. Тогда, очевидно убоявшись, чтобы с ней не случилось то же самое, надменная девушка Траверсари дает согласие на брак с Онести. Новелла произвела сильнейшее впечатление на Байрона, который упомянул эту итальянскую повесть в конце своего «Дон-Жуана».

Образ самоубийцы, который преследует грешницу, виновную в его смерти, адское видение собак (или змей), которые терзают, а затем разрывают грешную душу, затем метаморфоза — душа оживает в прежней форме, Боккаччо, несомненно, взял у Данте. Но в благословенном приморском лесу под Равенной, там, где Данте видел образы «Рая» или «Чистилища» — шествия праведников, напоминающие мозаику византийских храмов, Боккаччо увидел адскую, «романтическую» сцену.

Данте приехал в Равенну с намерением остаться жить постоянно в этом городе в конце 1317 или в начале 1318 года. Его старший сын, Пьетро ди Данте, получил бенефицию в двух равеннских церквях, то есть права на доходы, что не всегда сопровождалось принятием духовного сана. Гвидо да Полента подарил Данте небольшой дом. Вместе с Данте жил его сын Якопо, а Пьетро наезжал из Вероны. В конце жизни Данте из Флоренции приехала его дочь Антония, которая поступила в местный монастырь Санто Стефано дель Олива под именем Беатриче.

В эти же годы в Равенне работал Джотто, которого, как полагает Вазари, пригласил в свое убежище Данте. От великого флорентийского художника осталось в Равенне немного: фрески на потолке церкви св. Иоанна и в церкви св. Франциска. Таким образом, Данте снова свиделся с другом своей юности.

Вокруг Данте собрался круг друзей и почитателей: молодой флорентиец Дино Перини, магистр и врач Фидуччо де Милотти, затем сэр Пьетро, сын мессера Джардино, и сэр Менгино Медзани, юристы и нотариусы. Они разбирали классических римских авторов и беседовали о новых поэтах Италии. Данте обучал их поэтике и стихосложению. Магистр Милотти, вероятно, преподавал в городской школе, организованной правителем города; предполагают, что там читал лекции и Данте. Во всех спорах и беседах самое оживленное участие принимал и Гвидо Полента — сеньор Равенны

умело читал стихи и любил блеснуть ораторским красноречием. Он знал наизусть большие отрывки из «Ада» и, конечно, терцины о своей родственнице Франческе.

Данте попал в среду истинных любителей поэзии, которые поняли его значение для итальянской культуры и стремились хоть чему-нибудь от него научиться. По-видимому, в этом небольшом кружке, слушателями которого были и сыновья Данте, любящие литературу, особенно увлекались буколиками Вергилия. Данте к этому времени достиг совершенства в латинском стихе, но он решил, что будет продолжать свою поэму на итальянском, и на итальянском текли терцины «Рая».

Нежданно, где-то около 1319 года, Данте получил от Джованни дель Вирджилио, профессора риторики и классической латинской литературы Болонского университета, стихотворное послание в форме эклоги. Ученый муж писал, что Данте открыл подземное царство нечестивым, Лету — тем, кто стремится к звездам, и, наконец, «надфебово царство» — блаженным. Называя так изысканным латинским слогом небеса, находящиеся над колесницею Аполлона, болонец упрекает автора незаконченной «Комедии» в том, что он пишет о важных и нужных предметах для черни, ничего не желая уделить от своей мудрости ученым поэтам, то есть поэтам, которые пишут по-латыни. Глупцы и невежды не могут постигнуть тайн Тартара и небесных сфер. Зачем Данте избрал народный итальянский язык, ведь площадной речью никогда не писал учитель Данте Вергилий?

Вот что скажу я тебе, коль меня обуздать не захочешь:
Не расточай, не мечи ты в пыль перед свиньями жемчуг,
Да и кастальских сестер не стесняй непристойной одеждой.

Болонский профессор предлагает Данте возвышенные, по его мнению, темы для эпической латинской поэмы, которую Данте мог бы сочинить. Конечно, предлагает не прямо, а прибегая к мифологическим образам, иносказаниям и намекам, подражая античным поэтам. Джованни дель Вирджилио советует Данте написать о вознесении императора Генриха VII в сопровождении Зевсова орла к вышним звездам, или о победе Угуччоне делла Фаджуола при Монтекатини. Пусть знаменитый поэт, бряцая на лире, воспоеет победы Кан Гранде делла Скала над падуанцами в 1317 году. И наконец, «Горы Лигурии, флот опиши ты Партенопейский», — убеждает дель Вирджилио. Понять это просто: горы Лигурии означали горы, которые находятся во владении Генуи, а Партенопей — древнее название Неаполя.

Речь шла о памятной всем войне между Робертом Неаполитанским и одним из главных вождей гибеллинов, Маттео Висконти. 31 июля 1318 года король Неаполя с большим флотом вошел в Геную. Однако Роберт и его сторонники оказались в ловушке, так как Генуя была со всех сторон окружена гибеллинами. Война велась несколько лет с переменным успехом. Счастье иногда склонялось на сторону Висконти и гибеллинов, и только в 1322 году, после смерти Данте, гвельфы одержали победу. Ученые люди считали, что осада Генуи по величественности событий может сравниться с осадой Трои. Марко Висконти, сын Маттео, предлагал осажденному королю Роберту вступить с ним в единоборство и поединком решить исход войны, но король с презрением отверг его рыцарский вызов. Это была действительно эпическая тема в духе известного падуанского поэта и историка Альбертино Муссато, который писал на подобные сюжеты поэмы латинскими стихами.

Из двух примеров, которые дель Вирджилио предложил Данте, как темы для эпических латинских поэм, которые могли бы обеспечить Данте классические лавры, видно, что профессор из гвельфской Болоньи не был узок в своих политических убеждениях, или, вернее, для него важны были героические события, а не партийные страсти; говоря современным языком, он проявил аполитичность.

Не таков был Данте.

Мы видим, следовательно, что под маскою мирного послания современные события ворвались в искусные гекзаметы болонского поэта. Напрасно Джованни дель Вирджилио предлагал Данте лавровый венок и рукоплескания Болонского университета. Данте в своем ответе перешел на иной стиль, а именно на стиль буколик любимого им Вергилия.

Первое послание Джованни дель Вирджилио написано в героическом стиле. Данте свой ответ превращает в пасторальную сцену. Болонский профессор, переписывавшийся с Альбертино Муссато и другими падуанскими гуманистами, полон реминисценций из античных авторов и отвергает простую и неученую музу. Данте создает пастораль, которая дышит духом античности и вместе с тем вся проникнута его гением. В отличие от римских образцов Данте многопланен и символичен и никогда не упускает из виду политических тем. В эклогах Данте и в третьей эклоге дель Вирджилио современники поэтов и сами поэты названы именами, взятыми из Вергилиевых эклог. Мелибей — флорентиец Дино Перини; Титир, мудрый старец — сам Данте; Мопс — Джованни дель Вирджилио. Заметим, что Титиром именовал себя и Вергилий. Данте превращает в Аркадию окрестности Равенны,

он видит в воображении горную цепь, посвященную богу Пану:

Мы в этот час пасущихся коз, как бывало, считали,
Сидя под дубом в тени вдвоем с моим Мелибеєм.
Он в нетерпении, скорей твою пенью услышать желая.
«Титир, что Мопс? — он спросил. — Чего он там хочет?
Скажи мне!»
Смех одолел меня, Мопс; но он приставал неотступно.
Ради него, наконец, перестал я смеяться и другу
«Ты не с ума ли сошел? — говорю. — Тебя требуют козы,
Ими займись, хоть тебе был обедешко наш не по вкусу.
Пастбищ ведь ты не знаток, которые всеми пестреют
Красками трав и цветов и какие высокою вершиной
Нам затеняет Менал, укрыватель закатного солнца.
Вьется ничтожный кругом, прикрытый ракиты листвою,
По берегам ручеек, орошающий их непрерывно
Вечной струею воды, истекающей с горной вершины,
Самостоятельно путь отыскав по спокойному руслу.
Здесь-то, пока в мураве резвятся нежной коровы,
Мопс все деянья людей и богов созерцает с восторгом,
И на свирели игрою сокровенные он открывает
Радости так, что стада за сладкою следуют песней
И укрощенные львы сбегают с горы на долины,
Воды струятся вспять и волнуется лес на Меналах...»^[21]

Данте продолжает упорно защищать народную речь, он должен кончить свою поэму, и пусть тогда не возмущается Мопс (дель Вирджилио), он не хочет идти в другие края — «да убоюсь я полей и лесов, не знакомых с богами». Если суждено ему вернуться к берегам родного Арно, пусть зеленая листва лавров скроет его седины, некогда бывшие русыми. И не отступит он от своей великой темы. Поэзию нельзя насильно заставить слушаться пастуха, она сама подойдет к нему, как овечка, чтобы ее подоили.

Болонский профессор решил принять бой и отвечать в том же стиле, чтобы показать и свое мастерство. Второе свое послание Джованни дель Вирджилио начинается так:

Там, где под влажным холмом встречается Сарпина с Реном —
Резвая нимфа, своих волос белоснежные пряди
Зеленью переплетя, — в родимой я скрылся пещере.
Вольно телята паслись на лугах прибережных, и овцы —
Нежных листья кустов, а тернистых — козы щипали.
Что было делать юнцу, одинокому жителю леса?
Бросились все защищать дела судебные в город!
Ниса моя, Алексид мой молчали. Ножом искривленным
Дудочки из тростника водяного себе вырезал я
На утешенье...

Сарпина и Рено — реки, текущие восточнее Болоньи. Ниса, вероятно, жена болонского поэта, а Алексид — его ученик или слуга. Эти имена также взяты из эклог Вергилия.

Отложив свирель с толстыми стволами, пригодную для гражданской оды, дель Вирджилио берет тонкие дудки и поет и играет, обращаясь к Титиру, то есть к Данте. Из этой условности вырастет европейская пастораль последующих веков, зачинателями которой следует считать двух гуманистов начала XIV века, старого и молодого. Единственно кто мог с ними соперничать в латинских стихах в это время, когда Петрарка был еще отроком, являлись падуанские латинские поэты во главе с врагом Кан Гранде — Альбертино Муссато.

Джованни дель Вирджилио, обращаясь к Данте, восклицает: «О богоравный старик!» Ему кажется, что у Данте прорываются намеки на то, что он живет в бедности, рыдая о счастливых пастбищах Сарна (классическое название Арно). Что же, если Титир не может вернуться в родные места, пусть он приедет в гости к нему, где столько людей желают подивиться его стихам. Болонец уверяет, что в его краях ничто не угрожает флорентийскому изгнаннику. Получив эту эклогу, Данте отвечает, что не собирается ехать в Болонью, что друзья уговаривают его остаться там, где его любят и о нем заботятся. Если бы даже он и решил поехать в страны, куда его зовут, он не уверен в своей безопасности, ибо в них обитает Полифем, страшный гигант, орошающий землю человеческой кровью. Данте пользуется древним мифом, чтобы назвать Роберта Неаполитанского. Возможно, что образ Полифема скрывает также флорентийского подеста Фульчери де Кальболи, приговорившего

поэта и его сыновей вторично к смертной казни.

В конце эклоги Данте появляется хитроумный Иолай, которого комментаторы идентифицируют с Гвидо Новелло да Полента. Правитель Равенны также противился поездке Данте в Болонью. Итак, Данте остался доживать свои последние дни в древней Равенне.

Говоря о том немногом, что нам известно о равеннском периоде жизни великого поэта, нельзя не коснуться одного вопроса, до сих пор тревожащего умы дантологов. Данте приписывается часто латинский трактат «О земле и воде», будто бы написанный поэтом в Равенне и прочитанный им 20 января 1320 года в Вероне, в маленькой церкви св. Елены. По нашему мнению, сочинение это невозможно признать творением Данте, так как идеи, в нем изложенные, находятся в противоречии с идеями и представлениями автора «Божественной Комедии». Трудно себе представить также, чтобы Данте, напряженно работавший над последними песнями «Рая» и в часы отдохновения позволявший себе полусерьезно-полушутя отвечать на эклоги Джованни дель Вирджилио, мог одновременно углубляться в сочинение педантического трактата, тема которого для науки начала XIV века была уже устаревшей. Можно с уверенностью сказать, что в 1320 году Данте в Верону не ездил и что «Вопрос о воде и земле» — фальсификат, автор которого укрылся под именем Данте.

Все чаще в последние годы жизни в творчестве Данте появляется метафора ладьи и корабельного паруса. Еще в начале второго трактата «Пира» Данте писал: «Вот время зовет и требует, чтобы судно мое покинуло гавань, посему, направив парус разума по ветру моего желания, я выхожу в открытое море с надеждой на легкое плавание и на спасительную заслуженную пристань». Вслед за Цицероном он уподобляет естественную смерть гавани и отдохновению после долгого плавания. На исходе дней надо опустить паруса и входить в гавань спокойно, едва пользуясь кормилом. Гвидо да Монтефельтро, под старость лет сменивший доспехи полководца на сутану францисканца, объясняет это превращение в «Аде»:

«Когда я понял, что достиг той части
Моей стези, где мудрый человек,
Убрав свой парус, сматывает снасти...»

Но в Равенне метафора парусов приобретает еще иной смысл. В прозе Цицерона и Квинтилиана часто встречается также уподобление: писать — значит подымать паруса, кончать произведение — паруса опускать. Дантовские торжествующие терцины плыли все дальше и дальше, преображая старые образы, разворачивая все новые и новые видения. В «Чистилище» и в «Рае» метафора ладьи и паруса засверкала мощью его гения. В этих прекрасных строках утверждает себя творец Нового времени:

Для лучших вод подьемля парус ныне,
Мой гений вновь стремится свою ладью,
Блуждавшую в столь яростной пучине.

Но за кораблем Данте кто может поспеть?

О вы, которые в челне зыбучем,
Желая слушать, плыли по волнам
Вослед за кораблем моим певучим,
Поворотите к вашим берегам!
Не доверяйтесь водному простору,
Как бы, отстав, не потеряться вам!
Здесь не бывал никто по эту пору:
Минерва веет, правит Аполлон,
Медведиц — Музы указуют взору.

В 1321 году отношения между Равенной и Венецией ухудшились, какое-то дерзкое равеннское суденышко напало на венецианский купеческий корабль и ограбило его; были и человеческие жертвы. Гвидо Новелло поспешил, чтобы отвратить войну с бесконечно более сильной Венецией, отправить в Светлейшую Республику послом Данте Алигьери, уже испытанного в сложных дипломатических миссиях. Напомним хотя бы о той помощи, которую он оказал маркизам Маласпина в их спорах с воинственным епископом Луни. Данте должен был убедить Великий совет Венеции отказаться от объявления войны Равенне. Существуют разные легенды о том, как Данте напугал своим красноречием дожа и венецианских сенаторов, которые, боясь его влияния, не стали задерживать поэта в своем городе.

Данте удалось все же приостановить заключение союза между Чекко дельи Орделаффи, сеньором Форли, и Венецией, направленного против Гвидо да Полента. Быть может, Венеция также

опасалась дружеских отношений Данте с Кан Гранде, которого он мог попросить помочь Равенне, и пошла на уступки.

Трудно сказать, возвращался ли Данте вдоль берега Адриатики на судне или же пешком и на коне через болотистую местность в низовье По, но, во всяком случае, вернувшись, он заболел лихорадкой.

Может быть, в бреду ему вспоминались стихи Гвидо Кавальканти, которого некогда он и другие приоры Флоренции выслали в малярийную область Сарцаны. Кавальканти вернулся на родину, но скоро умер. И губы Данте повторяли стихи «первого друга» его молодости:

Больше не надеюсь, о баллата,
Возвратиться на луга Тосканы...

Данте умер в ночь с 13 на 14 сентября 1321 года. Гвидо Новелло приказал положить его тело в каменный античный саркофаг. На голову Данте правитель Равенны возложил лавровый венок, воздав великому поэту почесть, которую забыли или не хотели воздать ему при жизни неблагодарные современники. Не во Флоренции, а в чужом городе Данте удостоился этой чести и опочил среди мозаик и героев древности, казалось, забытый всем миром. Гвидо Новелло по обычаю города сказал торжественное слово, которое произносилось, когда умирал знатный или именитый гражданин. Саркофаг с телом Данте поставили в саду францисканского монастыря, прислоненным к стене церкви. Спустя семь лет Бернардо Под-жетто, кардинал-легат папы Иоанна XXII, захотел предать огню останки поэта-еретика, но Равенна не отдала на поругание тело почившего в ее стенах Данте, и кардиналу пришлось удовольствоваться тем, что он сжег на костре все экземпляры «Монархии», которые сумели достать его агенты.

В 1489 году Бернардо Бембо, венецианский претор Равенны, пригласил знаменитого скульптора Пьетро Ломбарди, который сделал надгробие Данте с поясным скульптурным портретом. Внизу была начертана эпитафия неизвестного автора в рифмованных латинских стихах:

Вышних я посетил, Флегетон и Эдем мной воспеты,
Царства права утверждал — до сужденной мне Парками меты.
К лучшим чертогам душа, покинув земных, воспарила
И созерцает теперь на небе святые светила.
Здесь покоится Данте, из милого изгнанный края,
Так поступила с певцом Флоренция, родина злая.

Равенна упорно противилась всякий раз, как Флоренция просила вернуть ей прах своего великого соотечественника. В 1519 году, когда Микеланджело предложил воздвигнуть Данте гробницу в его родном городе и папа Лев X потребовал перенести останки поэта во Флоренцию, равеннские францисканцы спрятали кости Данте в стене монастыря. Равенна стала местом паломничества. Поклониться могиле великого поэта Италии приходили Ариосто, Тассо, Макиавелли, Леопарди, Байрон, Александр Блок.

После кончины Данте его сыновья, разобрав бумаги отца, увидели, что недостает последних тринадцати песен «Божественной Комедии». Якопо и Пьетро искали рукопись всюду по дому и, наконец, пришли к заключению, что бог не дал Данте возможности закончить поэму. Так как оба они писали стихи, то после долгих советов с друзьями решили, что они сами допишут конец «Рая», чтобы огромное произведение отца не осталось незавершенным. Но так как гений не передается по наследству, можно себе представить, что наделали бы эти два посредственных поэта. К счастью, Якопо (Пьетро в это время был в отсутствии) вскоре приснился сон. Он увидел своего отца в белом одеянии. От лица его исходило необычайное сияние. Сын, дрожа, спросил: «Закончил ли ты свое произведение?» Данте ответил: «Да, закончил». Якопо показалось, что среди ночи отец взял его за руку, и повел в свою спальню, и, прикоснувшись к стене, сказал: «Здесь то, что вы так долго искали». И тут прекратился сон, и Данте исчез. Когда Якопо совсем проснулся, он оделся и побежал по полутемным улицам Равенны к их общему другу Пьеро Джардини, нотариусу, и поведал обо всем, что с ним случилось. Придя в комнату Данте, они увидели цинковку, прислоненную к стене; когда ее подняли, то обнаружилась ниша, которую ранее никто не замечал. Там они нашли рукопись, испорченную от сырости стены. Очистив ее от плесени и вытерев, они убедились, что рукопись содержит последние тринадцать песен, которые они искали.

Действительно ли приснился Якопо сон или рассказ о нахождении рукописи был одной из многочисленных легенд, которые сопровождали Данте в течение последних лет его жизни, в конце концов не так важно. Главное, что поэма существовала в целостности.

Сыновья Данте не остались в Равенне. Пьетро навсегда поселился в Вероне, а Якопо

впоследствии вернулся во Флоренцию. В Равенне до конца своих дней осталась дочь Данте. Дом, подаренный правителем Равенны великому поэту, больше не существует, но на углу виа Мадзини и виа Гвидо Новелло до сих пор стоит бережно сохраняемый палаццо последнего покровителя и друга Данте.

Можно с уверенностью сказать, что сестра Беатриче присутствовала при последних часах жизни отца. От нее почерпнул много важных сведений Боккаччо, биограф и комментатор Данте. Беатриче жила долго; завещание ее, дошедшее до нас, помечено сентябрем 1373 года. Весьма вероятно, что рассказ о явлении Данте во сне сыну Якопо Боккаччо записал со слов его сестры.

Автор «Декамерона» бывал в Равенне в сороковых годах. В 1350 году, как посол Флорентийской республики к правителям Романьи, он снова заехал в Равенну. Старшины цехов, заседавшие в Ор Сан Микеле поручили ему передать сестре Беатриче Алигьери, монахине в Санто Стефано дель Олива, 10 золотых флоринов. Это был дар от тех, чьи родители изгнали и осудили на смерть ее отца.

Боккаччо был знаком с еще жившими в середине XIV века людьми из равеннского окружения Данте или с лицами, близко их знавшими, и постарался узнать у них подробности о последнем периоде жизни своего великого соотечественника. Свою «Жизнь Данте» он окончил в конце пятидесятых годов.

Мавзолеем Данте, который можно видеть в настоящее время, был выстроен равеннским архитектором Камилло Мориджа в 1746 году, четыре колонны у входа пристроили позднее. Равенна мало изменилась с эпохи Данте. Город у Адриатики стал городом Данте, как Флоренция и Верона. Александр Блок, испытавший, подобно Пушкину, сильное влияние гения Италии, с особой силой ощутил Данте именно в Равенне. Казалось ему, он слышит, как

...по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данте с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.

Жизнь Данте и сама его смерть стали новой жизнью, обновленной жизнью, жизнью в веках. Он не умер, «отец Италии» и создатель ее языка. Он продолжает жить в своих стихах, которые повторяют миллионы людей во всех странах мира.

Данте называл свою поэму «Комедией», после его смерти к авторскому названию стали прибавлять эпитет «божественная», принятый всеми и утвердившийся в веках. Вернее было бы именовать поэму «Дантеидой», подобно тому как по главному герою получили свое название поэмы Гомера и Вергилия. Ее главный герой — Данте глубоко индивидуален и вместе с тем выражает чаяния и надежды всего человечества. Поэма Данте — поэма о человеке, о человеке, восходящем из глубин падения к совершенству, от ледяных берегов Коцита к звездам. Напрасно искать в легендах древности истоки замысла «Божественной Комедии». Поэма Данте столь своеобразна, так возвышается над всем, что было создано средними веками, так разительно отличается от немощных средневековых «Видений» и «Хождений», что все попытки возводить творение гения к этим произведениям средневековой литературы представляются нам несостоятельными.

Фантазия Данте не могла более довольствоваться теми скудными сведениями о мироздании и о судьбах человеческих душ, покидающих земные пределы, которые содержались в книгах Библии и в сочинениях средневековых теологов. Он обратился к мыслителям школы неоплатоников конца античности и нашел у них родственный круг идей и образов. Неоплатоники, подобно пифагорейцам, слышали «музыку вселенной», земля не была для них центром мироздания, с неизмеримых высот она виделась им лишь как небольшая точка в огромном космосе. Вместе с неоплатониками Данте устремлялся ввысь, к звездному космосу. Но ему было мало звездного сияния и воспарения мысли к еле зримым светилам. Он жаждал коснуться всех язв и ран человечества и увидеть торжество неумолимой справедливости над хаосом земных событий.

Поэма Данте огромна. Соответственно трем мирам, по которым он странствовал, она делится на три части: «Ад», «Чистилище» и «Рай». В каждой части 33 песни, не считая вступительной песни «Ада». Таким образом, в «Божественной Комедии» сто песен — квадрат от десяти, совершенного числа в поэзии Данте. В поэме 14 233 стиха: в «Аде» — 4720, в «Чистилище» — 4755, в «Рае» — 4758, то есть в каждой части почти одинаковое число стихов. Все три кантики поэмы кончаются одинаково, словом «stella» — светило, звезда. Удивляет гармония пропорций, которой восхищался и Пушкин, заметивший, что единый план поэмы «есть уже плод высокого гения». В мировой поэзии Данте является самым совершенным архитектором. Автор «Божественной Комедии» создал поэтический мир, управляемый своими законами. Великий поэт называл себя геометром, у него все предвидено и рассчитано. Дантовская архитектоника неразрывно связана с повествованием, а повествование с

эпизодами, и поэзия неотделима от плана.

Глава 22. Музыка космоса

В начале «Рая» мы чувствуем, что в душе Данте не иссякла жажда славы. Поэт взывает к водителю муз:

О Аполлон, последний труд свершая,
Да буду я твоих исполнен сил,
Как ты велишь, любимый лавр вверяя.

Вдохновенный Кифаредом, Данте встает в тени лавровых чаш, посвященных богу поэзии, ожидая увенчания лавровым венком. Но сердца людей, говорит он, столь очерствели, что они редко рвут листья священного дерева, «чтоб почтить кесаря или поэта». Аполлон — бог солнца, источник света. На его вершину Кирру поэт должен ступить, чтобы начать свое восхождение. Дважды в «Аду» и дважды в «Чистилище» Данте призывал муз. В «Аду», перед встречей с графом Уголино, поэт взывал:

«Но помощь муз да будет мне дана
Как Амфиону, строившему Фивы,
Чтоб в слове сущность выразить сполна».

После нисхождения в Ад, когда в нем все омертвело, он просит, чтобы музы его воскресили, чтобы спутницей его стала Каллиопа, муза эпической поэзии и красноречия (в греческой мифологии она — мать Орфея, сошедшего в ад в поисках своей возлюбленной Эвридики). В самом центральном месте «Чистилища», перед появлением Беатриче, Данте обращается за помощью к Урании, музе астрономии, в предчувствии своего пути к звездам.

В течение долгого времени читатели и критики отдавали предпочтение первой кантике «Божественной Комедии». Большой заслугой известного итальянского литературоведа XIX века Франческо де Санктиса и философа начала нашего столетия Бенедетто Кроче было то, что они обратили особое внимание на художественную сторону «Рая». В своих лекциях о Данте де Санктис говорил, что в «Рае» исчезают формы, тают контуры в озерах света. Кроче отмечал гармонию звуков и красок в последней части «Божественной Комедии» и отдельные стихи, пленяющие воображение, как, например:

Я видел много лиц, любви достойных,
Украшенных улыбкой и лучом,
И обликов почтенных и спокойных.

По мнению Кроче, «Рай» представляет собой «последний большой сборник лирики из периода зрелости Данте» и в нем более, чем в других частях «Божественной Комедии», встречается «небольших совершеннейших отрывков лирики». Кроче обратил внимание читателей на сияющие райские пейзажи, на лунное облако, лучезарное, густое, как бы затвердевшее, напоминающее адамант. Эти лирические партии «Рая» и пронизанные светом пейзажи остаются в памяти сами по себе независимо от содержания, аллегорий и архитектоники поэмы. Неаполитанский философ и литературовед показал лишь одну, правда весьма важную, область поэтического мира Данте. Остается все же неоспоримым, что великий поэт не писал «Рай» только для того, чтобы соединить в одно целое разрозненные страницы из своего лирического дневника. Данте стремился отвоевать у схоластической философии право на объяснение вселенной. В этой борьбе за равноправие поэзии и философии Данте предстоит нам как мыслитель нового времени, как гений Возрождения.

Равно не правы и схоластики времен Фомы Аквинского и философы идеалистической школы XVIII—XX веков — от Гегеля до Кроче, которые снисходительно поучали поэтов, как они должны думать. Кем были поэты для великого схоластика Фомы Аквинского? Лжецами или, в лучшем случае, милыми забавниками, не способными проникнуть в глубины философской мысли. Данте, опираясь на традиции античности, восстановил право поэта объяснять тайны мира. В этом революционное значение поэмы Данте, открывающее новые пути для мировой поэзии. В конце XIII — начале XIV века происходил процесс лаицизации — обмирщения философии, права и искусства на Западе. Данте был одним из главных деятелей этого нового направления.

Обратимся к хорошо известной дантологам проблеме «лунных пятен» во второй песне «Рая». Вопросом о поверхности Луны Данте уже занимался в «Пире». Если подойти ко второй песне «Рая» с позиций историка философии и вслед за итальянским медиевистом Бруно Нарди попытаться проникнуть в мысли Данте, не довольствуясь формальными сопоставлениями, станет ясным, что дантовское толкование «лунных пятен» не может быть объяснено текстами Фомы Аквинского. Здесь, как и во многих других местах «Божественной Комедии», в которых говорится об устройстве космоса, отразились идеи неоплатонизма, а также учение арабской философии. В частности, основная мысль Данте во второй песне о том, что вселенная является одним телом, в котором проявляется Перводвигатель (подобно тому, как в частях тела проявляется душа), восходит к Ямвлиху и Авиценне.

И этот строй объемлет, всеединый,
Все естества, что по своим судьбам —
Вблизи или вдали от их причины.
Они плывут к различным берегам
Великим морем бытия, стремимы
Своим позывом, что ведет их сам.
Он пламя мчит к луне, неудержимый;
Он в смертном сердце возбуждает кровь;
Он землю вяжет в ком неразделимый.

Такое объяснение устройства вселенной было осуждено парижским епископом в 1277 году как сугубо еретическое и близкое к идеям Аверроэса. Беатриче, символизирующая небесную мудрость, в Дантовом Раю объясняет мироздание в духе, не соответствующем учению церкви. Из слов Беатриче следует, что единственная и универсальная сила восходит к девятому небу и действует на все ниже расположенные небеса, пока не спускается в подлунную, чтобы проникнуть в состав земли. Небесные тела не что иное, как органы мирового Разума — силы, движущей всю вселенную.

В «Сне Сципиона», сохранившемся отрывке из шестой книги Цицерона «О государстве», дается картина вселенной, довольно близкая дантовской. Земля занимает здесь весьма скромное место. Напомним, что в средние века наша планета представлялась христианам центром мироздания. Африкан вопрошает Сципиона: «До каких пор твой ум прикован будет к земле? Разве ты не видишь, в какие храмы ты пришел? Вся вселенная состоит из девяти кругов или, лучше сказать, шаров, из них крайний — небесный, обнимающий остальные — сам вышний бог, сдерживающий и руководящий другими. На небе проложены вечно вращающиеся пути звезд. Под ними расположены семь шаров, которые вращаются в сторону, противоположную движению неба. Из них одним шаром владеет то светило, которое на земле называется Сатурном; затем идет то, которое благоприятно и спасительно для человеческого рода, называемое Юпитером; потом красное и ужасное для земли, которое вы называете Марсом; еще ниже, почти среднюю область, занимает Солнце, ведущее, управляющее и руководящее остальными светилами, — разум и управление мира. Оно так велико, что своим светом освещает и наполняет все. За ним следуют, как спутники, Венера и Меркурий. В самом низшем круге вращается Луна, зажженная лучами солнца, а под ней уже все смертно и тленно, кроме душ, данных человеческому роду в дар от богов. Над Луной все вечно: ибо среднее девятое место занимает Земля — она неподвижна, находится в самом низу, и все, что имеет вес, само собою стремится к ней».^[221]

Счет небес у Данте несколько иной. Но античного писателя и великого итальянского поэта роднит ощущение космоса как бесконечности, замкнутой в себе. Космические просторы зиждятся у Данте на числе девять. Вокруг Земли находятся девять небес: первое небо — Луны, второе — Меркурия, третье — Венеры, четвертое — Солнца, пятое — Марса, шестое — Юпитера, седьмое — Сатурна, восьмое — неподвижных звезд, девятое — кристальное Перводвигателя, Девять духовных чинов, совершающих вращение с все возрастающей быстротой, являются по существу своему «идеями» неоплатоников, приспособленными к терминам христианской мифологии. Это ангелы, архангелы, начала, силы, крепости, власти, престолы, херувимы и серафимы. Они приводят в движение соответственно восемь небес; девятое (Перводвигатель) сообщает движение всем остальным и обладает предельной скоростью, то есть скоростью света, стремясь достигнуть предельной неподвижности эмпирея. Неподвижность и самое стремительное движение, таким образом, как бы сливаются не сливаясь.

Дантова система мироздания во многом восходит к неоплатонику Псевдо-Дионисию Ареопагиту, греко-сирийскому мыслителю, вероятно IV—V веков, которого в средние века ошибочно считали учеником апостола Павла, проповедовавшего в Афинах. Некоторые грузинские историки философии упорно настаивают на том, что загадочный Псевдо-Дионисий не кто иной, как грузинский царевич Петр Ивер, получивший образование при византийском дворе, куда он был привезен ребенком как заложник. Неоплатонические идеи Псевдо-Дионисия получили чрезвычайное распространение в

Европе в IX и X веках, когда началось под влиянием Византии обновление культуры и искусства Запада. Рукопись греческого текста «О небесной иерархии» Людовик Благочестивый получил от византийского императора Михаила Заики (826—829). Она хранилась как величайшая святыня в аббатстве Сен Дени под Парижем. В это время, по-видимому, началась идентификация просветителя Франции епископа Диониса с Дионисием из Коринфа, бывшего по преданию учеником апостола Павла. Блестящий перевод на латынь этого произведения сделал по просьбе Карла Лысого ирландский (или шотландский) философ Иоанн Скотт Эриугена (умер в 880 г.), снабдивший текст комментарием. К этому переводу, как к источнику высшей мудрости, обратился в начале XII века известный аббат монастыря Сен Дени Сугерий. Сугерий писал стихи, проникнутые совершеннейшим неоплатонизмом. Аббатство Сен Дени было перестроено под руководством Сугерия также в духе аллегоризма и символизма, соответствующих основным мыслям автора сочинения «О небесных иерархиях». С большой вероятностью можно предположить, что именно в аббатстве Сен Дени под Парижем Данте познакомился с сочинениями философа-неоплатоника в переводе Скотта Эриугены. Быть может, также символика архитектуры храма, указывающая на восхождение и нисхождение идей в космосе и на значение света, как первоисточника всякого знания, повлияла на воображение Данте.

Соединив учение Плотина и Прокла с верованиями библии, Псевдо-Дионисий Ареопагит разработал систему так называемой отрицательной теологии. Он определял сверхсущность всех явлений как «вечный мрак и вечное молчание». Согласно Псевдо-Дионисию, вселенная творится, оживляется и получает единство непрерывным самоосуществлением, самораскрытием того, кого Плотин называл «единственным», невидимым солнцем, или первым излучением света. Огромно расстояние между высшей сферой света и низшей, подлунной. Все же между крайними проявлениями света и земной субстанцией нет перерыва. Поглощаясь материей, свет снова восстает из нее, восходя к первоисточнику. Однако человек, утверждает Псевдо-Дионисий, может воспринимать силу звездных эманаций только в их видимых проявлениях, то есть в материальной форме света, поэтому зрение считалось в средневековой философии наиболее совершенным свойством человека. В то время как для других ощущений — осязания, слуха, обоняния — нет необходимости в третьем начале, пребывающем между субъектом и объектом восприятия, зрение требует этой третьей посреднической силы, а именно — света. Псевдо-Дионисий считал световую энергию основой всех предметов и существ. Земная красота есть также одно из проявлений света. Как Псевдо-Дионисий и Сугерий, Данте был убежден, что «слабый разум подымается к истине через познание материального». В картине космоса у Данте свет играет не меньшую роль, чем у Псевдо-Дионисия. На небе Солнца Данте воздаст хвалу автору «Небесной иерархии»:

«За ним ты видишь светоча горенье,
Который, во плоти, провидеть мог
Природу ангелов и их служенье».

В начале первой песни «Рая» Данте говорит, что более всего пронизан светом эмпирей. Свет сияет в беспредельных пределах вселенной в различной степени, однако, заверяет Беатриче в четвертой песне, неверно учение Платона в «Тимее» о том, что души возносятся обратно к звездам и что всякая душа возвращается к своей звезде, порвав связь с телом. Отвергнув благородство, связанное с происхождением, древностью рода и богатством, Данте утверждает иерархию света, благородство интеллектуальное и духовное.

Представление о пронизанном огнем бескрайнем просторе сочетается у Данте с другим поэтическим представлением — космического океана. Данте и Беатриче приближаются к самой медленной из небесных сфер — сфере Луны. Данте видит тени спасенных обитателей Луны; в нем рождается способность проникновения в то, что ранее было ему недоступно.

Но предо мной видение предстало
И к созерцанью так меня влекло,
Что речь забылась и не прозвучала.
Как чистое прозрачное стекло
Иль ясных вод спокойное течение,
Где дно от глаз не глубоко ушло,
Нам возвращает наше отраженье
Столь бледным, что жемчужину скорей
На белизне чела отыщет зренье,—
Такой увидел я чреду теней.

Данте встречает здесь духов любви, которым скорее место в Чистилище — это нарушившие не

по своей воле, но без достаточного сопротивления обеты, данные на земле. Среди них — Пикарда Донати, которую похитил из монастыря и насильно выдал замуж ее брат Корсо Донати. После беседы с Пикардой Данте пытается разрешить мучающее его сомнение, «возможно ль возместить разрыв обета новыми делами». И как бы в ответ на эти мысли Беатриче вызывает в сердце поэта новый прилив любви:

Она такими дивными глазами
Огонь любви метнула на меня,
Что веки у меня поникли сами,
И я себя утратил, взор склона.

Похвала небесной возлюбленной вызывает новое раскрытие духовных сил Данте:

Когда мой облик пред тобою блещет
И свет любви не по-земному льет,
Так, что твой взор, не выдержав, трепещет,
Не удивляйся; это лишь растет
Могущественность зренья и, вскрывая,
Во вскрытом благе движется вперед.
Уже я ясно вижу, как, сияя,
В уме твоём зажегся вечный свет,
Который любят, на него взирая.

На втором небе Меркурия Данте видит деятельных духов, и среди них — императора Юстиниана. Поэт снова возвращается к темам земли. Земная деятельность продолжает существовать в памяти блаженных духов. Земные явления возникают среди небесных. Данте напрасно пил воду реки забвения. Вознесение, созерцание, углубление в премудрость мироздания перебиваются воспоминаниями о земле и земном. В небе Венеры, где наслаждаются блаженным покоем любвеобильные, Данте встречает Карла Мартелла. С этим Анжуйским принцем, рано умершим, Данте связывала недолгая, но искренняя дружба. После нескольких прекрасных герцин, посвященных их пылкой и краткой дружбе, в которых Карл изъясняется в любви к Данте и сожалеет, что, кроме ответной любви, не успел ничем одарить поэта и уберечь его от грядущих несчастий, следует инвектива против Неаполя и Сицилии, где могло бы быть все иначе, если бы там воцарился Карл Мартелл.

Шестая песнь «Рая» посвящена истории Римской империи после Константина Великого. Данте осуждает и гвельфов, предпочитающих желтые лилии французских королей священному римскому знаку, и нарушающих законы справедливости гибеллинов, которым лучше было бы воспользоваться другой эмблемой, а не изображать на своих стягах императорского орла. В конце своей речи о судьбах империи Юстиниан рассказывает легенду о Ромео ди Вилланова, чья душа находится на небе Меркурия. Возвращаясь из паломничества к св. Иакову Кампастельскому, Ромео ди Вилланова очутился в Провансе, где поступил на службу к графу Прованса Раймонду Беренгарию IV. Верный домоправитель приумножил достатки своего сеньора и выдал четырех его дочерей за четырех государей. Когда его оклеветали придворные графа, он ушел, не взяв ничего с собой, как бедный пилигрим, и под старость лет просил милостыню. Такова была судьба справедливого и мудрого советника при дворе неблагодарного земного владыки. В «Пире» Данте писал, что без советов мудрецов нельзя справедливо управлять государством. Но мало кто из князей и королей внял наставлениям поэта. В печальной повести о Ромео ди Вилланова, между строк, можно прочесть какой-то нам неведомый отрывок из биографии самого Данте.

Праведность в раю Данте определяет самовольно, часто вопреки установившимся в церкви взглядам. Так, например, поэт вложил в уста Фомы Аквинского похвалу осужденному и преследуемому парижскими теологами аверроисту Сигерию из Брабанта, который был убит около 1283 года в Орвиетто, где пребывала в то время папская курия. Фома, указывая на один из пламенников на небе Сатурна, говорит:

То вечный свет Сигера, что читал
В соломенном проулке в оны лета
И негодным правдам поучал.

Об этих «негодных правдах» Данте мог слышать от учеников и последователей Сигерия в те годы, когда он посещал лекции и участвовал в ученых диспутах в парижском Соломенном проулке, расположенном в Латинском квартале, где находились философские и богословские школы Сорбонны.

На небе Солнца Данте воздает хвалы также автору любимых им библейских книг древнееврейскому мудрецу Соломону:

В нем — мощный ум, столь дивный глубиной,
Что если истина — не заблуждение,
Такой мудрец не восставал второй.

В заоблачных высях, на небе Солнца, автор «Комедии» снова возвращается к своим любимым темам нестяжательства. Церковь утратила идеи первоначального христианства, более тысячи ста лет после смерти Христа — до появления Франциска Ассизского Бедность была вдовой, ибо церковь попала во власть стяжателей. Инвективы Данте против развращенных пап, прелатов и монахов, против отпущения грехов за деньги имели необычайный успех в XVI веке у протестантов. Тем не менее было бы ошибочно рассматривать Данте как последовательного реформатора католической церкви. Данте не мог бы согласиться с учением протестантов о предопределении, пессимистическим по существу, которое лишало человека свободы воли и ответственности за свои поступки. Для кальвиниста, верующего в предопределение, независимое от дел человека, система наказаний и наград в «Божественной Комедии» не могла быть приемлемой.

Между небом Солнца и небом Марса, которое в системе Данте отдалено от земли на большее расстояние, чем дневное светило, поэт наблюдает снова за переменным сиянием лица Беатриче и судит по нему о том, что предстоит ему увидеть.

Беатриче была так прекрасна
И радостна, что это воссоздать
Мое воспоминание не властно.
В ней силу я нашел глаза поднять,
И увидал, что вместе с ней мгновенно
Я в высшую вознесся благодать.
Что я поднялся, было несомненно,
Затем что глубь звезды, раскалена,
Смеялась дяней, чем обыкновенно.

На небе Марса находятся воители за правду, крестоносцы и праведные паладины. Песни пятнадцатую, шестнадцатую и семнадцатую обычно называют «трилогией Каччагвиды».

Среди воинов, павших за правое дело, появляется торжественная фигура прапрадеда Данте — Каччагвиды. Несмотря на заверения автора «Рая», что «скудно благородство нашей крови», что важны лишь духовные дары, а не знатность, Данте признается, что даже на небе он был горд своим предком и своим происхождением. Каччагвида отвечает подробно на вопросы своего правнука о генеалогии их рода, а также о знатных семьях Флоренции, существующих и вымерших. Мы узнаем много подробностей, драгоценных для истории Флоренции, хотя, быть может, и не вполне уместных в столь высоких небесных сферах. Родословные перемежаются с идиллией, идиллия переходит в сатиру. Данте устами Каччагвиды говорит о тех временах, когда Флоренция была заключена в первый узкий круг стен, когда мужья еще не покидали надолго постели своих жен для торговых путешествий во Францию, когда женщины пряли пряжу и рассказывали чадам и домочадцам о славе Трои, Фьезоле и Рима. В домах флорентийских граждан не было роскоши, превратившей их позже в «чертоги Сарданапа-ла»; Флоренция жила спокойно, скромно и смиренно. Ее женщины не рязались так, что их наряды обращали на себя внимание, не румянились и не белились. Отцы не давали за своими дочерьми непосильного для семьи приданого.

В семнадцатой песне Каччагвида предсказывает Данте изгнание. Как в древности ни в чем не повинный Ипполит должен был оставить Афины из-за ложных обвинений своей мачехи Федры, так Данте покинет Флоренцию, простившись со всем, что дорого его сердцу. Каччагвида обещает Данте покровительство Ееронских сеньоров делла Скала и хвалит щедрость и величие Кан Гранде. Выслушав это страшное предсказание, Данте обращается к своему прадеду и говорит: «Я вижу, мой отец, как на меня несется время, чтоб я в прах свалился». Он должен вооружиться уже сейчас против ударов судьбы и внутренне решить, следует ли ему утаить часть истины или рассказать обо всем, что он видел во время своих странствий, хотя бы это пришлось не по душе сильным мира сего. Если он откроет правду, то, потеряв Флоренцию, не сможет найти себе пристанища и в других местах. В то же время он понимает, что если не скажет всего, если умолчит, то слава его померкнет в грядущих веках. Каччагвида, праведный рыцарь без страха и упрека, отвечает, что Данте должен все объявить сполна: «И пусть скребется, если кто лишавый!» Слова Данте должны прозвучать, чтобы помочь исправиться людям. И Каччагвида обещает своему потомку:

Твой крик пройдет, как ветер по высотам,
Клоня сильней большие дерева;
И это будет для тебя почетом.

В пределах «дневной планеты» — на Юпитере — Данте видит, как праведные души, меняя свое положение, составляют пылающие надписи. Он читает: «Любите справедливость судящие землю» — истина, возвещенная правителям еще Соломоном. Новая диспозиция праведников — они сначала образуют голову орла, а затем и весь силуэт священной птицы — символа Юпитера и Римской империи. Золотая пылающая птица сияет среди мириад звезд на серебристом фоне планеты. И поэт слышит речь, раздавшуюся из клюва орла:

Я видел и внимал, как говорил
Орлиный клюв, и «я» и «мой» звучало,
Где смысл реченья «мы» и «наш» сулил.

Как не узнать идеи «Монархии»! В будущем всемирном государстве, мечты о котором не оставляют поэта и в заоблачных высях, не будет собственности, не будет границ и «мое» станет «твоим», и все — «нашим»!

На небе звезд Данте видит необычайные явления, триумф праведников, возникающий как световые волны. Над Данте пылает созвездье Близнецов, под знаком которых он родился в мае 1265 года. К ним обращается поэт, потерявший свою родину:

О пламенные звезды, о родник
Высоких сил, который возлелеял
Мой гений, будь он мал или велик!
Всходил меж вас, меж вас к закату реял
Отец всего, в чем смертна жизнь, когда
Тосканский воздух на меня повеял;
И мне чудесно взятому туда,
Где ходит свод небесный, вас кружащий,
Быть в вашем царстве выпала чреда.
К вам устремляю ныне вздох молящий,
Дабы мой дух окреп во много крат
И трудный шаг свершил, его манящий.

Перед тем как Данте духовно оторвется от земли, Беатриче повелевает:

Вниз посмотри, — какой обширный мир
Я под твои уже повергла ноги.

И Данте видит, что малый и жалкий земной шар лежит где-то в бесконечности, окруженный бесчисленными звездными мирами.

Слышится песнопение — кристальное небо полнится гармонией сфер.

Тогда я дал моим глазам вернуться
Сквозь семь небес — и видел этот шар
Столь жалким, что не мог не усмехнуться.

И вновь вспоминается цидероновский «Сон Сципиона»: «Я смотрел с него (с Млечного Пути) на вселенную, и она представлялась мне великолепной и удивительной. Я видел те светила, которые мы никогда не видим с земли и о величине которых мы никогда не подозревали. Наименьшее из них, самое дальнее от неба и ближайшее к земле, светило заимствованным светом, а звезды далеко превосходили величину земли: и сама земля казалась мне такой маленькой, что я с сожалением посмотрел на нашу Империю, занимавшую на ней как бы одну точку».

Неоплатонические источники космических представлений Данте становятся очевидными.

Блаженный покой Рая часто нарушается инвективами против дурных пастырей римской церкви, которые ведут людей не к спасению, а к гибели. Петр Дамияни, бывший аббат монастыря Санто Кроче ин Фонто Авелано, ополчается на «святителей» времен Данте, которых ведут под локти одни служки, а другие несут хвосты от их мантий. Когда же эти пастыри появляются верхом,

И конь и всадник мантией объаты,—
Под той же шкурой целых два скота.

Терпенье, боже, скоро ль час расплаты!

Роскошь царит во дворцах епископов, забывших те времена, когда апостолы Петр и Павел ходили босые, питаюсь подаянием. Безрассудные священники рассказывают басни и небылицы в церквах, они стремятся вызвать смех прихожан плоскими островами и шутовскими ужимками:

Для славы каждый что-то норовит
Измыслить, чтобы выдумка блеснула
С амвона, а евангелие молчит...

Их паства стала слаба рассудком. Простодушные верят всякому вранью и платят деньги за отпущение грехов (индальгенции). Монахи-плуты ордена св. Антония откармливают свиней подаяниями прихожан и сами грязнее этих животных. И все эти сатирические выпады, в которых Данте не слишком отбирает слова, звучат в девятой чистой кристальной тверди!

Данте заставляет самого апостола Петра произнести на восьмом небе звезд страстную тираду против порочных пап. Пылая святым негодованием, Петр говорит, что не следует удивляться, что облик его принимает алый цвет Марса, — это оттого, что на его месте воцарился недостойный (папа Бонифаций VIII). Падению церкви радуется в преисподней Люцифер. Звучат обличающие слова апостола:

Тот, кто, как вор, воссел на мой престол,
На мой престол, на мой престол, который
Пуст перед сыном Божиим, возвел
На кладбище моем сплошные горы
Кровавой грязи...

Следует особо отметить трижды повторяющееся эмоциональное «на мой престол». Не для того создана божья невеста — церковь, чтобы стяжать золото, не для того погибли праведники, чтобы их преемник пристрастно разделял крещеных на своих противников и приверженцев. Ключи св. Петра стали гербом на боевом знамени папы, который водит дружины против христиан и скрепляет образом Петра на печати лживые и продажные грамоты. Петр повелевает поэту:

И ты, мой сын, сойдя к земной судьбе,
Под смертным грузом смелыми устами
Скажи о том, что я сказал тебе.

Инвектива апостола Петра против дурных пап заканчивается предсказанием о жалкой участи, ожидающей Климента V и Иоанна XXII — они низвергнутся в адскую бездну вслед за Бонифацием VIII.

В восьмом звездном небе Данте подвергается экзамену апостолов Петра, Якова и Иоанна, вопрошающих его о сущности трех богословских добродетелей: веры, надежды и любви. Данте сравнивает себя с бакалавром на экзамене у строгих и справедливых магистров. Это сравнение возникло из воспоминаний о диспутах в Болонском и Парижском университетах.

И в небе звезд не оставляет изгнанника тоска по Флоренции. Он мечтает о столь желанной его сердцу славе на родной земле. Данте надеется — настанет время, когда его, автора поэмы, созданной в тяжких трудах, признают на родине. Он вернется домой, и сограждане увенчают его лаврами в баптистерии Сан Джованни, где он был крещен ребенком.

Коль в некий день поэмою священной,
Отмеченной и небом и землей,
Так что я долго чах, в трудах согбенный,
Смирится гнев, пресекавший доступ мой
К родной овчарне, где я спал ягненком,
Немил волкам, смутившим в ней покой,—
В ином руне, в ином величье звонком
Вернусь, поэт, и осенюсь венцом
Там, где крещение принимал ребенком.

В двадцать шестой песне Данте рассказывает о своей встрече с предком человечества — Адамом, и узнает от него, что в Земном Раю Адам пробыл недолго — всего несколько часов. Он был изгнан оттуда за то, что нарушил волю божества, стремясь узнать больше того, что было ему

дозволено. Таким образом, грехопадение человечества было вызвано любопытством, гордыней и непослушанием. Это также грехи Люцифера, послужившие причиной его падения, нарушившего изначальную гармонию космоса. За эти грехи, а не только за предательский совет попал в ад Улисс; они были свойственны и самому Данте. Данте исповедуется в грехе гордыни и не может обуздать бесконечной своей любознательности.

Окрепший взгляд Данте встречает взор Беатриче и в несколько мгновений возносится в Эмпирей. Райской Розе девятого неба посвящены последние три песни «Божественной Комедии». Поэт вступил из мира времени в мир вечности, он уже не в состоянии описать улыбку и красоту Беатриче:

С тех пор как я впервые увидал
Ее лицо здесь, на земле, всечасно
За ней я в песнях следом попевал;
Но ныне я старался бы напрасно
Достигнуть пеньем до ее красот,
Как тот, чье мастерство уже не властно.

Он сумел все же выразить эту все возрастающую красоту своей госпожи, описав состояние, которое он ощутил, вознесенный любовью к пределам мироздания:

...Я понял, что прилив каких-то сил
Меня возносит, надо мной подъемля;
Он новым зреньем взор мой озарил,
Таким, что выдержать могло бы око,
Какой бы яркий пламень ни светил.
И свет предстал мне в образе потока,
Струистый блеск, волшебною весной
Вдоль берегов расцвеченный широко.

Сначала Эмпирей предстает перед его взором, как огненная река, вспыхивающая бесчисленными искрами, по берегам которой растут огненные цветы, подобные рубинам. Но, привыкнув к сиянию, он видит небесных духов, двигателей космоса, носителей первоначальных идей. Цветы претворяются в праведников. Созерцая огненный круг с престолов Небесной Розы, души блаженных разделены: половину лепестков Розы занимают иудей, которые верили в мессию. Свободных мест мало во второй половине, отведенной для христиан; там Данте видит пустующий трон, ожидающий Генриха VII.

А где, в отличие от других сидений,
Лежит венец, твой привлекая глаз,
Там, раньше, чем ты вступишь в эти сени,
Воссядет дух державного средь вас
Арриго, что, Италию спасая,
Придет на помощь в слишком ранний час.

Данте должен расстаться со своей прекрасной водительницей. Последние слова, которые произносит Беатриче в Небесной Розе — снова не о небесном, а о земном. Они превращаются в последнюю инвективу, предрекающую падение нечестивых пап в ту темную область, где находится Симон Маг.

И вот Беатриче исчезает, подобно тому как исчез в Земном Раю при ее появлении Вергилий, но улыбка Беатриче доносится к Данте, как волна света. Она садится рядом с Рахилью и Евой у подножья престола богородицы. Данте не остается один, рядом с ним по просьбе Беатриче встает святой Бернард Клервосский, третий и последний вожатый поэта, духовный покровитель ордена тамплиеров. В Эмпирее пространство становится «искривленным», сферическим, все материальное — светом, исчезает понятие «верхних» и «нижних» сфер. В Небесной Розе лунные пределы являются не только «нижними», но и крайними; в центре вселенной — три огненных круга, неиссякаемая сила космоса, изначальный Амор — «любовь, движущая солнце и остальные светила». Весь мир в представлении Данте управляется этическим началом, гармонизирующим вселенную. Бездны космоса подчинены единому закону. Случайное превращается в необходимое, свобода воли сливается с предопределением. Золотая цепь неоплатоников соединяет земное и небесное.

Данте говорит, что он начал свое восхождение в тот миг, когда впервые предстала во Флоренции его взору та, которую «многие называли Беатриче, еще не зная, кого они так называют». В

двенадцатой главе «Новой Жизни» Данте является во сне Амур и произносит непонятные слова: «Я подобен центру круга, по отношению к которому равно отстоят все точки окружности, ты же нет». В последней песне «Рая» Данте, поэт и геометр, ставит себя в центр круга, в центр мироздания, чтобы уразуметь архитеконику вселенной, которая вместе с тем и архитектоника его поэмы.

В творении, созданном силою непревзойденной фантазии, отразилась также страшная историческая реальность XIII — начала XIV веков. Для грядущих времен Данте открыл новые бездны и новые выси человеческого духа, ищущего правды и справедливости.

Основные даты жизни и творчества Данте

1265, вторая половина мая — Во Флоренции у гвельфа Алигьеро Алигьери и госпожи Белы родился сын Данте.

1277, 9 февраля — Обручение Данте с Джеммой Донати.

Ок. 1283 — Умирает старый Алигьери, и Данте остается старшим в семье, состоящей из мачехи, единокровных сестер и брата.

1285—1287 — Учится в Болонском университете; начало дружбы с Чино да Пистойя.

1289, 11 июня — Данте участвует в сражении на Кампальдино, закончившемся победой флорентийцев, предводительствуемых Аймериком де Нарбонном, над войском аретинцев.

август — Осаждает замок Капрону близ Пизы, присутствует при капитуляции гарнизона крепости.

1290, 8 июня — Смерть Беатриче Портинари, в замужестве деи Барди, возлюбленной поэта.

1291 — Написана «Новая Жизнь».

1291—1292 — Женитьба на Джемме Донати.

1294, март — Данте в составе почетного рыцарского эскорта флорентийцев сопровождает от Сьены до Флоренции номинального короля Венгрии Карла Мартелла.

1295, 1 ноября — 30 апреля 1296 — Заседает в Особом совещании при Капитане народа. Избирается одним из старейшин своей части города — Сан Пьер Маджоре.

1296, май — сентябрь — Входит в Совет ста, ведающий финансовыми делами Флорентийской республики.

1297 — Член совета подеста.

1298—1299 — Продолжает заниматься политической деятельностью (архив флорентийской коммуны за эти годы утерян, данных о занимаемых Данте должностях нет).

90-е годы — Рождение сыновей Якопо и Пьетро, дочери Антонии.

1300, 15 июня — 15 августа — Избран одним из семи приоров Флоренции. Этот приорат явился, по словам Данте, началом всех его бедствий.

1301, июль — Направляется послом от белых гвельфов в Рим, к папе Бонифацию VIII.

декабрь — Тайно возвращается во Флоренцию, находящуюся с ноября во власти черных гвельфов.

1302, начало января — Навсегда покидает родной город.

27 января — Обнародован обвинительный акт против Данте. Бывший приор Алигьери обвиняется в хищении денег коммуны, организации сопротивления папе и Карлу Валуа, внесении разлада в партию гвельфов.

Январь — осень — Живет в горных замках графов Гвиди.

10 марта — Новое решение суда черных гвельфов: если Данте вернется во Флоренцию, «то пусть его жгут огнем, пока не умрет».

8 июня — В Сан Годенцо вместе с 16 другими представителями белых подписывает договор о помощи между изгнанными из Флоренции белыми гвельфами и феодальной семьей Убальдини. Участвует в гражданской войне (Первая Муджелан-ская война) между черными гвельфами с одной стороны, белыми гвельфами и гибеллинами с другой.

Осень — Живет в Форли и секретарствует у Скарпетты дельи Орделаффи.

1303, начало — Уезжает из Тосканы для переговоров с гибеллинским правителем Вероны Бартоломео делла Скала о помощи белым гвельфам.

1303—1304 — Живет в Вероне, пишет трактаты «Пир» и «О народном красноречии».

1304, 7 марта — Смерть «великого ломбардца» Бартоломео делла Скала, покровительствовавшего Данте.

1305—1306, лето — Странствует по городам и замкам северной Италии, (Тренто, Тревизо, Венеция, Реджо, Виченца, Падуя, Парма, Мантуя).

1306, лето — 1308 — Живет в Луниджане в замках маркизов Маласпина.

6 октября — По уполномочию семейства Маласпина заключает мирный договор с епископом и графом Луни Антониом Камуллой. Продолжает работать над «Народным красноречием», создает цикл стихов о Каменной Даме.

1308—1310 — Живет в Париже, преподает, слушает лекции в Сорбонне.

1310, 23 октября — Начало итальянского похода Генриха VII.

1311, январь — Данте приезжает в Милан на коронационные торжества. Обращается с посланием «К правителям и народам Италии».

31 марта — Гневное послание Данте к соотечественникам.

апрель — Посещает в Пизе дом флорентийского изгнанника Петрарки, где его видит семилетний Франческо, будущий знаменитый поэт Возрождения.

18 апреля — Призывает Генриха VII направиться в Тоскану.

апрель — май — Составляет три письма императрице Маргарите от имени графини Баттифолле.

1312 — Заканчивает политический трактат «Монархия».

1313, 24 августа — Внезапная кончина Генриха VII в местечке Буонконвенто.

сентябрь — Уединяется в горном монастыре бенедиктинцев Санта Кроче а Фонте Авелано, где пишет первую часть «Комедии».

1314, июнь — Обращается с письмом к итальянским кардиналам.

октябрь — ноябрь — Покидает монастырь.

1315 — Живет в Лукке, оканчивает «Ад». В письме «к флорентийскому другу» отказывается от возвращения на родину на условиях декрета об амнистии изгнанникам.

1316, начало — 1317, конец — Живет в Вероне у Кан Гранде делла Скала; пишет «Чистилище».

1317 — Появление полных рукописных списков «Ада».

1318 — Поселяется в Равенне, в доме, подаренном правителем города Гвидо да Полента. Дописывает последние песни «Чистилища».

1319—1321 — Работает над последней частью «Комедии» — «Раем»; обменивается стихотворными посланиями на латинском языке с болонским профессором Джованни дель Вирджилио.

1321, лето — Данте отправляется в Венецию послом Гвидо да Полента для предотвращения войны между Светлейшей республикой и Равенной.

осень — По возвращении из посольства заболевает лихорадкой.

14 сентября, в ночь — Данте скончался.

Примечания

[1] Дальнейшая судьба дома Данте не известна. Из упоминания его в актах раздела имущества между членами семьи после смерти поэта можно заключить, что он либо не был разрушен полностью, либо был восстановлен родственниками, оставшимися в городе.

[2] Перевод Е. Солоновича.

[3] См. следующую главу.

[4] Перевод И. Голенищева-Кутузова. Переводы текстов Данте, принадлежащие автору настоящей книги, далее в примечаниях не отмечаются. Стихи из «Божественной Комедии» цитируются в переводе М. Лозинского.

[5] Мы пишем на итальянский манер — баллата, чтобы читатель не путал эту форму стиха XIII века с жанром баллады романтиков.

[6] Латинской.

[7] Переписка Данте с Форезе в переводе Е. Солоновича.

[8] Пиценские поля — Данте применил (не совсем точно) римское название для обозначения поля около Пистойи.

[9] То есть окровавятся («зардеют») виски у белых и их союзников, а не у Данте, больше не участвующего в борьбе.

[10] Лилии — герб французского короля Аланье — Ананье.

[11] Перевод Е. Солоновича.

[12] Ни одного более позднего свидетельства о почерке и рукописях великого поэта не сохранилось, как не сохранилось ни одной строки его автографов.

[13] «Пир». Перевод прозы А. Габричевского.

[14] Перевод баллады Е. Солоновича.

[15] «О народном красноречии». Перевод Ф. Петровского.

[16] Письма Данте переведены с латинского Е. Солоновичем и И. Голенищевым-Кутузовым.

[17] Сонеты из переписки Данте и Чино переведены Е. Солоновичем.

[18] *Intellectus possibills*.

[19] Перевод «Монархии» В. Зубова.

[20] *De falso credita st ementita Constantini Donatione Declamatlo*, изд. впервые в 1518 г.; см. русский перевод в книге «Итальянские гуманисты XV в. о церкви и религии». М., 1963.

[21] Эклоги Данте и Джованни дель Вирджилио переведены Ф. Петровским.

[22] Перевд Ф.А. Петровского.

Илья Голенищев-Кутузов

Данте Серия: Жизнь замечательных людей – 443

Издательство: Молодая гвардия, 1967 г.

Твердый переплет, 288 стр.

Тираж: 65000 экз.

Формат: 84x108/32 Жизнь замечательных людей

OCR: Vitmaier